

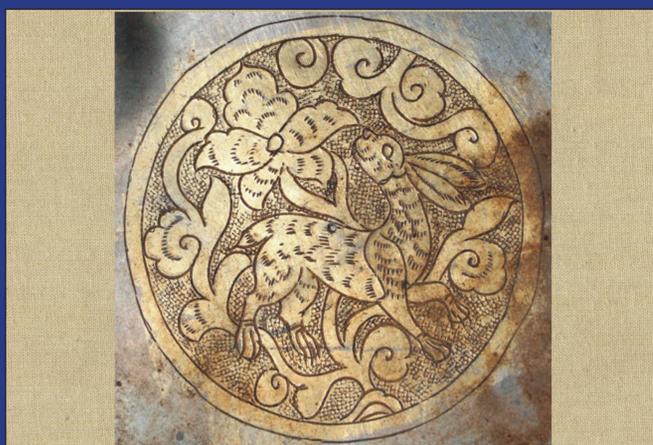

2 (49)

2020

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (49)
2020**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академ. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., академ. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет;
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС 77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2020

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (49)
2020**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Чечушков И.В., Молчанова В.В., Епимахов А.В. Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики	5
Виноградов Н.Б. Миф о путешествии души и погребальные памятники синташтинского и петровского типа бронзового века в Южном Зауралье	20
Чикунова И.Ю. Случайная находка литейной формы эпохи поздней бронзы на р. Пышме	29
Серегин Н.Н., Матренин С.С., Идэрхангай Т.-О. Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай): возможности культурно-хронологической интерпретации	38
Хайруллина О.Ф., Черных Е.М. Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье	52
Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., Рафикова Т.Н. Саровский комплекс с озера Сингуль	67
Татауров С.Ф. Табак и трубки в городе Таре в XVII–XIX вв.	77
Турова Н.П. Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6).....	83

Антропология

Куфтерин В.В., Воробьева С.Л. Травматические повреждения на черепках из Ново-Сасыкульского могильника	98
Веселовская Е.В., Галеев Р.М. Антропологическая реконструкция внешнего облика «царя» и «царицы» раннескифского погребально-поминального комплекса Аржан-2	112

Этнология

Бауло А.В., Голубкова О.В. Легенда о Тан-варп-эвге	123
Хасанова З.Ф. Нагрудник в современной жизни башкирских женщин: к проблеме сохранения традиций	135
Авдашкин А.А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска)	147
Степанова О.Б. Североселькупские совхозы как инструмент социальной политики государства.....	157
Голикова С.В. Памятник вогулу Степану Чумпину в контексте российской дореволюционной мемориальной среды	166

Рецензии

Глебова Е.В. Рецензия на каталог «Ульчи» из собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова	173
Агапов М.Г. Советский опыт освоения Арктики в зеркале современных проблем. Рецензия. <i>Зубков К.И., Карлов В.П.</i> Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.	180
Информация для авторов	186
Список сокращений	189

На передней стороне обложки: детский нагрудник «яга», начало XX в., д. Умбетаево Белорецкого р-на Башкортостана (фото З.Ф. Хасановой); серебряная чаша из Ломбовожа (ляпинские манси, Березовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа).

Contents

Archaeology

Chechushkov I.V., Molchanova V.V., Epimakhov A.V. The absolute chronology of the Late Bronze Age settlements Kammenyi Ambar and Ust'ye I in the Southern Trans-Urals and its Bayesian analysis.....	5
Vinogradov N.B. The myth of the journey of the soul and Bronze Age funerary sites of the Sintashta and Petrovka type in the Southern Trans-Urals	20
Chikunova I.Yu. Accidental find of the Late Bronze Age casting mould on the Pyshma River.....	29
Seregin N.N., Matrenin S.S., Iderkhangai T.-O. Cave burial of Urd Ulaan Uneet (Mongolian Altai): potential of cultural-chronological interpretation.....	38
Khairullina O.F., Chernykh E.M. Burials with arrowheads in graves of the Mazunino Culture in the Middle Kama Region	52
Tkachev A.A., Tkachev A.I., Rafikova T.N. The Sarov complex on the Singul Lake	67
Tataurov S.F. Tobacco and pipes in the city of Tara in the 17 th –19 th centuries	77
Turova N.P. Pottery from the Vak-Kur cemetery of the Yudina Culture (based on materials from excavations 3–6).....	83

Anthropology

Kufterin V.V., Vorobyeva S.L. Traumatic injuries on the crania from the Novo-Sasykul cemetery	98
Veselovskaya E.V., Galeev R.M. Anthropological reconstruction of the physical appearance of the «king» and «queen» from the early Scythian burial and memorial complex of Arzhan-2	112

Ethnology

Baulo A.V., Golubkova O.V. The legend of Tan-varp-ekva	123
Khasanova Z.F. The chest decoration in modern life of Bashkir women: on the problem of preserving traditions.....	135
Avdashkin A.A. «Chinese» market in the space of a Russian city (the case of Chelyabinsk)	147
Stepanova O.B. North Selkup state farms as a state social policy instrument	157
Golikova S.V. Monument to the Mansi Stepan Chumpin in the context of the Russian pre-revolutionary memorial environment.....	166

Reviews

Glebova E.V. Review of the catalog «Ulchi» from the collection of the Khabarovsk Regional Museum n.a. N.I. Grodekov	173
Agapov M.G. Soviet experience of development of the Soviet Arctic in view of modern problems. Review of Zubkov K.I., Karpov V.P. Development of the Russian Arctic: Soviet experience in the context of current national strategy (on the example of the Ural Far North and Western Siberia). Moscow: Political encyclopedia, 2019. 367 p.	180
Memo to the authors	186
Abbreviations	189

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-1>

И.В. Чечушков^a, В.В. Молчанова^a, А.В. Епимахов^b

^a Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108

^b Южно-Уральский государственный университет
просп. Ленина, 76, Челябинск, 454080

E-mail: chivpost@gmail.com;

vlarech@inbox.ru;

epimakhovav@susu.ru

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА КАМЕННЫЙ АМБАР И УСТЬЕ I В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ: ВОЗМОЖНОСТИ БАЙЕСОВСКОЙ СТАТИСТИКИ

Статья посвящена анализу серий радиоуглеродных дат поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в южных районах Челябинской области. Анализ некалиброванных измерений методами разведочного анализа данных позволил выявить основные группы дат и установить статистические «выбросы». Учет фактов стратиграфии позволяет применить байесовскую статистику для реконструкции внутренней хронологии, вычисления длительности эпизодов существования поселений и их сравнения друг с другом. Байесовские модели продемонстрировали, что Каменный Амбар мог функционировать около 50 лет, а Устье I — около 100 лет. Краткосрочность существования и многочисленные перестройки могут объясняться необходимостью регулярного переселения всего коллектива обитателей поселка из-за истощения местных природных ресурсов.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, радиоуглеродное датирование, байесовский анализ.

Введение

Абсолютная хронология позднего бронзового века Южного Зауралья надежно базируется на значительной серии радиоуглеродных дат, полученных AMS ¹⁴C-методом. Прделанная к настоящему времени работа позволила уточнить выводы, сделанные исходя из стратиграфических наблюдений и типологического анализа, а также установить хронологию эпохальных событий. Так, продемонстрировано, что суммированные даты синташтинских комплексов укладываются в период длительностью около 200 лет (3920–3700 кал.л.н.¹ при 68,2 %), следующих за ними петровских — 140 лет (3830–3690 кал.л.н. при 68,2 %), а срубно-алакульских — 550 лет (3850–3400 кал.л.н. при 68,2 %) [Епимахов, 2007; Молодин и др., 2014]. Однако очевидно, что применяемый подход, хотя и создает требуемое представление об абсолютной хронологии, имеет существенные ограничения. В их числе — невозможность интегрирования стратиграфической информации, ограничивающей калиброванные интервалы. В результате получаются максимально широкие датировки и создается парадоксальная ситуация пересечения интервалов хронологически последовательных явлений. Кроме того, в силу ориентации на датирование археологических культур уделяется мало внимания истории конкретных памятников.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что до сих пор решалась задача датирования археологических культур методом суммирования вероятностных интервалов (метод предназначен для определения единообразия выборки, а не длительности интервалов), в то время как методы байесовской статистики для анализа совокупностей радиоуглеродных дат в полной мере не применялись. Накопление серий дат, полученных из замкнутых археологических контекстов в уверенно определяемой стратиграфической позиции, позво-

¹ От 1950 г. н.э. Использование радиоуглеродного летоисчисления вместо привычного отсчета лет от 0 года Григорианского календаря обусловлено необходимостью унификации лабораторных и калиброванных значений и сложным соотношением между радиоуглеродными и календарными годами, так как конвенционный период полураспада изотопа углерода 14 составляет 5730 ± 40 лет (см.: [Malainey, 2011, p. 102–104]). По сути, радиоуглеродная хронология представляет собой вероятностные гипотезы, и калибровка значений не уравнивает эти гипотезы с календарной хронологией. Отсчет радиоуглеродных лет от 0 года н.э. может создавать неверное впечатление о датировке событий.

ляет перейти к установлению новых фактов из истории отдельных памятников и формулированию гипотез для их объяснения.

Цель данной работы заключается в анализе серии радиоуглеродных дат, полученных на материалах поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I, расположенных на юге Челябинской области в пределах степной зоны Зауралья пенеппена. Хорошая археологическая изученность памятников неразрушающими методами и раскопками значительных площадей позволила установить основные факты их стратиграфии и истории функционирования [Krause, Koryakova, 2013, 2020; Виноградов, 2013]. Кроме того, в обоих случаях произведен базовый анализ радиоуглеродных дат и выделены основные хронологические вехи [Erimakhov, Krause, 2013; Епимахов, 2013]. Учет фактов стратиграфии при дальнейшем анализе, включая стратиграфию отдельных объектов [Rühl et al., 2016], позволяет применить байесовскую статистику для реконструкции внутренней хронологии, вычисления длительности эпизодов существования поселений и их сравнения друг с другом.

Задачи настоящего исследования сформулированы в виде следующих вопросов:

1. Синхронны ли ранние этапы функционирования обоих поселений, ассоциирующиеся с керамикой синташтинского и петровского типов?
2. Какова была длительность ранних этапов на каждом памятнике?
3. Каковы хронологические границы между ранними и поздними этапами для каждого поселения?
4. Синхронны ли поздние этапы функционирования обоих поселений, ассоциирующиеся с керамикой срубно-алакульского облика?

Методы исследования

Изучение выборки радиоуглеродных дат начинается с анализа относительных стратиграфических позиций образцов, соотношений ошибочных интервалов априорных (некалиброванных и немоделированных) измерений и изучения кривых распределения суммированных интервалов для определения «выбросов» и отдельных групп. В результате выявляются группы измерений с пересекающимися и непересекающимися интервалами и устанавливается, есть ли стратиграфические или естественные объяснения данным наблюдениям. Это является наиболее важным методическим условием, позволяющим принять решение об основаниях формирования выборки для моделирования: исходные допущения о хронологии памятников, формирующие варианты организации кода программы моделирования [Шнеевайс и др., 2018]. Это включает в себя определение количества фаз в моделях, определение их последовательности, устранение или выделение в отдельные фазы «выбросов», а также использование запросов для определения модельной продолжительности тех или иных промежутков. На основании принятого решения осуществляется байесовское моделирование калиброванных дат и строятся возможные варианты хронологии каждого из изучаемых памятников (см., напр.: [Kennett et al., 2011; Raczyk, Siklósi, 2013; Wicks et al., 2014]).

Теорема, лежащая в основе применяемого аналитического метода, была разработана в XVIII в. математиком Т. Байесом и заключается в том, что вероятность события может быть уточнена с учетом другого, связанного события [Buck et al., 1996]. Байесовское статистическое моделирование радиоуглеродных дат внедрено в качестве инструмента в программу калибровки OxCal и состоит в том, что хронологическая модель строится с учетом информации о стратиграфическом контексте каждого из включенных радиоуглеродных измерений [Bronk Ramsey, 1998, p. 461]. Это позволяет ограничить распределение вероятностного интервала каждой радиоуглеродной даты вдоль калибровочной кривой, с одной стороны сужая датировку изучаемых событий, а с другой — компенсирова всплески самой кривой в результате сокращения «шлейфов». Кроме того, этот подход позволяет выявлять даты, лежащие за пределами статистически достоверных групп калиброванных дат («выбросы»). Примером является взаимное ограничение интервалов ошибок калиброванных интервалов для дат, происходящих из стратиграфически последовательных и изолированных слоев [Banning, 2002, p. 126]. Именно этот подход применен в данной работе, так как изучаемые памятники снабжены надежной стратиграфической информацией.

Вся совокупность радиоуглеродных дат по каждому памятнику проанализирована с точки зрения стратиграфического соотношения образцов и определены «выбросы», т.е. крайние измерения, лежащие за пределами интервала в две сигмы от основной группы дат. При определении выбросов мы исходим из того, что набор средних значений каждой из дат может быть

принят как любой другой числовой ряд, следовательно, к нему могут быть применены методы разведочного анализа данных [Drennan, 2009]. Затем организованные в хронологическом порядке даты введены в программу OxCal 4.3.2. Программы моделирования состоят из последовательного набора запросов, определяющих, каким именно образом будет рассчитываться апостериорное распределение вероятности каждой из внесенных дат. В общем виде программы выглядят следующим образом: каждая открывается командой «*Sequence*» (последовательность, определяющая, что измерения датируют последовательные события, что является допущением), указывающей, что все датируемые события организованы по порядку. Внутри размещены запросы «*Boundary*» (граница), открывающие и закрывающие каждую из стратиграфически определенных фаз, что является археологически заданным допущением о последовательностях. Эта команда позволяет ограничить калиброванные интервалы, попадающие в поле значений соседствующей фазы, и рассчитать продолжительность фаз путем датирования событий в начале и в конце каждой фазы на основании всей совокупности дат в пределах границ. Внутри запросов «*Boundary*» в хронологическом порядке размещены команды калибровки радиоуглеродных измерений («*R_Date*»), при этом в некоторых случаях они сгруппированы командой «*Phase*» (фаза), указывающей, что порядок событий неизвестен, следовательно, калиброванные интервалы не зависят один от другого. Каждый из этапов и программ целиком заканчивается запросами «*Sum*» (суммированный интервал), «*Span*» (продолжительность), «*Difference*» (разница между параметрами), позволяющим рассчитать длительность того или иного смоделированного отрезка.

Следует подчеркнуть, что результаты байесовского моделирования радиоуглеродных дат не являются истиной в последней инстанции: это наблюдения о закономерностях распределения калиброванных измерений в связи с археологической информацией, позволяющие формулировать гипотезы о хронологии изучаемых объектов. Это связано со следующими причинами. Во-первых, калибровочная шкала регулярно обновляется, и иногда в нее вносятся существенные поправки на отдельных участках [Reimer et al., 2013]. Во-вторых, любая статистика напрямую зависит от качества и размера выборки: если выборка сформирована неслучайным образом и не отражает изучаемого явления, результат моделирования всегда будет тем или иным образом искажен [Drennan, 2009, p. 88]. В-третьих, фактологические наблюдения на памятниках археологии отчасти являются интерпретацией, не застрахованной от ошибки (например, могут существовать неучтенные факты обратной стратиграфии или слои могут быть выделены ошибочно). В-четвертых, всегда существует проблема «артефакта алгоритма», заключающаяся в том, что, несмотря на использование данных измерений, их достоверность может быть невелика в силу третьей причины [Шнеевайс и др., 2018, с. 806]. Тем не менее сформулированные по известным основаниям гипотезы могут быть подвергнуты дальнейшей проверке, подтверждены или опровергнуты.

Объекты исследования

Следует сказать, что на объектах исследования — поселениях Каменный Амбар и Устье I стратиграфический анализ выявил два хронологических этапа. На первом этапе население проживало в смежных домах-полуземлянках в пределах обводных стен и рвов. На Каменном Амбаре жилища раннего этапа организованы в четыре параллельные линии с двумя улицами. На Устье I жилища организованы также в виде параллельных линий застройки, вероятно, в три ряда с двумя улицами между ними. Очевидно, что не все жилища были заселены постоянно: свидетельства перестроек говорят о изменениях в обитаемой площади, причем в сторону как увеличения — на Устье I, так и сокращения — на Каменном Амбаре. При этом на Устье I на основании соотношения обводных рва и стены с перекрывающими их жилищами автор раскопок выделяет два строительных горизонта (фазы) в пределах раннего этапа: первый, ассоциирующийся с синташтинским типом керамики, и второй — с петровской керамикой [Виноградов, 2013]. На Каменном Амбаре тоже выявлены многочисленные перестройки в течение первого этапа, а также выделены две строительные фазы, впрочем без жесткого соотнесения с керамическими типами [Корякова, Кузьмина, 2017].

На втором этапе диагностируется изменение образа жизни: жители предпочитали селиться в разреженных постройках, а практика сооружения жилищ смежными стенами была оставлена. На Устье I жилища второго этапа расположены вне площадки раннего поселения, примыкая к ней со стороны речной поймы и восточной окраины. На Каменном Амбаре часть построек второго этапа разрушила ранний слой. Это надежно зафиксировано раскопками на всех исследованных участках.

В табл. 1 приведены принятая в этой работе схема относительной хронологии и основные характеристики этапов.

Относительная хронология изучаемых поселений

The relative chronology of the analyzed settlements

	Устье I	Каменный Амбар
Ранний этап 1	Городище, 25–35 жилищ Две строительные фазы Первая фаза: синташтинский тип Вторая фаза: петровский тип	Городище, 30–46 жилищ Две строительные фазы Керамика синташтинского и петровского типов
Поздний этап 2	Селище, 7–10 жилищ Керамика срубно-алакульского типа	Селище, 10–12 жилищ Керамика срубно-алакульского типа

На каждом памятнике получена серия радиоуглеродных дат (табл. 2).

Радиоуглеродные даты поселений Устье I и Каменный Амбар

Radiocarbon measurements from Ust'ye I and Kamennyi Ambar

Лаб. код	Дата	±	Локализация	Материал	Источник
Устье I (n = 5)					
OxA-12563	3571	31	Помещ. 2, колодец	Дерево, уголь	[Епимахов, 2013]
OxA-12562	3488	32	Помещ. 2, пол	Кость, Bos Taurus	[Епимахов, 2013]
OxA-12560	3476	32	Погр. 3	Кость, Homo sapiens	[Епимахов, 2013]
OxA-12561	3454	31	Погр. 8	Кость, Homo sapiens	[Епимахов, 2013]
OxA-12517	3307	29	Погр. 4	Кость, Homo sapiens	[Епимахов, 2013]
Каменный Амбар (n = 47)					
Ki-15508	6020	100	Под обводной стеной	Почва	[Епимахов, 2010]
MAMS-11649	3989	67	Постр. 4, колодец 4/1, верхнее заполнение	Уголь	[Ruhl et al., 2016]
MAMS-11654	3976	53	Постр. 2, колодец 2/8	Почва/дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
Ki-15502	3900	70	Заполнение рва	Почва	[Krause, Koryakova, 2013]
Ki-15503	3820	70	Заполнение рва	Почва	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-28408	3644	31	Постр. 2, колодец 2/1a	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-11657	3643	27	Постр. 5, столб. ямка	Дерево	[Корякова, 2012]
Hd-28458	3636	26	Постр. 2, колодец 2/4	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
HD-28431	3618	31	Постр. 2, колодец 2/1	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-28430	3617	31	Постр. 2, колодец 2/1a	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-22509	3608	24	Заполнение рва, уч. УФ/46	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
MAMS-11651	3601	38	Постр. 2, колодец 2/7 (в публикации [Krause, Koryakova, 2013] ошибочно указан колодец 3/1)	Уголь	[Krause, Koryakova, 2013]
HD-28432	3594	31	Постр. 2, колодец 2/1	Дерево, внешнее кольцо 5	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-15087	3592	30	Постр. 5, колодец 5/1	Растение	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-11660	3577	21	Постр. 2, колодец 2/9	Дерево, внешнее кольцо 1	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-29289	3572	23	Постр. 4, колодец 4/1	Уголь	[Епимахов, 2010]
MAMS-19904	3570	30	Постр. 5, колодец 5/9	Растение	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-15084	3564	23	Постр. 4, колодец 4/1, верхнее заполнение	Уголь	[Ruhl et al., 2016]
MAMS-19903	3561	27	Постр. 5, колодец 5/9	Дерево	[Корякова, Кузьмина, 2017]
Hd-28457	3559	26	Постр. 2, колодец 2/4	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-21412	3559	23	Постр. 5, колодец 5/4	Уголь	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-15083	3558	28	Постр. 6, колодец 6/1, нижнее заполнение	Обугл. семена растений	[Ruhl et al., 2016]
MAMS-11652	3550	24	Постр. 7, колодец 7/1	Уголь	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-11661	3548	25	Постр. 2, колодец 2/4	Дерево (сосновая шишка)	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-29226	3547	25	Постр. 5	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
MAMS-11656	3540	27	Постр. 2, колодец 2/9	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-11659	3539	22	Постр. 2, колодец 2/9	Дерево, внешнее кольцо 1	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-15085	3537	22	Постр. 4, колодец 4/1, нижнее заполнение	Уголь	[Ruhl et al., 2016]
MAMS-11655	3531	24	Постр. 3, колодец 3/1	Уголь	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-29227	3530	20	Постр. 5, пол	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
MAMS-11658	3526	24	Постр. 5, колодец 5/2	Уголь из пробы	[Корякова, 2012]
Hd-29292	3520	24	Постр. 4, пол	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
MAMS-19907	3518	26	Постр. 5, колодец 5/7	Растение	[Корякова, Кузьмина, 2017]
Hd-29249	3515	30	Постр. 5, заполнение	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
MAMS-19403	3514	21	Постр. 5	Уголь	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-21414	3511	24	Постр. 5	Уголь	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-27518	3505	29	Постр. 5, колодец 5/10	Растение	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-19908	3502	32	Постр. 5, колодец 5/7	Растение	[Корякова, Кузьмина, 2017]
Hd-29412	3482	45	Постр. 6, колодец 6/1	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
MAMS-11653	3471	25	Постр. 2, колодец 2/5	Уголь	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-22510	3466	25	Заполнение рва, уч. P/40-41	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
MAMS-15082	3462	22	Постр. 6, колодец 6/1, заполнение	Обугл. семена растений	[Ruhl et al., 2016]
Hd-29225	3442	33	Постр. 6, колодец 6/1	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
MAMS-11650	3433	25	Постр. 6, колодец 6/1	Дерево	[Корякова, 2012]
Hd-29411	3417	23	Постр. 5, пол	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
Hd-29410	3415	25	Постр. 4	Уголь	[Krause, Koryakova, 2020]
UBA-26188	*****3348	36	Постр. 6, колодец 6/1, верхнее заполнение	Обугл. семена растений	[Ruhl et al., 2016]

Очевидно, выявленные различия обусловлены разницей в образе жизни, демографии и традициях домостроения. Помимо образа жизни, изменения диагностируются в облике матери-

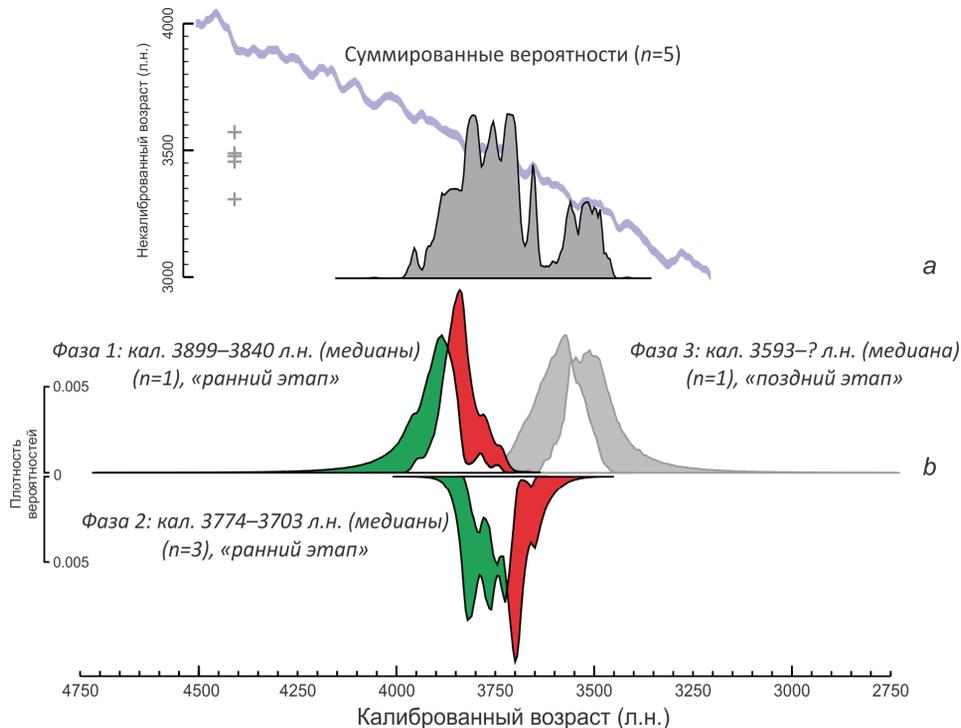
Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I...

альной культуры, в частности в гончарной традиции. Ранний этап ассоциируется с керамической посудой двух основных типов: синташтинского (острореберные горшки с ребром на внутренней стороне венчика) и петровского (горшки с прямой шейкой и с широким воротничком под венчиком), а также с металлическими изделиями раннего этапа Евразийского металлургического очага [Виноградов, Алаева, 2013; Пантелеева, 2013; Дегтярева, Кузьминых, 2013]. Поздний этап стратиграфически ассоциируется с горшками со слегка раздутым туловом, плавной профилировкой, прямой шейкой и венчиком, в литературе часто обозначаемыми термином «срубно-алакульская керамика» [Krause, Koguyakova, 2013, p. 14–17]. На Каменном Амбаре посуда данного облика в целом залегает стратиграфически выше посуды синташтинского и петровского типов [Panteleyeva, 2013, p. 185], а на Устье I горшки этого типа происходят из погребений, совершенных в то время, когда раннее поселение уже лежало в руинах [Виноградов, 2013, с. 111–117].

Результаты исследования

Анализ стратиграфического положения образцов и априорных значений радиоуглеродных дат

Прежде чем перейти к построению байесовских моделей, следует проанализировать исходные выборки радиоуглеродных дат, приведенных в табл. 2. Так, для Устья I получено лишь пять дат в некалиброванном интервале между 3602–3278 л.н. (крайние значения интервалов дат при 68,2 % вероятности), что отображено на рис. 1а, где даты нанесены на некалиброванную хронологическую шкалу, а интервалы суммированы под калибровочной кривой. Все даты снабжены стратиграфическим или типологическим контекстом и исходя из этих фактов могут быть соотнесены друг с другом. Так, наиболее ранняя дата (3571 ± 31 , ОхА-12563) получена по обугленному дереву из колодца на территории помещения 2, из которого также происходят фрагменты сосудов синташтинского типа. Вероятно, дата отражает момент окончания функционирования колодца. На протяжении второй фазы, во время которой возник петровский строительный горизонт, колодец не функционировал, так как был перекрыт новой постройкой.

Рис. 1. Радиоуглеродная хронология поселения Устье I: а — суммированные интервалы; б — результаты байесовского моделирования (трехфазная модель).

Fig. 1. Radiocarbon chronology of Ust'y'e I:
а — summed probabilities; б — results of the Bayesian analysis (the three-phase model).

Следующая по хронологии дата (3488 ± 31 , ОхА-12562) получена по кости КРС из заполнения помещения 2, относимого автором раскопок ко второму строительному горизонту раннего

этапа. Хотя культурный слой поселения сильно потревожен распашкой и стратиграфическое положение данного образца относительно первого окончательно не ясно, на разный возраст датированных событий указывает отсутствие пересечения ошибочных интервалов. Следующая по возрасту дата (3476 ± 32 , ОхА-12560) определена по кости ребенка из погребения 3 и статистически не отличается от предыдущей. Погребенному сопутствовал сосуд петровского облика. В погребении 8, из которого происходит образец ОхА-12561 (3454 ± 31), были захоронены двое детей в сопровождении сосудов петровского типа, причем со значительным временным промежутком: второй погребенный и сопровождающий сосуд перекрыты останками и разрушенным горшком первого. Дата была получена по второму индивиду, т.е. относится к более позднему времени. Установить относительную хронологическую позицию погребений 3 и 8 невозможно, поскольку оба соотносятся с жилищами второй строительной фазы, а их ошибочные интервалы пересекаются друг с другом. Хронологически последняя в серии дата (3307 ± 29 , ОхА-12517) была определена по кости человека из погребения 4 с двумя сосудами срубно-алакульского типа. Измерение демонстрирует статистически достоверное отличие от предшествующей даты, а нахождение погребения в культурном слое поселения позволяет предполагать более позднюю стратиграфическую позицию относительно погребений 3 и 8, а также в целом второй фазы раннего этапа.

Анализ некалиброванных значений радиоуглеродных дат с поселения Устье I позволяет сделать следующее заключение. Наиболее ранняя и поздняя даты демонстрируют статистически достоверные различия ($\pm 1\sigma$) с ближайшими к ним значениями. Две даты, происходящие из погребальных контекстов с керамикой петровского типа, статистически идентичны, и к ним же примыкает дата без выраженного контекста. Таким образом, измеренные значения распадаются на три группы: раннюю, среднюю и позднюю. Ранняя и средняя группа соотносятся с синташтинским и петровским строительными горизонтами, а поздняя — со срубно-алакульским этапом.

На Каменном Амбаре было отобрано 47 органических образцов, происходящих из различных контекстов (колодцы, полы жилищ, материал из-под обводной стены). Большинство образцов было получено из древесины, древесного угля, обугленных семян или других органических материалов. Кроме того, образцы отобраны из стратиграфически различных объектов, что уже учитывалось в анализе радиоуглеродных дат [Rühl et al., 2016; Корякова, Кузьмина, 2017].

Наиболее ранняя дата имеет возраст 6020 ± 100 л.н. (Ki-15508) и маркирует горизонт почвообразования за 2500 лет до строительства обводной стены, поэтому она исключена из дальнейшего анализа.

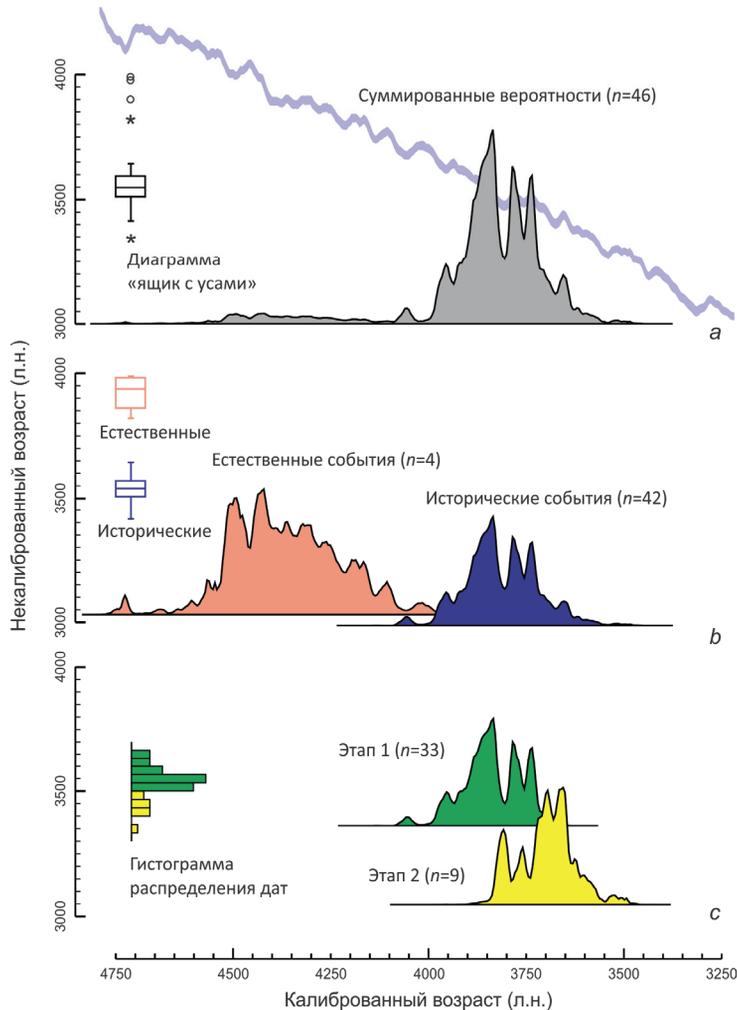
Некалиброванные радиоуглеродные значения дат из культурного слоя лежат в интервале 4056–3312 л.н. (верхняя и нижняя граница интервала 68,2 % крайних дат в выборке). Организованные в хронологическом порядке, они явным образом распадаются на две группы, отстоящие друг от друга: 42 даты попадают в статистически значимую выборку (только самое позднее значение входит в категорию близких выбросов), а четыре значения — далекие ранние «выбросы» (диаграмма «ящик с усами» на рис. 2а). Разница в радиоуглеродном возрасте между последней датой первой группы и начальной датой второй группы составляет 176 лет. Калибровка и суммирование значений подтверждают это наблюдение, поскольку результирующая кривая имеет длинный плоский шлейф справа и плотно сгруппированные пики слева (рис. 2а).

В первой группе ($n = 4$) среднее арифметическое возраста составляет 3921 ± 46 л.н., а средняя разница в возрасте между последовательно организованными датами — 56 ± 28 лет (68,2 %). В этой группе два измерения были сделаны по материалу из обводного рва (3900 ± 70 , Ki-15502; 3820 ± 70 , Ki-15503), а два других по органическому материалу из заполнения колодцев 4/1 и 6/1, куда мог попасть более ранний материал (3989 ± 67 , MAMS-11649; 3976 ± 53 , MAMS-11654) (рис. 2б, «Естественные события»). Во второй группе ($n = 42$) среднее арифметическое возраста дат составляет 3534 ± 10 л.н. (68,2 %), а средняя разница между последовательно организованными датами — 7 ± 2 года (68,2 %), т.е. даты второй группы имеют меньший хронологический разброс и значительно моложе по возрасту. В то же время во второй группе даты определены по дереву, углю и семенам растений (рис. 2б, «Исторические события»). Данные наблюдения подтверждают вывод, что четыре измерения первой группы представляют собой статистические выбросы, не связанные с человеческой деятельностью.

Наиболее ранняя дата в этой серии — Nd-28408 (3644 ± 31), полученная по дереву из колодца, однако в данном случае речь может идти о резервуарном эффекте с неизвестным коэффициентом. Поскольку в конструкции обсадки в обводненной части колодца были использованы плахи, то эффект «старого дерева» также не исключен.

Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I...

Чрезвычайный интерес представляет следующая дата, MAMS-11657, полученная по дереву из столбовой ямки в жилище 5. Эта дата имеет радиоуглеродный возраст 3643 ± 27 лет, что значительно раньше всех остальных дат из этого жилища. Вероятно, ранний возраст может быть объяснен эффектом «старого дерева»², а образец диагностирует наиболее раннюю возможную дату начала сооружения жилища 5 и, возможно, всего поселения. Это заключение подтверждается более поздним возрастом образца из заполнения рва (3608 ± 24 , MAMS-22509), явно связанным с процессом начала формирования органических накоплений во рву.

Рис. 2. Радиоуглеродная хронология поселения Каменный Амбар:

a — диаграмма «ящик с усами» и суммированный интервал радиоуглеродных дат; *b* — суммированные интервалы дат естественных и исторических событий; *c* — суммированные интервалы этапа 1 и этапа 2.

Fig. 2. Radiocarbon chronology of Kamennyi Ambar:

a — diagram «box-and-whiskers» and a summed interval of radiocarbon dates; *b* — summed intervals of dates of natural and historical events; *c* — summed intervals of Period 1 and Period 2.

Из оставшихся 40 дат 30 получено по материалам из колодцев. При этом, как продемонстрировано в работе Rühl et al. [2016], даты из колодцев не обязательно соотносятся с их вертикальным положением, поэтому во всех возможных случаях следует ориентироваться на придонные образцы.

Среди колодцев этапа 1 существования городища авторами раскопок выделены две фазы, отличающиеся друг от друга характером заполнения. Колодцы 2/2, 2/4, 4/1(?), 5/1, 5/2, 5/9 и 5/4 отнесены к ранней фазе на основании того, что они были целенаправленно засыпаны глиной,

² Сохранность образца не позволяет утверждать, что были проанализированы внешние кольца, т.е. нет уверенности, что мы имеем дело с датой порубки, а не этапом роста дерева.

полученной при строительстве новых колодцев. Эти последующие колодцы 2/1, 2/1а, 2/5, 2/7, 2/8, 2/9, 7/1, 5/7 и 5/10, также относящиеся к раннему этапу существования поселения, отличаются многослойным органическим заполнением, образовавшимся в процессе их руинизации и утилизации органического мусора в их шахтах (?). Наконец, к третьей группе относятся колодцы второго этапа существования поселения, ассоциирующегося со срубно-алакульской керамикой (3/1 и 6/1), однако диапазон даты колодца 3/1 соотносится с диапазоном дат более ранних колодцев (3531 ± 24 , MAMS-11655). С учетом того что поздняя постройка 3 явно разрушила предшествующие жилища, не исключено попадание раннего угля в заполнение в ходе эксплуатации или утилизации. Большинство дат колодца 6/1 лежат значительно позже дат всех колодцев предшествующего этапа, за исключением даты MAMS-15083 (3558 ± 28), полученной по семени растения с самого его дна [Rühl et al., 2016]. Самая поздняя дата UBA-26188 (3348 ± 36) получена по семени из верхнего горизонта заполнения, является статистическим выбросом (рис. 2а); вероятно, она маркирует полное окончание жизни на поселении.

Еще десять дат получены по образцам, происходящим из культурного слоя. Строго говоря, их стратиграфическая позиция во всех случаях менее ясна, поскольку полы строительных фаз не отделены друг от друга стерильными прослойками, а представляют собой сложный палимпсест. Так, раскопками установлено, что постройки 2, 4, 5 и 7 относятся к первому этапу, а постройки 3 и 6 — ко второму этапу. Однако дата образца с пола жилища 4 (3415 ± 25 , Hd-29410) пересекается с интервалами дат построек позднего этапа. Таким образом, несмотря на то что постройка 4 по стратиграфии отнесена к раннему этапу, изученный образец вполне может быть поздним заносом. В то же время постройка 6 отнесена к позднему этапу и большинство дат из колодца 6/1 этой постройки согласуются с данным стратиграфическим наблюдением.

Для проверки, существует ли статистически достоверное различие между датами, сгруппированными в два этапа, можно обратиться к гистограмме распределения дат на рис. 2с. Она демонстрирует наличие пика слева, согласующегося с этапом 1, и плато с небольшим пиком справа, образованным датами этапа 2. Для проверки этого наблюдения рассчитаны их средние арифметические и произведена калибровка полученных значений. В результате среднее арифметическое некалиброванных дат раннего этапа составляет 3559 ± 7 (68,2 %), а среднее дат позднего этапа — 3433 ± 15 (68,2 %). Очевидно, что значения статистически различны и их ошибочные интервалы не пересекаются ($t = 7,7$, $p < 0,005$). Калибровка первого значения по кривой IntCal13 демонстрирует влияние «плато» и «всплесков» на калибровочной кривой между 3800 и 3725 л.н., создающее широкий интервал в пределах 3880–3780 кал.л.н. (95,4 %), в то время как медиана соответствует 3856 кал.л.н. Калиброванный интервал второго значения соответствует 3813–3636 кал.л.н. (95,4 %), а медианное значение — 3673 кал.л.н. Данный анализ указывает на реальную разницу между двумя выборками, согласующуюся со стратиграфическими наблюдениями.

Таким образом, анализ исходных значений радиоуглеродных дат с поселения Каменный Амбар позволяет сделать следующее заключение. Во-первых, ряд наиболее ранних дат представляют собой статистические выбросы и датируют естественные события до существования поселения (6020–3644 л.н.). Во-вторых, измерения, соотносящиеся с жизнью поселения, могут быть подразделены на ранний и поздний этапы, а в раннем на основании стратиграфии колодцев выделены две фазы. В-третьих, многие даты из колодцев датируют не время их строительства, а процесс их заполнения в процессе функционирования и руинизации: так, в некоторых случаях даты, что логично, удревняются сверху вниз (например, колодец 5/9), но в некоторых случаях очень старые даты находятся значительно выше более молодых, говоря о заполнении колодца более древним материалом (например, колодец 4/1 [Rühl et al., 2016, p. 191]). Поэтому при моделировании будут учитываться даты с пересекающимися интервалами ошибок (что говорит об их одновременности или о несущественном различии в возрасте), а не соответствующие этому критерию будут считаться статистическими выбросами.

Калибровка значений и байесовские модели радиоуглеродной хронологии

Калибровка радиоуглеродных дат и байесовский анализ были осуществлены в среде программы OxCal v.4.3.2 [Bronk Ramsey, 2009] с использованием калибровочной атмосферной кривой IntCal13 для северного полушария [Reimer et al., 2013].

Для Устья I двухфазная модель функционирования поселения в пределах обводных стен (фаза 1) и после оставления городища (фаза 2) вступает в противоречие с калиброванным значением самой ранней из дат: коэффициент согласия модельного интервала с калиброванным составляет $A_{\text{мод}} = 53,9$ %. По этой причине выбор был сделан в пользу трехфазной модели, кото-

рая также оправданна стратиграфически: смена фаз характеризуется значительными перестройками, включая засыпку рва и перенос стены начальной фазы, в связи с чем можно предполагать хронологический разрыв между событиями, маркированными первой датой и тремя последующими. Модель позволяет сделать следующие наблюдения (рис. 1b).

В соответствии со значениями медиан границ (команда «*Boundary*») фаза 1 датируется 3899–3840 кал.л.н.³. Далее, модель демонстрирует хронологическую лагуну между первой и второй фазами продолжительностью в 50 радиоуглеродных лет по медиане, или от 0 до 80 лет при вероятности 68,2 % (команда «*Difference*»). Проверить, существовала ли эта лагуна, в течение которой никаких событий не происходило, можно только путем значительного увеличения выборки радиоуглеродных дат, однако с точки зрения стратиграфии это вполне реалистично. Если предполагать, что материал из заполнения колодца первой фазы датирует момент начала его руинизации, а погребения детей представляли собой строительные жертвы, то предложенной моделью сценарий вполне оправдан. Однако вполне вероятно и то, что выборка недостаточно репрезентативна и не отражает непрерывности, которая могла существовать в реальности.

Медианные значения границ располагают фазу 2 между 3774 и 3703 кал.л.н., а общая ее продолжительность составляет от 0 до 42 лет (68,2 %) (команда «*Span*»). В модели принято во внимание то, что интервалы ошибок радиоуглеродных дат пересекаются, а также то, что три датированных события произошли позже события первой фазы и раньше события третьей хронологической фазы (рис. 1b). В результате смоделированные вероятностные интервалы второй фазы смещены ближе друг к другу. Одним из положительных эффектов явилось то, что таким образом сгладилось влияние «плато» на калибровочной кривой, относящееся к периоду 3710–3680 кал.л.н. и существенно расширяющее немоделированные калиброванные интервалы.

Фаза 3 начинается не позже чем 3593 кал.л.н., однако основная функция этой границы в модели сводится к ограничению вероятностного интервала фазы 2, так как в оценке ее продолжительности можно лишь говорить о длительности в весь ошибочный интервал и более⁴.

Таким образом, общая продолжительность существования Устья I на первом этапе составляет 197 радиоуглеродных лет (медиана), однако, с учетом возможной хронологической лагуны между фазой 1 и фазой 2, истинная продолжительность, вероятно, не превосходила 105 лет (95,4 %). Повторим, что, поскольку для первой фазы существует лишь одна дата, ее истинная длительность могла быть как длиннее, так и короче.

Большая серия дат и надежная стратиграфия Каменного Амбара позволяют производить аналитические операции с данными, чтобы получить более детальную модель, в частности инкорпорировать стратиграфическую информацию, выявлять и отсеивать статистические выбросы и использовать один и тот же тип объектов для моделирования всей последовательности. В этой связи для Каменного Амбара были реализованы две различные модели: 1) трехфазная общая модель; 2) трехфазная специальная модель на образцах из колодцев.

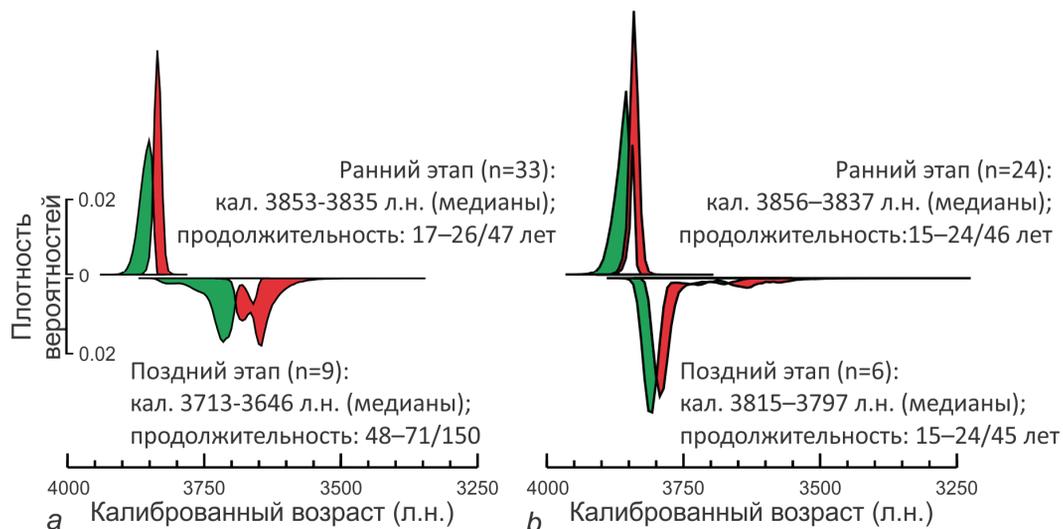
Трехфазная общая модель (рис. 3a) построена с использованием всех доступных дат ($n = 46$), при этом первую фазу изначально составляли только наиболее ранние, датирующие естественные события, даты ($n = 4$). Данная версия модели продемонстрировала, что даты из археологических контекстов со значением старше 3616 л.н., помещенные во вторую фазу, имеют низкие коэффициенты согласия с остальными датами этапа 1 (от 8,2 до 38,5 % при пороге в $A'c = 60$ %). Поэтому в окончательной версии модели первая фаза содержит все даты старше 3635 л.н. ($n = 7$), а вторая — младше 3636 л.н. ($n = 30$). Это обусловлено тем, что даты с возрастом 3618–3617 л.н. (HD-28431 и HD-28430) имеют среднеквадратическое отклонение в 31 радиоуглеродный год и могут относиться к наиболее ранним датам археологического периода. Наконец, третья фаза объединяет образцы, связанные с этапом существования селища ($n = 9$). Согласно модели, события до начала существования поселения (фаза 1 модели) по медианам границ датируются периодом 4481–3902 кал.л.н. Этот период иллюстрирует историю места до начала застройки.

Медианная дата начала функционирования соотносится с 3856 кал.л.н., а окончания — 3650 кал.л.н., что соответствует 206 радиоуглеродным годам. Общая модельная (команда «*Span*») продолжительность функционирования поселения составляет 23–253 радиоуглеродных года (95,4 %).

³ Отметим, что определение времени начала интервала менее надежно, чем времени его окончания, так как отсутствуют образцы, которые бы датировали естественные события до сооружения колодца. Однако, даже опираясь на одну дату, можно утверждать, что события имели продолжительность длительностью в интервал или более.

⁴ От окончания фазы 2 и как минимум до предела ошибочного интервала даты или более.

Первый этап существования поселения (фаза 2 модели) датируется 3856–3835 кал.л.н. по медианам границ и имеет продолжительность от 26 (68,2 %) до 47 лет (95,4 %). Второй этап (фаза 3) соответствует 3716–3650 кал. л.н. по медианам при продолжительности от 71 (68,2 %) до 150 (95,4%) лет. Кроме того, между смоделированными интервалами может существовать лакуна продолжительностью от 3 до 87 лет (95,4 и 68,2 % соответственно).

Рис. 3. Результаты байесовского моделирования хронологии поселения Каменный Амбар: *a* — границы археологических этапов согласно общей трехфазной модели; *b* — границы археологических этапов трехфазной специальной модели.

Fig. 3. Results of Bayesian analysis of the Kamennyi Ambar's chronology:

a — the periods' boundaries in accordance with the general three-phase model; *b* — the periods' boundaries in accordance with the three-phase special model.

Трехфазная специальная модель (рис. 3*b*) построена исключительно на датах по колодцам ($n = 31$), не учитывает выбросы и даты, полученные по материалам из культурного слоя, за исключением образца дерева из столбовой ямки в жилище 5, который маркирует начало этапа 1. Кроме того, некоторые даты в выборке явно отличаются по возрасту от основного ряда (три закрывающие даты фазы 1 и две открывающие фазы 2), диагностируя попадание в колодцы ранних материалов в процессе строительства либо маркируя процесс заполнения. Таким образом было присвоено значение «выброс» с вероятностью, увеличивающейся в зависимости от степени отстояния даты от основного ряда. На основании стратиграфических наблюдений в модель введены две субфазы для раннего этапа, разделяющие колодцы, забутованные глиной и заполнившиеся естественным путем, и третья фаза позднего этапа поселения.

Модель продемонстрировала следующее. Первый этап датируется 3856–3837 кал.л.н. по медианам или 3866–3828 кал.л.н. при 68,2 %. Модельная продолжительность составляет от 24 до 46 лет, что не отличается от заключения первой модели. Субфазы в пределах первого этапа, диагностированные авторами раскопок по типу заполнения, смоделированы как 3861–3841 кал.л.н. и 3850–3833 кал.л.н. (68,2 %). Пересечение интервалов указывает на то, что между событиями двух фаз практически не было перерыва и перестройки колодцев были осуществлены течение какого-то сравнительно короткого времени приблизительно в середине первого этапа.

Второй этап соответствует 3815–3797 кал.л.н. по медианам, или 3831–3778 кал.л.н. при 68,2 %, т.е. продолжался от 25 (68,2 %) до 106 (95,4 %) лет. Немаловажно, что модель, построенная по образцам из колодцев, продемонстрировала несколько более раннюю хронологическую позицию этапа, что связано с маркировкой в модели дат-выбросов. В результате лакуна между этапами также сократилась до 22 лет по медианам.

Таким образом, общая продолжительность первого этапа существования Каменного Амбара может быть оценена в промежутке от 15 до 26 (при максимуме в 47) радиоуглеродных лет, а второго — от 13 до 48 (при максимуме в 150)⁵.

⁵ Естественно, речь идет о выводах на базе имеющейся выборки, которая особенно для поздней части может лишь частично отражать реальную историю жизни поселения.

Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I...

Другими словами, смоделированная последовательность и ее проверка разными методами позволяют заключить, что в пределах обводной стены поселение существовало приблизительно 50 лет. Для позднего этапа заключение менее надежно, но все же можно предполагать, что его длительность была от 50 до 100 лет.

Вполне очевидно, что модели продемонстрировали малую изменчивость границ раннего этапа, однако касательно начала позднего этапа результаты существенно различаются: специальная модель сместила его начало ближе к окончанию раннего этапа, в то время как общая модель продемонстрировала наличие хронологического разрыва. Это может быть объяснено попаданием в заполнения колодцев более раннего материала из предшествующего культурного слоя, что и сдвинуло границу его начала. Исходя из стратиграфии полагаем, что между этапами все же должен был существовать определенный хронологический разрыв, в течение которого городище не функционировало и произошла смена традиций домостроения.

Сводные результаты моделирования приведены в табл. 3 и на рис. 4.

Таблица 3

Сводные результаты моделирования

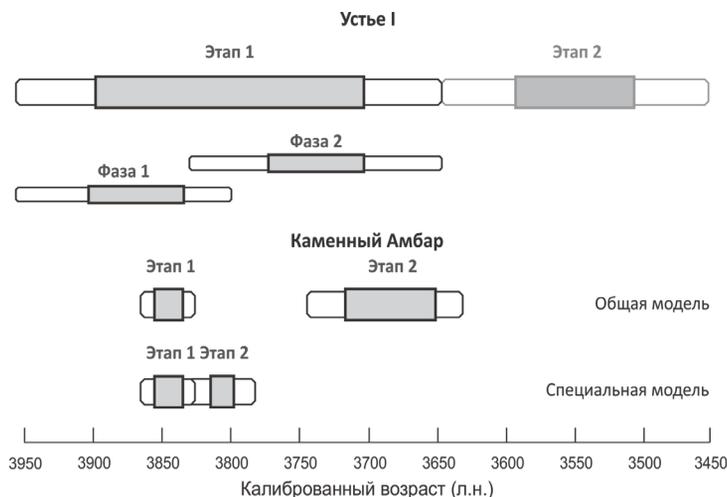
Table 3

The results of the modeling

	n	Границы раннего этапа *			Границы позднего этапа			Продолжительность раннего этапа **			Продолжительность позднего этапа		
		m	68.2 %	95.4 %	m	68.2 %	95.4 %	m	68.2 %	95.4 %	m	68.2 %	95.4 %
Устье I	5	3899–3703	3957–3647	4084–3607	3593–3507	3647–3453	3714–3319	25	47	105	—	—	—
Каменный Амбар, общая модель	44	3856–3835	3866–3828	3882–3819	3716–3650	3744–3630	3817–3585	17	0–26	0–47	48	0–71	0–150
Каменный Амбар, специальная модель	31	3856–3837	3866–3828	3881–3820	3815–3797	3831–3778	3845–3635	15	0–24	0–46	13	0–25	0–106

* Результаты действия запроса «Boundary» в OxCal.

** Результаты действия запроса «Span» в OxCal.

Рис. 4. Сводные результаты моделирования хронологии поселений Каменный Амбар и Устье I: области серой заливки представляют собой этапы, согласно медианам границ; области без заливки включают период от начала интервала 68,2 % открывающей границы до окончания интервала 68,2 % закрывающей границы.

Fig. 4. Chronology of Kamennyi Ambar and Ust'ye I: areas of gray fill represent the length of the period as suggested by the boundaries' medians; non-filled areas include the period from the upper limit of the 68,2 % interval of the opening boundary to the lower limit of the 68,2 % interval of the closing boundary.

Обсуждение результатов

Прежде чем попытаться ответить на сформулированные во введении вопросы, следует отметить, что даже несмотря на малую выборку радиоуглеродных дат для Устья I и противоречия между датами Каменного Амбара моделирование позволяет произвести их сравнение, сделать выводы и выдвинуть объясняющие гипотезы.

В целом модели для Каменного Амбара продемонстрировали большую компактность (рис. 3), в то время как смоделированные интервалы для поселения Устье I значительно шире (рис. 1b). Ос-

новая выявленная сложность заключается в том, что на Устье I ранняя фаза представлена только одной датой, в результате чего модель показывает вероятность существования разрыва между первой и второй фазами, чего нет на Каменном Амбаре. Немаловажно также, что эта дата (3571 ± 31 BP) хорошо соотносится с датами раннего этапа Каменного Амбара. Однако модель удревает начальный этап на Устье I в результате калибровки даты по всей кривой без сужения интервала, в то время как модели для Каменного Амбара омолаживают и сужают калиброванные интервалы. В результате первые фазы существования не синхронизированы, и на Каменном Амбаре она начинается в момент ее окончания на Устье I. Вторая группа дат с Устья I, хотя и относится к ранней фазе существования поселения, синхронизируется с третьей фазой (поздний этап) Каменного Амбара, а представленная также одной датой заключительная фаза датируется значительно позже. К сожалению, пока нельзя сказать, является ли это результатом малой выборки и ее нерепрезентативности, «артефактом алгоритма» или отражает исторические процессы, однако возможно предложить гипотезу, которая объясняет данные результаты.

Отвечая на вопросы, поставленные выше, следует сказать, что наиболее ранний этап, ассоциированный с керамикой синташтинского типа, мог начаться на Устье I примерно на полстолетия раньше, около 3957–3899 кал.л.н., однако данные не позволяют утверждать, было ли это поселение заселено около 3866–3856 кал.л.н., когда начал функционировать Каменный Амбар, так как между первой и второй фазами на Устье I могла существовать лагуна⁶. Что касается длительности, то на Каменном Амбаре она составляет не более полувека (47 лет при 95,4 %), а Устье I могло с перерывами функционировать около столетия (105 лет при 95,4 %).

Второй этап существования Устья I начинается около 3647–3593 кал.л.н. На Каменном Амбаре поздней этап начинается не позже 3744–3716 кал.л.н., а заканчивается предположительно 3817–3716 кал.л.н. (медианы). Разница в датировках может быть объяснена как низкой репрезентативностью выборки для Устья I, так и истинным положением дел. С одной стороны, единственная дата с Устья I в действительности не отражает хронологии существования селища Устье II–IV, относящихся к позднему этапу. С другой стороны, жилища этих памятников значительно отличаются от жилищ начального этапа своим расположением и разреженной архитектурой, что косвенно свидетельствует о временном разрыве между этапами. Поскольку раскопки продемонстрировали практически полную перестройку и замусоривание поселения Устье I, то вполне можно допустить, что оно было оставлено, а площадка обжита заново лишь спустя какое-то время.

Выводы

Проведенный нами анализ демонстрирует познавательные возможности байесовского моделирования в применении даже к незначительным сериям радиоуглеродных дат, что уже было показано и в других работах [Raczky, Siklósi, 2013; Wicks et al., 2014]. Так, модели позволили выдвинуть предположение о длительности существования городищ позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I, которая не превосходила 50 лет для первого из них и около 100 — для второго. Кроме того, вероятно, что Каменный Амбар начал функционировать позже Устья I, которое на этот момент было оставлено обитателями. Эта гипотеза дает возможность совершенно по-новому взглянуть на социальную историю позднего бронзового века и перейти к формулировке антропологических моделей. Так, одним из объяснений краткосрочности существования, отсутствия полной синхронизации, а также зафиксированных многочисленных перестроек может служить необходимость регулярного переселения всего коллектива поселка в связи с истощением местных природных ресурсов. Снявшись с места, группа переселялась, вероятно, неподалеку, однако спустя какое-то время возвращалась в исходную местность. При этом регулярность смен, скорее всего, варьировалась в зависимости от размера коллектива и экологических условий, доступности ресурсов. В результате могли сформироваться иррегулярные циклы оттока и притока населения на каждом поселении, связанные с неравномерностью естественного восстановления угодий или использованием других локаций.

В заключение отметим, что, хотя сформулированная модель представляется нам логичной, она основана на гипотезах о хронологии, требующих дальнейшей проверки и анализа, главным образом за счет увеличения размера и репрезентативности выборки для Устья I. Такая проверка поможет установить, когда поселение начало функционировать и существовал ли хронологический разрыв между первой и второй фазами раннего этапа.

---

⁶ Что, однако, следует проверять дополнительными измерениями.

Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I...

Финансирование. Работа осуществлена при финансовой поддержке Российского научного фонда по гранту № 16-18-10332-П «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)» (И.В. Чечушков, В.В. Молчанова). И.В. Чечушков: калибровка радиоуглеродных дат, составление программ, анализ результатов моделирования, текст статьи; В.В. Молчанова: отбор дат, описание контекста; А.В. Епимахов: отбор дат, анализ контекста, текст статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Виноградов Н.Б.* (отв. ред). Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
- Виноградов Н.Б., Алаева И.П.* Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 143–178.
- Десярева А.Д., Кузьминых С.В.*, Металлопроизводство синташтинского и петровского населения Южного Зауралья по материалам укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 216–253.
- Епимахов А.В.* Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 402–421.
- Епимахов А.В.* Результаты радиоуглеродного датирования материалов укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 388–392.
- Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шаропова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенеева Н.А., Чечушков И.В.* Археологические исследования укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 64–74.
- Корякова Л.Н., Кузьмина С.А.* Некоторые особенности архитектуры укрепленного поселения Каменный Амбар в контексте образа жизни населения Южного Зауралья начала II тыс. до н.э. // УИВ. 2017. № 1. С. 92–102.
- Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е.* Колодцы укрепленного поселения Каменный Амбар // УИВ. 2019. № 1. С. 17–26.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История. Филология. 2014. № 3. С. 136–167.
- Шнеевайс Й., Беккер Ф., Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Святко С.В.* Радиоуглеродная хронология процесса заселения памятника Чича и байесовская статистика для оценки прерывистого перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (Западная Сибирь) // Геология и геофизика. 2018. № 6. С. 792–813.
- Banning E.B.* The Archaeologist's Laboratory. The Analysis of Archaeological Data. Kluwer Academic Publishers, 2002. 336 p.
- Bronk Ramsey C.* Probability and Dating // Radiocarbon. 1998. № 1. P. 461–474.
- Bronk Ramsey C.* Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. 2009. № 1. P. 337–360.
- Bronk Ramsey C.* Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. // Radiocarbon. 2017. 59 (6). P. 1809–1833.
- Buck C., Cavanagh W., Litton C.* Bayesian Approach to Interpreting Archaeological Data. Chichester: John Wiley & Sons, 1996. 377 p.
- Drennan R.D.* Statistics for Archaeologists. A Commonsense Approach. Second Edition. N. Y.: Springer, 2009. 327 p.
- Epimakhov A.V., Krause R.* Relative and Absolute Chronology of the Settlement Kamennyi Ambar // Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 129–148.
- Krause R., Koryakova L.N.* (Eds.). Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 361 p.
- Krause R., Koryakova L.N.* (Eds.). Culture, Environment and Economy of the Bronze Age in the Karagaily-Ayat microregion (South Urals, Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2020. In press.
- Kennett D.J., Culleton B.J., Voorhies B., Southon J.R.* Bayesian analysis of high-precision AMS 14 C dates from a prehistoric Mexican shellmound // Radiocarbon. 2011. № 53. P. 245–259.
- Malainey M.E.* A consumer's guide to archaeological science: Analytical techniques. N. Y.: Springer Science & Business Media, 2011. 624 p.
- Panteleyeva S.E.* Ceramics of the Kamennyi Ambar Settlement (Distribution Analysis) // Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Habelt, 2013. P. 171–186.
- Raczky P., Siklósi Z.* Reconsideration of the Copper Age chronology of the eastern Carpathian Basin: A Bayesian approach // Antiquity. 2013. № 87. P. 555–573.
- Reimer P., Bard E., Bayliss A., Beck J., Blackwell P., Ramsey C., Buck C., Cheng H., Edwards R., Friedrich M.* IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. № 4. P. 1869–1887.
- Rühl L., Koryakova L.N., Krause R., Stobbe A.* Wells of the Fortified Bronze Age Settlement Kamennyi Ambar (Chelyabinsk Oblast, Russia) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. С. 187–192.

Wicks K., Pirie A., Mithen S. Settlement patterns in the late Mesolithic of western Scotland: The implications of Bayesian analysis of radiocarbon dates and inter-site technological comparisons // *Journal of Archaeol. Science*. 2014. № 41. P. 406–422.

Архивные материалы

Епимахов А.В. *Бронзовый век Южного Урала: (Экономические и социальные аспекты): Дис. ... д-ра ист. наук.* Екатеринбург, 2010 // Архив ИИА УрО РАН.

Корякова Л.Н. *Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) в 2009 г.* Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2012 // Архив ИИА УрО РАН.

I.V. Chechushkov^a, V.V. Molchanova^a, A.V. Epimakhov^b

^aInstitute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation

^bSouth Ural State University
prosp. Lenina, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

E-mail: chivpost@gmail.com;

vlarech@inbox.ru;

epimakhovav@susu.ru

The absolute chronology of the Late Bronze Age settlements Kamennyi Ambar and Ust'ye I in the Southern Trans-Urals and its Bayesian analysis

In this paper, we examine the series of AMS radiocarbon measurements ($N = 52$) obtained from the Late Bronze Age settlements of Kamennyi Ambar and Ust'ye I in the Southern Trans-Urals, Russia. The exploratory data analysis applied to uncalibrated dates allows for the batches and outliers isolation. Furthermore, based on the facts of stratigraphy and application of the Bayesian statistics, we reconstruct the chronology, estimate spans of habitation, and discuss issues of the existing samples. As the first step of the analysis, we consider archaeological contexts of the measurements and statistically identify apparent outliers. Despite the small sample size, the dataset from Ust'ye I obtained in the way that allows to date stratigraphically isolated construction/utilization episodes and thus are highly reliable. At least five measurements from Kamennyi Ambar date the natural events before the settlement construction and serve as upper limits in models. On the second stage of the analysis, the Bayesian models of the sites' chronology constructed with OxCal 4.3. For Ust'ye I, we designed a three-phase model that allows to date two early habitational phases during which the walls and ditches were built around the settlement. The third phase defines the lower limit of the previous period, as this phase consists of a single radiocarbon measurement. The model suggests the existence of the gap between the two earliest stages, associated with the Sintashta and Petrovka ceramic types. While the sample size is small, this hypothesis agrees well with the site's stratigraphy, as the settlement was re-modeled entirely at least once. We designed two models for Kamennyi Ambar. The first model includes all available data and consists of three phases: 1) natural events before the settlement construction; 2) the early «walled» phase; 3) the late «unwalled» phase. The second model incorporates data on the wells' stratigraphy and uses only measurements from the wells. The models almost the same for the early habitational phase, but the modeled chronology of the late phase differs drastically, as the wells-based model condenses the phase and pushes it earlier. Further, the models suggest that Kamennyi Ambar existed only for about 50 years, and Ust'ye I for nearly 100 years. The habitational phases within the same periods are partially desynchronized, and possible gaps in the habitation suggested by the models. One possible explanation of the short-term habitation spans and differences is that people needed to resettle regularly as resource depletion made the areas inhospitable for the communities of the livestock breeders.

Key words: Late Bronze Age, radiocarbon dating, Bayesian analysis, Southern Trans-Urals.

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 16-18-10332-P «The lifestyle of the population of the South Trans-Urals in the diachronic perspective: from sedentary forms to mobility (based on materials from the Karagayly-Ayat basin)» (I. Chechushkov, V. Molchanova). I. Chechushkov: radiocarbon dates calibration, coding, results analysis, writing; V. Molchanova: dates selection, contexts description; A. Epimakhov: dates selection, contexts analysis, writing.

REFERENCES

- Banning E.B. (2002). *The Archaeologist's Laboratory. The Analysis of Archaeological Data*. Kluwer Academic Publishers.
- Bronk Ramsey C. (1998). Probability and Dating. *Radiocarbon*, 40(1), 461–474.
- Bronk Ramsey C. (2009). Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates. *Radiocarbon*, 51(1), 337–360.
- Bronk Ramsey C. (2017). Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. *Radiocarbon*, 59(6), 1809–1833.
- Buck C.E., Cavanagh W.G., Litton C.D. (1996). *Bayesian Approach to Interpreting Archaeological Data*. Chichester: John Wiley & Sons.

Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I...

Degtyareva A.D., Kuz'minykh S.V. (2013). Metal production of the Sintashta and Petrovka populations of the South Trans-Urals based on the materials of the fortified settlement Ust'ye I. In: N.B. Vinogradov (Ed.). *Drevneye Ust'ye: Ukreplennoye poseleniye bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'ye* (pp. 216–253). Chelyabinsk: Abris. (Rus.).

Drennan R.D. (2009). *Statistics for Archaeologists. A Commonsense Approach*. Second Edition. New York: Springer.

Epimakhov A.V. (2007). The relative and absolute chronology of the Sintashta sites in the light of radiocarbon dates. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, (17), 402–421. (Rus.).

Epimakhov A.V. (2013). Results of the radiocarbon study of the materials from the fortified settlement Ust'ye I. In: N.B. Vinogradov (Ed.). *Drevneye Ust'ye. Ukreplennoye poseleniye bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'ye* (pp. 388–392). Chelyabinsk: Abris. (Rus.).

Epimakhov A.V., Krause R. (2013). Relative and Absolute Chronology of the Settlement Kamennyi Ambar. In: R. Krause, L. Koryakova (Eds.). *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* (pp. 129–148). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH.

Kennett D.J., Culleton B.J., Voorhies B., Southon J.R. (2011). Bayesian analysis of high-precision AMS 14 C dates from a prehistoric Mexican shellmound. *Radiocarbon*, (53), 245–259.

Koryakova L.N., Krause R., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Panteleyeva S.E., Berseneva N.A., Fornasier J., Kaiser E., Molchanov I.V., Chechushkov I.V. (2011). Archaeological studies of the Kamenny Ambar (Oligino) fortified settlement. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 40(4), 61–74.

Koryakova L.N., Kuz'mina S.A. (2017). Certain specifics of Kamenny Ambar fortified settlement Architecture in the context of life style of the south transuralian population of the early 2nd millennium BC. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (1), 92–102. (Rus.).

Koryakova L.N., Panteleyeva S.E. (2019). Wells of Kamenny Ambar fortified settlement. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (1), 17–26. (Rus.).

Krause R., Koryakova L. (2013). *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH.

Krause R., Koryakova L. (2020). *Culture, Environment and Economy of the Bronze Age in the Karagaily-Ayat microregion (South Urals, Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. In press.

Malainey M.E. (2011). *A consumer's guide to archaeological science: Analytical techniques*. New York: Springer Science & Business Media.

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. (2014). Radiocarbon chronology of the South Urals and the South of the Western Siberia cultures (2000–2013-years investigations): Principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*, 13(3), 136–167. (Rus.)

Panteleyeva S.E. (2013). Ceramics of the Kamennyi Ambar Settlement (Distribution Analysis). In: R. Krause, L. Koryakova (Eds.). *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* (pp. 171–186). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH.

Raczky P., Siklósi Z. (2013) Reconsideration of the Copper Age chronology of the eastern Carpathian Basin: A Bayesian approach. *Antiquity*, (87), 555–573.

Reimer P., Bard E., Bayliss A., Beck J., Blackwell P., Ramsey C., Buck C., Cheng H., Edwards R., Friedrich M. (2013). IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, 55(4), 1869–1887.

Rühl L., Koryakova L.N., Krause R., Stobbe A. (2016). Wells of the Fortified Bronze Age Settlement Kamennyi Ambar (Chelyabinsk Oblast, Russia). In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Tiumen', 7–11 noiabria 2016 g.* (pp. 187–192). Tyumen: Tumenskiy universitet.

Schneeweiß J., Becker F., Molodin V.I., Parzinger H., Marchenko Zh.V., Svyatko S.V. Radiocarbon chronology of occupation of the Chicha site and Bayesian statistics for the assessment of a discontinuous transition from Late Bronze to Early Iron Age (West Siberia). *Geologiya i geofizika*, (6), 792–813. (Rus.).

Vinogradov N.B. (2013). *Ancient Ust'ye: Fortified Bronze Age settlement in the South Trans-Urals*. Chelyabinsk: Abris. (Rus.).

Vinogradov N.B., Alaeva I.P. (2013). The ceramic collection from the excavations of the fortified settlement Ust'ye. In: N.B. Vinogradov (Ed.). *Drevneye Ust'ye: Ukreplennoye poseleniye bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'ye* (pp. 143–178). Chelyabinsk: Abris. (Rus.).

Wicks K., Pirie A., Mithen S. (2014). Settlement patterns in the late Mesolithic of western Scotland: The implications of Bayesian analysis of radiocarbon dates and inter-site technological comparisons. *Journal of Archaeological Science*, (41), 406–422.

И.В. Чечушков, <https://orcid.org/0000-0001-5096-2978>

В.В. Молчанова, <https://orcid.org/0000-0002-8060-6525>

А.В. Епимахов, <https://orcid.org/0000-0002-0141-1026>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

Н.Б. Виноградов

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

МИФ О ПУТЕШЕСТВИИ ДУШИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СИНТАШТИНСКОГО И ПЕТРОВСКОГО ТИПА БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

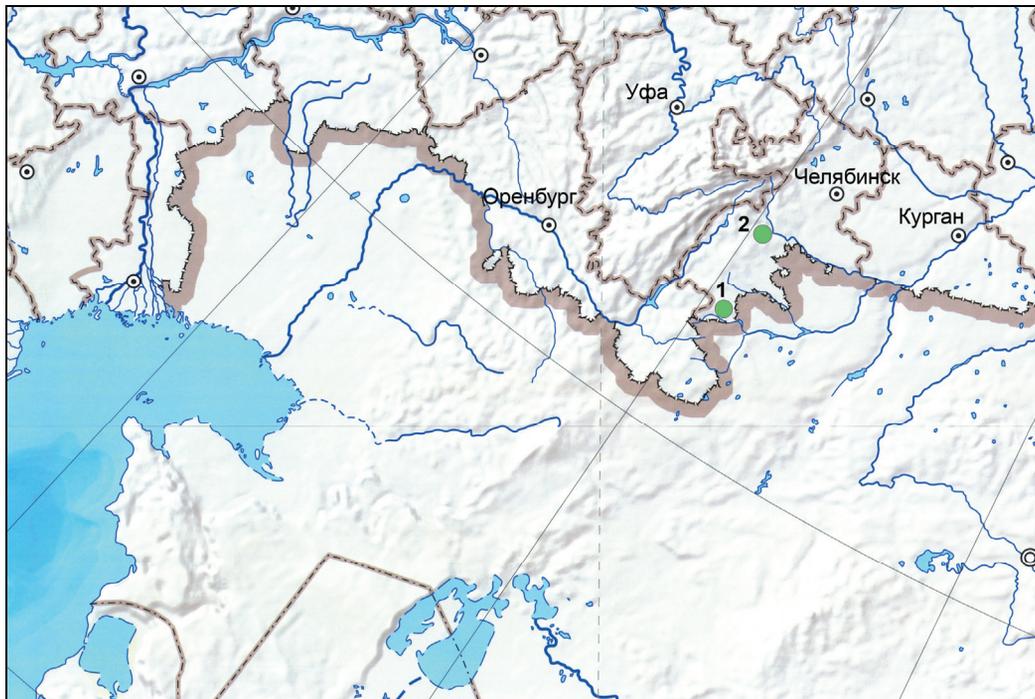
Автор предлагает рассматривать погребальный обряд избранных членов синташтинских и петровских общин (кланов) бронзового века Южного Зауралья как своеобразный символический текст, повествующий о путешествии души в загробный мир на погребальной колеснице ведических богов-близнецов — Ашвинов.

Ключевые слова: бронзовый век, Южное Зауралье, колесница, синташтинские и петровские погребения, путешествие души, Ашвины.

Введение

Вряд ли какой-нибудь серьезный исследователь станет отрицать тот факт, что люди всегда в своих погребальных обрядах переплетали рациональные санитарно-гигиенические действия с мифологическими представлениями, унаследованными от прежних времен. Погребальный обряд — это знаковая система.

Почему я упоминаю эти самоочевидные факты? Потому что они неоднократно игнорировались коллегами. Интерпретация синташтинских и петровских погребений, относящихся к рубежу третьего и второго тысячелетий до нашей эры и последующих столетий, о которых пойдет речь ниже, представляет собой случай подобного явного недопонимания.

Рис. 1. Локализация Синташтинского могильника и могильника Кривое Озеро в Южном Зауралье:

1 — Синташтинский могильник; 2 — могильник Кривое Озеро.

Fig. 1. Localization of the Sintashta burial ground and the Krivoye Ozero burial ground in the Southern Trans-Urals:

1 — Syntashta burial ground; 2 — Krivoye Ozero burial ground.

Миф о путешествии души и погребальные памятники синташтинского и петровского типа...

В распоряжении исследователей и сегодня есть лишь более или менее явные следы установки *колес* в углублениях пола погребальных камер синташтинских и петровских могильников. Однако уже авторы монографии о раскопках эпонимного Синташтинского могильника утверждали, что в погребальную камеру помещались сами колесницы, построенные из тяжелых тесаных досок [Генинг и др., 1992, с. 207–219, рис. 116] (рис. 1). Как и следовало ожидать, критики немедленно возразили им: четверти диаметра колес, помещенных в углубления полов погребальных камер, явно недостаточно для реконструкции колесницы в целом [Littauer, Crouwel, 1996, с. 939] (рис. 2). Тем не менее тезис о том, что синташтинским обществом управляла военная колесничная элита, уже стал стандартной исторической реконструкцией [Ткачев, 2003, с. 85].

Рис. 2. Синташтинский Большой грунтовый могильник (СМ). Одно из колес имитации погребальной колесницы в яме 30 см. Фото Н. Виноградова.

Fig. 2. Syntashta Large Soil burial ground (СМ). One of the wheels of the imitation funeral chariot in the pit 30. Photographer N. Vinogradov.

Абсолютное большинство исследователей и сейчас поддерживает гипотезу о том, что в погребальную камеру здесь помещались именно колесницы, в собранном или разобранном виде, но колесницы. Основным предназначением колесниц, по мнению И.В. Чечушкова, было участие в военных действиях, правда с оговоркой о возможности их использования и в ритуальных действиях [2011, с. 57].

Лишь Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова соглашаются с высказанным мной ранее мнением [Виноградов, 2003, с. 264–265], что, как правило, в могилу помещали *не всю колесницу*, а лишь ось с колесами [Зданович, Куприянова, 2008, с. 193]. Однако, по мнению тех же авторов, целые костяки коней или их макетные выкладки в синташтинских и петровских гробницах Южного Зауралья и Северного Казахстана есть не что иное, как *жертвоприношения*, семантика которых связана с индоевропейским мифом о божественных близнецах.

Обсуждение источников. Дискуссия

Основной причиной моих сомнений первоначально стали параметры реконструируемых коллегами степных колесниц бронзового века Южного Зауралья, в частности ширина колеи, т.е. расстояние между колесами. Опять же коллеги упорно рассматривают расстояние между продольными осями колесных углублений в синташтинских и петровских могилах как ширину колеи реальных колесниц бронзового века.

Возражения были проигнорированы, однако они заслуживают серьезного рассмотрения. В целом они состоят из следующих тезисов:

1. Углубления колес прослеживаются лишь в небольшой части синташтинских или петровских погребений. В Южном Зауралье и Северном Казахстане насчитывается от 20 до 25 таких

могил взрослых людей [Чечушков, Епимахов, 2010, с. 191; Чечушков, 2011, с. 57]. Они не обязательно связаны только с экстраординарными личностями — взрослыми мужчинами — воинами.

2. Почти во всех погребениях — за исключением ямы 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро — какие-либо следы других частей колесницы (ось, кузов, дышло, ярмо и т.д.) отсутствуют.

3. Расстояние между продольными осями колесных углублений скорее было обусловлено шириной деревянной погребальной камеры, а не параметрами реального транспортного средства (рис. 3).

Достаточно заметить, что и сами оппоненты указывают на ширину колеи колесницы из гробницы Тутанхамона (165 см) и ширину колеи колесниц Аньяна (200–210 см) [Чечушков, 2011, с. 61]. Разброс диапазона значений ширины колеи для «колесниц» бронзового века степей Южного Зауралья и Северного Казахстана (по И.В. Чечушкову) — от 95 до 150 см [Там же, с. 60], на наш взгляд, обусловлен не в последнюю очередь именно *размерами конкретных погребальных камер*. В реальности повозки с подобной шириной колеи будут фатально неустойчивы и склонны к опрокидыванию на поворотах при быстром перемещении.

Таковы основные аргументы, позволяющие утверждать, что в углубления в полу синташтинских и петровских гробниц устанавливались (или укладывались) *лишь колеса*.

Рис. 3. Остатки двух колес, вкопанных в пол погребальной камеры ямы 30 Синташтинского Большого грунтового могильника (СМ). Фото Н. Виноградова.

Fig. 3. The remains of two wheels dug into the floor of the burial chamber of pit 30 Syntashta Large soil burial ground (СМ). Photographer N. Vinogradov.

Колесные углубления и отпечатки нижней четверти диаметра колес в обсуждаемом контексте могут быть скорее интерпретированы как свидетельство существования у синташтинского и петровского населения Южного Урала и Северного Казахстана *представлений о мифическом путешествии в загробный мир души некоторых избранных членов рода*. Макетная реализация концепции такого «путешествия» впервые археологически зафиксирована в памятниках ямной культурно-исторической общности на заре бронзового века [Избицер, 1993]. Она получила развитие в эпоху средней бронзы в культурах катакомбного круга, а позднее распространилась среди больших групп степного населения на рубеже средней и ранней поздней бронзы. Причем не только среди обитателей синташтинских и петровских укрепленных поселений в Южном Зауралье и Северном Казахстане, но и среди населения синхронных групп восточноевропейского степного населения. Угасла эта традиция по не вполне понятным причинам уже в позднем бронзовом веке.

Автор, таким образом, полагает, что в синташтинских, петровских и иных восточноевропейских степных культурах, синхронных с ними, по-видимому, преобладала традиция размещения в погребальной камере *именно частей колесницы, особенно колес, а не целых колесниц*. Критика М.А. Литтауэр и Дж.Х. Кроуэлла [Littauer, Crouwel, 1996, p. 939], поддержанная Е.Е. Кузьминой [2000, с. 6], как кажется, была правильна и справедлива.

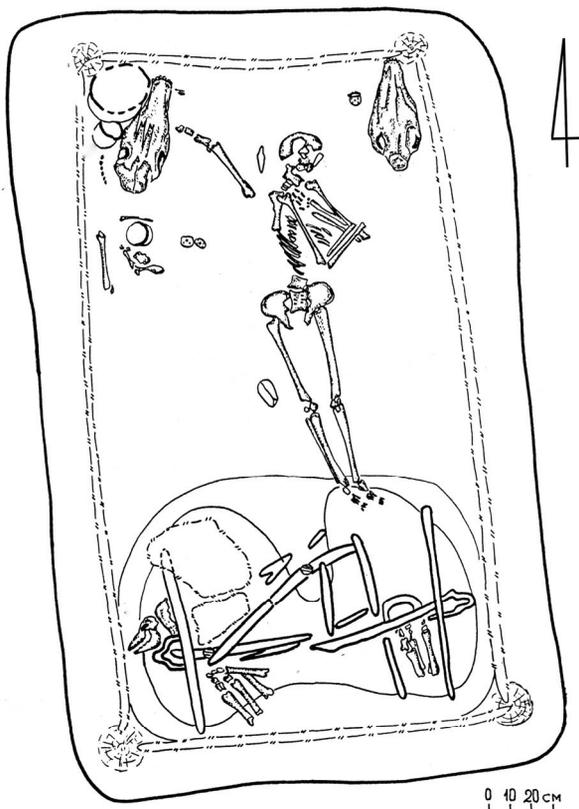

Рис. 4. Могильник Кривое Озеро. Курган 9. Яма 1. Остатки на полу погребальной камеры.
Fig. 4. Krivoye Ozero burial site. Kurgan 9. Pit 1. Remains on the floor of the burial chamber.

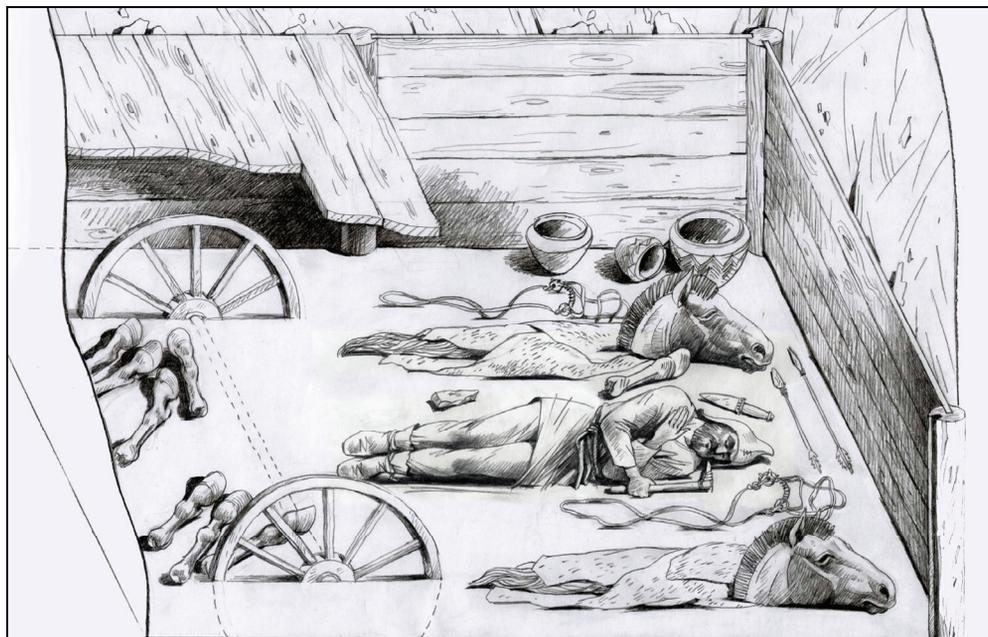

Рис. 5. Могильник Кривое Озеро. Курган 9. Яма 1. Имитация погребальной колесницы. Реконструкция обряда. Художник В. Витлиф. Из фондов ОГБУК «Исторический Музей Южного Урала».
Fig. 5. Krivoye Ozero burial site. Kurgan 9. Pit 1. Imitation of the burial chariot. Reconstruction. Artist V. Wittlif. From the collections of the OGBUK Museum of history of the Southern Urals.

Наводят на размышления и характеристики самих колесных углублений. Так, в полу погребальной камеры ямы 12 «Большого Синташтинского грунтового могильника» (СМ) было обнаружено не менее четырех, возможно, даже пяти колесных углублений. Их можно интерпретировать как углубления для колес [Генинг и др., 1992, с. 162]. Две пары углублений находились в противоположных половинах дна ямы, а пятая — ближе к середине одной из длинных сторон ямы. В этом случае можно говорить о нескольких вариантах решения вопроса. Углубления могли *имитировать четырехколесную телегу*, что было нормой для предыдущих степных культур раннего и среднего бронзового века. Или же это могли быть две двухколесные повозки, колеса которых располагались в противоположных частях ямы. Или же мы видим здесь редкий случай изменения расположения колес в погребальной камере во время погребальной церемонии.

Еще более загадочным является пример, приведенный раскопками могильника Каменный Амбар 5, где в яме 6 кургана 2 на дне камеры было расчищено только *одно* колесное углубление [Костюков и др., 1995, с. 162]. В.И. Стефанов и А.В. Епимахов [2006, с. 271] полагают, что во время погребальной церемонии (Малый курган Синташта III) колесница могла быть помещена в погребальную камеру только *временно* или ее размещение в погребальной камере было лишь *имитацией*.

Выводы

По мысли автора, колесные углубления скорее были частью макетного воспроизведения символа — знака повозки, где «кузовом» служила сама деревянная погребальная камера (рис. 4, 5). Автор полагает, что то, что считается коллегами в синташтинских и петровских могильниках колесницами, по-видимому, должно пониматься скорее как часть макета погребальной «повозки», предназначенной для мифического путешествия души, а не реального транспортного средства.

В контексте размышлений о реальности существования у обитателей синташтинских укрепленных поселений мифологических представлений о путешествии души интересны наблюдения за положением рук взрослых людей, погребенных в синташтинских могильниках. В могильнике Кривое Озеро взрослый мужчина, захороненный в яме 1 кургана 9, в правой руке сжимает деревянную рукоять бронзового тесла, а пальцы его левой руки прижаты к груди [Виноградов, 2003, с. 86]. В ямах 3 и 7 кургана 9 того же могильника руки погребенных были сложены вместе, в то время как у взрослого человека, погребенного в яме 3 кургана 10, пальцы рук, согнутых в локтях, симметрично размещены по обе стороны от лица. Представляет интерес положение рук человека, похороненного в яме 6 кургана 10 могильника Кривое Озеро. Правая рука, согнутая в локте, лежит параллельно туловищу, а левая рука явно намеренно касается лица [Там же, с. 149]. Нечто подобное можно наблюдать и в погребении в яме 13 кургана 10 могильника Кривое Озеро, а также в других синташтинских могильниках.

По мнению автора, разнообразие позиций рук, описанное выше, также косвенно подтверждает вероятность существования мифа о путешествии души в погребальной обрядности синташтинского и петровского населения.

Жертвоприношения животных, хорошо известные из обширной литературы, также могут быть упомянуты в подтверждение гипотезы о том, что синташтинский и петровский погребальные обряды отражают представления о путешествии души умершего в загробный мир. Иногда синташтинские гробницы включают целые отсеки, набитые головами, ногами и шкурами жертвенных животных. Жертвоприношения могли совершаться и на перекрытии гробницы или у края могильной ямы (рис. 6). По мнению Е.Е. Кузьминой, конкретные виды животных предназначались в этом случае в качестве жертв *конкретным* богам [1986, с. 89].

В погребальных обрядах древних народов нет праздных деталей. Каждый элемент обряда имеет свою семантику. Большой вопрос: действительно ли нарочито приостренные шипы костяной пластинки из могильника Каменный Амбар 5 [Епимахов, 2002, с. 42] имитируют роговой псалий? Псалии достаточно известны в синташтинской и петровской погребальной обрядности. Некоторые из них имеют явные признаки длительного износа. Если сосуды с явными следами технологического брака в синташтинских погребениях можно объяснить общими представлениями о «душе вещей» [Виноградов и др., 2017, с. 34, рис. 33] (рис. 7), то обсуждаемая имитация псалиев, возможно, изначально, при изготовлении, предназначалась для сказочно экстремальной ситуации. И этот предмет, видимо, был вплетен в некую конкретику, служил отражением неизвестного мифа, повествующего о путешествии души в мир за гробом.

Рис. 6. Синташтинский большой грунтовый могильник (СМ). Яма 30. Выкладка частей туши одного из двух коней. Фото Н. Виноградова.
Fig. 6. Syntashta Large Soil burial ground (СМ). Pit 30. Laying out parts of the carcass of one of the two horses. Photographer N. Vinogradov.

Рис. 7. Могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 3. Сосуд № 3 со следами повреждения при сушке или обжиге. Фото Н. Виноградова.
Fig. 7. Krivoye Ozero burial site. Kurgan 10. Pit 3. Vessel No. 3 with traces of damage during drying or firing. Photographer N. Vinogradov.

Первой заговорила о проблеме, обсуждаемой здесь, в общих чертах Е.Е. Кузьмина [1986, с. 89]. Традиционное мировоззрение многих древних народов содержит представление о мире, отличном от нашего, куда душа уходит после физической смерти.

Важной среди идей, связанных с этим другим миром, была локализация загробного мира в пространстве. Как правило, это определялось астрономически наблюдаемыми явлениями. В обсуждаемых археологических памятниках ориентировка погребенного головой, вероятнее всего, и указывает на направленность расположения мира загробной жизни. Статистика показывает, что в погребальных обрядах населения синташтинских укрепленных поселений представлены различные стороны горизонта. Вряд ли в пределах индоиранского мира, при отсутствии контролирующих институтов, функционировали единые представления о локализации загробного мира. Е.Е. Кузьмина, в частности, указывает, что «у индийцев “плохой”, опасной стороной считался юг, у иранцев — север» [1986, с. 87]. Предвосхищая возражения критиков, замечу, что в эпонимном Синташтинском могильнике в ориентировке погребенных в гробницах с символическими погребальными повозками более представлен южный сектор небосклона. Однако в целом более распространена ориентировка погребенных именно в северном — северо-западном секторе [Епимахов, 2002, с. 42; Виноградов, 2011, с. 34]. Следует отметить, что в данном контексте речь идет только о захоронениях взрослых людей. Как правило, и погребенные люди, и макетные выкладки коней ориентированы единообразно. В северную сторону, в частности, обращен головой и сам погребенный и головы коней, составляющие часть символической погребальной «колесницы», в известном погребении 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро (рис. 4, 5).

Полагаю, что в этом и подобных случаях именно на севере небесной сферы для устроителей погребальной церемонии располагался легендарный авестийский мост Чинват — ворота в загробную жизнь. В астрономическом аспекте северный сектор неба для средних широт — это прежде всего Полярная звезда, созвездия Большой и Малой Медведицы, нашедшие отражение в ведических гимнах. Туда и направлялась символическая повозка погребальных богов Ашвинов с душами избранных по не вполне понятным критериям членов синташтинского общества, запряженная символической парой лошадей [Parpola, 2015, p. 115–129]. А. Парпола полагает, что именно колесница погребальных богов-близнецов Ашвинов доставляет душу умершего в загробный мир (рис. 8).

Рис. 8. Синташтинский Большой грунтовый могильник. Жертвенник 1. Фото Н. Виноградова.
Fig. 8. Syntashta Large Soil burial ground (CM). The altar 1. Photographer N. Vinogradov.

Очень жаль, что пока нет данных о масти коней Ашвинов. Но, если и случится определить их масть, скорее всего, один из них окажется черным, а другой — белым.

Миф о путешествии души и погребальные памятники синташтинского и петровского типа...

Представления о локализации мира мертвых не были постоянными и изменялись в течение нескольких столетий даже у родственного массива населения — от синташтинского времени до времени классического этапа истории алакульской культуры (керамика с уступчатым плечом, с орнаментацией, разнесенной по двум или трем зонам). Для петровских могильных ям уже доминирует широтная ориентировка, на закат Солнца [Виноградов, 2011, с. 102]. Эти изменения, как кажется, отражают очередную модификацию погребального мифа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: АБРИС, 2011. 175 с.
- Виноградов Н.Б., Десятарева А.Д., Кузьминых С.В., Медведева П.С.* Образы эпохи: Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: АБРИС, 2017. 400 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 407 с.
- Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В.* Парные жертвоприношения лошадей в бронзовом веке в Центральной Евразии: Археология, мифология и ритуал // Происхождение и распространение колесничества. Луганск: Глобус, 2008. С. 188–197.
- Избицер Е.В.* Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 26 с.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 156–207.
- Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 135 с.
- Кузьмина Е.Е.* Кони и колесницы Южного Урала и индоевропейские мифы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск: Ин-т Евразийских исслед.: Ин-т степи УрО РАН, 2000. С. 3–9.
- Стефанов В.И., Епимахов А.В.* Синташтинский III (малый) курган: Некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Научно-технический центр, 2006. Вып. 4. С. 263–272.
- Ткачев В.В.* Погребение архаического лидера эпохи поздней бронзы из могильника Илекшар I в Западном Казахстане // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии: Институт истории им. А.Х. Маргулана, 2003. Вып. 2. С. 80–88.
- Чечушков И.В.* Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 57–65.
- Чечушков И.В., Епимахов А.В.* Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк. 2010. С. 182–230.
- Littauer M.A. & Crouwel J.H.* The origin of the true chariot // *Antiquity*. Vol. 270. 1996.
- Parpola A.* The Roots of Hinduism. The Early Aryans and the Indus Civilization. Oxford University press, 2015.

N.B. Vinogradov

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
prosp. Lenina, 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

The myth of the journey of the soul and Bronze Age funerary sites of the Sintashta and Petrovka type in the Southern Trans-Urals

The article presents an attempt to interpret the semantics of one of the brightest examples of the burial rite among the pastoral population with high level of metal production, which left the sites of the Sintashta and Petrovka type, localized in the Southern Trans-Urals (Trans-Ural penepain). They are presently dated to the period between the 21st and 18th c. BC (transitional time from the Middle to Late Bronze Age). Materials from the burial sites (cemeteries of Sintashta and Krivoye Ozero) have been analysed, with direct involvement of the author. The problem appears as follows. The vast majority of researchers believe that within the burial chamber of *some* Sintashta and later Petrovka socially significant persons, the chariots were placed, in an assembled or disassembled form, yet chariots. The main purpose of the chariots, in their opinion, was participation in military activities, with a caveat about the possibility of their use in rituals, and that the buried themselves should be recognised as chariot drivers-warriors who ruled the life of communities (clans). The article substantiates the hypothesis of the apparent existence of a tradition in the Sintashta, Petrovka and other synchronous Eastern European steppe cultural formations, of placing in the burial chamber the very parts of a chariot, especially the wheels, and not the whole chariots. The author suggests considering the funeral rite of the chosen members of the Bronze Age Sin-

tashta and Petrovka communities (clans) of the Southern Trans-Urals, which involved the use of chariot parts (wheels), as a kind of symbolic text, as a modelled realization of the funeral myth, which tells the story of the journey of the soul to the afterlife on the burial chariot of the Vedic twin gods — Ashwins. The detailed parameters of such models should not be literally correlated with the real transportation means. According to the author, the individuals buried in such tombs were not necessarily chariot drivers-warriors. The paper discusses another important aspect — the localization of the other world for the Bronze Age Sintashta and Petrovka population of the Southern Trans-Urals. According to our observations, the ideas about the localization of the world of the dead were not permanent and could change over several centuries, from the Sintashta period to the time of the classical stage of the history of the Alakul Culture (pottery with a ledge shoulder, with ornamentation spread across two or three zones). The majority of adults in the Sintashta burials with wheel hollows, were orientated with their heads to the northwest sector. Similar was the orientation of symbolic wagons and equally symbolic horses. For alike Petrovka burial sites, the latitudinal orientation already prevailed. These changes, as it appears to the author, reflect modifications of the funeral myth.

Key words: Bronze Age, Southern Trans-Urals, chariot, Sintashta and Petrovka burials, journey of the soul, Ashwins.

REFERENCES

- Chechushkov I.V. (2011). Chariots of Eurasian steppes of Bronze Age. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 57–65. (Rus.).
- Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., (2010). Kolesnichny complex of Ural-Kazakhstan steppes. In: *Koni, kolesnicy i kolesnichie stepej Evrazii* (pp. 182–230). Ekaterinburg; Samara; Doneczk. (Rus.).
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. (1992). *Sintashta: Archaeological monuments of Aryan tribes of Ural-Kazakhstan steppes. Vol. 1*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).
- Epimakhov A.V. (2002). *Southern Trans-Ural in the Medium Bronze Age*. Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU. (Rus.).
- Izbicer E.V. (1993). *Burials with carts of steppe strip of Eastern Europe and North Caucasus III–II thousand up to BC*. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskix nauk. St. Petersburg. (Rus.).
- Littauer M.A. & Crouwel J.H. (1996). The origin of the true chariot. *Antiquity*, 270.
- Kostyukov V.P., Epimakhov A.V., Nelin D.V. (1995). New Monument of Middle Bronze in Southern Trans-Ural. In: *Drevnie indoiranskije kul'tury Volgo-Ural'ja (II tys. do n.e.)* (pp. 156–207). Samara: Izd-vo Samarskogo GPU. (Rus.).
- Kuz'mina E.E. (1986). *The oldest pastoralists from the Ural to Tian Shan*. Frunze: Ilim. (Rus.).
- Kuz'mina E.E. (2000). Horses and chariots of the Southern Ural and Indo-European myths. In: *Problemy izucheniya eneolita i bronzovogo veka Yuzhnogo Urala* (pp. 3–9). Orsk: In-t Evrazijskix issled.: In-t stepi UrO RAN. (Rus.).
- Parpola A. (2015). *The Roots of Hinduism. The Early Aryans and the Indus Civilization*. Oxford University press.
- Stefanov V.I., Epimakhov A.B. (2006). Sintashta III (small) mound: Some details and new stories. In: *Voprosy arkheologii Povolzh'ya. Vyp. 4* (pp. 263–272). Samara: Nauchno-tehnicheskij centr. (Rus.).
- Tkachev V.V. (2003). Burial of the archaic leader of the Late Bronze Age from the grave of Ilekshar I in West Kazakhstan. In: *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazaxstana. Vyp. 2* (pp. 80–88). Ural'sk: Zapadno-Kazakhstanskij centr istorii i arkheologii: Institut istorii im. A.X. Margulana. (Rus.).
- Vinogradov N.B. (2003). *Bronze Age Grave Krivoe Ozero in South Trans-Ural*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).
- Vinogradov N.B. (2011). *Steppes of Southern Trans-Ural and Kazakhstan in the first centuries of II thousand BC: (Sites of Sintashta and Petrovka type)*. Chelyabinsk: ABRIS. (Rus.).
- Vinogradov N.B., Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V., Medvedeva P.S. (2017). *Images of an era: Bronze Age grave Krivoe Ozero in South Trans-Ural*. Chelyabinsk: ABRIS. (Rus.).
- Zdanovich D.G., Kupriyanova E.V. (2008). Paired horse sacrifices in the Bronze Age in Central Eurasia: Archaeology, mythology and ritual. In: *Proisxozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva* (pp. 188–197). Lugansk: Globus. (Rus.).

Н.Б. Виноградов, <https://orcid.org/0000-0002-0434-6012>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

И.Ю. Чикунова

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: chikki@mail.ru

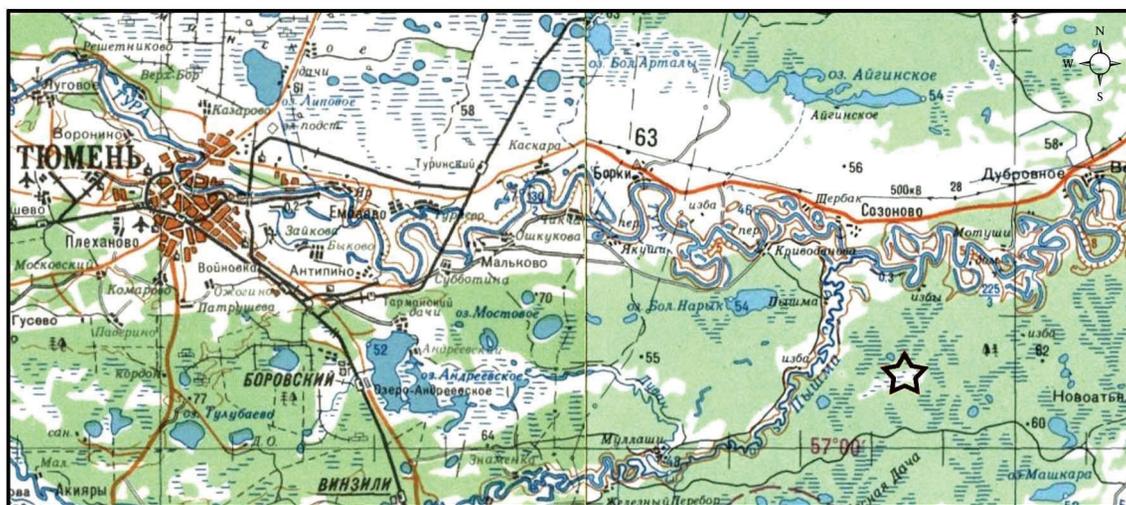
СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ЛИТЕЙНОЙ ФОРМЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА р. ПЫШМЕ

Приведено описание литейной формы для отливки двух разных прорезных наконечников копий и кельта-тесла. Каменная четырехгранная литейная форма найдена случайно при лесоустраительных работах в Притоболье. Представлены некоторые аспекты историко-культурной интерпретации.

Ключевые слова: случайная находка, литейная форма, прорезной наконечник копья, кельт-тесло, эпоха поздней бронзы, Притоболье, р. Пышма.

Введение

Литейная форма найдена в 2019 г. в 8 км к востоку от р. Пышмы и в 8 км к югу от берега р. Туры в Ялutorовском районе Тюменской области на территории лесоустраительных работ (рис. 1). Осмотр распаханной под лесопосадки территории не выявил других артефактов. Ближайшие археологические памятники эпохи бронзы расположены к северу и западу на противоположных берегах Туры и Пышмы. Таким образом, находку можно действительно считать случайной. Возможно, однако, что при открытии в процессе тщательного археологического обследования этого участка еще неизвестных на данной территории памятников их культурно-хронологические параметры позволят уточнить статус данной находки. Подобные предметы относятся к категории уникальных археологических артефактов эпохи поздней бронзы на территории Тюменской области, крайне редко встречающихся в лесной азиатской зоне.

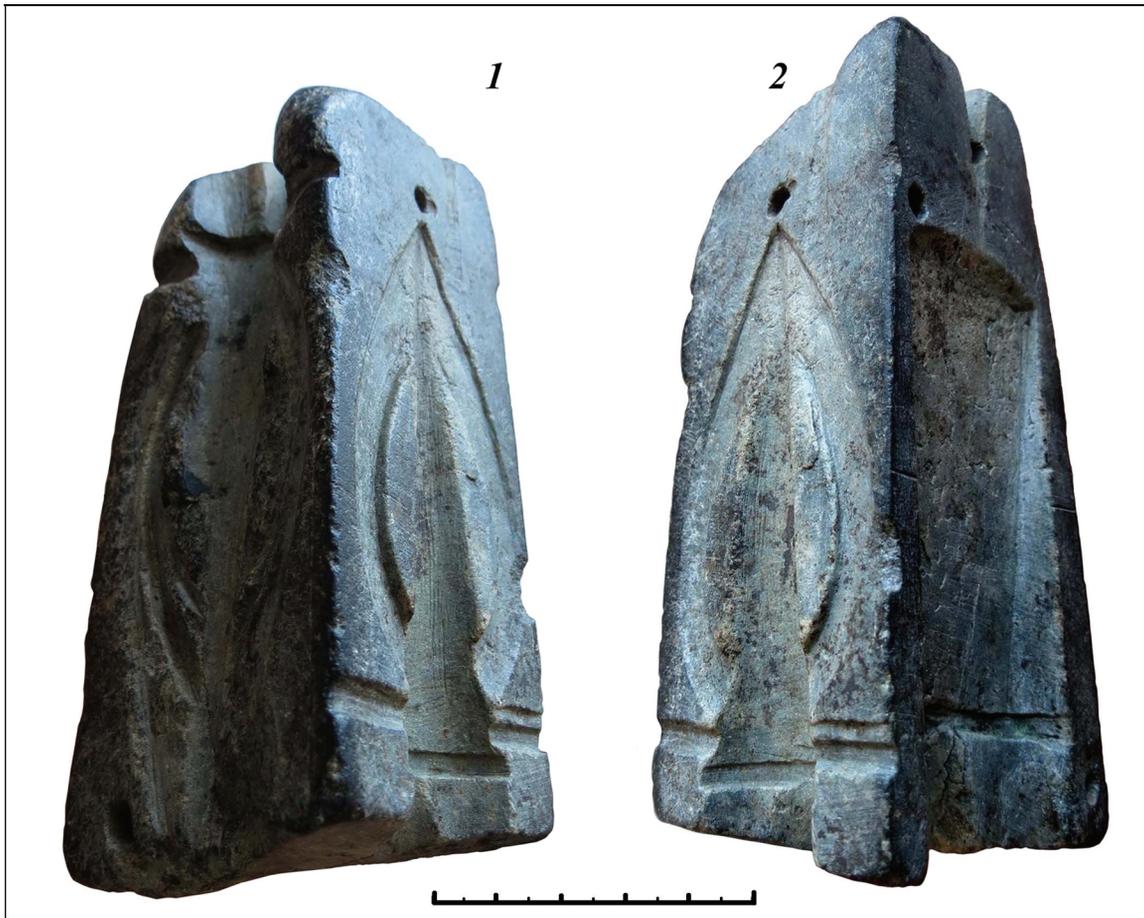
☆ место находки

Рис. 1. Схема местонахождения литейной формы.
Fig. 1. The location of the mold.

Описание формы

Литейная форма представляет собой четырехгранный трапециевидный, слегка сужающийся к одному торцу брусок из серого сланцевого камня (рис. 2).

Одна из четырех граней бруска плоская, ровная (4,9×13,3×5,1×12,1 см), слегка пришлифована. На ней фиксируются залощенность, выбоинки, мелкие тонкие царапины, образовавшиеся, видимо, в процессе эксплуатации литейной формы (рис. 3, 4; 4, 4).

Рис. 2. Литейная форма:
1 — грани 1 и 2; 2 — грани 2 и 3.
Fig. 2. The mold for casting:
1 — edges 1 and 2; 2 — edges 2 and 3.

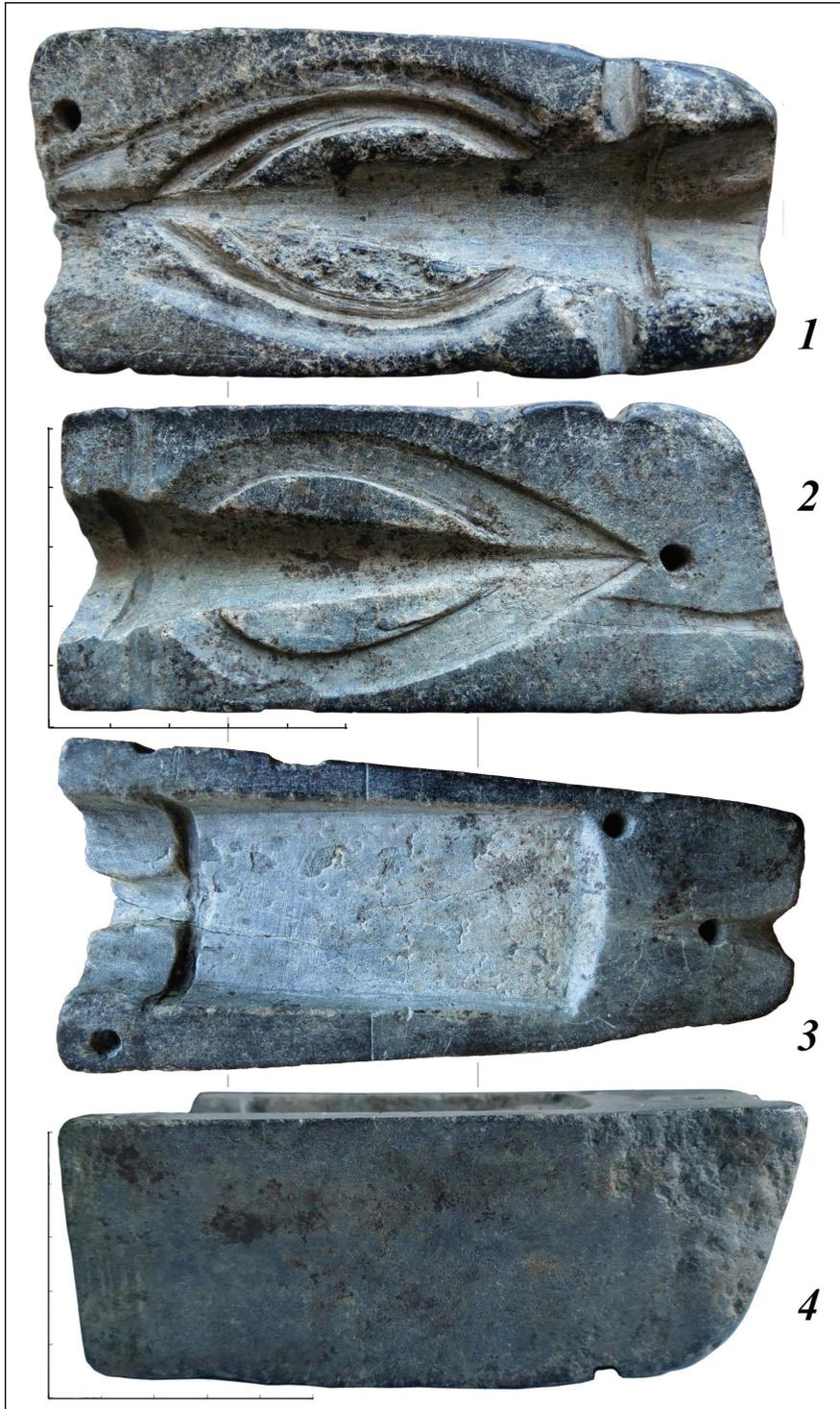
На трех остальных гранях вырезаны негативы (матрицы) для отливки.

На первой грани (рис. 3, 1; 4, 1), размером 6×12,5×4,4×11,7 см, вырезан негатив для отливки прорезного наконечника копья. На поверхности негатива имеются свидетельства воздействия высоких температур — трещины, выщерблины, черный цвет поверхности. Негатив расположен вершиной к широкому торцу бруска, заливка металла производилась через литниковое отверстие со стороны втулки изделия с узкого торца формы. На плоскости грани слева около вершины негатива наконечника имеется круглое отверстие диаметром 0,5 см и глубиной 1,3 см — паз для крепления половинки составной формы. По бокам втулки вырезан поперечный желобок для двух сердечников-вкладышей для получения боковых литых отверстий втулки, после извлечения готового изделия — для крепления древка штифтами. Негатив был поврежден при извлечении готового наконечника из формы. Раздваивающийся к концу пера желобок, проходящий по дужке пера, прорезан в форме под небольшим углом, что, вероятно, и стало причиной повреждения формы при извлечении изделия ввиду пригара поверхности формы к металлу. На поверхности формы слева от острия наконечника отмечается скол материала, также образовавшийся в результате пригара металла к форме.

На второй грани (рис. 3, 2; 4, 2) прекрасно сохранился негатив для отливки прорезного наконечника копья. Размер грани 5,1×12,8×5,0×11,5 см. Негатив расположен вершиной к узкому концу бруска, заливка металла производилась со стороны литникового отверстия, совпадающего с втулкой, с широкого торца бруска. По бокам втулки вырезан поперечный желобок для двух сердечников-вкладышей для получения боковых литых отверстий втулки, после извлечения готового изделия — для крепления древка штифтами. Желобок справа от втулки двойной, подправленный. Над вершиной негатива находится круглый паз диаметром 0,5 см глубиной 1,2 см для крепления второй половинки составной формы. Справа от паза имеется желобок, отходя-

Случайная находка литейной формы эпохи поздней бронзы на р. Пышме

щий от грани пера вверх. Назначение его не ясно; не исключено, что он вырезан с целью отвода газов и получения качественной отливки.

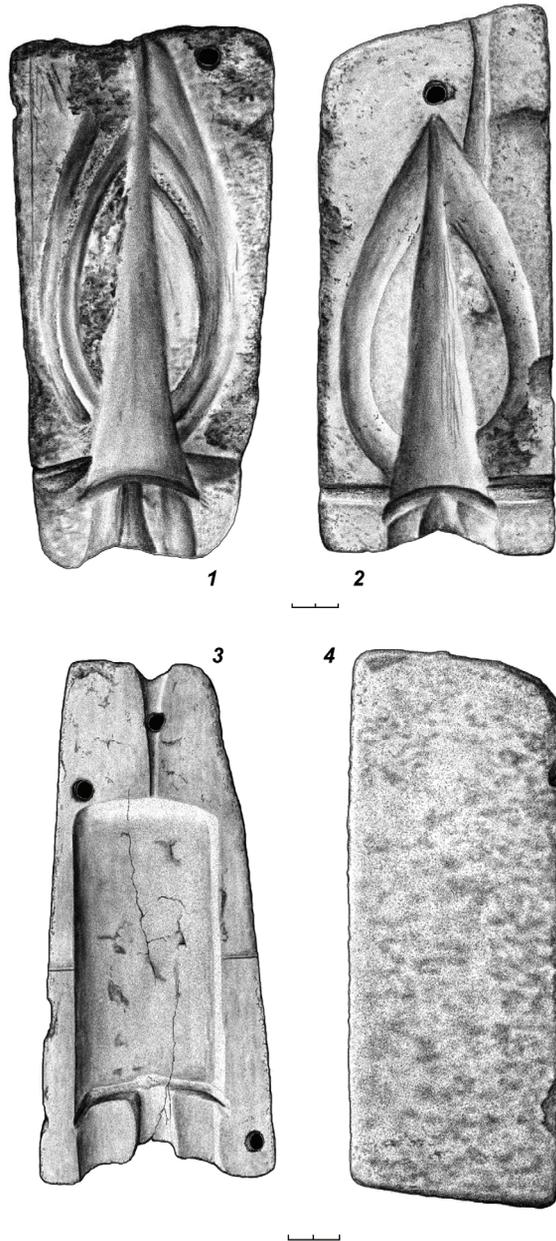
Рис. 3. Литейная форма:
1 — грань 1 с негативом прорезного наконечника копья; 2 — грань 2 с негативом прорезного наконечника копья;
3 — грань 3 с негативом кельта-тесла; 4 — грань 4.

Fig. 3. The mold:
1 — edge 1 with the negative of the spear tip; 2 — edge 2 with the negative of the spear tip;
3 — edge 3 with the negative of the celt-adze; 4 — edge 4.

На углу формы между гранями 2 и 3 имеется небольшой скол, образовавшийся в древности.

Третья грань (рис. 3, 3; 4, 3) несет на себе негатив орудия, функциональное назначение которого может быть различно: кельт? тесло? кельт-тесло? Размеры грани 3,5×13,2×5,7×12,7 см. Не исключено, что на второй половине формы для этого предмета был вырезан негатив, определяющий тип изделия. Размер по верху втулки 3,4 см, по низу негатива — 3,1 см. Размер в средней части по верху — 3,4 см, по дну негатива — 3,2 см. На поверхности формы тонкими прорезанными линиями отмечена середина негатива.

Литниковый канал размещен со стороны втулки изделия с широкого торца формы.

Рис. 4. Литейная форма (прорисовка):

1 — грань 1 с негативом прорезного наконечника копья; 2 — грань 2 с негативом прорезного наконечника копья;
3 — грань 3 с негативом кельта-тесла; 4 — грань 4.

Fig. 4. The mold (portrayal):

1 — edge 1 with the negative of the spear tip; 2 — edge 2 with the negative of the spear tip;
3 — edge 3 with the negative of the celt-adze; 4 — edge 4.

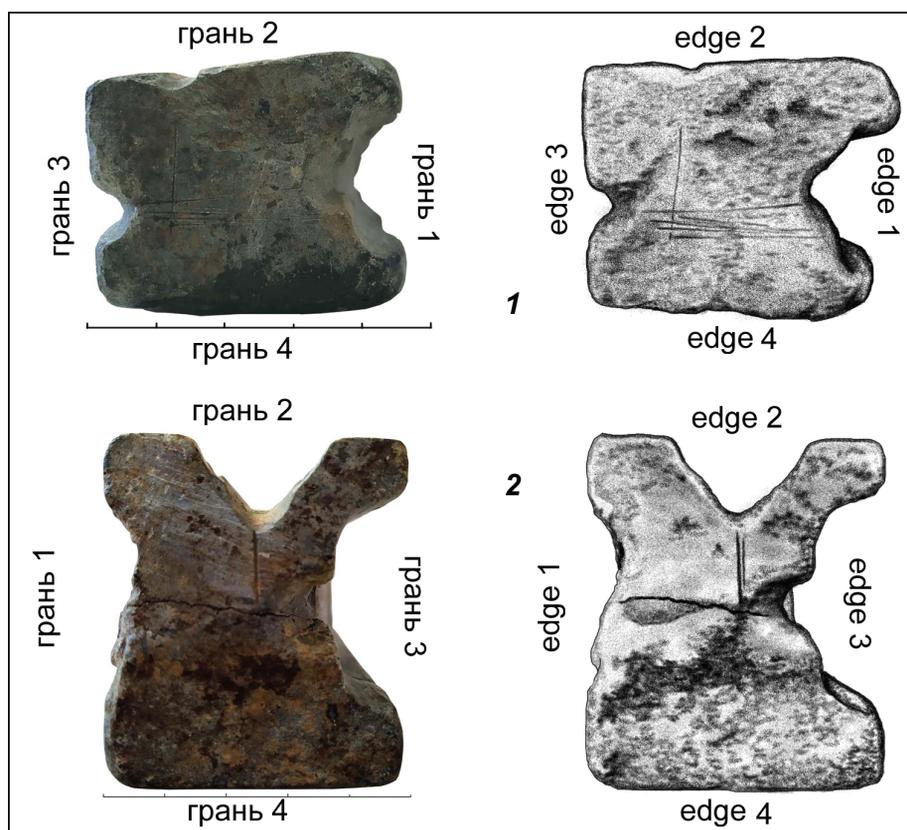
Случайная находка литейной формы эпохи поздней бронзы на р. Пышме

На плоскости грани справа внизу и слева вверху от негатива имеются округлые пазы для крепления створки. Первый паз конусовидный, по верху его диаметр составляет 0,4 см, глубина 0,6 см. Второй паз с ровными вертикальными стенками, его диаметр 0,55 см, глубина 1,1 см.

В верхней части грани прорезан конусовидный желобок, отходящий от края лезвия негатива и расширяющийся до 0,8 см и углубляющийся до 0,5 см к торцу. В нем находится еще один паз для крепления второй створки глубиной 0,8 см от плоскости грани. Их функциональное назначение не совсем ясно. Не исключено, что желобок вырезан с целью отвода газов для получения качественной отливки.

Размеры узкого торца 4,9×4,6×5,3×3,7 см. Он слегка скошен в сторону грани 2, его поверхность пришлифована, на ней фиксируются несколько прорезанных линий, одна из которых также маркирует центральные оси литника негатива копыя на грани 2 и желобка на грани 4 (рис. 5, 1).

Размеры более широкого торца 4,9×5,9×5,0×5,7 см. Его поверхность неровная, шероховатая, почти перпендикулярна граням. Край торца, прилегающий к грани 3, слегка пришлифован. Здесь фиксируется прорезанная линия, маркирующая центральную ось литника (рис. 5, 2). Почти перпендикулярно этой линии проходит трещина, образовавшаяся, вероятно, при воздействии высоких температур в процессе заливки металла в форму.

Рис. 5. Литейная форма:
1 — узкий торец; 2 — широкий торец.
Fig. 5. The mold:
1 — the narrow end; 2 — the wide end.

Для того чтобы получить представление о готовом виде изделия, мы изготовили 3D-копию литейной формы. В качестве заполнения использовали полимерную застывающую массу.

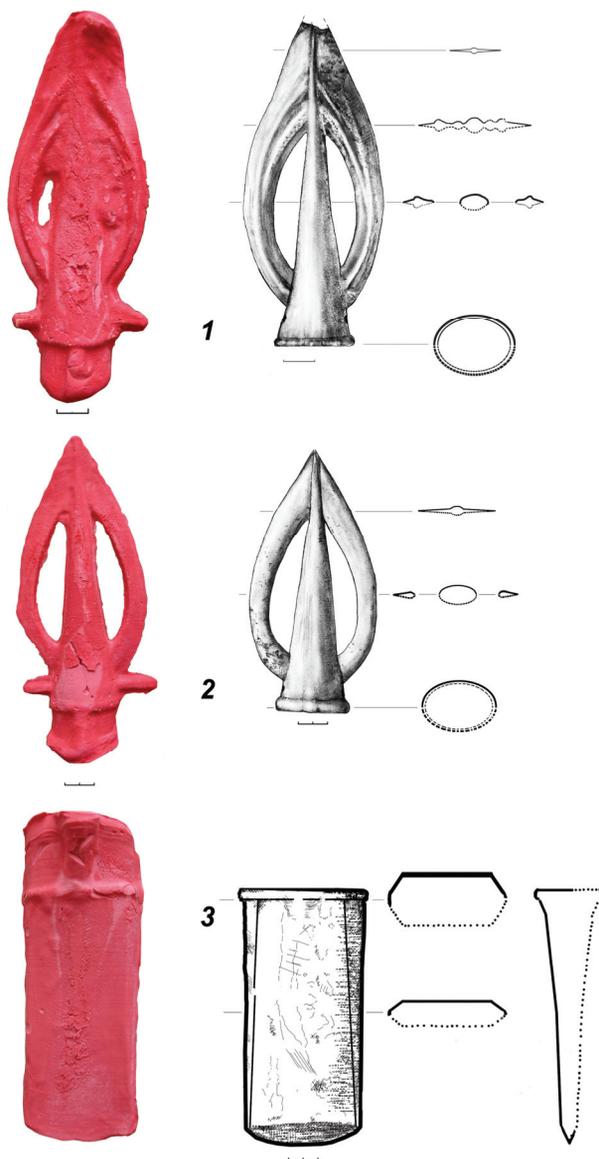
По негативу грани 1 в ходе эксперимента нами получена ½ сечения изделия. Это прорезной втульчатый наконечник копья (рис. 6, 1). Его длина должна была составлять 10,2 см, перо лавролистной формы шириной 4,4 см. Стержень наконечника конусовидный, плавно сужающийся к вершине. Прорезы средней ширины — 0,8 см. Валик, начинающийся от нижней части

пера от самой нервюры, проходит по дужке пера и раздваивается в верхней половине. Втулка короткая — 1,3 см, округлая, диаметром 2,5 см, по ее краю имеется валик.

Экспериментальная отливка по негативу грани 2 представлена прорезным коротковтульчатым наконечником копья (рис. 6, 2). Его длина 9 см, ширина 4 см. Ширина прорезей достигает 0,9 см, крыльев — 0,6 см. Втулка короткая — 0,9 см, округлая, диаметром 2,2 см, с валиком по краю.

Изделие, полученное по грани 3, при идентичной негативу створке представляет собой орудие в виде тесла. Сечение втулки шестиугольное, по краю втулки имеется валик. Сечение средней части орудия также шестиугольное (рис. 6, 3). Длина изделия 7,8 см, размер по краю втулки должен был составлять 3,4×2,1 см. Лезвие слегка закругленное, шириной 3,5 см.

Если же створка отличалась по содержанию от негатива на основной форме, можно предположить, что при отливке должен был получиться асимметричный кельт с лобным ушком либо асимметричный безушковый кельт с пещеркой.

Рис. 6. Литейная форма:

1 — экспериментальная отливка и прорисовка наконечника (грань 1); 2 — экспериментальная отливка и прорисовка наконечника (грань 2); 3 — экспериментальная отливка и прорисовка кельта-тесла (грань 3).

Fig. 6. Mold:

1 — experimental casting and drawing of the tip (edge 2); 2 — experimental casting and drawing of the tip (edge 2); 3 — experimental casting and drawing of the celt-adze (face 3).

Культурно-историческая атрибуция копий с прорезями и тесел

Прорезные наконечники копий входят в группу инвентаря культур эпохи поздней бронзы, бытовавших на евразийском пространстве. Периодически сведения о них (случайных находках или предметах, обнаруженных в процессе раскопок), обзоры и анализ отражаются в литературе. Прорезные бронзовые наконечники копий, подобные нашим экспериментальным экземплярам, найдены при раскопках поселений Черноозерье VIII, Еловского и др., но в основном случайно — в Омской, Тюменской и Курганской областях [Бельтикова, 1977, с. 130; Членова, 1981, с. 18; Трофимов, 2004, с. 185; Дегтярева и др., 2019, с. 31–32]. Исчерпывающий историографический обзор приведен в статье В.С. Бочкарева и И.Ж. Тутаевой [2019]. В этой же работе представлена новая классификация прорезных наконечников копий, согласно которой изделия, схожие с полученными с помощью нашей формы, относятся ко второй группе — коротковтульчатые наконечники с длиной пера до «более 70 % длины изделия» и II типу — гуровскому. Основные параметры этой группы: лавролистная форма, короткая втулка (не более 3 см), небольшие размеры наконечников (9–13 см). Анализ сведений о наконечниках гуровского типа показал достаточно широкое распространение их в Восточной Европе, Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане при большей концентрации в При- и Зауралье. Авторы отмечают использование наконечников гуровского типа носителями алексеевско-саргаринской, еловской, межовской, лугавской, ивановской, сабатиновской и других культур и датируют их в пределах третьей четверти II тыс. до н.э. [Бочкарев, Тутаева, 2019, с. 176–180]. Прорезной наконечник копья схожего облика, найденный в 2016 г. на территории Курганской области, отнесен к алексеевско-саргаринской культуре [Дегтярева и др., 2019, с. 31, рис. 2, 6; с. 32].

До сегодняшнего дня были известны две формы для отливки прорезных наконечников копий II типа, одна из которых происходит из Причерноморья, а вторая — из раскопок В.И. Матющенко поселения Еловка в 1960 г. [Бочкарев, Тутаева, 2019, с. 196], что придает немалую ценность описываемой здесь находке из Притоболья.

Интерпретация формы для отливки кельта-тесла в плане определения ее позиции среди древностей эпохи бронзы основывалась на классификации, изложенной в монографии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989] и других публикациях. Некоторые морфологические параметры — шестигранное сечение на уровне втулки и в средней части, определенная грацильность изделия, отсутствие орнамента — отличают притобольскую находку от уже известных и опубликованных кельтов, кельтов-тесел и форм для их отливки сейминско-турбинского и самусьско-кижировского типов [Черных, Кузьминых, 1989; Ковтун, Марочкин, 2011].

Безусловно, отсутствие второй створки формы затрудняет реконструкцию не только внешнего вида целого изделия, но и процесса литья. Некоторые варианты получения полый втулки кельтов (раннего железного века) описаны Д.А. Ненаховым [2016]. Почти прямоугольная форма орудия могла быть не окончательной. Не исключено, что лезвие готового орудия расковывалось после отливки, изменяя его ширину, а также длину кельта-тесла [Тихонов, 1960, с. 38].

Типологически кельт-тесло может быть близок к неорнаментированным асимметричным безушковым кельтам-теслам с «пещеркой» из Гладунинского клада, связанного «с алакульскими древностями лесостепного Притоболья» [Корочкова, 2013, с. 133], из раннесрубного Ильдеряковского клада [Тихонов, 1960, с. 49], поселения Ук 3 [Корякова и др., 1991, с. 22–30], кротовского могильника Сопка-2 [Молодин, 1985, с. 63] и др.

Выводы

Таким образом, исходя из синхронности негативов прорезных наконечников копий и кельта-тесла на литейной форме и принимая во внимание имеющиеся в литературных источниках надежные датированные аналоги прорезным наконечникам копий, можно отнести описанную литейную форму ко времени существования алексеевско-саргаринской культуры в Притоболье (XV/XIV–XII/XI вв. до н.э.) [Дегтярева и др., 2019, с. 28].

Вряд ли эта «случайная» находка заставит переписать историю металлургии в Притоболье в эпоху бронзы, но однозначно внесет свою лепту в изучение процессов развития культурных формирований этого времени на рассматриваемой территории. Соглашаясь с мыслью, что за случайностями всегда стоит закономерность, полагаем, что литейная форма из Притоболья является случайной только по характеру обнаружения, но не по содержанию [Бобров, 2008, с. 20; Седых, 2008, с. 12].

В заключение выражаю благодарность А.Д. Дегтяревой и С.В. Кузьминых за оказанную поддержку и консультации, а также Н. Варнашеву, безвозмездно передавшему найденную им форму в ТюмНЦ СО РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 119–133. (ВАУ; Вып. 14).
- Бобров В.В.* Размышление о контексте случайных археологических находок // Случайные находки: Хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2008. С. 20–24.
- Бочкарев В.С., Тутаева И.Ж.* Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2019. № 2. С. 167–222.
- Дегтярева А.Д., Виноградов Н.Б., Кузьминых С.В., Рассомахин М.А.* Металлические изделия алексеёвско-саргаринской культуры Среднего и Верхнего Приоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 28–44.
- Ковтун И.В., Марочкин А.Г.* Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 69–76.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А.* Гладунинский клад эпохи бронзы // УИВ. 2013. № 2 (39). С. 129–136.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск, 1991. 72 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Ненахов Д.А.* Особенности изготовления полой втулки кельтов раннего железного века Средней Сибири: (Технологическая классификация) // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 4 (16). С. 48–54.
- Седых В.Н.* Случайное как проявление закономерного // Случайные находки: Хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2008. С. 12–16.
- Тихонов Б.Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. № 90. 1960. С. 5–115.
- Трофимов Ю.В.* Копье из окрестностей деревни Красная Горка // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь 2004 г.). Омск: ОмГУ, 2004. С. 182–185.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Членова Н.Л.* Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.

I.Yu. Chikunova

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: chikki@mail.ru

Accidental find of the Late Bronze Age casting mould on the Pyshma River

The purpose of this publication is to present to scientific discussion a unique casting mould. The foundry mold was discovered accidentally in 2019 near the Pyshma River in the Yalutorovsk District of the Tyumen Region. It represents a four-sided trapezoid bar of gray slate stone, slightly tapered to one end. On three sides of the bar, negatives are cut out for casting three different products. The first side has a negative for casting a slotted spearhead with roller on pen slots. The bushing is hollow, the blade is laurel-shaped. The second negative was also used for casting the short-socketed slotted spearhead. The third matrix was for casting celt-adze. The synchronicity of the negatives of the spearheads and the celt-adze on the cast allows dating this mould to the 15th–11th c. BC and correlating it to the time of existence of the Alekseevka-Sargary Culture.

Key words: accidental find, mold, welt spearheads, celt-adze, the Late Bronze Age, the Tobol River, the Pyshma River.

Acknowledgements. I express my gratitude to A.D. Degtyareva and S.V. Kuzminyh for their support and advice, as well as to N. Varnashev, who passed the find to the Tyumen Scientific Centre of SB RAS.

REFERENCES

- Bel'tikova G.V. (1977). Itkul settlement. In: *Arkheologicheskie issledovaniia na Urale i v Zapadnoi Sibiri* (pp.119–133). Sverdlovsk. (Рус.).

Случайная находка литейной формы эпохи поздней бронзы на р. Пышме

Bobrov V.V. (2008). Reflection on the context of random archaeological finds. In: *Sluchainye nakhodki: Khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyi kontekst: Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii* (pp. 20–24). St. Petersburg. (Rus.).

Bochkarev V.S., Tutaeva I.Zh. (2019). Slotted spearheads of the Late Bronze Age of Eastern Europe and adjacent territories. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, (2), 167–222. (Rus.).

Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. (1989). *Ancient metallurgy of Northern Eurasia: (Siema-Turbino phenomenon)*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Chlenova N.L. (1981). Connections of cultures of Western Siberia with cultures of the Urals and the Middle Volga region at the end of the Bronze Age and at the beginning of the Iron Age. In: *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii: Epokha zheleza* (pp. 4–42). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Degtyareva A.D., Vinogradov N.B., Kuzminykh S.V., Rassomakhin M.A. (2019). Metal products of the Alekseyevka-Sargary culture from the middle and upper Tobol areas. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 28–44. (Rus.).

Koryakova L.N., Stefanov V.I., Stefanova N.K. (1991). *The problems of methods of research of ancient monuments and cultural and chronological stratigraphy of the settlement of Uk III*. Sverdlovsk. (Rus.).

Korochkova O.N., Stefanov V.I., Usachev E.V., Khanov S.A. (2013). The Gladnishi treasure of the Bronze Epoch. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (2), 129–136. (Rus.).

Kovtun I.V., Marochkin A.G. (2011). Archeassky celt and the problem of the Seima-Turbino Epoch of the Kuznetsk basin and the Achinsk-Mariinsky forest-steppe. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 45(1), 69–76. (Rus.).

Molodin V.I. (1985). *Baraba in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Nenakhov D.A. (2016). Features of manufacturing the hollow sleeve of the celts of the Early Iron Age of Central Siberia: (Technological classification). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (4), 48–54. (Rus.).

Sedykh V.N. (2008). Random as a manifestation of the natural. Sluchainye nakhodki: Khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyi kontekst. In: *Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii* (pp. 12–16). St. Petersburg. (Rus.).

Tikhonov B.G. (1960). *Metal products of the bronze age in the Middle Urals and the Urals*. Moscow. (Rus.).

Trofimov Iu.V. (2004). The lance from the vicinity of the village of Krasnaya Gorka. In: *Shestye istoricheskie chteniya pamiati M.P. Griaznova: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* (pp. 182–185). Omsk: OmGU. (Rus.).

Чикунова И.Ю., <https://orcid.org/0000-0001-9208-7198>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

Н.Н. Серегин ^a, С.С. Матренин ^{a, b}, Т.-О. Идэрхангай ^c

^a Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

^b Барнаульский юридический институт
ул. Чкалова, 49, Барнаул, 656038

^c Уланбаторский государственный университет
просп. Доржа, 5, Улан-Батор, 210351, Монголия

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; matrenins@mail.ru; iderkhangai2007@yahoo.com

СКАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ УРД УЛААН УНЭЭТ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ): ВОЗМОЖНОСТИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена характеристике материалов скального погребения Урд Улаан Унээт, исследованного в Западной Монголии. Представлено описание данного памятника, изложены результаты детального анализа зафиксированного инвентаря, а также продемонстрированы возможности культурно-хронологической интерпретации объекта. Комплекс отнесен к жужанскому времени и датирован в рамках середины IV — V в. н.э. с возможным расширением верхней хронологической границы до начала VI в. н.э.

Ключевые слова: скальное погребение, жужанское время, Монгольский Алтай, предметный комплекс, хронология, интерпретация.

Введение

Вторая четверть I тыс. н.э. является важным периодом в истории Центральной Азии, имеющим принципиальное значение как для понимания сложных этнокультурных и социально-политических явлений эпохи Великого переселения народов, так и для реконструкции процессов сложения кочевых империй раннего средневековья. В связи с известной фрагментарностью археологических материалов Монголии изучение жужанского времени традиционно основывается на сведениях письменных источников — китайских династийных хроник [Хандсурэн, 1993; Воробьев, 1994, с. 297–303; Крадин, 2007, с. 146–173; Кычанов, 2010, с. 91–95; Монголын эртний түүх, 2017; и мн. др.]. Вместе с тем в результате полевых исследований, проведенных в различных частях страны в последние десятилетия XX — начале XXI в., сформирована пока небольшая, но уже довольно показательная серия объектов второй половины IV — первой половины VI в. н.э., насчитывающая около десяти захоронений [Цэвэндорж et al., 2003; Цэвэндорж и др., 2008; Эргээн, Ишцэрэн, 2014; Батсүх et al., 2016; Очир, Анхбаяр, 2016; Төрбат et al., 2016; и др.]¹. Эти комплексы, демонстрирующие высокую степень варибельности показателей погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря, отражают сложную этнокультурную ситуацию в регионе, а также обширные контакты оставившего их населения.

Одним из ярких памятников жужанского времени, изученных в Монголии в последние годы, является скальное захоронение Урд Улаан Унээт. Как и в случае с большинством других подобных объектов, обозначенное погребение было обнаружено местными жителями случайно и частично разрушено. Однако высочайшая степень сохранности артефактов, в том числе из органических материалов, позволила археологам получить значительный объем информации для разностороннего изучения материальной культуры кочевников Монголии и сопредельных территорий рубежа поздней древности и раннего средневековья. В настоящей статье авторами представлены возможности культурно-хронологической интерпретации данного объекта в контексте уже имеющихся обширных археологических источников сяньбийско-жужанского времени и раннего средневековья, сформированных в ходе раскопок в различных частях центрально-азиатского региона.

Общая характеристика памятника

Скальное погребение Урд Улаан Унээт расположено в баге Цагаанбулаг Мянгад сомона Кобдоского аймака, на высоте 1327 м над уровнем моря (рис. 1). Первая информация о данном

¹ Общие результаты систематизации и анализа этих комплексов представлены в отдельной статье авторов настоящей публикации, находящейся в печати.

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

комплексе, разрушенном в ходе несанкционированных работ, была получена в начале апреля 2015 г. Уже в первой декаде мая этого же года группой специалистов из Национального исторического музея Монголии проведены исследования объекта. Значительная часть имеющихся находок (остатки лука, стрелы, колчан, деревянный сосуд, железный нож с костяной рукоятью, седло и др.) из рассматриваемого памятника были конфискованы у «черных» археологов и переданы в музей [Баярсайхан et al., 2016].

Рис. 1. Карта-схема расположения скального погребения Урд Улаан Унээт.

Fig. 1. Map of the location of the cave burial Urd Ulaan Uneet.

Ситуация, зафиксированная в ходе исследования разрушенного объекта, свидетельствует, что в скальном гроте был погребен мужчина, уложенный в деревянный гроб и ориентированный в северо-западном направлении [Баярсайхан et al., 2016]. Длина деревянной конструкции составляла 192 см, ширина около головы — 64 см, ширина в районе ног — 34 см. Человека сопровождала лошадь рыжей масти, которая, судя по сохранившимся останкам, находилась рядом с умершим. При расчистке площади захоронения выявлена серия находок, в том числе многочисленные элементы одежды, а также туго завязанный мешочек из тонко выделанной шкуры, в котором находились небольшие своеобразные деревянные изделия округлой и овальной формы.

Результаты дальнейшего изучения материалов из скального погребения Урд Улаан Унээт представлены в нескольких публикациях [Баярсайхан et al., 2017; Түвшинжаргал, Баярсайхан, 2017; Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018]. Первоначально монгольские исследователи отнесли данный комплекс к раннему средневековью, определив дату в рамках VI–X вв. н.э. [Баярсайхан et al., 2016, т. 88]. В другой статье археологи, опираясь на результаты радиоуглеродного анализа, датировали памятник III в. н.э., охарактеризовав седло как наиболее раннюю подобную находку на территории Монголии [Түвшинжаргал, Баярсайхан, 2017, т. 87–88]. Наконец, в более поздних публикациях скальное погребение обозначено как один из редких комплексов жужанского времени (IV–VI вв. н.э.) [Хадан гэрийн соёл, 2017, т. 28; Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018, т. 117].

Широкому обсуждению рассматриваемого комплекса, а также других памятников способствовал ряд научных мероприятий, организованных в Монголии в последние годы. В конце весны 2017 г. в Монгольском национальном историческом музее состоялось открытие выставки нахо-

док из скальных погребений, в том числе памятника Урд Улаан Унээт, и был опубликован каталог [Хадан гэрийн соёл, 2017]. Демонстрация этих материалов дала возможность одному из авторов настоящей статьи ознакомиться с большей частью находок из анализируемого комплекса. В октябре 2018 г. в этом же учреждении прошла конференция «История и культура сяньби и жужаней». В опубликованном сборнике материалов данного форума [Сяньби, Жужаны үейн..., 2018] монгольскими археологами были кратко изложены новые данные и некоторые результаты их изучения.

Учитывая значительную степень разрушенности, а также фрагментарность информации об обряде захоронения, при культурно-хронологической интерпретации данного погребального памятника опираемся на анализ предметного комплекса.

Анализ предметного комплекса

Скальное погребение Урд Улаан Унээт включает выразительный сопроводительный инвентарь, в том числе редкие по сохранности предметы снаряжения, одежды и бытовой утвари, выполненные из дерева, кости и кожи. В хронологическом контексте основное внимание уделим следующим изделиям.

Весьма показательным элементом предметного комплекса рассматриваемого памятника является *деревянное седло* (рис. 2). Полностью сохранившийся деревянный ленчик седла состоит из двух фигурно оформленных изогнутых полок с «крыльями», имеющих углубления-гнезда для крепления передней и задней луки. Передняя лука каркаса фиксируется вертикально. Она представляет собой высокую дугообразную пластину, напоминающую арку, с двумя уплощенными основаниями. Задняя лука — пластина в форме арки (дуги) имеет меньшие размеры и соединяется с полкой в наклонном положении.

Рис. 2. Седло из комплекса Урд Улаан Унээт (без масштаба). Фото Н.Н. Серегина.
Fig. 2. Saddle from the Urd Ulaan Uneet complex (without scale). Photo by N.N. Seregin.

Изучение «твердых» седел народов Евразии осложняется в первую очередь плохой сохранностью этих изделий в археологических памятниках середины I тыс. н.э. Судя по имеющимся археологическим источникам, самые ранние модификации «жестких» седел с деревянными полками появились в Восточной Азии в начале IV в. н.э. у сяньби [Вайнштейн, 1991, с. 216; Комиссаров, Худяков, 2007; и др.]. Судить о масштабах их использования в данном ре-

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

гионе в свете имеющихся вещественных и изобразительных материалов достаточно трудно. В этом контексте следует отметить, что отсутствие в погребениях деревянных полок, которые могли не сохраниться, может быть принято в равной степени как основание для интерпретации «жесткого» седла как «полужесткого» и наоборот. В качестве яркого примера такой ситуации можно привести реконструкцию седла из богатого сяньбийского захоронения в Аньяне провинции Хэнань [Вайнштейн, 1991, рис. 97, 2], не имеющую, по мнению Е.В. Степановой [2015, с. 411–416], «никакой археологической основы — в погребении были найдены только П-образные луки».

Ближайшие аналоги седлу из скального захоронения Урд Улаан Унээт обнаружены в Восточном Туркестане в погребениях (М 122, М 133) третьего периода культуры могильника Чжангуньлук, датирующихся, судя по найденному в них инвентарю, IV–V вв. н.э. [Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей..., 2003, рис. 2, 8; 10, 1–2; 15, 2]. Похожие «жесткие» седла с полками без стремян найдены на Алтае в процессе раскопок «элитного» погребального комплекса жужанского времени некрополя Яломан-II (Центральный Алтай) [Тишкин, Мильников, 2016, рис. 84–90]. Полученные абсолютные даты свидетельствуют, что «яломанский» тип седла без стремян относится ко второй половине IV — началу V в. н.э. Подобные изделия являются самой ранней достоверной археологической находкой «степного» седла с твердым каркасом на территории всего центрально-азиатского региона.

Имеются все основания предполагать, что седло из комплекса Урд Улаан Унээт принадлежит к одной традиции с яломанскими и восточно-туркестанскими образцами. Носителями ее могли быть жужани или другие кочевые народы, проживавшие во владениях Жужанского каганата. Открытым остается вопрос, что являлось исходной базой для изобретения такой совершенной модификации «жесткого» седла — передовой новации середины I тыс. н.э., определившей весь последующий ход развития данного элемента снаряжения верхового коня народов Евразии. Вероятно, в генезисе данных седел решающую роль сыграло военное противостояние жужаней с империей Тоба Вэй в конце IV — начале V в. н.э., в рамках которого сложились условия для межкультурного контакта (обмена, заимствований) и формирования новых эффективных средств ведения конного боя. Удобство «степного» седла давало возможность легкой посадки на коня без стремян (в этом плане показательны наличие «посадочных» стремян у сяньбийских и когурёсских седел с высокими П-образными луками). Седла этой традиции (можно условно обозначить ее как «жужанскую») стали исходным прототипом классического кочевнического седла со стремянами, широко распространившегося во многих областях Евразии с середины VI в. н.э. в ходе военных кампаний раннесредневековых тюрков.

Рис. 3. Элементы конского снаряжения из комплекса Урд Улаан Унээт (без масштаба). Фото Н.Н. Серегина: 1 — удила с псалиями; 2 — пряжка.

Fig. 3. Elements of horse equipment from the Urd Ulaan Uneet complex (without scale). Photo by N.N. Seregin: 1 — bit with psalia; 2 — buckle.

Другим элементом конского снаряжения из скального погребения Урд Улаан Унээт являются железные *удила и псалии* (рис. 3, 1). Подобные удила с кольцевым соединением грызел, имеющих кольчатые окончания, достаточно часто встречаются в тюркских памятниках Центральной Азии начиная со второй половины V в. н.э. [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 1, 1–10]. Бо-

более показательны с точки зрения хронологии роговые псалии. В целом данные изделия появляются и бытуют в различных частях обозначенного региона в скифо-сакское и хуннско-сяньбийское время [Кляшторный, Савинов, 2005, рис. 2, 7; 3, 11; Соенов, 1998, рис. 1, 9; Матренин, 2018, рис. 1, 18–24; и др.]. Однако показательным элементом образцов из монгольского скального погребения следует считать железные скобы. Предметы с таким вариантом оформления крепления удила и псалиев получили распространение, судя по имеющимся материалам, с середины VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 8, 10; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9, 7; и др.]. Находки из комплекса Урд Улаан Унээт сочетают железные скобы с архаичной формой псалиев, что, вероятно, демонстрирует более раннее появление таких уздечных комплектов.

Железная пряжка с подвижным язычком на основании рамки квадратной формы без щитка (рис. 3, 2) не имеет узкой хронологии. В Центральной Азии аналогичные ременные гарнитуры встречаются с хуннского времени (II в. до н.э. — I в. н.э.) [Коновалов, 1976, табл. IX-5, 6, 7; XI-6, 7; XII-8; Давыдова, 1996, табл. 26-3, 8, 36-2]. Подвижноязычковые пряжки с квадратной рамкой без щитка широко представлены в предметном комплексе тюрок обозначенного региона начиная со второй половины V в. и на протяжении всего I тыс. н.э. [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 3, 13–17; Овчинникова, 1990, рис. 21, 10; 50, 1, 2, 7, 9].

Сложносоставной лук. Сохранилась длинная «М»-образная деревянная кибить, усиленная комплектом из семи роговых накладок (рис. 4, 1, 2). Сложносоставные луки данной конструкции наиболее широко применялись в азиатском регионе на протяжении хуннско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. — V в. н.э.). Подобные предметы, судя по известным материалам бурхотуйской культуры Забайкалья, могли использоваться вплоть до начала VI в. н.э. [Худяков, 1991, с. 49–51]. Во второй половине I тыс. н.э. их вытесняют луки тюркской традиции, имеющие среднюю длину кибити и соответствующие накладки [Горбунов, 2006, с. 23–24].

Рис. 4. Вооружение дальнего боя из комплекса Урд Улаан Унээт (без масштаба). Фото Н.Н. Серегина:

1 — кибить лука; 2 — накладки на лук; 3, 4 — стрелы.

Fig. 4. Ranged weapons from the Urd Ulaan Uneet complex (without scale). Photo by N.N. Seregin:

1 — bow; 2 — pads on bow; 3, 4 — arrows.

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

Концевые боковые накладки лука из рассматриваемого погребения дуговидные, длинные, узкие, со спрямленной головкой. Они известны уже у хуннских луков. Наиболее поздние аналоги им представлены в памятниках Алтая III–V вв. н.э., лесостепного Алтая второй половины IV — V в. н.э., в погребениях кенкольской культуры Семиречья, в объектах гуннского времени (конец IV — V в. н.э.) из Восточного Казахстана и др. [Арсланова, 1975, табл. II; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78, рис. 1, 3, 4; Худяков и др., 1998, рис. 1, 4; Горбунов, 2006, рис. 4, 8, 9, 13–15].

К сожалению, форма срединных боковых накладок не установлена, так как окончания пластины перекрыты обмоткой. Однако по наличию прямых параллельных боковых сторон можно предположить, что они имели трапециевидный абрис удлинённых пропорций. Срединные боковые накладки в виде длинных трапециевидных пластин зафиксированы на территории Центральной Азии в памятниках кокзельской культуры (вторая половина III — IV в. н.э.) и в захоронениях чаатинского типа (вторая четверть I тыс. н.э.) [Кызласов, 1979, рис. 21, 3, 4; 24, 2, 4, 6; Худяков, 1986, рис. 22, 1, 3; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 78, 6; и др.]. Луки со срединными боковыми накладками трапециевидной формы имеются в комплексах III–IV вв. н.э. Тянь-Шаня и Восточного Приаралья [Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 1, 2, 5; Левина, 1996, рис. 87, 7, 9; 88, 4, 5]. Близкие по оформлению экземпляры встречаются в бурхотуйской культуре IV–VI вв. н.э. Восточного Забайкалья [Ковычев, 1981, с. 99; Худяков, 1991, с. 51, рис. 24, 7–9]. Похожие накладки найдены в погребениях гуннского времени (конец IV — V в. н.э.) Восточного Казахстана и Южного Приуралья [Засецкая, 1994, табл. 38, 3; Боталов и др., 2006, рис. 43, 1]. Накладки трапециевидной формы в Восточном Туркестане происходят из погребения в Ния, датированного периодом «Хань-Цзинь», не позднее династии Ранняя Лян (317–376 гг. н.э.) [Excavation of Tomb ..., 2000, p. 40, fig. 16, 2, 18]. На территории алтайской лесостепи срединные боковые накладки трапециевидной формы относятся ко второй половине IV — V в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 11, 17; рис. 4, 17, 19]. Начальный период использования таких предметов населением булан-кобинской культуры Алтая предварительно определяется в рамках III в. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 43]. Развитие подобных изделий во второй половине V — начале VI в. н.э. в сторону сокращения длины привело к формированию накладок тюркской культурной традиции [Горбунов, 2006, с. 17]. Таким образом, общая датировка лука из комплекса Урд Улаан Унээт определяется III–V вв. н.э.

Стрелы с железными наконечниками. Сохранились четыре деревянных древка, снабженных железными наконечниками с черешковым насадом. Наиболее показательным в плане хронологии является наконечник с трехгранным пером треугольной формы и цилиндрическим упором (рис. 4, 3). Такие проникатели были предназначены для поражения металлического бронепокрывтия на короткой дистанции [Ведерников и др., 1995, с. 64–65]. В Центральной Азии они известны уже в вооружении хунну I в. до н.э. — I в. н.э. [Худяков, 1986, с. 31, рис. 6, 1; Giscard, 2011, fig. 11]. Наконечники с данным сечением пера интенсивно использовались населением Средней Азии в III–VIII вв. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 84, рис. 6, 7–10, 13–24; Левина, 1993, рис. 17, 6; 80, 4; 1996, рис. 92, 20, 23, 45]. В Северной Азии бронепойные наконечники широко применялись с периода активного внедрения железного доспеха во второй половине IV — V в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 40]. Появление трехгранных наконечников в колчаных наборах воинов Алтая связано с влиянием кенкольского комплекса вооружения во второй четверти I тыс. н.э. Начальный период бытования трехгранных наконечников с цилиндрическим упором у населения булан-кобинской культуры определяется серединой IV — V в. н.э. по находке из кургана № 4 могильника Усть-Бийке-III [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21, 6; Горбунов, 2006, с. 40]. В дальнейшем подобные экземпляры встречаются в раннем и развитом средневековье [Худяков, 1986, с. 146, 171, 185, 1991, с. 114; Горбунов, 2006, с. 33, рис. 24, 15; 29, 31; 31, 19; и др.].

Трехлопастной наконечник с ромбическим пером без упора (рис. 4, 4) относится к числу широко распространенных модификаций проникателей, аналоги которым зафиксированы в колчаных наборах сянби Маньчжурии и Юго-Восточного Забайкалья конца I — III в. н.э., кокзельской и чаатинской культуры Тувы второй половины III — V в. н.э., таштыкской культуры Хакасии IV–VI вв. н.э., одинцовской культуры алтайской лесостепи второй половины IV — V в. н.э., джетыасарской культуры Восточного Приаралья III–V вв. н.э. [Сорокин, 1956, с. 3–14; Данченко, Нестеров, 1989, рис. 2, 2, 3, 7, 12; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81, рис. 3, 1, 3–9, 11–19; 4, 1–5, 8, 9; Левина, 1996, рис. 92, 21–22, 26, 35–37, 45; Подушкин, 2000, с. 66; Троицкая, Новиков, 1998, с. 36, рис. 21, 6, 17, 20, 23, 32; Худяков, 1986, с. 69–70, 92, 111, рис. 27, 25–26; 36, 1, 2, 3–

6; 1991, с. 52, рис. 25, 2, 6, 15; 2005, с. 11, рис. 2]. На Алтае такие наконечники встречаются в закрытых комплексах II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 30–31, рис. 25, 5, 6, 14–17, 23].

Кожаный колчан (рис. 5, 1) имеет корпус в виде цилиндра-тубуса с «карманом» (щитком) в верхней части. В момент ознакомления одного из авторов статьи с данной находкой стрелы в колчане были уложены наконечниками вниз. Колчаны с «карманом» получили широкое распространение в Алтае-Саянском регионе и на сопредельных территориях во второй половине I — начале II тыс. н.э. [Овчинникова, 1990, с. 76, табл. 14; Кубарев, 2005, с. 88–91; Горбунов, 2006, с. 46]. В происхождении и ранней истории распространения подобных изделий в Центральной Азии сохраняется много открытых вопросов. Наиболее ранние уверенно датированные изображения сложившихся («классических») колчанов с карманами представлены в китайских памятниках VI в. н.э. [Панкова, 2011]. По мнению М.В. Горелика [1995, с. 379], происхождение данных колчанов могло быть связано с разделением саадаков с длинной налучью и трубковидным футляром, которое произошло ранее VI в. н.э. Согласно заключению С.В. Панковой [2011, с. 131–132], оригинальные совмещенные саадаки таштыкской культуры, предполагаемые среди изображений на тепсейских плакетках со Среднего Енисея, сочетают в себе местную и пришлую (тюркскую) традиции и относятся ко времени не позднее V–VI вв. н.э. Исследователь считает, что формирование колчанов с карманом связано с территорией Восточного Туркестана. По мнению Г.В. Кубарева [2005, с. 91], генезис данной модификации изделий связан с Алтаем.

Наиболее ранние вещественные находки колчанов с карманом зафиксированы в снаряжении населения булан-кобинской культуры Алтая IV–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 25–28]. В результате «степного влияния» в конце V в. н.э. колчаны с «карманом» (правда, с берестяным корпусом) распространились у воинов Тоба Вэй [Бобров, Худяков, 2005, с. 111]. Можно предположить, что использование подобных изделий в центрально-азиатском регионе связано с традициями материальной культуры кочевых племен, проживавших во владениях Жужанского каганата.

Рис. 5. Элементы снаряжения и бытовые изделия из комплекса Урд Улаан Унээт (без масштаба).

Фото Н.Н. Серегина:

1 — колчан с крюком; 2 — сосуд; 3 — нож; 4, 5 — обувь.

Fig. 5. Elements of equipment and household products from the complex Urd Ulaan Uneet (without scale).

Photo by N.N. Seregin:

1 — quiver with a hook; 2 — vessel; 3 — knife; 4, 5 — shoes.

Железный колчаный крюк (рис. 5, 1) имеет поперечную прямую планку на языке и щиток в виде сомкнутой овальной петли, вытянутой перпендикулярно основанию. Данное изделие

относится к типу 2 классификации колчаных крюков, предложенной одним из авторов настоящей статьи [Матренин, 2017, с. 9, рис. 2, 2–5]. В Центральной Азии ранние находки крюков с поперечной планкой зафиксированы в Туве на некрополе Аймырлыг-XXXI (II–III вв. н.э.)², в Восточном Забайкалье на могильниках Большая Канга-I, Дурой-I (не ранее III в. н.э.), а также в Монголии на памятнике Бурхан-Толгой (впускное погребение 25а, не древнее III в. н.э.) [Эрдэнэбаатар et al., 1998, рис. 5, 7, табл. 1; Ковычев, 2006, рис. 6: III, 4; Зюзин, 2008, с. 168]. Подобные предметы получили распространение в материалах кокзельской культуры Тувы и булан-кобинской культуры Алтая, относящихся ко второй четверти I тыс. н.э. [Вайнштейн, 1970, рис. 60, 2; 73, 8; Матренин, 2017, с. 12–13]. Многочисленные аналоги крюкам с поперечной планкой происходят из комплексов IV–VI вв. н.э. Они представлены в бурхотуйской и дарасунской культурах Восточного Забайкалья, у поздних «сяньби» на территории Северного Китая, у племен курумчинской культуры Прибайкалья, «кенкольцев» Тянь-Шаня, джетыясарского населения Восточного Приаралья, кочевников Приуралья и Северного Причерноморья гуннского времени, племен Новосибирского Приобья и др. [Асеев и др., 1984, с. 170, табл. VI, 8, XVIII, 1, 2, 3, 6; XX, 10; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2, 10, 11; Левина, 1994, рис. 139, 37; Засецкая, 1994, табл. 5, 12; 37, 21, 46, 19; Yu Junyu, 1997, fig. 9, 3; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 23, 9; Кириллов и др., 2000, рис. 75, 5, 76, 2, 80, 10; Боталов и др., 2006, с. 112, рис. 37, 6; Дашибалов, 2011, рис. 21, 10]. Верхнюю хронологическую границу использования крюков с планкой в воинском снаряжении населения Центральной Азии демонстрируют памятники кызыл-ташского этапа (вторая половина V — первая половина VI в. н.э.) культуры раннесредневековых тюрков, раскопанные на территории Алтая [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 4, 6, 7].

Деревянный сосуд в виде кувшина (бокала) с ручкой (рис. 5, 2) обнаруживает точный аналог в памятнике жужанского времени (вторая половина IV — V в. н.э.) некрополя Яломан-II (Центральный Алтай) [Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 70]. Похожие изделия, имеющие иные пропорции тулова, зафиксированы на Алтае в могильниках Бош-Туу-I (II — начало III в. н.э.) и Балыктыюль (середина III в. н.э.) [Сорокин, 1977, с. 62, рис. 4; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 45]. Однако в целом датировочного значения такая бытовая утварь не имеет. К тому же находки подобных изделий в археологических памятниках очень редки, что затрудняет объективное представление о масштабах их распространения.

Остальные категории сохранившегося инвентаря (железный нож с костяной рукоятью, кожаная обувь и др.) (рис. 5, 3–5) весьма показательны для изучения этнографического облика населения Монголии середины I тыс. н.э., а также реконструкции различных сторон системы жизнеобеспечения кочевников, но не информативны в плане хронологической атрибуции анализируемого комплекса.

Основные аспекты культурно-хронологической интерпретации

Скальное захоронение Урд Улаан Унээт, судя по имеющимся сведениям, представляет собой один из наиболее ранних комплексов подобного типа. Погребения, совершенные в гроте, пещере или расщелине скалы, демонстрируют особый вариант обрядовой практики, отличный от наблюдаемой на «стандартных» памятниках. На территории Монголии традиция создания таких объектов получила наибольшее распространение на завершающем этапе тюркского периода, а также в развитии средневековья [Серегин, 2018]. По мнению монгольского археолога С. Хурэлсух [2012, т. 84–86], появление скальных захоронений в большинстве случаев связано со стремлением верхушки общества номадов создать «секретное» захоронение, что было обусловлено нестабильностью военно-политической ситуации в регионе.

Этнокультурная интерпретация скальных погребений, изученных в центрально-азиатском регионе, остается дискуссионной. Существенным фактором, ограничивающим какие-либо заключения, является единичный характер таких объектов. При рассмотрении памятника Урд Улаан Унээт следует учитывать такую показательную черту обряда, как сопроводительное захоронение лошади, не выявленное при раскопках других погребений жужанского времени на территории Монголии. Не исключено, что данный элемент обряда в Западной Монголии может быть обусловлен контактами с носителями булан-кобинской культуры Алтая. Как известно, традиция захоронения человека с конем достаточно широко распространена в погребальной практике различных групп населения данной общности [Серегин, Матренин, 2016, с. 58–62]. Важно

---

² Выражаем признательность сотруднику Государственного Эрмитажа кандидату исторических наук Н.Н. Николаеву за возможность осмотреть часть коллекции этого некрополя.

обратить внимание на то, что в разрушенной скальной могиле находилась не целая лошадь, а ее части — голова и конечности [Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018, рис. 21]. Аналогии данному варианту ингумации с верховых конем в рассматриваемый период фиксируются также в отдельных погребениях булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э. [Серегин, Матренин, 2016, с. 59]. Дополнительным аргументом в пользу предположения о возможном взаимодействии скотоводов Алтая и кочевников Западной Монголии жужанского времени следует считать исследованные погребения булан-кобинской культуры в Баян-Ульгийском аймаке [Төрбат, 2016; Батболд et al., 2018]. Стоит подчеркнуть, что ориентировка умершего человека головой в северо-западный сектор и деревянная погребальная камера также встречаются в ареале носителей булан-кобинской культуры.

Анализ сопроводительного инвентаря, зафиксированного в составе комплекса Урд Улаан Унээт, позволяет датировать погребение серединой IV — V в. н.э. с возможным расширением верхней хронологической границы до начала VI в. н.э. В публикациях монгольских археологов приведены результаты радиоуглеродного анализа одного образца — фрагмента древесины от основы седла (проведен в японской лаборатории): калибровочные данные по 2δ (91,1 %) cal AD 243–357 [Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018, т. 117]. С учетом неизбежного удревления полученной даты в связи с материалом образца (дерево) эти данные в целом подтверждают предложенную выше хронологию скального захоронения.

Предметный комплекс, обнаруженный в скальном погребении Урд Улаан Унээт, отражает весьма широкие контакты населения Монголии жужанского времени в различных направлениях (Алтае-Саянский регион, Забайкалье, Маньчжурия, Восточный Туркестан, Средняя Азия). Кроме того, отчетливо выделяются «западные» связи, очевидно, демонстрирующие сложные миграционные процессы эпохи Великого переселения народов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19-59-44013.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1975. С. 116–129.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Батболд Н., Батсүх Д., Баярхуу Н. Шивээт хайрхан уулын Сяньбийн үеийн булшны судалгаа // Сяньби, Жужаны үеийн түүх, соёлын судалгаа. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2018. Т. 65–69.
- Батсүх Д., Эрдэнэ Б., Энхбаяр Г., Төрбат Ц., Дюшен С., Николаева Д. Монгол-Францын хамтарсан «Тамир» төслийн 2015 оны хээрийн судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи-2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 155–157.
- Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т. Ховд аймгийн Мянгад сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Сяньби, Жужаны үеийн түүх, соёлын судалгаа. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2018. Т. 106–120.
- Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Баяндэлгэр Ч. Ховд аймгийн Мянгад сумын «Урд Улаан Унээт» ууланд хийсэн хадны оршуулгын малтлага судалгаа // Монголын археологи-2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 86–88.
- Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Баяндэлгэр Ч., Мицнх Л. Ховд аймгийн Мянгад сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2017. Т. 5–28.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2005. С. 80–199.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокаль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чурекской культур) // Труды Тувиинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.: Наука, 1970. Т. III. С. 7–79.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск: ИТПМ СО РАН, 1995. 236 с.
- Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX века включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1995. С. 359–430.

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 2).

Данченко Г.П., Нестеров С.П. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской котловины: (Сравнительный анализ) // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 94–103.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: Хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2011. 174 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в. н.э.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Зюзин А.В. Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: Современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Азбука, 2008. С. 168–169.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковычев Е.В. Лук и стрелы восточнозбайкальских племен I тысячелетия н.э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 97–110.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркут. тех. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 242–258.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.

Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремьян: Сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье: (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

Левина Л.М. Могильники Алтынасар-4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV: Джетысарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар. М.: Наука, 1994. 312 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература РАН, 1996. 396 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196–205. (Археология СССР).

Матренин С.С. снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С.С. Псалии кочевников Алтая хунноско-сяньбийско-жужанского времени: Классификация и типология // Известия АлтГУ. 2018. № 2 (100). С. 167–173.

Монголын эртний түүх. Боть III: Жужань. Улаанбаатар, 2017. 229 т.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Очир А., Анхбаяр Б. Жужаны уейн булш // Монгол эртний булш оршуулга. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. III. С. 190–195.

Панкова С.В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2011. С. 117–141.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. — VI в. н.э. Туркестан: МКТУ, 2000. 200 с.

Серегин Н.Н. Скальные погребения Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья: Культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 41–51.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагунылука в 1998 году // Синьцзянское культурное наследие. 2003. № 1. С. 1–19. (На кит. яз.).

Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.

Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. 1956. Т. XXVI. С. 97–117.

Сорокин С.С. Погребения эпохи «Великого переселения народов» в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 77: Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 389–425.

Сяньби, Жужаны үеийн түүх, соёлын судалгаа. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2018. 160 т.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 268 с. (Археологические памятники Алтая; Вып. 3).

Тишкин А.А., Мильников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI вв. н.э.): Традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Төрбатын үеийн булш // Монгол эртний булш оршуулга. Улаанбаатар, 2016. Т. III. С. 182–189.

Төрбат Ц., Эрдэнэ-Очир Н., Батсүх Д., Энхбаяр Г. «Монголчуудын угсаатны бүрэлдэхүүн ба монголчуудын угсаа гарлын цогц судалгаа» төслийн хүрээнд эрдэнэ уул ба Хөх нуурт малтлага хийсэн тухай // Монголын археологи-2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 95–96.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Түвшинжаргал Т., Баярсайхан Ж. Урд улаан унээт уулын хадны оршуулга: эмээлийн туухэн хөгжлийн асуудалд // Нуудэлчдийн ов судлал. 2017. Т. XVIII. Т. 79–93.

Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2017. 80 т.

Хандсүрэн Ц. Жужанское царство // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 66–106.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников во II–V вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Новосибир. ун-т, 2005. С. 19–55.

Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочев В.А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тыттукем в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 279–288.

Хурэлсүх С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал. Улаанбаатар, 2012. 144 т.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008. 239 с.

Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргүй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгүүл. 2003. Т. IV. Ф. 2. Т. 23–28.

Эрдэнэбаатар Д., Төрбат Ц., Эрдэнэбат У., Крюбезы Э., Жискара П.-Х., Мюраи П., Хай Л. Бурхан толгойн хүннү булшны судалгаа // Археологийн судлал. 1998. Б. XVIII. Т. 92–108.

Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсталын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Б. XXXIV. Д. 1–31. Т. 264–276.

Excavation of Tomb (coded 88M1) in a Brickyard at Shiertai Township, Chaoyang // Wenwu. 1997. № 11. P. 19–32. (На кит. яз.).

Giscard P.-H. Some aspects of the study of the funerary practices of Xiongnu common people // Studia Archaeologica. 2011. Т. XXXI. Ф. 6. P. 81–102.

Yu Junyu. Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. №11. P. 42–48. (На кит. яз.).

N.N. Seregin^a, S.S. Matrenin^{a,b}, T.-O. Iderkhangai^c

^a Altai State University
prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

^b Barnaul Law Institute
Chkalova st., 49, Barnaul, 656038, Russian Federation

^c Ulaanbaatar State University
prosp. Dorzha, 5, Ulan-Bator, 210351, Mongolia

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; matrenins@mail.ru; iderkhangai2007@yahoo.com

Cave burial of Urd Ulaan Uneet (Mongolian Altai): potential of cultural-chronological interpretation

The article considers the materials of the Urd Ulaan Uneet cave burial, investigated in 2015. This complex is located in the Tsagaanbulag Myangad Somon of Kobdo Aimak of Mongolia, at the altitude of 1327 m a.s.l. Pre-

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

sented is the description of the circumstances of discovery of this important site, as well as the existing experience of studying and publishing of the materials. The main objective of the study is the detailed analysis of the main categories of finds from the cave burial, the most informative of which include wooden saddle, iron bits with horn psalia, compound bow, arrowheads, leather quiver with iron hook, and wooden vessel. For the interpretation of these items, extensive archaeological sources of the Syanby-Rouran and medieval time, assembled during the excavations in various parts of the Central Asian region, were involved. Based on the results obtained, a number of conclusions have been made regarding the cultural and chronological interpretation of the site. It has been established that the Urd Ulaan Uneet complex is one of the rare objects of the Rouran time in Mongolia, and the only known cave burial of this chronological period. The monument can be confidently dated to the middle of the 4th–5th c. AD with the possible extension of the upper chronological boundary to the beginning of the 6th c. AD. This conclusion is generally supported by the results of radiocarbon analysis presented in the publications of Mongolian archaeologists. An indicative characteristic of the cave site, not revealed during the excavations of other objects of the Rouran period in Mongolia, is the accompanying burial of a horse. Obviously, this feature of the funeral rite is explained by contacts with the population of the Bulan-Koby Culture. The weighty argument in favor of the proposed possible interactions between the Altai cattle breeders and nomads of Western Mongolia in the Rouran period could be found among the investigated burials of the Bulan-Koby Culture in the Bayan-Ulgii Aimag. The material complex found during the excavation of the Urd Ulaan Uneet cave burial reflects the very wide contacts of the population of Mongolia in various directions (Altai-Sayan Region, Trans-Baikal Region, Manchuria, East Turkestan, Central Asia) in the middle of the 1st mil. AD. In addition, the «western» relations are clearly distinguishable; these obviously demonstrate the complex migration processes of the Great Migration Period.

Key words: rock burial, Rouran period, Mongolian Altai, finds, chronology, interpretation.

Funding. The reported study was funded by RFBR and MCESSM according to the research project № 19-59-44013.

REFERENCES

- Arslanova F.Kh. (1975). Mounds with a «mustache» of East Kazakhstan. In: *Drevnosti Kazakhstana* (pp. 116–129). Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. (Rus.).
- Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. (1984). *Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (on materials of burials)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bayarsaikhan Zh., Tuvshinzhargal T. (2018). Monument «Urd Ulaan Unaet» in Mangyad somon of Khovd aimak. In: *Sian'bi, Zhuzhany uein tykh, soelyn sudalгаа* (pp. 106–120). Ulaanbaatar: Mongolyn Yndesnii muzei. (Mong.).
- Bayarsaikhan Zh., Tuvshinzhargal T., Bayandelger Ch. (2016). Investigation of rock burial at «Ulan Uuat» mountain in Myangad soum, Khovd province. In: *Mongolyn arkheologi-2015* (pp. 86–88). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Bayarsaikhan Zh., Tuvshinzhargal T., Bayandelger Ch., Mshchknkh L. (2017). Monument «Urd Ulaan Unaet» in Mangyad somon of Khovd aimak. In: *Khadan geriin soel* (pp. 5–28). Ulaanbaatar: Mongolyn Yndesnii muzei. (Mong.).
- Batbold N., Batsukh D., Bayarkhuu N. (2018). Study of the Syanbi burials of the Shiveet Khankhan monument. In: *Sian'bi, Zhuzhany uein tuukh, soelyn sudalгаа* (pp. 65–69). Ulaanbaatar: Mongolyn Yndesnii muzei. (Mong.).
- Batsukh D., Erdene B., Enkhbayar G., Turbat Ts., Duchesne S., Nikolaeva D. (2016). The results of the work of the joint Mongol-French expedition in the framework of the Tamir project in 2015. In: *Mongolyn arkheologi-2015* (pp. 155–157). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Bobrov L.A., Khudiakov Yu.S. (2005). Military affairs of the Syanbi states of Northern China of the 4th–6th centuries AD. In: *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v sian'biiskuiu epokhu* (pp. 80–199). Novosibirsk: Novosib. un-t. (Rus.).
- Botalov S.G., Tairov A.D., Liubchanskii I.E. (2006). *Mounds with a «mustache» of the Ural-Kazakhstan steppes*. Cheliabinsk: Izd-vo Iuzhno-Ural'skogo filiala IIA UrO RAN. (Rus.).
- Danchenok G.P., Nesterov S.P. (1989). Two burials of the Hun-Sarmatian era from the Aymyrylg basin: (Comparative analysis). In: *Metodicheskie problemy rekonstruktsii v arkheologii i paleoekologii* (pp. 94–103). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Dashibalov B.B. (2011). *Antiquities of the Khori-Mongols: The Hunno-Syanbi heritage of Baikal Siberia*. Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. un-ta. (Rus.).
- Davydova A.V. (1996). *Ivolginsky archaeological complex. Vol. 2: Ivolginsky burial ground*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (Rus.).
- Erdenebaatar D., Turbat Ts., Erdenebat U., Crubezy E., Giscard P.-H., Miurai P., Khai L. (1998). Burials of the Xiungnu at the Burkhan Tolga site. *Arkheologiiin sudlal*, (18), 92–108. (Mong.).
- Eregzen G., Ishteren L. (2014). Chronology of finds from the Khudgyn Khalzan complex and questions of archeology of Rouran. *Arkheologiiin sudlal*, (34), 264–276. (Mong.).
- Gavrilova A.A. (1965). *Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).

- Giscard P.-H. (2011). Some aspects of the study of the funerary practices of Xiongnu common people. *Studia Archaeologica*, (31), 81–102.
- Gorbunov V.V. (2006). *The military affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part II: Offensive weapons*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Gorelik M.V. (1995). Armament of the peoples of East Turkestan. In: *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i ran-nem srednevekov'e* (pp. 359–430). Moscow: Nauka, 1995. (Rus.).
- Khandsuren Ts. (1993). Rouran kingdom. In: *Etnicheskaia istoriia narodov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii* (pp. 66–106). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov Yu.S. (1986). *Armament of the medieval nomads of South Siberia and Central Asia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov Yu.S. (1991). *Armament of Central Asian nomads in the Era of the Early and Developed Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov Yu.S. (2005). Armament of the Central Asian nomads in the 2nd–5th centuries AD. In: *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v sian'biiskuiu epokhu* (pp. 19–55). Novosibirsk: Novosib. un-t. (Rus.).
- Khudiakov Yu.S., Ebel' A.V., Kochev V.A. (1998). Bow and arrows from the burial on the Kam-Tyttukem river in the Altai Mountains. In: *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* (pp. 279–288). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Khurelsukh S. (2012). *The results of the study of cave burials*. Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. (2000). *Darasun complex of archaeological sites. East Transbaikalia*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Kliashornyi S.G., Savinov D.G. (2005). *Steppe empires of ancient Eurasia*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (Rus.).
- Komissarov S.A., Khudiakov Yu.S. (2007). Once again about the origin of the stirrups: The Syanbi factor. In: *Istoriia i kul'tura ulusa Dzhuchi* (pp. 246–266). Kazan': Fen. (Rus.).
- Konovalov P.B. (1976). *Hunnu in Transbaikalia: (Funeral monuments)*. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd-vo. (Rus.).
- Kovychev E.V. (1981). Bow and arrow of the East Transbaikal tribes of the 1st millennium A.D. In: *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii* (pp. 97–110). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kovychev E.V. (2006). Some questions of the ethnic and cultural history of East Transbaikalia at the end of the 1st millennium BC — I millennium AD. In: *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii. Vyp. 4* (pp. 242–258). Irkutsk: Izd-vo Irkut. tekhn. un-ta. (Rus.).
- Kozhombardiev I.K., Khudiakov Yu.S. (1987). Kenkol warrior weapon complex. In: *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii* (pp. 75–106). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kradin N.N. (2007). *Nomads of Eurasia*. Almaty: Daik-Press. (Rus.).
- Kubarev G.V. (2005). *Culture of the ancient Turks of Altai (based on materials from funerary monuments)*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Kychanov E.I. (2010). *The history of ancient and medieval states bordering China (from the Huns to the Manchus)*. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. (Rus.).
- Kyzlasov L.R. (1979). *Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)*. Moscow: Izd-vo MGU. (Rus.).
- Levina L.M. (1994). *Altinazar-4 burial grounds. Vol. IV. Part 3–4*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Levina L.M. (1996). *Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. I millennium BC — I millennium AD*. M.: Vostochnaia literatura RAN. (Rus.).
- Mamadakov Iu.T., Gorbunov V.V. (1997). Ancient Turkic burial mounds of Katanda III. In: *Izvestiia laboratorii arkheologii* (pp. 115–129). Gorno-Altai: GAGU. (Rus.).
- Mandel'shtam A.M., Stambul'nik E.U. (1992). Hun-Sarmatian period in the territory of Tuva. In: *Stepnaia poloska Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* (pp. 196–205). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Matrenin S.S. (2017). *Altai nomadic equipment (1st century BC — 1st century AD)*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (Rus.).
- Matrenin S.S. (2018). Psalia of the Altai nomads of the Hunnu-Syanbi-Juan time: Classification and typology. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 167–173. (Rus.).
- Ochir A., Ankhbayar B. (2016). Burial of Rouran time. In: *Mongol ertnii bulsh orshuulga* (pp. 190–195). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Ovchinnikova B.B. (1990). *Turkic antiquities of Sayano-Altai in the 6th–10th centuries*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).
- Pankova S.V. (2011). Warriors of Tashtyk miniatures: Attribution possibilities. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* (pp. 117–141). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).
- Podushkin A.N. (2000). *Arys culture of South Kazakhstan 4th century BC — 6th century AD*. Turkestan: MKTU. (Rus.).
- Seregin N.N. (2018). Rock burials in Altai and adjacent territories of the Early Middle Ages: Cultural-chronological and ethnosocial interpretation. *Povolzhskaya arkheologiya*, (2), 41–51. (Rus.).
- Seregin N.N., Matrenin S.S. (2016). *Funeral rite of Altai nomads in the 2nd century BC — 11th century AD*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

- Soenov V.I. (1998). The bit and psalia of the Hun-Sarmatian time of the Altai Mountain. In: *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e* (pp. 93–98). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Sorokin S.S. (1956). Central Asian underground and catacomb graves as local cultural monuments. *Sovetskaiia arkhologia*, (26), 97–117. (Rus.).
- Sorokin S.S. (1977). Burials of the era of the «Great Migration of Peoples» in the region of Pazyryk. *Arkhologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, (18), 57–67. (Rus.).
- Stepanova E.V. (2015). Saddles of the Hun-Sarmatian time. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 77: Arkheologia bez granits: Kollektii, problemy, issledovaniia, gipotezy* (pp. 389–425). St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha. (Rus.).
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V. (2005). *The complex of archaeological sites in the valley Biyke (Altai Mountains)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. (2018). *Altai in the Syanbi-Juan time (based on the Stepushka monument)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Tishkin A.A., Myl'nikov V.P. (2016). *Woodworking in Altai in the 2nd century BC — 5th century AD (based on materials of the monuments Yaloman II and Bosch-Tuu-I)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Tishkin A.A., Seregin N.N. (2011). The subject complex of the monuments of the Kyzyl-Tash stage of Turkic culture (2nd half of the 5th — 1st half of the 6th centuries AD): Traditions and innovations. In: *Teoriia i praktika arkhologicheskikh issledovani. Vyp. 6* (pp. 14–32). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Troitskaia T.N., Novikov A.V. (1998). *Verkhnuaya Ob culture in Novosibirsk Ob river Region*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Tsevendorzh D., Bayar D., Tserendagva Ya., Ochirkhuiag Ts. (2008). *Archeology of Mongolia*. Ulanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Rus.).
- Tsevendorzh D., Tserendagva Ya., Erdene-Ochir N. (2003). The publication of one destroyed burial. *Tuukhiin setguul*, (2), 23–28. (Mong.).
- Turbat Ts. (2016). Common Syanbi burials. In: *Mongol ertnii bulsh orshuulga* (pp. 182–189). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Turbat Ts., Erdene-Ochir N., Batsukh D., Enkhbayar G. (2016). A comprehensive study of the ethnogenesis and tribal composition of the Mongolian tribes based on archaeological excavations of the Erdene uul and Hoh nuur complexes. In: *Mongolyn arkheologi-2015* (pp. 95–96). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Tuvshinzhargal T., Bayarsaikhan Zh. (2017). Cave burial Urd Ulaan Uneet: A rare find of a saddle. *Nuudelchdiin ov sudlal*, (18), 79–93. (Mong.).
- Vainshtein S.I. (1970). Excavations of the Kokel burial ground in 1962 (burials of the Kyzylgan and Syyn-Churek cultures). In: *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii. T. 3* (pp. 7–79). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Vainshtein S.I. (1991). *Nomad World of the Center of Asia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Vedernikov Yu.A., Khudyakov Yu.S., Omelaev A.I. (1995). *Ballistics from arrows to missiles*. Novosibirsk: ITPM SO RAN. (Rus.).
- Vorob'ev M.V. (1994). *Manchuria and Eastern Inner Mongolia (from ancient times to the 9th century inclusive)*. Vladivostok: Dal'nauka. (Rus.).
- Yu. Junyu (1997). Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang. *Wenwu*, (11), 42–48. (Chin.).
- Zasetskaia I.P. (1994). *The culture of nomads of the Southern Russian steppes in the Hun era (end of 4th — 5th century AD)*. St. Petersburg: Ellips Ltd. (Rus.).
- Ziuzin A.V. (2008). Weapons from the Syanbi burial site Dura-I in East Transbaikalia. In: *Etnokul'turnaia istoriia Evrazii: Sovremennye issledovaniia i opyt rekonstruktsii* (pp. 168–169). Barnaul: Azbuka. (Rus.).

Серегин Н.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Матренин С.С., <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Идэрхангай Т.-О., <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

О.Ф. Хайруллина, Е.М. Черных

Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, корп. 2, Ижевск, 426034
E-mail: olenbka93@bk.ru; emch59@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЯ С НАКОНЕЧНИКАМИ СТРЕЛ В МОГИЛЬНИКАХ МАЗУНИНСКОГО ТИПА В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

Рассматриваются комплексы погребений в могильниках мазунинского типа Среднего Прикамья (III–V вв. н.э.), содержавшие наконечники стрел. Анализ позволяет утверждать, что погребальный обряд мазунинских захоронений со стрелами соответствует общим признакам данного культурного образования. Ассортимент костяных наконечников стрел, входивших в основной комплект сопроводительного инвентаря мужских погребений, в целом наследует прежние ананьинско-пьяноборские (чегандинские) / карабызские традиции; аналоги железным стрелам известны в первую очередь среди ближайших соседей мазунинцев — азелинского, гляденовского и южного кочевнического населения. Погребальный инвентарь местных воинов по составу неоднороден: четко выделяются две группы погребений, одна из которых обеспечена только метательным оружием — наконечниками стрел; комплекс вооружения второй группы представлен различными видами оружия как дистанционного, так и ближнего боя. Как показал палеоантропологический анализ захороненных на Боярском «Арай» могильнике, происхождение мазунинских воинов в составе одной популяции могло быть различным. Это наблюдение, сделанное для отдельного памятника, требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: Западное Предуралье, Среднее Прикамье, мазунинская культура, могильники, погребальный обряд, предметы вооружения, наконечники стрел.

Введение и объект исследования

Переход от культур раннего железного века к раннесредневековым в Волго-Камском регионе совершался в особый период мировой истории — в эпоху Великого переселения народов. Этот период характеризуется масштабными миграционными процессами, в разной степени затронувшими отдельные районы этого обширного региона. Инфильтрации в местные лесные сообщества разноэтничных групп, в том числе военизированных, присутствие которых фиксируется исследователями и на территории Среднего Прикамья, в ареале памятников мазунинского типа пьяноборской КИО (мазунинской культуры, по Т.И. Останиной), нашли отражение не только в погребальном обряде (появление прежде всего курганных могильников) — они оставили след в костюмном комплексе, типах вооружения местных социумов. И если к воинам «пришельцам» в отечественной археологии наблюдается давний устойчивый интерес (количество публикаций, в которых авторы обращаются к столь сложному и неординарному явлению с различных ракурсов — этногенез, вещеведение (в первую очередь импорты), хронология, типы миграций и т.д., — сложно перечислить [Генинг, 1976; Сунгатов и др., 2004; Голдина, Голдина, 2010, с. 180–195; Голдина, Бернц, 2010, 2016, 2017; Голдина, 2018; Зыков, 2011; Перескоков, 2018, с. 106–120; и др.]), то о местных мазунинских «рыцарях» сказано сравнительно немного [Иванов, 1984; Овсянников, 1994, с. 65–67; Останина, 1997; Волков, Сабиров, 2005; Бернц и др., 2015].

Обращение авторов данной статьи к одной из категорий мазунинского комплекса вооружения — наконечникам стрел (далее — НС) вызвано недавним наблюдением, сделанным антропологом, к.и.н. И.Г. Широбоковым (МАЭ им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург) при работе с коллекцией нового мазунинского некрополя в Удмуртском Прикамье — Боярского «Арай» могильника ([Широбоков, Черных, 2016]; подробнее о могильнике: [Черных, Хайруллина, 2018]). Им был установлен факт неоднородности группы, оставившей могильник, по морфологическим признакам. При разбивке анализируемой выборки с учетом наличия или отсутствия в погребении НС, дротиков и/или колчаных крючков выявлена группа мужских костяков, отличавшихся от остальных мужчин более крупными размерами черепа, низкими орбитами, хорошо выраженным рельефом в области надбровья и надпереносья. На статистически значимом уровне они характеризуются также большей величиной продольных размеров лучевой и большой берцовой костей, большими обхватными размерами плечевой, бедренной и большой берцовой костей. Выявленные различия, по мнению антрополога, нельзя объяснить прижизненными изменениями

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

морфологии скелета индивидов, активно занимавшихся стрельбой из лука. Более вероятным (хотя и труднодоказуемым) объяснением указанных различий исследователь считает исходные конституциональные особенности данной мужской группы, повышающие способности к физическим нагрузкам. Кроме того, указанные различия могли явиться следствием принадлежности части погребенных к разным по происхождению группам [Широбоков, Черных, 2016, с. 28–29].

Гипотеза

Группа погребений со стрелами на Боярском могильнике выделена условно и, вероятнее всего, не является реальной популяционной выборкой. Но выявленные с помощью антропологии различия внутри отдельно взятого небольшого некрополя (всего 183 погребения) вполне могли оказаться общими для погребального обряда и инвентаря мазунинских «лучников» в целом.

Особо отметим, что отождествление данной выборки с какой-либо социальной группой в мазунинском обществе преждевременно. Для выполнения такой работы необходимо использовать корпус всех имеющихся источников по мазунинским погребениям не только с наконечниками стрел, но и с другими категориями оружия в целом. Это тема отдельного большого исследования. Несмотря на то что настоящая работа имеет цель, заключающуюся в проверке указанной выше гипотезы на доступных (опубликованных с различной степенью полноты) материалах мазунинских могильников, полученные выводы, в том числе по погребальному обряду мазунинских лучников, на наш взгляд, могут оказаться полезными для тех исследователей, кто целенаправленно изучает военное дело населения Волго-Камья, а также в решении палеосоциологических и иных задач рассматриваемого периода.

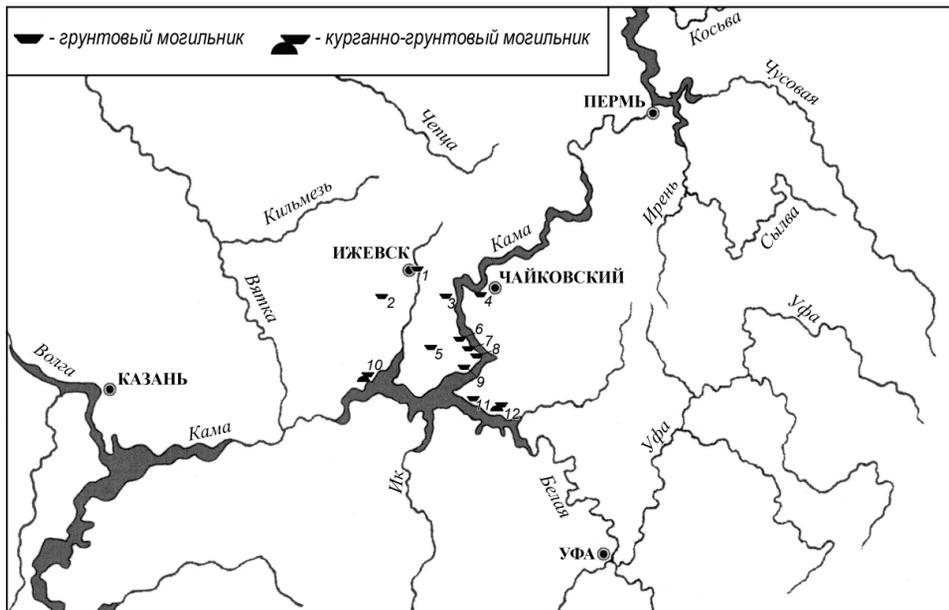
С целью проверки данной гипотезы нами были рассмотрены 148 погребений (5,6 %; подсчитано от 2615 погребений на 12 мазунинских некрополях) и 146 костяков с НС из 12 некрополей III–V вв. Среднего Прикамья. Географически 9 из анализируемых могильников располагаются на правом берегу р. Камы (Боярский, Тарасовский, Тураевский I, Ижевский, Покровский, Дубровский, Чепанихинский, Мазунинский, Усть-Сарапульский), остальные — на левом берегу Камы (Сайгатский в Пермском Прикамье, Старо-Муштинский и Старо-Кабановский в низовьях р. Белой) (рис. 1) [Черных, отчет-2002–2005, 2007–2009; Голдина, 2003; Голдина и др., 2015; Голдина, Бернц, 2010; Генинг, 1967а; Останина, 1984, 1992; Бернц, отчет-2010; Черных, отчет-2012, 2013, 2017; Семенов, 1967; Генинг, Мырсина, 1967; Арматынская, 1986; Стоянов, 1962; Сунгатов и др., 2004; Васюткин, Останина, 1986]. В общую выборку не вошли материалы подкурганых захоронений Тураевского могильника, поскольку имеют существенные различия как в погребальном обряде, так и в погребальном инвентаре с могильниками мазунинского типа. Немногочисленные наконечники стрел, обнаруженные в курганах I (погр. 2) и VII (погр. 1) [Генинг, 1976, рис. 7, 14-2, 26-1; 32-15, 16; с. 62, 77], рассмотрены отдельно в сюжете о железных наконечниках стрел (см. ниже).

Погребальный обряд группы захоронений с НС

Форма и размеры погребальных сооружений в рассматриваемой выборке типичны для мазунинского погребального обряда в целом — это прямоугольные ямы с вертикальными стенками и плоским дном; преобладают следующие размеры: длина — 211–240 см (47 погр.) и 241–270 см (39 погр.), ширина — 71–90 см (54 погр.) и свыше 90 см (39 погр.), глубина — 61–80 см (39 погр.) и 81–100 см (48 погр.). Из общей статистики выбивается погр. 1705 Тарасовского могильника, с очень глубокой ямой (342 см) пятиугольной формы, расширенными ко дну торцевыми стенками и едва выраженными ступеньками. Отклонением от «общих» мазунинских погребальных стандартов, по-видимому, следует считать наличие крупных камней в засыпке могильных ям 57 и 199 Дубровского могильника, а также облицовку одной из продольных стенок вертикально поставленными плитами в погр. 56 Мазунинского могильника. Последнее явление характерно только для данного некрополя, поскольку он располагается в месте залегания природного камня. Однако вырубленных в песчанике погребений немного — всего 11 из 69 исследованных на могильнике [Генинг, Мырсина, 1967, с. 85–89].

Данные по ориентировке могил лучников имеются лишь для четырех некрополей: Тарасовский, Боярский, Дубровский и Тураевский I. Практически для всех указанных могильников характерно промеридиональное направление могил (ССВ–ЮЮЗ/СВ–ЮЗ, ССЗ–ЮЮВ/СЗ–ЮВ, С–Ю) и связь с рекой. Так, более половины погребений Боярского могильника (13 случаев) имели широтную ориентацию (ВСВ–ЗЮЗ или В–З), что при знакомстве с топографией памятника обнаруживает следование руслу р. Камы, которое делает здесь петлю.

Большинство погребений с НС следует рассматривать как индивидуальные. Коллективные захоронения (всего 21 случай) включали по два (Боярка 33, 66, 145; Тарасово 35, 452, 795, 919, 924; Тураево 140, 268; Ижевск 80, 95, 102, 120; Покровское 100, 142), три (Боярка 23; Тарасово 620, 680; Покровское 31) или пять (Боярка 115) костяков. В большинстве своем стрелы принадлежали только одному из умерших, как исключение — обоим индивидам (например, Боярка 33, Тураево 268). По имеющимся антропологическим определениям в таких, по-видимому, «семейных склепах» были захоронены совместно только мужчины, причем один из них старше другого на 10–20 лет (Боярка 33, 145; Тарасово 35, 795), либо мужчина и женщина (Боярка 66; Тураево 140; Ижевск 80; Покровское 100), либо взрослые с детьми (Боярка 23, 115; Тарасово 680, 919, 924; Покровское 31).

Рис. 1. Карта расположения мазунинских могильников с наконечниками стрел:

1 — Ижевск; 2 — Покровское; 3 — Чепаниха; 4 — Сайгатка; 5 — Дубровский; 6 — Усть-Сарапулка; 7 — Мазунино; 8 — Тарасово; 9 — Боярка; 10 — Тураево I; 11 — Старо-Кабаново; 12 — Старая Мушта.

Fig. 1. Map of Mazunino burial grounds with arrowheads:

1 — Izhevsk; 2 — Pokrovskoe; 3 — Chepanikha; 4 — Saygatka; 5 — Dubrovsky; 6 — Ust-Sarapulka; 7 — Mazunino; 8 — Tarasovo; 9 — Boyarka; 10 — Turaevo I; 11 — Staroye Kabanovo, 12 — Staraya Mushta.

Остатки погребальных конструкций обнаружены в 82 погребениях (55,4 %) лучников. В коллективных захоронениях известны случаи использования отдельных конструкций для каждого умершего (к примеру, пп. 23, 115, 145 Боярского, погр. 680 Тарасовского могильников). Условно выделяются деревянные настилы и ящики/гробовища (в пп. 98 и 153 Боярского могильника они имели «ручки»). В погр. 12 Старо-Кабановского могильника умерший был завернут в кору; ее фрагменты также обнаружены в погр. 111 данного некрополя.

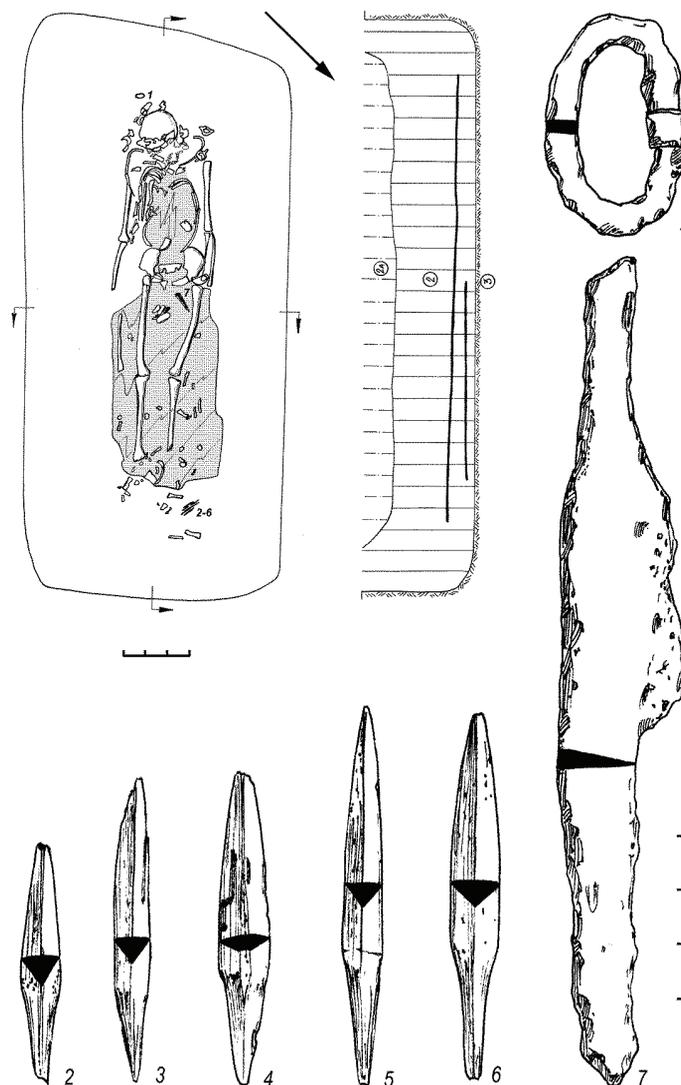
В погребениях с НС отмечены следы культа огня в виде обожженных костей домашних животных (Ижевск 135) и погребальных конструкций (Тарасово 1705, 1846), угольков в засыпке ям (Старая Мушта кк. 2/1, 20/6), а также использование меловой подсыпки или отдельных кусочков мела (Тураево 258; Ст. Мушта 2/1, 20/6; Тарасово 1846). Столь редкие для мазунинского погребального обряда практики [Арматынская, 1991, с. 99; Голдина, Бернц, 2010, с. 66; Голдина и др. 2015, с. 42–43, 263, ил. 274; Широбоков и др., 2018, с. 500; Сунгатов и др., 2004, с. 48] хорошо известны у ранних кочевников евразийских степей, в том числе в позднесарматское время [Статистическая обработка..., 1997, с. 83, 184; 2009, с. 95]. Подобные ритуалы с огнем также отмечены у азелинского населения — западных соседей мазунинцев [Лещинская, 2014, с. 19, 29].

Поза костяков в исследуемой выборке установлена у 145 индивидов, и она также не выходит за рамки мазунинского погребального обряда: умершие укладывались вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами (104 случая, 71,7 %). В редких случаях кисти рук укладывались на таз (Боярка 98, 111). Положение верхних или нижних конечностей не установлено в 14 случаях, в силу различных причин (ритуал, ограбление, современная хозяйственная дея-

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

тельность, плохая сохранность костей) (9,6 %): Тарасово 914; Ижевск 71, 102; Чепаниха 3; Покровское 104; Старая Мушта кк. 3/1, 16/1, 20/6; Боярка 40, 59, 63, 82, 155, 156.

У некоторых из индивидов замечены признаки связывания или обертывания тела перед погребением (Тарасово 623 и 919А, Тураево 258). Небольшие вариации в размещении верхних конечностей отмечены в 24 случаях (16,6 %): кости рук согнуты в локтях (Тураево 36, Ижевск 80А), кисти уложены на таз (Мазунино 56, Боярка 22, 97) либо одна из рук была согнута в локте (иногда кисть укладывалась на таз), а другая помещалась вдоль тела (Тарасово 35Б, 266, 117, 924Б, 960, 1717, 1846; Тураево 22, 65, 98, 209, 258; Ижевск 92, 95А, 104, 135; Старая Мушта, к. 2/1; Чепаниха 28; Боярка 107). Нестандартное размещение нижних конечностей зафиксировано в трех случаях: левая нога умершего из погр. 1754 Тарасовского могильника чуть согнута в колене и развернута в правую сторону, смещение правой берцовой кости отмечено в погр. 111 Старо-Кабановского некрополя; «поза всадника» (ноги раскинуты в стороны и согнуты в коленях) установлена в погр. 14 этого же могильника.

Рис. 2. Боярский «Арай» могильник. Погребение 146:
1 — пряжка, железо; 2–6 — наконечники стрел, кость; 3 — нож, железо.
Fig. 2. Boyarka (Aray) burial ground. Grave 146:
1 — belt buckle, iron; 2–6 — arrowheads, animal bone; 3 — knife, iron.

Нарушение анатомического порядка в захоронениях с НС выявлено у 18 костяков (12,3 %). Особенно ярко прослеживается данное явление в Боярском могильнике (41 случай), где фиксируется практически у каждого четвертого костяка [Черных, Хайруллина, 2018, с. 88–90]. Для

анализируемых мазунинских погребений с НС достаточно четко выделяются группы разрушенных, отмеченные для Боярского некрополя. В группу отклонений с «тотальным» нарушением анатомического порядка скелета (кости разбросаны по всей площади могильной ямы) вошел костяк А погр. 115 Боярского могильника. В одной могиле с ним находились еще 4 захоронения с обычным порядком скелетов, что является, скорее всего, неслучайным и свидетельствует об избирательности ритуальных практик «боярцев». В остальных установленных случаях фиксируются разрушения лишь отдельных частей скелета: черепа (его отсутствие — Сайгатка 32, Боярка 78), рук (отсутствие кисти или верхней конечности, смещение и перемещение фаланг пальцев к бедренным костям, отчленение и перемещение кисти к черепу — Тарасово 243, 263, 266, 1702; Боярка 40), верхней части костяка (смещение грудной клетки, рук — Тарасово 813, 914; Ижевск 71; Чепаниха 3; Покровское 104; Боярка 23А, 106, 146 и 183) (рис. 2), ног (отчленение костей голени — Боярка 155). Большинство описанных случаев, по-видимому, следует связывать с обрядом обезвреживания [Флеров, 2000, с. 12]. Однако некоторые, вероятно, объясняются военными столкновениями (косвенно об этом свидетельствует застрявший в тазовой кости наконечник стрелы погр. 78 Боярского могильника) либо подзахоронениями (Боярка 155).

Ориентировка погребенных с НС определена у 137 индивидов (94,5 %), и, как правило, она не расходится с господствующими представлениями в мазунинском обществе. Выбор диктовался, как подмечено исследователями, наличием водного источника [Останина, 1997, с. 24]: умершие укладывались головой или ногами вниз по течению реки. Эта зависимость прослежена и для группы, оставившей Старо-Муштинские курганы: южная с отклонением к западу ориентировка умерших соответствует течению р. Белой [Сунгатов и др., 2004, с. 50–51].

Погребальный инвентарь захоронений с НС

Доля данной группы погребений в каждом из рассматриваемых могильников неодинакова и варьируется от 2,0 до 13,7 % (табл. 1): наибольшие показатели зафиксированы в Боярском (13,7 %), Чепанихинском (12,5 %), Сайгатском (9,3 %) могильниках, наименьшие — в Усть-Сарапульском некрополе (2,0 %). Всего в них обнаружено более 395 наконечников стрел. Количество стрел в одном погребении могло достигать 7–13 экз., что является скорее исключением и характерно лишь для двух могильников: Тураевского I (22, 36, 95, 209) и Боярского (22, 115А и Б, 119). Преобладали все же в мазунинских погребениях по 1 (61 случай), 2 (29 случаев), 3 (20 случаев) или 4 (19 случаев) «символических» стрелы, реже — по 5 или 6 экз. (7 и 6 случаев соответственно).

Таблица 1

Могильники мазунинского типа с наконечниками стрел

Table 1

Mazinino burials with arrowheads

Могильники	Кол-во погребений / % (от общего кол-ва могил)	Кол-во костяков / % (от кол-ва костяков, обнаруженных в погребениях)	№№ погребений
Тарасовский (мазунинская часть)	44 / 5,1 (871)	40 / 4,4 (917)	1, 35, 49, 64, 117, 164, 205, 241, 243, 256, 263, 266, 319, 380, 452, 453, 484, 552, 620, 623, 680, 742, 789, 795, 807, 811, 813, 815, 834, 841, 914, 919, 924, 953, 960, 961, 1035, 1702, 1705, 1710, 1717, 1754, 1846, 1849
Боярский «Арай»	25 / 13,7 (183)	27 / 14,1 (192)	22, 23, 33, 40, 59, 63, 66, 72, 78, 82, 97, 98, 106, 107, 110, 111, 115, 119, 145, 146, 151, 153, 155, 156, 183
Тураевский I (грунтовая часть)	17 / 6,2 (274)	17 / 5,8 (294)	22, 28, 36, 65, 94, 95, 98, 103, 128, 139, 140, 171, 196, 197, 209, 258, 268
Ижевский	14 / 6,6 (211)	14 / 6,3 (223)	2, 3, 16, 71, 80, 92, 95, 102, 104, 105, 120, 123, 135, 180
Покровский	13 / 3,6 (364)	13 / 3,2 (410)	5, 24, 31, 64, 79, 86, 98, 100, 104, 113, 142, 171, 216
Старо-Кабановский	10 / 6,5 (155)	10 / 6,0 (167)	12, 14, 17, 22, 26, 63, 95, 111, 118, 137
Дубровский	7 / 3,4 (203)	7 / 4,0 (175)	57, 74, 129, 135, 139, 143, 199
Чепанихинский	5 / 12,5 (40)	5 / 12,2 (41)	3, 11, 28, 37, 38
Сайгатский	4 / 9,3 (43)	4 / 9,1 (44)	7, 10, 23, 32
Старо-Муштинский	4 / 3,9 (102)	Нет сведений	к. 2/1, к. 3/1, к. 16/1, к. 20/6
Мазунинский	3 / 4,3 (69)	3 / 4,2 (72)	19, 56, 62
Усть-Сарапульский	2 / 2,0 (100)	2 / 1,8 (109)	86, 88

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

Закономерности в расположении стрел в погребении, как уже отмечалось исследователями [Генинг, 1967b, с. 18; Останина, 1997, с. 30], наблюдаются главным образом по отношению к нижнему отделу скелета: преимущественно у левой стопы (40 случаев) (рис. 2), голени (22 случая), бедра и колена (10 случаев) либо между бедренных костей, голеней или стоп (15 случаев), в области тазовых костей (7 случаев) или обобщенно — в ногах (15 случаев). Реже стрелы помещались рядом с правой нижней конечностью (бедро, голень, стопа — 13 случаев) либо в области черепа и верхних конечностей (руки, грудная клетка — 25 случаев). В погребениях, где наконечников стрел более двух, они лежали, как правило, вместе, скученно. Хаотичное расположение отмечено только в погр. 115А Боярского могильника, анатомический порядок скелета которого, как уже упоминалось выше, нарушен.

Костяные наконечники в коллекциях мазунинских могильников количественно преобладают (119 погребений, 80,4 %); железные экземпляры обнаружены всего в 22 погребениях (14,9 %): Тарасово 49, 453, 552, 811, 1035, 1754; Тураево 28, 65, 94, 103, 268 (А и Б); Ижевск 2; Чепаниха 38; Мазунино 19, 62; Сайгатка 10; Усть-Сарапулка 86, 88; Старо-Кабаново 14, 26, 137; Старая Мушта, к. 2/1. Совместное их помещение зафиксировано в 7 случаях (4,7 %: Тарасово 1846; Тураево 95, 171; Дубровский 57; Старо-Кабаново 22; Старая Мушта, к. 20/6; Боярка 115Б). Как длительное переживание традиции можно отметить стрелы из цветного металла (Тарасово 680Б) или камня (Боярка 82, вместе с костяными НС).

Классификация мазунинских НС известна в различных вариантах [Генинг, 1967b, с. 31; Иванов, 1984, с. 23; Останина, 1997, с. 76–77; Голдина, Бернц, 2010, с. 135–136]. Авторы не ставили перед собой такой задачи специально, но для полноты сюжета вынуждены были обратиться к процедуре классификации имевшихся в нашем распоряжении артефактов. Это опубликованные материалы Тарасовского, Тураевского I, Старо-Муштинского, Сайгатского, Мазунинского, Ижевского, Чепанихинского, Старо-Кабановского, Усть-Сарапульского некрополей, а также еще не изданные материалы Боярского и Дубровского могильников (раскопки Е.М. Черных).

Весь массив наконечников стрел был разделен на группы по материалу; классы выделены по способу насада (черешковые, втульчатые), отделы — по сечению пера (трехгранное, четырехгранное и т.д.), типы и подтипы — по форме пера и оформлению насада (черешок с упором или без него, внутренняя или выступающая втулка) (рис. 3). Однако именно форма пера оказалась самым нестабильным признаком в классификации. В ее определении всегда присутствует субъективный взгляд исследователя, обусловленный отсутствием в древности стандартов изготовления изделий из кости [Крис, 1976, с. 145]. Ручной труд, доступность материала и технологии изготовления привели к вариативности одних и тех же форм НС. Так, прямые и относительно ровные боковые грани пера, близкие к фигуре «треугольник» или «пирамида», имели решающее значение при атрибуции треугольной или треугольно-пирамидальной формы стрелы; плавные очертания соотносились с формой наконечника «лист», «сводчато-пирамидальный», «иволистный». Последние всегда выделяются по метрическим показателям — длинные и узкие.

Среди мазунинских костяных стрел встречаются как черешковые, так и втульчатые экземпляры с трехгранным и четырехгранным сечением пера (рис. 3, 8, 11, 12, 15, 17–19); среди первых (черешковых) известны и достаточно редкие образцы с пятигранным (Мазунино 56), сегментовидным (рис. 3, 16, 20), трапецевидным (рис. 3, 14), трапецевидно- и треугольно-выемчатым (рис. 2, 4; 3, 7, 10), линзовидным (рис. 3, 6), овальным (рис. 3, 9) и круглым (рис. 3, 13) сечением ударных частей. Аналогии последнему обнаружены в гляденовских памятниках [Перескоков, 2018, с. 74, рис. 51, 93–95]. Стрелы с выемчатым сечением были известны в ананьинское время; изготавливались подобные образцы из плюсневых костей северного оленя [Ашихмина и др., 2006, с. 31, рис. 15, 16].

Среди черешковых стрел условно выделяются следующие типы: треугольные (или вытянуто-треугольные: рис. 2, 2, 5; 3, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 17, 18), листовидные (в том числе иволистные: рис. 2, 3, 4, 6; 3, 15, 16, 19), ромбовидные (рис. 3, 8). Переход к черешку оформлен с помощью упора (прямого или сглаженного: рис. 3, 7, 10, 14, 19), иногда с небольшими шипами (рис. 3, 6, 9, 17, 18), встречаются стрелы и без него (рис. 3, 12, 13, 16). При этом мазунинцами чаще использовались стрелы со сглаженным упором или без него. К примеру, в Боярском могильнике прямой упор и шипы, типичные, по мнению некоторых исследователей, для азелинских памятников [Иванов, 1984, с. 23; Матвеев, 2013, с. 102–111], фиксируются у 1/5 НС (21 экз.).

Форма пера втульчатых наконечников различна: треугольно-пирамидальная (рис. 3, 3, 5), сводчато-пирамидальная (рис. 3, 1, 2), бипирамидальная (рис. 3, 4). Редки образцы втульчатых стрел с выступающей втулкой (пп. 263 и 319 Тарасовского могильника: рис. 3, 1); в остальных

случаях втулка расположена внутри тела НС (Ижевск 80А, Чепаниха 28, Сайгатка 7, Тарасово 35Б, 484, 742. 1717: рис. 3, 2–5).

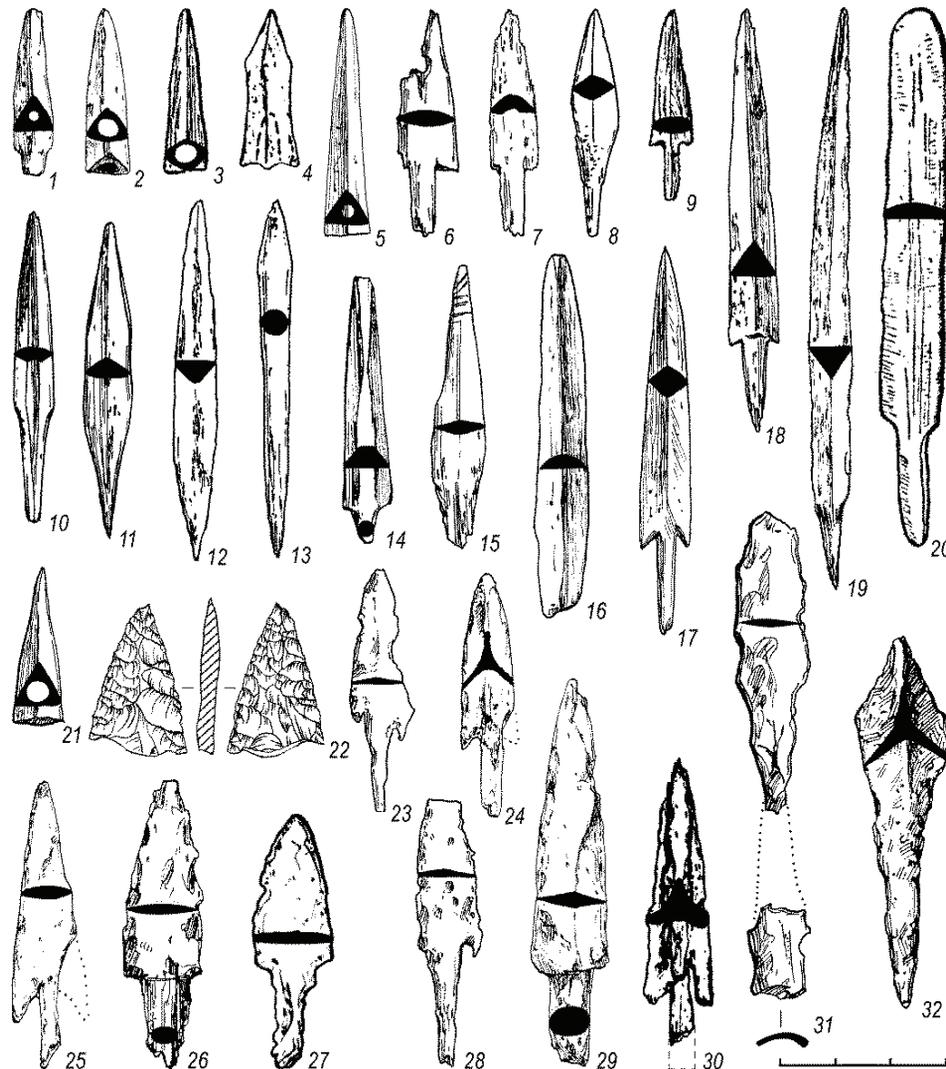

Рис. 3. Наконечники стрел из мазунинских погребений:

1 — Тарасово 263; 2 — Тарасово 914; 3, 9 — Ижевск 80А; 4 — Сайгатка 23; 5 — Тарасово 319; 6 — Боярка 110; 7 — Боярка 145Б; 8, 12, 13 — Боярка 22; 10 — Боярка 78; 11 — Боярка 153; 14 — Тураево 36; 15 — Боярка 106; 16 — Тураево 95; 17 — Тарасово 452А; 18 — Боярка 115А; 19 — Боярка 119; 20 — Ижевск 71; 21 — Тарасово 680Б; 22 — Боярка 82; 23, 28 — Боярка 115Б; 24, 25 — Тарасово 552; 26 — Тураево 171; 27 — Усть-Сарапулка 86; 29 — Тарасово 1754; 30 — Усть-Сарапулка 88; 31 — Тураево 28; 32 — Тарасово 49
(1–20 — кость; 21 — цветной металл; 22 — камень; 23–32 — железо).

Fig. 3. Arrowheads from the Mazunino burials:

1 — Tarasovo 263; 2 — Tarasovo 914; 3, 9 — Izhevsk 80A; 4 — Saygatka 23; 5 — Tarasovo 319; 6 — Boyarka 110; 7 — Boyarka 145B; 8, 12, 13 — Boyarka 22; 10 — Boyarka 78; 11 — Boyarka 153; 14 — Turaevo 36; 15 — Boyarka 106; 16 — Turaevo 95; 17 — Tarasovo 452A; 18 — Boyarka 115A; 19 — Boyarka 119; 20 — Izhevsk 71; 21 — Tarasovo 680B; 22 — Boyarka 82; 23, 28 — Boyarka 115B; 24, 25 — Tarasovo 552; 26 — Turaevo 171; 27 — Ust-Sarapulka 86; 29 — Tarasovo 1754; 30 — Ust-Sarapulka 88; 31 — Turaevo 28; 32 — Tarasovo 49
(1–20 — animal bone; 21 — non-ferrous metal; 22 — stone; 23–32 — iron).

Довольно редкие экземпляры НС происходят из Боярского могильника; один из них имеет короткую конусовидную головку и длинную вытянутую шейку (погр. 22: рис. 3, 13), а другой ромбовидную с вогнутыми сторонами форму пера (погр. 153: рис. 3, 11). Последний находит аналогии среди более ранних ананьинских стрел [Ашихмина и др., 2006, с. 28, 125, 127, рис. 4, 9; 6, 3]. Довольно необычен наконечник из Ижевского могильника (погр. 80А) с длинным пером прямоугольной формы и закругленным острием (рис. 3, 20).

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

Связь мазунинских костяных черешковых НС с предшествующими традициями изготовления таких изделий в ананьинской и пьяноборской (чегандинской) среде [Останина, 1997, с. 77] не вызывает сомнений. Однако, по мнению В.А. Иванова, в пьяноборское время они в большей степени характерны для населения кара-абызской культуры Средней Белой (69,5 %), нежели для чегандинцев (всего 5 %) [1984, с. 12, 14]. Б.Б. Агеевым для чегандинских памятников учтено всего 63 черешковых и 985 втульчатых НС [1992, с. 45]. Выпадение последних лишь в четырех мазунинских могильниках Средней Камы неслучайно и, скорее всего, обусловлено хронологически, однако сами комплексы погребений невыразительны¹.

Среди железных НС известны как втульчатые, так и черешковые экземпляры. Первые имеют линзовидное сечение, листовидную или ромбическую форму пера и выступающую втулку (Тураево 28; Старо-Кабаново 26, 137: рис. 3, 31). Типологически им близки 2 экз. из кургана VII/1 Тураевского могильника [Генинг, 1976, с. 77, рис. 14, 2; 32, 15, 16]. Помимо азелинских могильников, аналогии данному типу Р.В. Матвеев находит в древнемордовских и черняховских памятниках [2013, с. 87–88; Лещинская, 2014, табл. 48, 5]; встречаются они и в гляденовских древностях (Мокинский могильник (?), Луневское II селище, Гляденовское костище) [Перескоков, 2018, с. 74, рис. 53, 1, 9; 54, 8, 36–38]. Ассортимент черешковых наконечников намного шире. Известны стрелы с линзовидным, трехгранным, четырехгранным сечением и треугольной или листовидной формой ударной части; переход к черешку у данных экземпляров оформлен в виде прямого (рис. 3, 26, 27, 29) или сглаженного (Чепаниха 38; Тарасово 1035; Тураево п. 94, курган I/2) упора, шипов (рис. 3, 23, 25, 28). Ближайшие аналогии черешковым стрелам с упором также обнаруживаются в азелинских и гляденовских коллекциях [Матвеев, 2012, с. 319, 321, табл. 2, 10–15; Перескоков, 2018, с. 75, рис. 53, 3–6, 15, 21, 36; 54, 3, 7, 13, 14, 35]. Круг подобных двушипных НС в памятниках конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. достаточно широк: это прежде всего азелинские могильники, памятники писеральско-андреевского круга (Андреевский курган, Писеральские курганы, городище Пичке-Сорче), Кошибеевский могильник, дьяковские, а также гляденовские, постзарубинецкие, пшеворские древности [Гришаков, Зубов, 2009, с. 21, 46–47; Лещинская, 2014, с. 71, табл. 48, 20–22; Матвеев, 2012, с. 318, 319, табл. 2, 17–23]. Обнаружены в мазунинских могильниках и трехлопастные стрелы с ромбическим (Тарасово 49; Старо-Кабаново 22: рис. 3, 32), треугольным или листовидным пером (Усть-Сарапулка 88; Тарасово 552, 1846; Старо-Кабаново 14 и др.: рис. 3, 24, 30). Близкие, но не идентичные последним стрелы встречаются в азелинских [Матвеев, 2012, с. 318, табл. 2, 29], позднесарматских [Хазанов, 1971, табл. XXII] и гуннских [Засецкая, 1994, с. 37, 39, рис. 6, 9] материалах.

Единственный в своем роде бронзовый втульчатый наконечник стрелы из Тарасовского могильника (погр. 680Б) повторяет форму костяных экземпляров — треугольно-пирамидальная, с чуть выпуклыми в средней части пера боковыми сторонами; втулка его спрятана вовнутрь (рис. 3, 21). Особняком в коллекции мазунинских НС стоит довольно любопытная находка в Боярском могильнике (погр. 82) черешковой части стрелы из яшмовидной гальки, покрытой сплошной двусторонней ретушью (рис. 3, 22). Отмечена в области таза погребенного, с левой стороны, как и прочие наконечники стрел, острием к ногам. Вряд ли данный предмет использовался по назначению, скорее всего, служил владельцу чем-то вроде апотропея.

Присутствие стрел в составе сопровождающего погребального инвентаря коррелируется с индивидами мужского пола: половозрастные определения выполнены для 78 костяков (53,4 %) из 8 могильников — Тарасово, Тураево, Покровский, Ижевск, Мазунино, Чепаниха, Дубровский, Боярка [Голдина, Бернц, 2010, с. 11–63; Голдина и др., 2015, с. 118, 120, ил. 42, 44; Останина, 1984, с. 55–58, 61; Останина, 1992, с. 44–60; Акимова, 1961]. Известны случаи помещения стрел в детские (Тарасово 620Б, 841; Покровское 79) и женские (Тарасово 552, 680Б, 789, 807, 811, 924Б, 960, 961, 1035, 1754; Тураево 103, 128; Покровское 86, 113, 216; Ижевск 92, 105; Мазунино 62) погребения. Возрастной показатель для мужчин и женщин с НС одинаков — 16–55 лет и старше, для детей — до 3 лет и 7–9 лет. Стоит отметить, что инвентарь женской группы близок к

¹ Хронологически показательными среди них «ранние» поясные накладки с частыми надпилами и обильным фасетированием (тип Останина-1 [1997, с. 57, рис. 11, 15, 16]), датируемые III в. н.э. [Останина, 1997, рис. 51, 67, 68] или его 1-й половиной [Голдина, Бернц, 2016, рис. 2, 4, 12, с. 20–22], хотя другие гладкие экземпляры (без фасетировки: Сайгатка 7, Тарасово 35Б, 484, 742, 1717) могли использоваться и позднее — во 2-й половине III — IV в. [Голдина, Бернц, 2016, рис. 6, 53, 55]. В рамках последней даты, возможно, укладывается комплекс из азелинского погр. 73 Рождественского V могильника (пряжки Малашев-П7, Лещинская-3г), где также обнаружен костяной втульчатый НС, аналогичный некоторым мазунинским образцам (например, Тарасово 484, 1717; Ижевск 80А) [Старостин, 2009, с. 98, 99, рис. 15, 4, 5, 31, 39, 40; Малашев, 2000, с. 196, 200, 207; Лещинская, 2014, с. 67, 171, 172, табл. 88; 90, 7].

«мужским наборам», за исключением нескольких погребений (Тарасово 680Б, 1754, Тураево 103, Мазунино 62, Ижевск 92), в которых обнаружены бабочковидные фибулы, наборные пояса и жертвенные комплексы с выразительными украшениями — височными подвесками мазунинского типа, браслетами, гривнами, бусами и бисером и т.д. Замечено, что данные комплексы содержали лишь по одному НС (преимущественно железному), которые, вероятно, следует рассматривать как амулет или дар умершей. Кроме того, сугубо «женские» наборы характеризуют единичные погребения с НС Мазунинского (погр. 19), Сайгатского (погр. 10), Старо-Муштинского (кк. 2/1 и 16/1) могильников, но, к сожалению, пол и возраст индивидов в них не определен. Стрелы в таких погребениях были уложены в области черепа, нижних конечностей либо в жертвенных комплексах.

В «мужских» погребальных наборах условно выделяются две группы. Первая из них (и наиболее многочисленная — 118 случаев, 78,1 %; подсчитано от 151 погребального комплекса) характеризуется наличием в погребальном инвентаре только одного вида оружия — наконечников стрел. Разнообразие категорий инвентаря здесь ограничивается 6 комбинациями (табл. 2), среди которых наиболее распространено сочетание стрел с простой поясной гарнитурой (пряжка и наконечник ремня), железным ножом и каким-нибудь предметом (крючок, пронизка и др.) или без него (34 случая). Особое место в этой группе занимают комплексы погребений, в которых найдены расправленные вдоль тела («статусные») наборные пояса с железными или бронзовыми накладками (12 случаев: Тарасово 380, 453, 484, 742, 811, 815, 1717; Боярка 23А; Сайгатка 7; Покровский 31А, 113; Усть-Сарапулка 88).

Таблица 2

Сочетание погребального инвентаря в группе 1

Table 2

Combinations of grave goods in the first group of Mazunino archers

Могильники, №№ погр. Категории инвентаря	Тарасово	Тураево	Ижевск	Чепаныха	Дубровский	Сайгатка	Покровское	Боярка	У.-Сарапулка	Ст.-Кабаново	Ст. Мушта	Мазунино	Всего
Только стрелы	623, 924Б	—	102Б	—	—	—	—	66Б, 72, 115А	—	118	—	56	8
Стрелы + предмет (бусина / подвеска / сосуд /кость)	205, 841, 953, 1710, 1846	—	104, 123	—	—	—	—	63 156	—	—	3/1	—	10
Стрелы + пряжка и (или) бусина / пронизка / накладка	117, 266, 960	—	80А, 120Б, 135	3, 11, 28	74	32	104	33А, 33Б, 59, 111 155	—	14	20/6	—	19
Стрелы + поясная гарнитура + нож + предмет (крючок / пронизка / бляшка / шило / пинцет)	49, 319, 552, 834, 961, 1702, 1849	209	71, 105	38	57, 129, 135, 139	23	5, 24, 86, 98, 142А, 216	40, 82, 97, 98, 106, 146, 151, 153	—	17, 26, 95, 111	—	—	34
Стрелы + нож + предмет (накладка / шило / пинцет, крючок, оселок и др.)	35Б, 64, 263, 789, 813, 914, 1035	94, 140А	95А	—	143	—	64, 79	22, 107, 145Б	—	63	—	—	17
Стрелы + поясная гарнитура + нож + бусина + предмет (сюльгама / шило / пинцет / пронизка / крючок и др.)	1, 452А, 620Б, 795, 807	128, 139, 258, 268Б	—	37	199	—	171, 100А	78, 110, 115А, 183	86	—	—	—	18
Всего	29	7	9	5	7	2	11	25	1	7	2	1	106

Вторая группа представлена всего 23 случаями (15,2 %; подсчитано от 151 погребального комплекта) и отличается от остальных захоронений достаточно широким видовым ассортиментом оружия: наконечниками стрел, мечами, топорами (проушными (Тураево 36, 65, 95, 98, 196; Старо-Кабаново 22, 137), втульчатыми (Тарасово 1705)) и «секировидными» предметами (Ижевск 180, Старо-Кабаново 137)), копьями и дротиками, боевыми косами, а также находками деталей конской упряжи (табл. 3). Основу погребальных наборов составляли предметы группы 1 (простая поясная гарнитура, железные ножи, крючки, бусины и т.д.) в сочетании с наборными поясами и обувными наборами. Замечено, что наиболее распространенной в погребениях груп-

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

пы 2 является комбинация «стрелы + наконечник копья / дротика», изредка дополнявшаяся конским снаряжением (9 случаев, табл. 3). Однако полный комплект вооружения в таких комплексах не зафиксирован, что позволяет высказать, пока весьма осторожно, предположение о существовании в исследуемой выборке более узкой специализации «воинов». Однако это замечание окажется справедливым лишь после специального изучения данной группы захоронений в мазунинских могильниках в целом.

Таблица 3

Сочетание предметов вооружения в группе 2

Table 3

Combinations of weapons in the second group of Mazunino archers

Оружие № погребения	Стрелы	Наконечник копья / дротика	Топор	Боевая коса	Меч	Конская упряжь и (или) удила
Тарасово 164	+	+	-	-	-	-
Тарасово 243	+	+	-	-	-	-
Тарасово 256	+	+	-	-	-	-
Тарасово 919А	+	+	-	-	-	-
Тураево 28	+	+	-	-	-	-
Тураево 268А	+	+	-	-	-	-
Боярка 119	+	+	-	-	-	-
Тураево 22	+	+	-	-	-	+
Тураево 197	+	+	-	-	-	+
Тарасово 1705	+	-	+	-	-	-
Тураево 98	+	-	+	-	-	+
Ижевск 180	+	-	+	-	-	+
Тураево 95	+	+	+	-	-	-
Тураево 196	+	+	+	-	-	-
Тураево 36	+	+	+	-	-	+
Тураево 65	+	+	+	-	-	+
Ст.-Кабаново 22	+	-	+	+	-	-
Ст.-Кабаново 137	+	+	+	+	-	-
Ижевск 16	+	-	-	-	+	+
Тарасово 241	+	-	-	-	+	-
Тураево 171	+	+	-	-	+	+
Ижевск 3	+	-	-	-	-	+
Ст.-Кабаново, 12	+	-	-	-	-	+

Колчаны в погребениях мазунинских «лучников» практически неизвестны. По мнению А.А. Красноперова, за их остатки можно принять находки в погр. 562 Бирского и погр. 85 Тураевского могильников (грунтовая часть) [2013, с. 29–31, рис. 1А, Б]. В первом случае сохранились только две бронзовые накладки прямоугольной формы, декорированные рядами выпуклых полугорошин, пробитые вдоль одной из сторон бронзовыми гвоздиками с полусферическими шляпками. У второго колчана, как считает публикатор, конической формы, одна из сторон деревянной основы была украшена бронзовыми гвоздиками с полусферическими шляпками; чуть выше середины колчана фиксировалась бронзовая накладка с декором в виде крупных и мелких полугорошин. К нему же относятся 6 безязычковых пряжек, зафиксированных *in situ* в верхней части предмета. Характерно, что в обоих указанных погребениях НС отсутствуют. К этому списку, вероятно, следует добавить предмет из Тураевского кургана I/2, интерпретированный В.Ф. Генингом как остатки колчана с деревянной основой, имевшей железную оковку; внутри него находилось 3 железных черешковых стрелы. В комплект к колчану шли медные кольца (или безязычковые пряжки), медная пряжка и серебряное кольцо с двумя обоймами. [Генинг, 1976, с. 62, рис. 25, 7, 17, 21, 24, 29]. Все 3 гипотетических колчана размещались в погребениях по-разному: в Бирском могильнике — у правого плеча умершего, в грунтовой части Тураевского некрополя — вдоль левой ноги (?), в курганной части — между коленей, поперек (?).

Выводы

Анализ погребений с наконечниками стрел из 12 могильников мазунинского типа Среднего Прикамья показал, что такие захоронения в своих общих чертах соответствуют погребальным практикам, характерным для большей части мазунинского населения. Отклонения от общего стереотипа погребального обряда (глубокие ямы неправильной формы, культ огня, использование мела, атипичные положения костяков в могилах и т.д.) довольно редки и могут свиде-

тельствовать о тесных контактах мазунинских общин с представителями иных культур и этносов, в первую очередь с номадами степного порубежья.

Наконечники стрел как атрибут мужской субкультуры фиксируются в погребениях преимущественно в области нижних конечностей захороненных. Особое значение, по-видимому, придавалось левой стороне, что косвенно может указывать на местоположение колчана в экипировке лучника. Полные колчаны при погребении чаще замещались несколькими («символическими») стрелами, которые укладывались кучкой возле тела умершего. В немногочисленных женских погребениях (с большим количеством типично мазунинских украшений в жертвенных/дарственных комплексах, а также наборными поясами) присутствие стрел могло определяться магической функцией таких предметов или подношением их в составе даров умершей.

Костяные стрелы, входившие в основной комплект сопроводительного инвентаря мазунинских мужских погребений, продолжают ананьинско-пьяноборские (чегандинские)/караабызские традиции в изготовлении таких изделий. По своим характеристикам, а также по совместному нахождению с железными стрелами, они, по-видимому, составляли реальное боевое снаряжение мазунинских воинов. Один из погребенных в Боярском могильнике (погр. 78) был убит такой стрелой, застрявшей в его правой подвздошной кости. Ассортимент железных наконечников достаточно разнообразен и обнаруживает аналоги, в первую очередь, среди ближайшего западного (азелинского), северо-восточного (гляденовского) и южного кочевнического окружения «мазунинцев».

Детальный анализ взаимовстречаемости инвентаря в «мужских» погребальных наборах с наконечниками стрел позволил выделить две условные группы погребений. Так, индивиды группы 1, составившие большую часть исследуемой выборки, очевидно, владели только данным видом метательного оружия. Состав их погребальных наборов — простые пояса, железные ножи, единичные бусины и другие предметы — в целом типичен для мужской части мазунинского населения. Заметно отличаются от них индивиды группы 2, владевшие различными видами оружия как дистанционного (копья и/или дротики, боевые косы), так и ближнего боя — мечами, топорами, и передвигавшиеся нередко верхом на лошадях. Вероятно, среди них можно выделить и более выраженную градацию, которую еще предстоит обосновать на значительно большей выборке мазунинских погребений.

Но вернемся к погребениям Боярского могильника с НС, послужившим поводом для выполнения данного исследования. Согласно антропологическим определениям они принадлежали мужчинам от 16 до 55 лет и старше. По составу погребального инвентаря боярские лучники практически ничем не выделяются из общей массы мужских погребений могильника. Но при этом они, вероятно, составляли наиболее боеспособную часть боярского социума, поскольку более половины мужчин в данном некрополе (36 костяков, 55,3 %) были захоронены вообще без оружия. Погребальный обряд и инвентарь боярских захоронений с НС соответствуют мазунинским погребальным стандартам. Выявленные на антропологических материалах некрополя конституциональные различия в мужской серии погребенных, вероятно, могут оказаться справедливыми только для данной боярской общины. Во всяком случае, сделанные наблюдения требуют верификации, и прежде всего в антропологических сериях из остальных могильников мазунинского типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2010 года. Ижевск, 2011 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 532.

Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II — IV вв. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2002 г. Ижевск, 2003 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 421.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2003 г. Ижевск, 2004 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 422.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2004 г. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 438.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2005 г. Ижевск, 2006 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 449.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2007 г. Ижевск, 2008 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 484.

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской республики, проведенных летом 2008 г. Ижевск, 2009 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 495.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2009 г. Ижевск, 2010 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 518.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2012 года. Ижевск, 2013 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 569, 569а.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2013 года. Ижевск, 2014 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 578.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях (раскопках) в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2017 года (Дубровский могильник и селище). Ижевск, 2018 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 622.

Литература

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Акимова М.С. Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья (III–VI вв. н.э.) // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии. М.: б/и, 1961. Вып. 2. С. 305–314.

Арма тынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов: б/и, 1986. С. 26–46.

Арма тынская О.В. Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху раннего железного века (конец IV в. до н.э. — V в. н.э.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 92–104.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шатапов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск: Удмуртский университет, 2006. 220 с.

Бернц В.А., Черных Е.М., Липина Л.И. Меч и всадник эпохи Великого переселения народов: комплекс погребения 11 Дубровского могильника в Южной Удмуртии // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 130–147.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник — памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.

Волков С.Р., Сабиров Т.Р. Комплекс вооружения Тарасовского могильника I–V вв. н.э. // Удмуртия: История и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы и перспективы функционирования родных языков», посвящ. 85-летию государственности УР. Ижевск, 2005. С. 9–14.

Генинг В.Ф. Ижевский могильник IV–V вв. // ВАУ. Свердловск; Ижевск: б/и, 1967а. Вып. 7. С. 123–140.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Свердловск; Ижевск: б/и, 1967b. Вып. 7. С. 7–68.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э.: (Захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань: Казанский филиал АН СССР, 1976. С. 55–108.

Генинг В.Ф., Мырзина Е.М. Мазунинский могильник // ВАУ. Свердловск; Ижевск: б/и, 1967. Вып. 7. С. 85–115.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья — своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. — IX в. н.э.) // Бусы могильников неволинской культуры (конец IV — IX в.). Ижевск: б/и, 2010. С. 156–260.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Казань, Ижевск: Удмуртский университет, 2015. Т. III. 297 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. I // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. II // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д. О миграциях гото-славян в Волго-Камье в III–IV вв. н.э. // XXI Урал. археол. совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара, 2018. С. 283–289.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб.: Элипс Лтд, 1994. 224 с.

Зыков А.П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Уфимский археологический вестник. 2011. № 11. С. 66–79.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

Красноперов А.А. Колчаны в мазунинских погребениях // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 29–31.

- Крис Х.И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища: (Классификация и хронология) // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука, 1970. С. 145–170.
- Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.
- Малашеев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д: Терра, 2000. Вып. 1. С. 194–232.
- Матвеев Р.В.* Наконечники стрел Рождественского V могильника // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 316–323.
- Овсянников В.В.* Погребения «военачальников»: (К проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа: Конкорд-Инвест, 1994. С. 52–88.
- Останина Т.И.* Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.
- Останина Т.И.* Покровский могильник: Каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртия, 1992. 96 с.
- Останина Т.И.* Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.
- Семенов В.А.* Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии // ВАУ. Свердловск; Ижевск: б/и, 1967. Вып. 7. С. 116–122.
- Старостин П.Н.* Рождественский V могильник // Археология Евразийских степей. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. Вып. 9. 144 с.
- Статистическая* обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М.: Институт археологии РАН, 1997. 276 с.
- Статистическая* обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М.: Вост. лит., 2009. 176 с.
- Стоянов В.Е.* Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Свердловск: б/и, 1962. Вып. 4. С. 117–134.
- Сунгаатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху Великого переселения народов: (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.
- Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VII веков: Обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимеда, 2000. 164 с.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 184 с.
- Черных Е.М., Хайруллина О.Ф.* Боярский («Арай») могильник — новый памятник эпохи Великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 86–106.
- Широбок И.Г., Черных Е.М.* Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.
- Широбок И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И.* Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 499–512.

O.F. Khairullina, E.M. Chernykh

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, bld. 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation
E-mail: olenbka93@bk.ru; emch59@mail.ru

Burials with arrowheads in graves of the Mazunino Culture in the Middle Kama Region

The paper is focused on burial grounds of the Mazunino Culture (or Mazunino stage of the Cheganda Culture of the Pyany Bor Cultural-Historical Community by R.D. Goldina) in the Middle Kama Region. They date to the 3rd–5th c. AD and chronologically correlate with the Great Migration Period. The processes of major and minor migrations of that time had an impact on various components of the autochthonous Kama Region cultures. The focus of our research is the burials with throwing weapons, primarily arrowheads found in the Mazunino archers' burials. The interest in throwing weapon was triggered by the heuristical observation of anthropologist Ivan G. Shirobokov for the Boyar «Aray» cemetery, where the existence of morphological differences in a group of buried men with arrowheads was statistically proven. To examine this phenomenon, a working hypothesis was put forward: intra-group differences of one small necropolis could be reflected in the burial rite and the grave goods of all Mazunino archers' burials. In total, 148 burials and 146 skeletons with arrowheads from 12 necropolises of the Mazunino Culture have been examined. The comparative analysis of the burial rite features demonstrated a stable correlation between the presence of arrowheads and male burials. The archers' burials correspond to the burial practices of the majority of the Mazunino population. Rare deviations suggest close relations between local communities and other cultures and ethnicities, primarily with nomadic tribes. Bone arrowheads as a primary weapon of the Mazunino warriors continue the previous traditions of the Ananyino, Pyany Bor (Cheganda) / Kara-Abyz Cultures. A comprehensive analysis of the inter-occurrence of implements in male equipment with arrow-

Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье

heads allowed distinguishing two conventional groups of burials. The first one is characterized by the presence of only arrowheads in the burial equipment. These grave goods were typical for Mazunino population and consisted of ordinary belts, iron knives, beads, etc. The second group was significantly different, as these were individuals who were skilled in using various weapons, and their kit included various types of weapons for both close and long-range combat. Probably, there was a military gradation among such archers, which needs to be supported by analysis of a larger number of the Mazunino burials. The results of our work need to be verified using the anthropological materials from other Mazunino burial grounds.

Key words: Western Cis-Ural, Middle Kama region, Mazunino Culture, necropolis, burial rite, weaponry, arrowheads.

REFERENCES

- Ageev B.B. (1992). *The Pyanobor culture*. Ufa: BSC UB RAS. (Rus.).
- Akimova M.S. (1961). The anthropological materials of Mazunino culture of the Kama region (III–VI centuries A.D.). In: O.N. Bader (Ed.). *Otchety Kamskoi (Votkinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii* (pp. 305–314). Moscow. (Rus.).
- Armatynskaia O.V. (1986). The Ust-Sarapulsky burial ground. In: A.A. Tronin (Ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka* (pp. 26–46). Ustinov. (Rus.).
- Armatynskaia O.V. (1991). The specifics of the burial traditions of the population between the rivers Kama and Belaya in the Early Iron Age (the late IV century BC — V century AD). In: M.G. Ivanova, N.I. Shutova (Eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov* (pp. 92–104). Izhevsk: The Udmurt Institute of History, Language and Literature UB USSR AS. (Rus.).
- Ashikhmina L.I., Chernykh E.M., Shatalov V.A. (2006). *Vyatka region on the eve of the Iron Age: Bone inventory of the Ananyin period (the first millennium BC)*. Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Bernts V.A., Chernykh E.M., Lipina L.I. (2015). A sword and rider of the Great migration: Complex of the grave 11 of the Dubrovsky burial ground in South Udmurtia. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (15), 130–147. (Rus.).
- Chernykh E.M., Khairullina O.F. (2018). Boyarka (Aray) burial ground — a new site of the Migration period in the Middle Kama region. *The Archaeology of the Eurasian Steppe*, (1), 86–106. (Rus.).
- Flerov V.S. (2000). *The Alans of the Central Caucasus foothills in the 5th–8th centuries: Prophylactic rite directed against the dead*. Moscow: Polymedia. (Rus.).
- Gening V.F. (1967a). The Izhevsk burial ground of the IV–V AD. In: A.F. Medvedev (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala. Pamiatniki mazuninskoi kul'tury* (pp. 123–140). Sverdlovsk; Izhevsk. (Rus.).
- Gening V.F. (1967b). The Mazunino culture in the Middle Kama region. In: A.F. Medvedev (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala. Pamiatniki mazuninskoi kul'tury* (pp. 7–84). Sverdlovsk; Izhevsk. (Rus.).
- Gening V.F. (1976). The Turaevo burial ground of the 5th century AD: (The tombs of the generals). In: A.Kh. Khalikov (Ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia* (pp. 55–108). Kazan: The Kazan Branch of the USSR AS. (Rus.).
- Gening V.F., Myrsina E.M. (1967). The Mazunino burial ground. In: A.F. Medvedev (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala. Pamiatniki mazuninskoi kul'tury* (pp. 85–115). Sverdlovsk; Izhevsk. (Rus.).
- Goldina E.V., Goldina R.D. (2010). «A far import» of the Kama region as a demonstration of the process of interaction of the nations of Eurasia (VIII century BC — IX century AD). In: *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV — IX v.)* (pp. 156–260). Izhevsk. (Rus.).
- Goldina R.D. (2003). *The Tarasovo burial ground of the I–V centuries AD on the Middle Kama. Vol. 2*. Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Goldina R.D., Bernts V.A. (2010). *The Turaevo I burial ground — a unique monument of the Great Migration period in the Middle Kama region*. Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Goldina R.D., Sabirov T.R., Sabirova T.M. (2015). *The burial rite of the Tarasovo burial ground of the I–V centuries A.D. on the Middle Kama. Vol. 3*. Kazan; Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Goldina R.D., Bernts V.A. (2016). The chronology of the male burial III–V cent. AD of the Tarasovo burial ground. Part I. *Povolzhskaya arkheologiya*, (3), 17–58. (Rus.).
- Goldina R.D., Bernts V.A. (2017). The chronology of the male burial III–V cent. AD of the Tarasovo burial ground. Part II. *Povolzhskaya arkheologiya*, (1), 172–204. (Rus.).
- Goldina R.D. (2018). About migrations of the Gotho-Slavs in the Volga-Kama river in III–IV centuries AD. In: A.A. Vybornov (Ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie, posviashchennoe 85-letiiu so dnia rozhdeniia G.I. Matveevoi i 70-letiiu so dnia rozhdeniia I.B. Vasil'eva: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (pp. 283–289). Samara: The Samara State Technical University. (Rus.).
- Grishakov V.V., Zubov S.E. (2009). *The Andreyevskiy burial mound in the system of archaeological cultures of Eastern Europe in the Early Iron Age*. Kazan: Institute of History under Tatarstan AS. (Rus.).
- Ivanov V.A. (1984). *Armament and warfare of the Finno-Ugric peoples of the Urals in the Early Iron Age (the first millennium BC — the first centuries AD)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Khazanov A.M. (1971). *The military art of the Sarmatians*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Krasnoperov A.A. (2013). Quivers in Mazunino burials. In: A.N. Sultanova (Ed.). *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysiacheletia* (pp. 29–31). Ufa: Editorial and publishing center of the BashSU. (Rus.).

- Kris Kh.I. (1970). Bone and iron arrowheads of the Troitsky settlement: (Classification and chronology). In: K.F. Smirnov (Ed.). *Drevnee poselenie v Podmoskov'e* (pp. 145–170). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Leshchinskaia N.A. (2014). *Vyatka region in the Pyanobor era (based on the materials of funerary monuments of the I–V centuries AD)*. Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Malashev V.Iu. (2000). The periodization of belt headsets of the Late Sarmatian period. In: Iu.K. Guguev (Ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona* (pp. 194–232). Rostov-na-Donu: Terra. (Rus.).
- Matveev R.V. (2012). Arrowheads from Rozhdestveno V burial ground. *Filologija i kultura*, (4), 316–323. (Rus.).
- Ostanina T.I. (1984). Two of the burial ground of Mazunino culture in Central Udmurtia. In: T.I. Ostanina (Ed.). *Poiski, issledovaniia, otkrytiia* (pp. 26–92). Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Ostanina T.I. (1992). *The Pokrovsky burial ground: Catalogue of the archaeological collection*. Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Ostanina T.I. (1997). *The population of the Middle Kama region in the III–V centuries AD*. Izhevsk: The Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS. (Rus.).
- Ovsianikov V.V. (1994). Burials of «military leaders»: (To the problem of Finno-Permians military organization in the Kama region). In: *Vooruzhenie i voennoe delo drevnikh plemen luzhnogo Urala* (pp. 52–88). Ufa: Konkord-Invest. (Rus.).
- Pereskokov M.L. (2018). *Permian cis-Ural in the end of the Early Iron Age*. Perm: Perm State University. (Rus.).
- Semenov V.A. Two of the burial ground of Mazunino culture in Udmurt Kama region. In: A.F. Medvedev (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala. Pamiatniki mazuninskoj kul'tury* (pp. 116–122). Sverdlovsk; Izhevsk. (Rus.).
- Shirobokov I.G., Chernykh E.M. (2016). Physical anthropology data on the origin of Prikamye population in the Middle of the 1st millennium AD (according to the materials of Boyarskiy «Aray» burial site). *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, (1), 25–34. (Rus.).
- Shirobokov I.G., Chernykh E.M., Nechvaloda A.I. (2018). Anthropological characteristic of skeletal remains from excavation of the Dubrovsky burial ground. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, (4), 499–512. (Rus.).
- Starostin P.N. (2009). *The Rozhdestveno V burial ground*. Kazan: Institute of History under Tatarstan AS. (Rus.).
- Stoianov V.E. (1962). The Saigatsky burial ground on the Middle Kama. In: V.F. Gening (Ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (pp. 117–134). Sverdlovsk. (Rus.).
- Sungatov F.A., Garustovich G.N., Iusupov R.M. (2004). *The cis-Urals in the Great Migration period: (The Staraya Mushta burial ground)*. Ufa: Ufimskii poligrafkombinat. (Rus.).
- Vasiutkin S.M., Ostanina T.I. (1986). The Staro-Kabanovsky burial ground — a monument of Mazunino culture in Northern Bashkiria. In: T.I. Ostanina (Ed.). *Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii* (pp. 64–125). Ustinov: Udmurtia. (Rus.).
- Volkov S.R., Sabirov T.R. (2005). The complex of weapons of the Tarasovo burial ground of the I–V centuries AD. In: *Udmurtiia: Istorija i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Problemy i perspektivy funkcionirovaniia rodnykh iazykov», posviashchennoi 85-letiiu gosudarstvennosti Udmurtskoi Respubliki* (pp. 9–14). Izhevsk: The Udmurt University. (Rus.).
- Zasetskaia I.P. (1994). *Nomadic culture of the South Russian steppelands: The end of the 4th and 5th centuries AD*. St. Petersburg: Elips Ltd. (Rus.).
- Zykov A.P. (2011). The ethnic and cultural situation in the Middle Kama region in the Great Migration period. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (11), 66–79. (Rus.).

О.Ф. Хайруллина, <https://orcid.org/0000-0002-9976-1074>

Е.М. Черных, <https://orcid.org/0000-0001-5800-7545>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

А.А. Ткачев^a, Ал.Ал. Ткачев^b, Т.Н. Рафикова^a

^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^b Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: sever626@mail.ru;
al.al.tkachev@mail.ru;
tnrafikova@yandex.ru

САРОВСКИЙ КОМПЛЕКС С ОЗЕРА СИНГУЛЬ

Материалы поселения Роза Ветров VII позволяют охарактеризовать завершающую стадию раннего железного века лесостепного Притоболья. Изучены жилище, вещевой и керамический комплексы саровского облика. Коллекция отражает специфические признаки посуды — слабопрофилированные круглодонные емкости со скошенными внутрь венчиками и «карнизиками», украшенные монотонными орнаментальными композициями при полном отсутствии фигурных штампов. Формирование саровских комплексов происходило в результате инфильтрации таежного населения в лесостепь в III в. н.э. с территории Сургутского Приобья или Нижнего Прииртышья по основным водным артериям — рр. Иртышу, Тоболу, Исети, Туре. Саровское население приняло участие в генезисе бакальской культуры раннего средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье, ранний железный век, саровский этап кулайской культуры, жилище, вещевой инвентарь.

Введение

Переходный период от раннего железного века к средневековью на территории подтаежного и лесостепного Тоболо-Ишимья характеризуется резкой сменой культур. В отличие от северных районов, где наблюдаются последовательная смена типов памятников, плавное развитие материальной культуры в рамках единой историко-культурной общности, распад саргатской культуры в лесостепной зоне привел к полному изменению ситуации в регионе: на смену саргатской и кашинской культурам раннего железного века приходит ряд раннесредневековых культурных образований — батырская, юдинская (молчановский этап), бакальская, карымская, кушнарниковская. Большая часть из них выделены лишь типологически на основе керамических комплексов поселений. Погребальные объекты раннего средневековья региона единичны и представлены поликультурными могильниками. Все это порождает многочисленные дискуссии о генезисе, хронологической позиции, обоснованности выделения и дальнейшей судьбе носителей указанных культур.

В настоящее время большинство исследователей сходится во мнении, что в формировании раннесредневековых культур лесостепного и подтаежного Зауралья принимало участие и северное таежное население. В IV–VI вв. н.э. инфильтрация карымских групп на юг приняла уже значительные масштабы. Карымские материалы зафиксированы на многих памятниках региона — Козловском могильнике, поселениях СБАО, Малый Байрык-1, городищах Коловское, Усть-Терсюкское-1, Усть-Утякское, Большое Бакальское, Царево (Чинги-Тура), Борки-1, Ласточкино Гнездо-1. Меж тем выявленные и изученные в последние годы археологические объекты, содержащие саровские материалы, позволяют предполагать, что спорадические проникновения северного таежного населения в лесное Зауралье относятся к концу раннего железного века.

Впервые предметы с горы Кулайки, хронологическая позиция и возможная этническая принадлежность оставившего их населения рассмотрены в работе И. Мягкова [1927]. Название кулайской культуры в современном звучании в научную литературу ввел В.Н. Чернецов [1953а, с. 171]. Проблемы культурогенеза, хронологии, разработкой причин миграций носителей кулайской культуры занимались В.Н. Чернецов, М.П. Грязнов, В.А. Могильников, М.Ф. Косарев, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина, Ю.П. Чемякин, Ю.В. Ширин и многие другие исследователи [Грязнов, 1956; Косарев, 1969; Могильников, 1995; Морозов, Чемякин, 2005; Троицкая, 1979; Чернецов, 1953а, с. 128–171; 1953б; Чемякин, 2002, 2008а, 2008б; Чиндина, 1984; Ширин, 2003]. Значительное число работ посвящено изучению семантики кулайского литья. Мы не будем подробно останавливаться на историографии кулайской культуры, так как это тема отдельного обширного исследования. Ограничимся лишь

кратким обзором истории изучения памятников саровского этапа кулайской культуры, так как к этому периоду относятся материалы поселения, рассматриваемые в работе.

Саровский этап кулайской культуры выделен Л.А. Чиндиной и датирован в рамках III/вв. до н.э. — IV/V вв. н.э. [1984, с. 11, 99, 106, 122]. Исследователем подробно охарактеризованы основные типы памятников, жилища, погребальный обряд, инвентарный и керамический комплексы кулайской культуры. Четко прописаны культурно-хронологические отличия, особенно явно выраженные в керамических комплексах васюганского и саровского этапов. Так, например, ярким культурно-хронологическим показателем саровской керамики является скошенный внутрь или горизонтально уплощенный венчик с нависающим карнизиком, основными элементами орнамента — волна, прочерченная или нанесенная штампом, двух- и трехчленный штамп, наклонные, вертикальные или горизонтальные гребенчатые мотивы, «уточка», «змейка», треугольники, скобы, прочерченные линии. Многорядное повторение одних и тех же элементов орнамента создает общее впечатление однообразности и монотонности декора [Там же, с. 88–91].

Как полагает Л.А. Чиндина, именно на саровском этапе происходит освоение населением кулайской культуры огромных территорий. На севере саровцы заселяют Нижнее Приобье до Обской губы и низовьев р. Таз, на юге доходят до верховьев Оби, на юго-востоке — до Чулымской лесостепи, на западе занимают правобережье Среднего и Нижнего Иртыша, на юго-западе — междуречье Оми и Тары. К саровским комплексам Л.А. Чиндина относит усть-полуйские, ярсалинские, фоминские, сперановские древности. Причинами миграций названы экологический, экономический и демографический кризисы [Там же, с. 156–175].

Мнение о расселении носителей кулайской культуры на обширной территории в результате миграций из одного ядра оспаривается рядом исследователей. Так, Ю.П. Чемякин пришел к выводу об автохтонном происхождении населения кулайской культуры на территории Среднего и, возможно, части или всего Нижнего Приобья. Он предполагает, что формирование локальных вариантов кулайской культуры произошло не в результате миграций, а на основе развития местных белоярско-васюганских древностей [Чемякин, 2002, с. 215–216]. Сургутский вариант кулайской культуры, по его мнению, образовался в результате смешения местного белоярского и пришлого калинкинского населения [Морозов, Чемякин, 2005, с. 225]. В кулайской культуре первоначально он выделял две стадии — раннюю и позднюю (саровскую) [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 40–44], в настоящее время — три стадии: раннюю, среднюю и позднюю [Морозов, Чемякин, 2005, с. 201–230]. Автохтонное происхождение кулайской культуры на основе васюганского типа признается им и для Нарымского Приобья, но в Томское, Новосибирское и Барнаульское Приобье кулайское население попадает в результате миграций [Чемякин, 2008а, с. 78–98].

В начале 90-х гг. XX в. коллектив свердловских археологов пересматривает разработанную В.Н. Чернецовым периодизацию памятников Нижнего Приобья. Для Сургутского Приобья было выделено шесть последовательно сменявших друг друга этапов — саровский (I в. до н.э. — III в. н.э.), карымский (III–IV — начало VI в.), зеленогорский (VI — начало VIII в.), кучиминский (VIII–IX вв.), кинтусовский (конец IX — середина XII в.), сайгатинский (середина XII — XVI в.) [Федорова и др., 1991]. В следующей работе А.П. Зыков и Н.В. Федорова предлагают рассматривать памятники таежной зоны Западной Сибири в рамках обь-иртышской культурно-исторической общности, выделяя в ней переходный период от бронзового к раннему железному веку (белоярско-васюганский этап, VII–III вв. до н. э.), железный век I (кулайский этап, III в. до н.э. — II в. н.э.) и железный век II (карымский, зеленогорский, кучиминский, кинтусовский, сайгатинский этапы, III–XVI вв. н.э.) [Зыков, Федорова, 1993, с. 65–66].

В.И. Молодин и В.С. Елагин обосновывают существование в Прииртышье и Барабе отдельного сперановского этапа (II–I вв. до н.э. — V–VI вв. н.э.) потчевашской культуры, сформировавшегося при взаимодействии пришлого саровского и местного новочекинского населения [Елагин, Молодин, 1991, с. 98–103]. Данная точка зрения не нашла поддержки у исследователей, сперановский и саровские этапы признаны тождественными [Конилов, 2007, с. 32]. Вместе с тем у В.А. Могильникова, Е.М. Данченко, Б.А. Коникова и др. не возникает сомнений в значительной роли саровского компонента в генезисе населения потчевашской культуры [Конилов, 2007, с. 247–253; Могильников и др., 1999, с. 126–127].

Н.В. Федорова и А.П. Зыков выделяют как минимум две волны миграции таежного населения в лесостепь Омского Прииртышья и Северной Барабы. Первая соотносится с саровским населением кулайской культуры и датируется концом II — III в. н.э. Вторая волна относится к средневековому времени и связывается с позднезеленогорским населением конца VI — начала

VIII в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 20–25]. Последний тезис породил острую, актуальную и сегодня дискуссию о правомерности выделения самостоятельной потчевашской культуры.

Т.Н. Троицкая указывала на несколько волн миграций кулайского населения на территорию Верхнего Приобья начиная с IV–III вв. до н.э. Здесь при взаимодействии мигрантов с большереченским населением формируется новосибирский вариант кулайской культуры [Троицкая, 1979, с. 48–53]. Д.Т. Яковлев вступает в дискуссию с Т.Н. Троицкой, ставя под сомнение существование второй миграционной волны в саровское время, так как саровский материал на территории Новосибирского Приобья отсутствует [Яковлев, 2018, с. 271–274]. Ю.В. Ширин также высказывается против точки зрения о тотальной миграции кулайского населения в Новосибирское Приобье на рубеже эр — в начале I тыс. н.э., полагая, что имела место «локальная инфильтрация мелких экзогамных групп» [2003, с. 170].

Таким образом, даже беглый обзор истории изучения саровского этапа кулайской культуры позволяет констатировать широкое распространение саровского населения на территории Среднего и Нижнего Приобья, Среднего Прииртышья и Барабинской низменности. Территория лесостепного Тоболо-Ишимья до настоящего момента не была включена в ареал саровских древностей. Вместе с тем в лесном Зауралье в последние годы выявлены и изучены памятники, содержащие саровскую керамику: городище Старый Погост (левобережье Иртыша) и поселение Айгинское VIII (левый берег р. Туры), Козловский могильник (Андреевские озера, правый берег р. Туры). Еще одним памятником, содержащим материалы саровского этапа кулайской культуры, которому и посвящена данная работа, является поселение Роза Ветров VII.

Объект исследования

Поселение Роза Ветров VII открыто в 2011 г. в процессе обследования берегов оз. Сингуль. Памятник расположен на территории Ялуторовского района Тюменской области в 65 км к юго-востоку от г. Тюмени и в 15 км к юго-западу от г. Ялуторовска, в 4,5 км к северу от летнего оздоровительного лагеря «Роза ветров» и в 1,1 км к югу от лагеря «Турист» (рис. 1, 1, 2). Береговая терраса восточного берега оз. Сингуль представляет собой цепочку возвышенностей высотой до 6 м от уровня воды, прорезанных узкими пологими логами. Берега озера покрыты смешанным сосново-березовым лесом. По верхнему срезу террасы параллельно берегу озера проходят линия электропередач и грунтовая дорога, обновляемая ежегодно скрепированием. В результате регулярных дорожных работ вершины береговых бугров срезаны на глубину до 0,6–1,2 м.

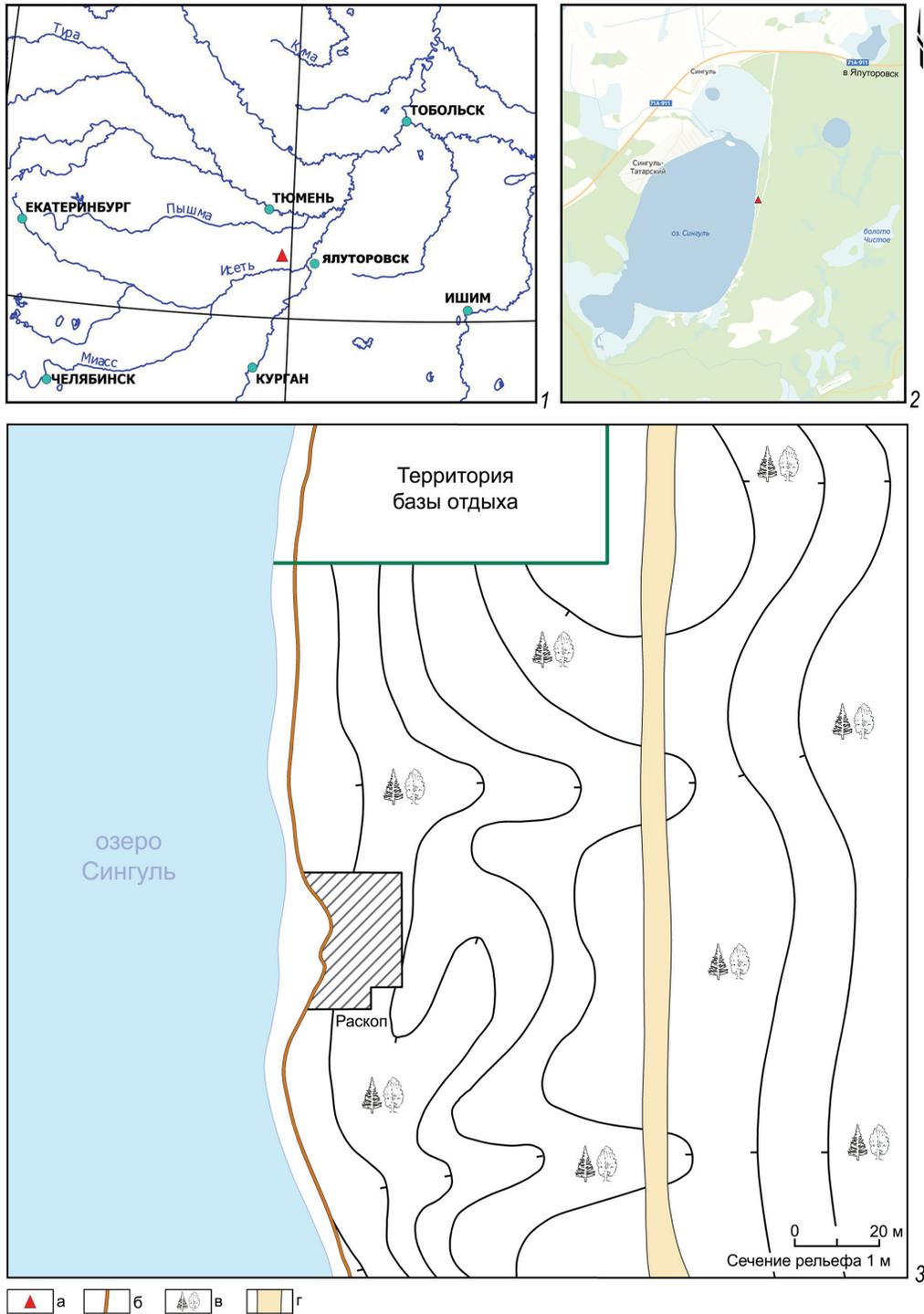
Жилая площадка памятника, занимающая пологий склон террасы, расположена на высоте 2 м от уровня воды в озере. Отдельные находки, собранные в береговых обвалах и на разрушенных участках современной дневной поверхности, позволяют предполагать, что площадь памятника не превышает 4–5 тыс. м². Наиболее значительно разрушается западная часть жилой площадки, так как в процессе весеннего таяния снега повышается уровень озера и паводковые воды интенсивно подмывают берег.

Прибрежная часть жилой площадки представляет собой относительно ровный участок между кромкой берегового обрыва и всхолмлением озерной террасы. За три полевых сезона (2012–2014 гг.) вскрыто 688 м² культурного слоя памятника. В пределах исследованного участка полностью или частично изучено семь построек, соотносимых с эпохой камня, палеометалла, раннего железного века и средневековья (рис. 2). Особый интерес представляет сооружение, содержавшее материалы саровского типа и являющееся единственной жилой постройкой этого времени среди жилых конструкций, исследованных в пределах Сингульского археологического микрорайона.

Жилище 2 располагалось в южной части изученного участка в 1–2 м от кромки берегового обрыва. Можно предположить, что во время функционирования жилая конструкция находилась в 3–4 м от уреза воды. Постройка, располагавшаяся на пологом склоне береговой террасы, имела котлован удлинненно-овальной формы, ориентированный по сторонам света. Его длина по линии запад — восток 5,4 м, ширина по линии север — юг 4,1 м, площадь углубленной части помещения около 22 м². Глубина котлована от уровня современной дневной поверхности 0,3–0,4 м. Стенки постройки прорезали слой светло-серого песка и углублялись на отдельных участках в материковый грунт на 10–15 см. Северная, восточная и южная стенки крутые. Западная фиксировалась слабо, так как сооружение располагалось на склоне террасы, и выявлена в основном по отложению пола на уровне материка. Дно сооружения относительно ровное (рис. 3).

В северо-восточном углу котлована прослежен выход в виде короткого тамбура, ориентированного на северо-восток, длиной 1,3 м, шириной до 1 м. Пол выхода полого спускался ко дну постройки. Придонная часть внутреннего пространства сооружения была заполнена коричневой супесью. В

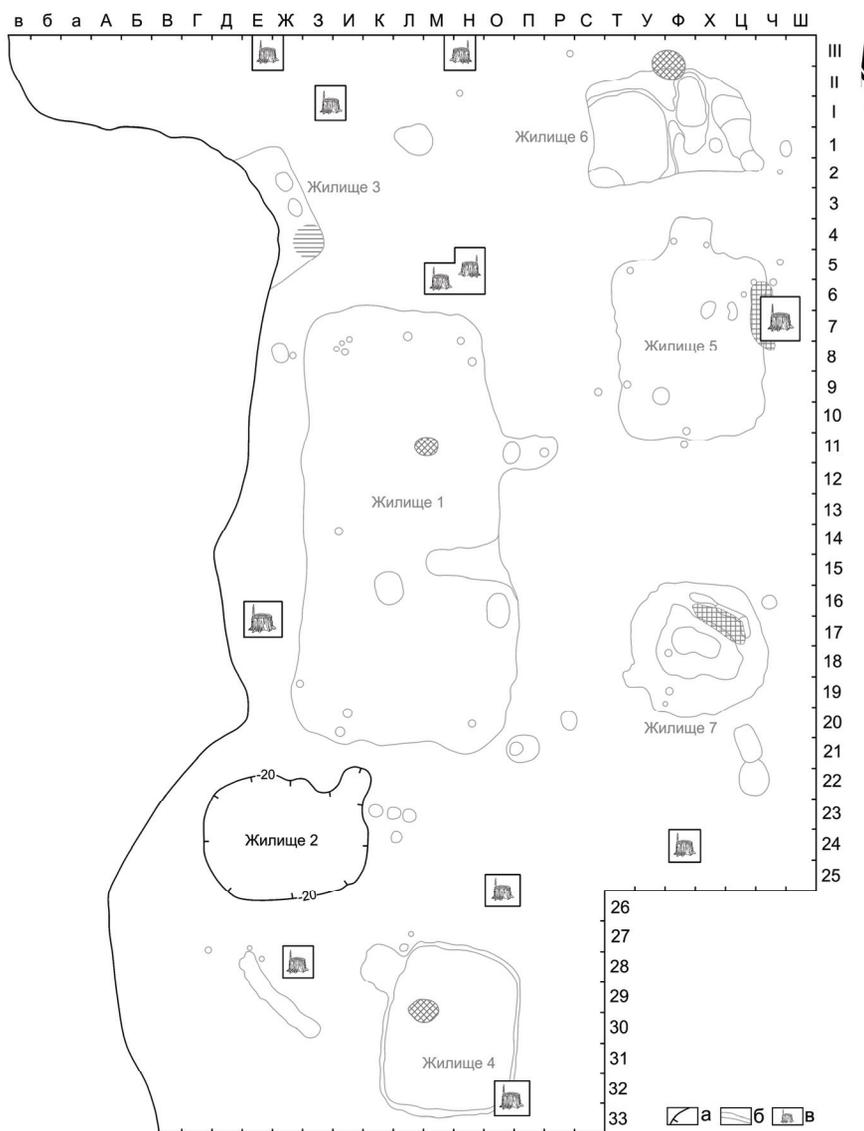
заполнении встречен единственный фрагмент керамики (рис. 4, 2), тогда как на полу выявлены развалы сосудов, пять из которых стояли вдоль западной стенки (рис. 4, 1, 3, 8–10), один — в центре помещения, близ выхода (рис. 4, 7). Каких-либо конструкций интерьера на полу помещения не обнаружено.

Рис. 1. Поселение Роза Ветров VII:
1, 2 — местоположение памятника; 3 — план местности;
а — памятник; б — очертания берегового обрыва; в — смешанный лес; г — грунтовая дорога.

Fig. 1. Settlement of Roza Vetrov VII:
1, 2 — location of the monument; 2 — terrain plan;
а — monument; б — outline of the coastal cliff; в — mixed forest; г — dirt road.

Саровский комплекс с озера Сингуль

Рис. 2. Поселение Роза Ветров VII. План раскопа:

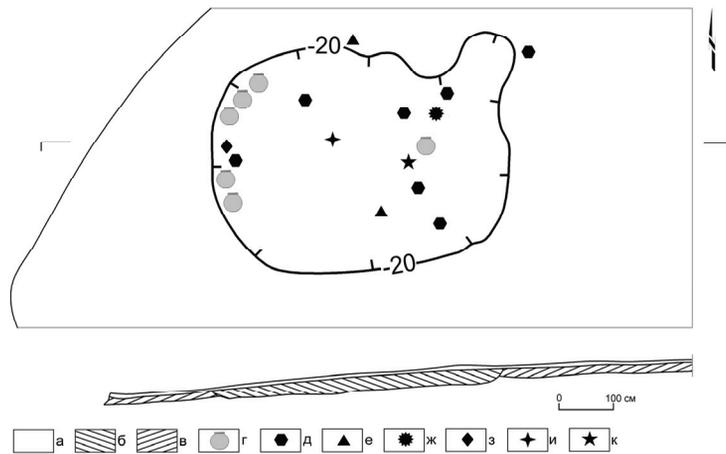
а — очертание саровского жилища; б — жилые и хозяйственные конструкции других культурных образований;
в — отдельно стоящие деревья.

Fig. 2. The settlement of Roza Vetrov VII. The plan of the excavation:

a — the outline of the Sarov dwelling; б — residential and economic structures of other cultural entities; в — free-standing trees.

Керамический комплекс поселения Роза Ветров VII малочислен, зафиксировано восемь сосудов. Посуда изготовлена из глины с примесью песка и шамота, хорошего обжига. Толщина стенок 5–7 мм. Большая часть горшков слабопрофилированные, в двух случаях отмечена сильно отогнутая горловина. Венчик скошен внутрь, у семи сосудов имеются карнизки на внутренней части. Срез бортика украшен наклонными гребенчатыми линиями, оттисками лопаточки. Композиционные схемы однотипны. Все сосуды орнаментированы чередующимися рядами вертикальных или наклонных гребенчатых линий и несколькими рядами оттисков волны (чаще всего простой, в одном случае — рубчатой). Волна наносилась с помощью штампа, содержащего только один элемент.

Таким образом, несмотря на малочисленность керамики, отмечается ряд ярких признаков саровских комплексов — монотонность орнаментальной композиции, скошенные внутрь венчики с карнизиком, многократное повторение рядов волны. Особенностью выборки является полное отсутствие фигурных штампов.

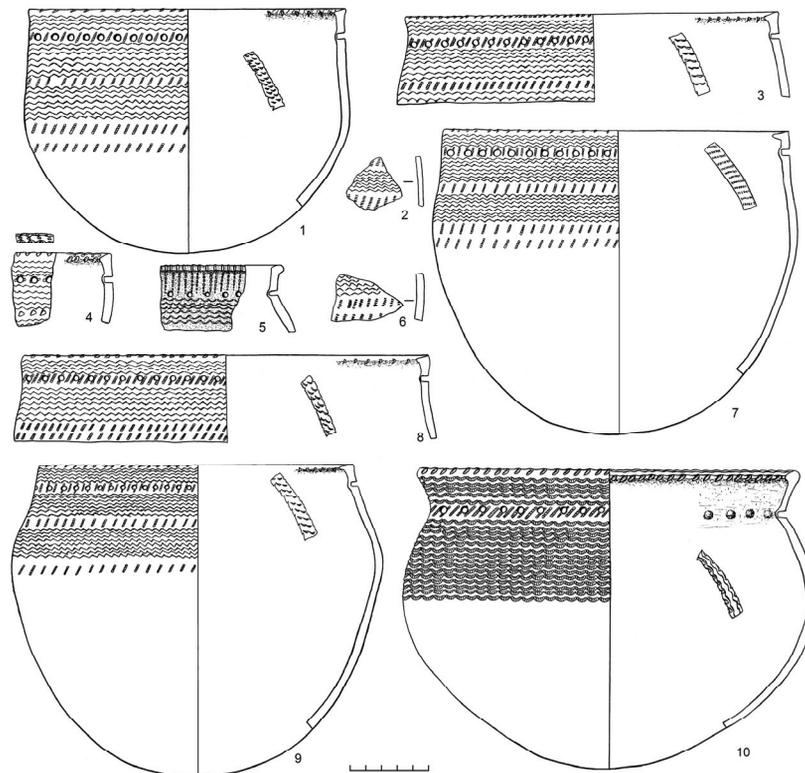

Рис. 3. Поселение Роза Ветров VII. Распределение находок в жилище 2:

а — дерн; б — коричневая супесь; в — светло-серый песок; г — сосуд в развале; д — кусок гранита; е — фрагмент керамики; ж — каменный терочник; з — пест; и — точильный камень; к — обломок глиняной литейной формы.

Fig. 3. The settlement of Roza Vetrov VII. Distribution of finds in housing 2:

а — turf; б — brown sandy loam; в — light gray sand; г — vessel in the collapse; д — a piece of granite; е — a fragment of ceramics; ж — a stone rubber («terochnik»); з — pestle; и — a whetstone; к — a fragment of a clay mold.

Рис. 4. Поселение Роза Ветров VII. Керамика из саровского жилища 2:

1-3, 7-10 — жилище 2; 4-6 — межжилищное пространство.

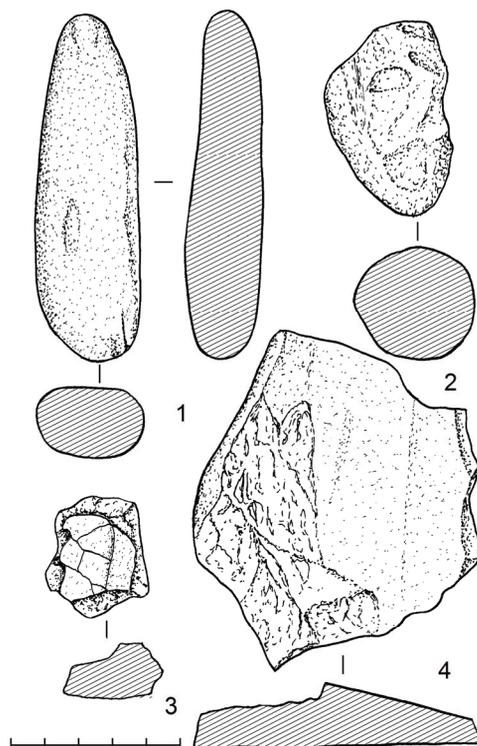
Fig. 4. The settlement of Roza Vetrov VII. Ceramics from the Sarov dwelling 2:

1-3, 7-10 — dwelling 2; 4-6 — interstitial space.

Вещевой инвентарь, обнаруженный в пределах жилого пространства, представлен десятью изделиями из камня и обломком предмета из глины. Пест из светло-серого песчаника с хорошо пришлифованной поверхностью имеет неправильно-удлиненную форму, уплощенно-овальное сечение, размер 10,1×3,1×2,2 см (рис. 5, 1). Терочник из светло-серого песчаника — с пришлифованной поверхностью, покрытой кавернами, неправильно-удлиненной формы, уплощенно-овального сече-

Саровский комплекс с озера Сингуль

ния, размером 5,6×3,5×3,2 см (рис. 5, 2). Точильный камень изготовлен на обломке крупной плитки светло-серого песчаника неправильно-прямоугольной формы, размером 9,5×7,9×1,9 см, одна сторона изделия, часть боковой грани и частично вторая сторона пришлифованы (рис. 5, 4). Куски серо-белого гранита (6 обломков обнаружено на полу котлована, один на предвходовой площадке) имеют аморфно-прямоугольную форму, размер 2,3–5,6×2,1–3,5×0,8–2,1 см. Прямоугольный обломок литейной формы размером 3,5×2,9×1,5 см изготовлен из глиняного теста с примесью шамота, на сохранившейся части изделия фиксируется отпечаток негатива для отливки предмета уплощенно-овальной формы толщиной до 5 мм, относящийся, возможно, к рукояти ножа (рис. 5, 3).

Рис. 5. Поселение Роза Ветров VII. Вещевой инвентарь из саровского жилища 2:
1 — каменный пест; 2 — каменный терочник; 3 — обломок глиняной литейной формы; 4 — точильный камень.
Fig. 5. The settlement of Roza Vetrov VII. Material stock from the dwelling 2:
1 — stone pestle; 2 — stone rubber («terochnik»); 3 — a fragment of a clay casting mold; 4 — a whetstone.

Овальные очертания котлована и отсутствие столбовых ямок на полу помещения позволяют соотнести исследованное жилище с сезонной постройкой наземного типа (поскольку углубленная часть помещения не превышала 0,2 м). Основой каркаса стен являлись жерди, опиравшиеся на края котлована и соединявшиеся над центральной частью помещения, они перекрывались сверху шкурами, берестой или древесной корой. Выход, располагавшийся в северо-восточной стенке помещения, скорее всего оформленный в виде разрыва в стенке, мог закрываться пологом из шкуры или ткани. Фиксируемые очертания выхода, вероятно, сформировались в песчаном грунте в процессе периодического входа-выхода из постройки.

Незначительное количество вещевого инвентаря саровского типа и единичность жилой конструкции в пределах площадки памятника свидетельствуют о кратковременном пребывании небольшого саровского коллектива на берегу оз. Сингуль. Возможно, появление постройки связано с попыткой северотаежных мигрантов адаптироваться к новым природно-климатическим условиям в процессе перемещения. Отсутствие отопительной конструкции и набор инвентаря, обнаруженный на полу сооружения, позволяют, с одной стороны, рассматривать исследованное жилище в качестве мастерской по ремонту необходимого рыбакам оборудования в теплое время года в период нереста рыбы, с другой — констатировать, что адаптивные возможности и рыбные запасы озера почему-то не устроили носителей саровских традиций и освоение природных богатств Присингуля не получило дальнейшего развития. Вполне возможно, что при-

чиной кратковременного пребывания саровского населения в регионе являлась беспокойная этнополитическая ситуация в рассматриваемый период времени, о чем неоднократно упоминалось многими авторами [Борзунов, 2002, с. 92–96; Зыков, Федорова, 2001, с. 22].

Обсуждение результатов

Обнаружение на территории лесного и подтаежного Зауралья памятников саровского этапа кулайской культуры свидетельствует, что инфильтрация в регион северного таежного населения относится к более раннему, чем принято считать, времени — к концу раннего железного века. Саровское население могло проникать с территории Сургутского Приобья или Нижнего Прииртышья по основным водным артериям региона — рр. Иртыш, Тобол, Тура, Исеть. Более масштабное, распространившееся и на южную часть лесостепных районов Зауралья, расселение северного населения происходило по тем же путепроводам в карымское время.

Данные о датировке саровских материалов на территории Зауралья скудны. А.В. Гордиенко, анализируя инвентарь поселения Айгинское VIII, датирует его III в. н.э. [2013]. Материалы Козловского могильника, где среди прочих встречены саровские древности, датируются III–VI вв. н.э. Распад саргатской общности, занимавшей всю территорию лесостепного Зауралья, по последним исследованиям, относится к концу II — началу III в. н.э. Это позволяет предположить, что первые проникновения саровского населения на данную территорию не могли начаться ранее III в. н.э. Вполне возможно, что в ближайшее время корпус источников по археологии лесного и подтаежного Зауралья пополнится новыми памятниками саровского типа.

Несомненно, саровское население приняло участие в генезисе раннесредневековых культур лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья. Можно констатировать, что сложение бакальской культуры, так же как и потчевашской в Прииртышье, происходило при участии одних и тех же компонентов — кашинского, саргатского, саровского, а затем карымского, но с разной долей их влияния.

В бакальскую культуру северное таежное население привнесло форму сосудов — приземистые горшки с относительно невысокой шейкой, преобладание скошенных внутрь венчиков в выборках, присутствие карнизика. Данные формы могли быть унаследованы как от саровского, так и от карымского населения, более точная идентификация невозможна в силу большой близости этих комплексов. Помимо керамического материала привлекает внимание появление в Тоболо-Ишимье бакальских городищ с бастионами (гор. Борки, Ласточкино Гнездо-1, Усть-Утякское-1). Как указывает В.А. Борзунов, бастионно-башенные конструкции были распространены в лесном и лесостепном Зауралье в начале раннего железного века у гамаюнского, иткульского, воробьевского, гороховского, баитовского и, реже, носилового и саргатского населения [2002, с. 79–81]. Памятники с бастионами, датированные рубежом эр — первыми веками I тыс., известны только на северных территориях. По всей видимости, именно носители кулайской культуры возрождают традицию возведения бастионно-башенных конструкций в регионе. Помимо таежного в сложении бакальской культуры приняло участие лесостепное саргатское население, свидетельством чего является преобладание резной техники орнамента керамики.

Подводя итог, отмечаем, что первые спорадические проникновения северного населения в подтаежное и лесостепное Зауралье относятся к концу раннего железного века и могут быть связаны с носителями саровского этапа кулайской культуры. Инфильтрация саровцев не могла начаться ранее III в. н.э., так как до этого момента территория лесостепи была занята саргатцами населением. Носители саровских традиций стали одним из компонентов генезиса бакальского населения лесного и лесостепного Зауралья. В настоящее время почти все историко-культурные построения опираются на сопоставления керамических комплексов, анализ других компонентов культуры — погребального обряда, жилищ, вещевого инвентаря — затруднен из-за отсутствия данных и является, скорее всего, делом будущего.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Гордиенко А.В. Нижнее Притоболье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 47–57.

Грязнов М.П. Верхнеобская культура // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 48. С. 99–144.

Саровский комплекс с озера Сингуль

- Елагин В.С., Молодин В.И.* Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. С. 65–66.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Конигов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ: Наука, 2007. 466 с.
- Косарев М.Ф.* К вопросу о кулайской культуре // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 43–51.
- Могильников В.А.* О миграциях кулайского населения на юг // Известия лаборатории археологии. 1995. № 1. С. 76–86.
- Могильников В.А., Данченко Е.М., Горькавая О.Е.* Керамические комплексы эпохи раннего железа с городища Старый Погост // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность. 1999. Вып. 3. С. 120–143.
- Морозов В.М., Чемякин Ю.П.* Береговые кулайские городища на Барсовой Горе // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 201–230.
- Мяеков И.* Находка на горе Кулайке // Труды Томского краевого музея. Томск: Красное знамя, 1927. Т. 1. С. 65–69.
- Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чемякин Ю.П.* Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // ВАУ. 2002. Вып. 24. С. 214–245.
- Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008а. 224 с.
- Чемякин Ю.П.* Некоторые размышления по поводу кулайской общности и не только // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008b. С. 93–101.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.
- Чернецов В.Н.* Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953а. № 35. С. 121–178.
- Чернецов В.Н.* Усть-полуйское время в Приобье // Там же. 1953b. С. 221–241.
- Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
- Ширин Ю.В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Яковлев Д.Т.* К вопросу о формировании новосибирского варианта кулайской культуры // L Уралоповолжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Самара: СамГУ, 2018. С. 271–274.

A.A. Tkachev ^a, Al.Al. Tkachev ^b, T.N. Rafikova ^a

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b University of Tyumen
Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: sever626@mail.ru;
al.al.tkachev@mail.ru;
tnrafikova@yandex.ru

The Sarov complex on the Singul Lake

The paper presents the results of the study of the Sarov complex in the Roza Vetrov VII settlement, located in the forest-steppe Tobol River Region (Western Siberia). The Sarov stage of the Kulayka Culture terminates the Early Iron Age and dates to the 1st c. BC — 3rd c. AD. The dwelling represented by a hut-like superstructure used by fishermen during the spawning period of the warm season is described. Also characterised are the tools including pestle, grindstone, and a fragment of the casting form. The pottery complex reflects all specific features of the Sarov stage ware — the monotony of the ornamental composition, which consists of multiple repetition of rows of the combed stamp and waves, downswept rims. The characteristic of the sample is the complete absence of figured stamps in the ornamentation. The time of migration of the northern taiga population into the sub-taiga and forest-steppe zones of Western Siberia is based on the chronological position of the Sarov sites and specifics of the historical and cultural situation in the present region in the end of the Early Iron Age. The Sargatka Culture, which was spread in the territory of the forest-steppe Trans-Urals, existed until the end of the 2nd — early 3rd c. AD. The Sarov complex of the Ayga VIII settlement is attributed to the 3rd c. AD; the burials of the multicultural Kozlov burial ground, where the Sarov pottery has been found, are dated to the 3rd–6th c. AD. The spread of the Sarov population occurred from the Surgut area of the Ob River Region or the Lower Irtysh River Region along the main water arteries — the rivers of Irtysh, Tobol, Tura, Iset — from the 3rd c. AD. The Sarov materials of the Roza Vetrov VII settlement could be dated to the same time. The Sarov population took part in the genesis of the early medieval cultures of the forest-steppe and the sub-taiga Trans-Urals. Bakal Culture inherited from the bearers of the Sargatka Culture the pottery ornamentation technique, while from the population of the Sarov and Kar-

ym Cultures — the shape of vessels with a whisk and cornice sloping inside. The influence of the northern taiga population can also explain the spread of fortifications with bastions in Tobolo-Ishim Region.

Key words: forest-steppe Tobol River Region, Early Iron Age, Sarov stage of Kulayka Culture, dwelling, material stock.

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Borzunov V.A. (2002). Ancient towns with bastion-tower fortifications in the Early Iron Age in the forest Trans-Urals. *Rossiiskaia arkheologija*, (3), 79–97. (Rus.).
- Chemyakin Yu.P. (2002). Bronze plastic art from the Early Iron Age of Barsova Gora. *Voprosy arkheologii Urala*, (24), 214–245. (Rus.).
- Chemyakin Yu.P. (2008a). *Barsova Gora: Essays of archaeology of Surgut Ob region*. Surgut; Omsk: Omskiy dom pečati. (Rus.).
- Chemyakin Yu.P. (2008b). Some reflections about Kulayka community and not only. In: *VII Istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova* (pp. 93–101). Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Chemyakin Yu. P., Karacharov K.G. (2002). Ancient history of the Surgut Ob region. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov* (pp. 7–74). Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1953a). Bronze of the Ust-Poluy time. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (35), 121–178. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1953b). Ust-Poluy period in Ob region. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (35), 221–241. (Rus.).
- Chindina L.A. (1984). *The ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Fedorova N.V., Zykov A.P., Morozov V.M., Terekhova L.M. (1991). Surgut Ob region during the Middle Ages. *Voprosy arkheologii Urala*, (20), 126–145. (Rus.).
- Gordienko A.V. (2013). Low Tobol Basin in first half of I millennium A.D. (according to the materials of excavation the Ajga VIII settlement). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (20), 47–57. (Rus.).
- Griaznov M.P. (1956). The Verkhnyaya Ob culture. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (48), 99–144. (Rus.).
- Elagin V.S., Molodin V.I. (1991). *Baraba in the beginning of the I millennium A.D.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Konikov B.A. (2007). *Omsk Irtysh Region in the Early and Developed Middle Ages*. Omsk: Nauka. (Rus.).
- Kosarev M.F. (1969). On the issue of Kulayka culture. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (119), 43–51. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1995). About migration of the Kulayka population to the south. *Izvestiia laboratorii arkheologii*, (1), 76–86. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A., Danchenko E.M., Gor'kavaia O.E. (1999). Ceramic complexes of the Early Iron Age from the settlement Staryi Pogost. *Gumanitarnoe znanie. Seriya Preemstvennost'*, (3), 120–143. (Rus.).
- Morozov V.M., Chemyakin Yu.P. (2005). Coastal Kulayka settlements of Barsova Gora. In: *Arkheologija Urala i Zapadnoi Sibiri* (pp. 201–230). Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Miagkov I. (1927). Discovery on mount Kulayka. In: *Trudy Tomskogo kraevogo muzeia* (pp. 65–69). Tomsk: Krasnoe znamia. (Rus.).
- Troitskaia T.N. (1979). *The Kulayka culture in the Ob River basin in Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Shirin Yu.V. (2003). *Upper Ob region and the foothills of Kuznetsk Alatau at the beginning of I millennium AD: (Funerary sites of Fominskoe culture)*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost'. (Rus.).
- Yakovlev D.T. (2018). On the formation of the Novosibirsk version of the Kulayka culture. In: *L Uralo-povolzhskaia arkheologicheskaia konferentsiia studentov i molodykh uchenykh* (pp. 271–274). Samara: Samarskii universitet. (Rus.).
- Zykov A.P., Fedorova N.V. (1993). Ob-Irtysh cultural-and-historical community of the Iron Age. In: *Arheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala* (pp. 65–66). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Instituta istorii i arkheologii Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Zykov A.P., Fedorova N.V. (2001). *Kholmogorsky hoard: Collection of antiquities III–IV centuries*. Yekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

Ткачев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

Ткачев Ал.Ал., <https://orcid.org/0000-0001-8797-0648>

Рафикина Т.Н., <https://orcid.org/0000-0002-6939-1180>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

С.Ф. Татауров

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. К. Маркса, 15/1, Омск, 644024
E-mail: tatsf2008@rambler.ru

ТАБАК И ТРУБКИ В ГОРОДЕ ТАРЕ В XVII–XIX вв.

Тема исследования — курение табака в г. Таре: рассматривается собственно процесс и отношение к нему властей и служилого населения, какие последствия имела эта привычка, кто продавал табак и как за это наказывали, была ли определенная культура табакокурения. Представлены трубки из археологических коллекций, полученных в ходе раскопок 2009–2019 гг. в историческом центре города. Всего найдено 10 трубок XVII–XIX вв. Археологические находки говорят об определенном переломе в отношении общества к курению табака, когда из полуподпольного этот процесс превращается в общедоступное и даже в некоторой степени статусное явление. Концентрация находок трубок у питейного дома XVIII в. указывает на «точку распространения» табакокурения в русском сибирском городе. Материалы статьи Л.В. Татауровой и Ф.С. Татаурова [2018], посвященной табакокурению у русского сельского населения Прииртышья, дают возможность сравнить в этом город и деревню.

Ключевые слова: Сибирь, город Тара, история, археология, табак, трубка.

Начало исследованию истории курения табака жителями города Тары положила находка трубки в одном из первых шурфов в 2009 г., когда экспедиция Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН только приступила к археологическим раскопкам в одном из первых русских городов в Сибири. В последующие сезоны были собраны многочисленные коллекции, в которых представлены трубки XVII–XIX вв. Исходя из расположения этой категории находок в культурных слоях можно с полной ответственностью утверждать, что жители Тары курили почти с самого основания города. Эти наблюдения совпадают с мнением А.В. Шаповалова, что на юго-восточных границах Сибири табак оказался в начале XVII в. (не позднее 1610 г.) [2002, с. 26]. Вероятно, формированию этой привычки способствовало то, что Тара была основана на перекрестье торговых путей и караваны из Бухары исправно снабжали аборигенное население табаком. Таким образом, служилые люди могли воспринять эту привычку или, по крайней мере, не испытывали трудностей с пополнением припасов.

Распространение табака и курения стало причиной страшных бед для Тары. Построенный как город-крепость, полностью деревянный, он имел очень тесную застройку и был практически не защищен от огня. Неоднократно Тара выгорала почти полностью. Городские власти предпринимали самые разные меры по предотвращению пожаров, вплоть до того что летом запрещалось в избах топить печи. Для воевод делалось исключение, но с условием, «что поварня будет в земле» [Цветкова, 1994, с. 40]. Предпринимались достаточно суровые меры и в отношении курильщиков, так как именно из-за их неосторожности возникали пожары. «Запретный товар изымали и владельцев наказывали на месте, например: “у тюменсково литвина у Богдашки Цыганова вынято фунт табаку, а купил он тот табак на Тюмени у усольца у Безсонка Яковлева, да у Мишки Олферьева”. Богдан Цыганов и продавцы табака “биты на козле кнутом нещадно”, а найденный табак “весь созжен”». В редких случаях дело ограничивалось штрафом и обещанием больше не курить табак [Татаурова, Татауров, 2018, с. 311].

Подтверждение тому, что курение было причиной пожаров, находим в выдержке из одного письма, касающегося города Тары: «...Отвлекаясь здесь от своих выписей, замечу теперь, что высказанное опасение целиком оправдалось в городе Таре незадолго до моего приезда. Вечеру 14 мая 1815 года, отпущенный на собственное пропитание-посельщик Василий Литвинов курил трубку. Блаженствовал он не где-нибудь, а на крыльце дома, занимаемого земским исправником г. Дзюрковским, к которому подрядился на домашние работы. Когда приблизилось время спать, ходил он с той же трубкой в сенной сарай за одеждой, и после такого его хождения в короткое время произошел пожар, который невозможно было затушить ввиду поднявшегося ночного ветра. Полностью сгорели все хозяйственные службы и дом исправника с бумагами, дом майорской дочери Баженовой, в котором помещался Земской Суд, флигель Почтовой Экспедиции со службами. При этом сгорел весь архив Земского Суда, вещи подвергнутых за-

держанию, также хранящиеся в этом доме, почтовые бумаги и прочее. И все это только потому, что все упомянутые дома находились, вернее сказать, теснились на одном усадебном месте» [Конаки, 1994, с. 48]. Как видим, борьба с курением и с курильщиками в исследуемое нами время к положительным результатам не приводила.

Во многом в борьбе с курением проигрывали из-за того, что верховная власть не всегда отказывалась от доходов от продажи табака. Царь Михаил Федорович в 1634 г. под страхом смертной казни ввел запрет на ввоз, продажу и употребление табака, а в 1644 г. разрешил государственную торговлю этим товаром. Только в конце XVII в. Петр I, сам большой любитель табака, отменил запреты на торговлю табаком.

Все перипетии с курением нашли отражение в археологических материалах из раскопок исторического центра Тары. В своем исследовании я не ставлю вопрос, кто у кого в Сибири научился курить табак — русские у инородцев или наоборот. Есть мнение, что «с табаком народы Сибири познакомились раньше, чем этот регион начали осваивать русские» [Беликова, Зинченко, 2012, с. 93]. В данном случае важно то, что русская администрация с самого момента основания города ввела жесткий контроль над торговлей со Средней Азией и Китаем. В связи с этим торговля непосредственно в деревнях Тарского Прииртышья контролировалась местными властями, и табак, по моему мнению, входил в перечень товаров особого учета. Анализ качества и форм найденных в Таре головок трубок позволяет утверждать, что все они сделаны кустарным способом. Вопрос о заимствовании форм головок трубок этого времени у инородцев Сибири остается открытым. Возможно, в каких-то районах Сибири такой факт имел место, но в Тарском Прииртышье в археологических комплексах аборигенного населения найдены только металлические трубки [Молодин, 1979], поэтому о таком заимствовании говорить пока преждевременно.

Набор трубок в археологических коллекциях города Тары фактически идентичен известному по материалам археологических исследований Саянского острога. Это не удивительно, так как Тара ежегодно «поставляла» определенное количество казаков на восток и юго-восток Сибири для освоения новых острогов и городов. Они несли с собой привычку курить табак, а значит, и свои трубки.

Все найденные в Таре трубки приходится на острожную часть города. Но найдены они не в избах, а рядом с ними, в жилых помещениях в то время курить было не принято. Воеводы и их приближенные если и курили в крепости, то, по всей вероятности, трубки у них были хорошего качества, и они их увозили с собой (воеводы в Таре редко задерживались более двух лет). Однако, вероятнее всего, воеводы поддерживали политику монархов и не позволяли себе такую вольность, как курение.

Самые ранние трубки связаны со строительным горизонтом 1669 г., когда масштабный пожар уничтожил практически всю острожную часть города, и найдены в непосредственной близости от сгоревших изб. По описанию они полностью соответствуют ранним трубкам Саянского острога. «Это небольшие бруски со скругленными углами передней части или цилиндры с двумя перпендикулярно расположенными воронкообразными отверстиями — в одно отверстие вставлялся чубук, в другое насыпался табак» [Шаповалов, 2002, с. 42–43]. Исследователь объясняет маленький размер чашечек у таких трубок тем, что табак был чрезвычайно тонкой резки, с большим содержанием алкалоида никотина, что «определяло его высокую цену на рынке и особую манеру его потребления» [Там же, с. 38]. Головки тарских трубок этого времени керамические и представлены двумя типами — цилиндрической и кубической формы (рис., 1, 2). Цилиндрическая головка имеет следующие размеры: диаметр в нижней части 3,2 см, в верхней части 2,5 см, высота 2,6 см. Диаметр чашечки 0,9 см. Головка кубической формы имеет размеры ребра 2,1 см. Диаметр чашечки 0,9 см.

Сопоставив эти трубки с найденными на сельских поселениях русских в Прииртышье, можем констатировать, что они фактически идентичны [Татаурова, Татауров, 2018, с. 313, рис. 2]. Следует отметить плохое качество трубок, особенно с цилиндрическими головками. Возникает ощущение, что их изготавливал даже не гончар, а самостоятельно курильщик, так как они сделаны из плохо промешанного теста, а обжиг был произведен, скорее всего, в простой избыной печи или вообще на костре. Это не удивительно, так как в случае опасности курильщик мог не жалея выкинуть уличающий его предмет и при первой возможности сделать новый.

Несмотря на все запреты, в конце XVII в. привычка курить быстро распространялась среди сибиряков — как русских, так и инородцев. С 1690 по 1697 г. через таможенную в Сибирь было завезено 100 пудов табака [Шаповалов, 2002, с. 38]. С воцарением Петра I ситуация начинает

Табак и трубки в городе Таре в XVII–XIX вв.

изменяться и курение табака становится вполне легальным. Более того, элита общества, прежде всего служилая знать, сама диктует моду, показывая пример подчиненным. В конце 20-х гг. XVIII в. все большее место на рынке занимает табак российского производства. Он отличался по качественным характеристикам от «китайского шара», прежде всего тем что был крупно резанным. И курить его нужно было совершенно иначе. Об этом свидетельствуют изменившиеся формы курительных трубок. Глиняные курительные трубки начинают производить в Москве. Головки трубок приобретают бочкообразную форму и становятся значительно крупнее [Там же, с. 41]. В Таре переход на российский табак произошел позднее: сильны были традиции торговли со Средней Азией и Китаем и местные курильщики не торопились переходить на новый табак. Русские товары постепенно меняли привычный для сибирских городов рынок, но китайские чай и табак в XVIII и XIX вв. сохраняли свои позиции. Особенно популярны у сибиряков были кирпичный чай и нюхательный табак. Во многом на это влияла цена: на 1861 г. ирбитский табак был в 6 раз дороже «линейного» («линейным» именовался китайский товар) [Тихомирова, 2014, с. 157].

Рис. Трубки и мундштуки из археологических коллекций г. Тары:
 1 — цилиндрическая головка трубки XVII в.; 2 — кубическая головка трубки XVII в.; 3–6 — головки московских трубок XVIII в.;
 7, 8 — фарфоровые трубки XIX в.; 9, 10 — мундштуки: 1–8 — керамика; 7, 8 — фарфор; 9 — дерево; 10 — кость.
Fig. Pipes and mouthpieces from the archaeological collections of Tara:
 1 — cylindrical head of the pipe of the XVII century; 2 — cubic head of the pipe of the XVII century; 3–6 — the heads
 of Moscow pipes of the XVIII century; 7, 8 — porcelain pipes of the XIX century; 9, 10 — mouthpieces:
 1–8 — ceramics; 7, 8 — porcelain; 9 — wood; 10 — bone.

Московские трубки самые многочисленные в коллекции предметов данной категории. В Таре их известно шесть (рис., 3–6). Все найденные трубки выполнены из очень хорошего сырья и обожжены на профессиональном уровне. Все они покрыты декором в виде рядов насечек, зигзагов и сеточек. На некоторых при украшении применялся фигурный штамп (рис., 6). На трубках с боковой стороны мундштучной части присутствует клеймо, но, на мой взгляд, это скорее элемент декора, а не знак мастера или места производства. Все трубки сломаны, преимущественно в области чашечки для табака. Некоторые использовались даже в таком виде и были выкинуты только после полного разрушения чашечки.

По форме и виду изделия очень близки к трубкам коллекций из раскопок в г. Москве [Шаповалов, 2002, с. 222]. Следует оговориться, что данная форма трубок восходит к турецким «тахта-чубук». Однако к началу XVIII в. торговых караванов из Средней Азии становится все меньше и значительная доля товаров заменяется на ввозимую русскими купцами продукцию из Европейской России, тем более что в Москве и Подмоскovie к рассматриваемому периоду это производство было весьма распространено [Федорова и др., 2015]. В Таре подобные трубки не производились. Исходя из этих фактов позволю себе предположить, что данные трубки изготовлены на российских европейских мануфактурах.

Интересным моментом является то, что если трубки предшествующего периода были найдены в междомовом пространстве, то находки, датируемые рассматриваемым временем, были сделаны в районе питейного дома, исследованного в 2017–2018 гг. [Татауров и др., 2017, 2018]. На мой взгляд, это связано с тем, что Тара в середине XVIII в. оставалась городом-крепостью: местные власти, осознавая вред этой привычки (с точки зрения пожароопасности), в какой-то степени ограничивали свободу курения. Возможно, этот запрет привел к тому, что в небольшом военном городке к началу последней четверти XVIII в. действовало около десятка питейных домов, так как любителей выпить и покурить было много.

Кроме того, концентрация трубок в питейных местах может быть связана с таким обстоятельством, как проживание в Таре большого числа старообрядцев. Неприятие петровских реформ вылилось в тарский бунт 1722 г. Выступали бунтовщики и против курения табака. Воевода Семен Карпов в 1709 г. писал: «...а в Таре в остатке двадцать семь пуд 35 фунтов этого табака. Что делать, государь...» [Цветкова, 1994, с. 27]. Если в XVII в. курильщики терпели и они могли курить на задворках своих домов, то противостояние новшествам — бритью бород, немецкому платью и т.д. сказалось и на отношении к табаку. По этой причине курильщики могли предаваться своей привычке только в определенных местах. Сплочение старообрядцев против курения отражают еще в большей степени материалы по сельскому населению. Раскопки в Тарском Прииртышье поселений Изюк I и Ананьино I дали коллекцию трубок местного производства XVII в. и отсутствие московских трубок в XVIII в.

На месте расположения исследованного нами питейного дома в культурных горизонтах XIX в. были найдены две фарфоровые трубки (рис., 7, 8). Трубки с похожими мундштуками, выполненные из глины и датируемые XVIII в., были обнаружены в Ленинграде (Васильевский остров, раскопки 1953 г.) [Грач, 1957, табл. 3, 4]. В нашем случае трубки аналогичны голландским и немецким, датируемым второй половиной XIX в., и скорее всего произведены на кузнецовских заводах (в ассортименте которых указаны). Таким образом, можно говорить, что питейные дома оставались популярными для любителей курения табака и в XIX в.

Мундштуки в археологических коллекциях не так представительны, как головки трубок, но в тарских коллекциях есть две находки. Один мундштук выполнен из дерева (рис., 9). Имеет длину 6,5 см, диаметр 1,8 см. Другой мундштук изготовлен из кости птицы (рис., 10), длиной 9 см и диаметром 0,8 см. Оба предмета найдены на месте расположения питейного дома в культурных горизонтах первой половины XVIII в. Деревянная трубка по диаметру соответствуют московским трубкам, а костяная — трубкам, найденным в слоях XVII в.

Тара стала центром распространения табака и среди инородческого населения Тарского Прииртышья. В захоронениях ряда могильников XVII–XVIII вв., расположенных на реках Таре и Оми, найдены курительные трубки — 2 экз. на Кыштовке-II, 1 — на Абрамово-10 [Молодин, 1979, с. 99–100; Молодин и др., 1990, с. 87].

Коллекция трубок, полученная в результате археологических исследований в г. Таре, в целом может рассматриваться в соответствии с общей концепцией распространения табакокурения в Сибири, предложенной А.В. Шаповаловым [2002]. Трубки находят прямые аналогии в находках в Саянском остроге и материалах из раскопок Москвы и Петербурга как по конструктив-

Табак и трубки в городе Таре в XVII–XIX вв.

ным особенностям, так и по применению в течение XVII–XIX вв. Однако некоторые вопросы, связанные с курением в г. Таре, пока остаются без ответа.

В первую очередь это употребление при курении наркотиков — гашиша и опиума. Иностранцы в Сибири использовали при курении красный мухомор и получали наркотический эффект. Сложно представить, что русские избежали этого соблазна. А.В. Шаповалов не затрагивает вопрос использования наркотиков, замечая, что «табак очень редко потребляли в чистом виде, так как он был дорог и его не всегда можно было достать» [2002, с. 70]. Нас прежде всего интересует гашиш, так как известная у иностранцев и русских в Сибири «водяная» манера курения первоначально появилась в Средней Азии и на Ближнем Востоке: именно там стали пропускать дым от курения конопли (гашиша), а затем и табака через воду, со временем для этого была сконструирована специальная трубка — кальян. Бухарские купцы, стремившиеся приобрести в Сибири как можно больше пушнины, везли табак и свои привычки его курения. Торговля пушниной с иностранными купцами официально была запрещена, поэтому нам никогда не будет известно, сколько гашиша или подобных ему смесей контрабандой завозилось в Сибирь в целом и в Тару в частности в XVII–XVIII вв.

Второй вопрос — противостояние в Таре старообрядцев и курильщиков. В начале XVIII в. Тара была центром старообрядчества, и неприятие старообрядческим населением в числе прочего табакокурения вылилось в бунт 1722 г. Отказ от табака был одним из протестных действий этого населения — «Кто курит табак, тот хуже собак». Возможно, об этом свидетельствует отсутствие трубок в межжилищном пространстве, в то время как для XVII в. именно с этими местами связаны находки рассматриваемых предметов. При том что бунт был жестоко подавлен и старообрядческие общины разгромлены, курение табака в Таре до середины XVIII в. сосредоточивалось в пивных домах. Этому есть еще одно объяснение. В отличие от других городов России, в городе-крепости Таре местная власть, обеспокоенная постоянными пожарами, в разрез с политикой Петра I, не поддерживала курильщиков, поэтому там и курили только в определенных местах. Находки курительных трубок в культурных слоях XVII–XVIII вв. русских сибирских городов говорят об изменениях, происходивших в российском обществе в этот период. Курение табака в определенной степени показывает противоречия между традиционными общественными устоями и политикой центральной власти. Следует признать, что, несмотря на все административные меры в XVII в., с воцарением Петра I табак в России победил, что подтверждает массовость трубок московского производства в культурных слоях XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беликова О.Б., Зинченко А.С.* Курительные аксессуары XVII–XIX вв. таежного Причулымья (юг Западной Сибири): Трубки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 17 (2). С. 93–105.
- Грач А.Д.* Археологические раскопки в Ленинграде: (К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII века). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 28 с.
- Конаки К.В.* Тарская мозаика // Тарская мозаика: (История края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. С. 46–59.
- Молодин В.И.* Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 183 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
- Татаурова Л.В., Татауров Ф.С.* Социальные маркеры русского служилого населения Западной Сибири XVII–XVIII вв. по археологическим материалам: Табак и трубки // Stratum plus. 2018. № 6. С. 309–318.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П.* Некоторые итоги раскопок Тарской крепости (по материалам 2007–2017 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 417–421.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П.* Исследования в историческом центре города Тары в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 334–336.
- Тихомирова М.Н.* Роль Тары и Тарского округа в развитии региональной сибирской экономики // Тара в XVI–XIX веках — российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. С. 125–169.
- Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В.* Местные особенности бытования курительных трубок в Калуге и окрестностях // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 11. С. 539–546.
- Цветкова Г.Я.* Город на речке Аркарке // Тарская мозаика: (История края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. С. 6–45.
- Шаповалов А.В.* Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири: XVII — первая половина XX в. Новосибирск: Прогресс-Сервис, 2002. 258 с.

Tobacco and pipes in the city of Tara in the 17th–19th centuries

The research was carried out on the materials of 2009–2019 archeological-historical investigations in one of the first Russian cities in Siberia — Tara, founded in 1594. The aim was to study the process of tobacco distribution in the region and the specific aspects of tobacco smoking in the 17th–19th centuries. The perception of this habit from the local administration and various groups of the population, such as servicemen, Old Believers and other social strata of the city, has been considered. The attitude to tobacco smoking changed over the studied period from the government ban to protection by the highest authorities. The perception within the society also varied, from semi-underground smoking and punishment for this habit to permission and encouragement. In total, during the excavation, 10 pipes for tobacco smoking and 2 mouthpieces were found. Pipes from archeological excavations of Siberian sites of the Sayany ostrog, as well as those from Moscow and Saint-Petersburg, were analyzed. Based on this analysis, the Tara pipes were divided into the following types: locally produced items of the 18th century, «Moscow» pipes of the 18th century, and porcelain pipes of the 19th century. By their design, they split into heads with small cups for finely cut tobacco and pipes with large cups for Russian coarsely cut tobacco. The collection of pipes obtained during archaeological research in the city of Tara overall fits into the general concept of the distribution of smoking in Siberia, proposed by A.V. Shapovalov. The mouthpieces are made of wood and bone and fit with dimensions of the pipe heads. Planigraphically, the findings of pipes and mouthpieces in the 17th century are associated to the interhouse spaces, and pipes of the 18th–19th centuries — to the location of drinking houses. This is related to the prohibition of smoking by local administrations before Peter the Great time, and then to the protests of Old Believers against smoking. The issue of the use of drugs during smoking, primarily hashish, a tradition that could come to Siberia from Central Asia, is still to be addressed.

Key words: Siberia, the city Tara, history, archaeology, tobacco, pipe.

REFERENCES

- Belikova O.B., Zinchenko A.S. (2012). Smoking accessories of the XVII–XIX centuries of the Taiga Low Chulym basin (south of Western Siberia): Pipes. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 93–105. (Rus.).
- Fedorova L.I., Tkachenko V.A., Fedorov V.V. (2015). Local peculiarities of smoking pipes life in Kaluga and its surroundings. In: *Arkheologija Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara. Vyp. 11* (pp. 539–546). Moscow: Institut arheologii RAN. (Rus.).
- Grach A.D. (1957). *Archaeological excavations in Leningrad: (To the characteristic of culture and a life of the population of St.-Petersburg of XVIII century)*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).
- Konaki K.V. (1994). Tara mosaic. In: *Tarskaia mozaika: (Istoriia kraia v ocherkakh i dokumentakh 1594–1917 gg.)* (pp. 46–59). Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, (Rus.).
- Molodin V.I. (1979). *Archaeological site of Kyshtovka*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. (1990). *Baraba in the Late Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Tataurov L.V., Tataurov F.S. (2018). Social Markers of the Russian Servicemen in Western Siberia in 17th–18th Centuries by Archaeological Materials: Tobacco and Pipes. *Stratum plus*, (6), 309–318. (Rus.).
- Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaia M.P. (2017). Tentative Results of Exploration of the Tara Fortress (based on materials from 2007–2017). In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. 23*. (pp. 417–421). Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. (Rus.).
- Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaia M.P. (2018). Archaeological Studies in the Tara Historical Center in 2018. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* (pp. 334–336). Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. (Rus.).
- Tikhomirova M.N. (2014). The role of Tara and the Tara District in the development of the regional Siberian economy. In: *Tara v XVI–XIX vekakh — rossiiskaia krepost' na beregu Irtysha* (pp. 125–169). Omsk: Amfora. (Rus.).
- Tsvetkova G.Ia. (1994). The city on the Arkarka River. In: *Tarskaia mozaika: (Istoriia kraia v ocherkakh i dokumentakh 1594–1917 gg.)* (pp. 6–45). Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Shapovalov A.V. (2002). *Essays on the history and culture of tobacco consumption in Siberia: XVII — first half of XX century*. Novosibirsk: Progress-Servis. (Rus.).

C.Ф. Татауров, <https://orcid.org/0000-0001-6824-7294>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

Н.П. Турова

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ул. Акад. Ю. Осипова, 15, Тобольск, 626152
E-mail: turova2707@yandex.ru

КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА ЮДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВАК-КУР (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОВ № 3–6)

Проанализированы основные декоративные и морфологические характеристики 143 юдинских сосудов, происходящих с площади могильника Вак-Кур (Западная Сибирь, правобережье р. Тобол, X–XI вв.). Посуда охарактеризована по четырем топографическим группам, совпадающим с раскопами № 3–6. Выдвинуто предположение, что зафиксированные между этими группами различия в декоре обусловлены функционированием на площади некрополя синхронных семейно-родовых участков.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Зауралье, эпоха Средневековья, юдинская культура, грунтовый могильник Вак-Кур, керамика.

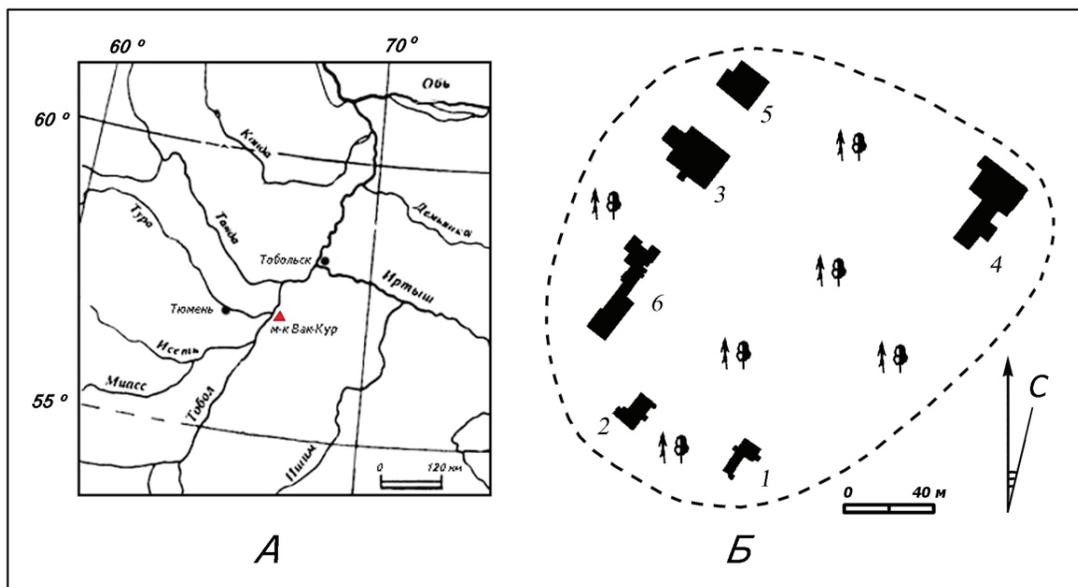
Введение

Более 60 лет назад выдающийся советский исследователь В.Н. Чернецов писал: «К сожалению, территория эта (средняя часть Урала и Зауралья. — Н. Т.) обследована еще очень мало, особенно в отношении памятников I тысячелетия н.э., поэтому даже пределы распространения керамики с гребенчато-шнуровым орнаментом пока не могут быть намечены. Изучение керамики этого типа — неотложная задача ближайшего будущего» [1957, с. 180]. За последнее время источниковая база существенно расширилась, но несмотря на это многие вопросы хронологии, периодизации и взаимосвязи юдинских и молчановских древностей Среднего Зауралья не решены. В частности, до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о хронологии и периодизации юдинской культуры, ее взаимодействии с молчановскими типами памятников (культурой). Впервые периодизация средневековых памятников Зауралья была предложена В.Д. Викторовой: к VI–IX вв. н.э. отнесены древности молчановского типа, а к X–XIII вв. — юдинской культуры; намечены их ареалы, выделены особенности материальной и духовной культуры, в частности орнаментации их керамических комплексов [Викторова, 1969, с. 13–18; Викторова, Морозов, 1993, с. 184, 189]. Данную периодизацию поддержал В.А. Могильников, уточнив хронологию молчановских памятников, которые предложил рассматривать в рамках отдельной культуры — молчановской (VII–IX вв.) [1987, с. 164–176; 1990, с. 13–14]. Масштабные исследования последних десятилетий позволили тюменским археологам скорректировать прежнюю периодизацию: молчановские и юдинские древности были объединены в одну археологическую культуру — юдинскую VII–XIV вв. н.э. [Матвеева и др., 2009, с. 148, 150] или VII (возможно, конца VI) — XIII вв. [Рафикова, 2015, с. 61, 66]. А.В. Гордиенко, не согласившийся с этой схемой, обосновал на материалах трех городищ на р. Туре существование отдельной молчановской культуры VI–IX вв., обозначив ее отличительные черты [2016, с. 4, 84–86].

В значительной степени описанная ситуация сложилась в связи с использованием для хронологических и этнокультурных построений преимущественно керамических коллекций с поселенческих комплексов, хронологическая позиция которых установлена по «характерным» особенностям керамических комплексов (зачастую по аналогиям в керамике ранее исследованных поселенческих комплексов с «надежной» датировкой), на основе немногочисленных индивидуальных находок, часто имеющих достаточно широкий временной диапазон бытования, либо с опорой на серию радиоуглеродных дат, также не указывающих однозначно на узкий хронологический отрезок. В данной ситуации актуальна публикация надежно датированных керамических коллекций, происходящих из погребальных памятников.

На сегодняшний день самым крупным некрополем юдинской археологической культуры (далее — ЮАК) является грунтовый могильник Вак-Кур. Памятник площадью около 2,5 га находится в юго-восточной части ареала ЮАК, на правобережье р. Тобол (Ярковский р-н Тюменской обл.), в глубине мыса. Площадка могильника имеет округлую в плане форму. Многие могилы фиксируются на дневной поверхности в виде западин. Визуально отмечается своеобразная

расчлененность погребального поля. Погребения распределены на площади некрополя неравномерно: прослеживается ряд отдельных площадок, на которых могильные западины располагаются достаточно плотными скоплениями. Именно на данных участках и были разбиты раскопы № 1–6 (рис. 1), между которыми имеется свободное от погребений пространство или участки с низкой плотностью могильных западин. Центральная часть могильника (своеобразный центр некрополя) также практически свободна от погребений.

Рис. 1. Грунтовый могильник Вак-Кур:

А — местоположение памятника; Б — схема расположения раскопов № 1–6 на площади некрополя.

Fig. 1. Burial ground Vak-Kur:

A — the site; Б — digs No.1–6 on the necropolis area.

Целью данной работы является краткая характеристика средневековых керамических коллекций из могильника Вак-Кур, происходящих с площади раскопов № 3–6, исследованных в разное время А.А. Адамовым. Керамика могильника охарактеризована по топографическим группам, совпадающим с четырьмя раскопами (№ 3–6) памятника.

Керамика и погребальный обряд могильника Вак-Кур

К настоящему времени на памятнике исследовано 220 погребений (раскопки А.А. Адамова, М.А. Бусловой и В.А. Заха) [Адамов, 2003; Зах, Чикунова, 2010]. Подавляющее количество захоронений некрополя нарушено разновременными вкопами, в результате чего практически все останки погребенных и инвентарь смещены с первоначальных мест и находятся в могилах, в их заполнении и межмогильном пространстве [Турова, 2015]. Материалы наиболее полно сохранившихся погребальных комплексов свидетельствуют, что умерших хоронили в неглубоких ямах по обряду ингумации, на спине, головой преимущественно в западном и северо-западном направлении. Особенностью погребальной обрядности является поломка части инвентаря и использование погребальных масок [Турова, 2019]. Инвентарь достаточно многочисленный и разнообразный; представлен посудой (керамической, серебряной, из каленой бронзы), ножами, разнообразными украшениями (серьги, височные кольца, браслеты, ожерелья, подвески, пронизки, бубенчики, наременные накладки и пр.), пряжками, предметами защитного и наступательного вооружения (наконечники стрел, детали колчана, сабли, фрагменты кольчужного и панцирного доспехов), деталями конской амуниции (стремена, удила) и др. Датирован памятник по комплексу сопроводительного инвентаря X–XI вв. [Адамов, 2003, с. 249; Турова, 2016].

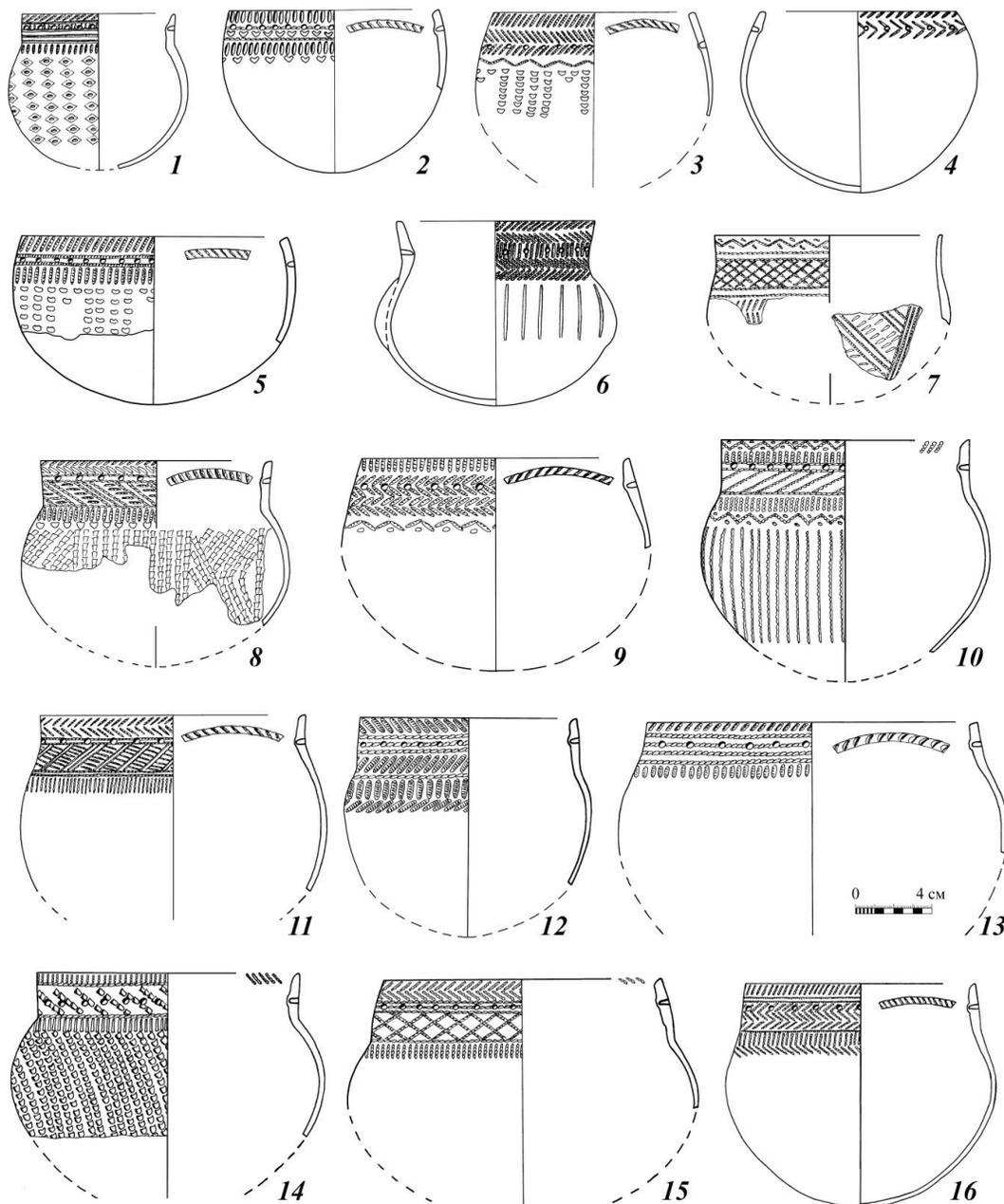
Общее число керамических сосудов, обнаруженных на площади раскопов № 3–6, — 162 экз. Из-за потревоженности могил лишь часть керамической утвари находилась *in situ*, большее же ее количество в фрагментированном виде выявлено в межмогильном пространстве и засыпке могильных ям (черепки от одного сосуда могут находиться на удалении до 25 м друг от друга).

Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6)

Поэтому всего 30 сосудов (18,5 % от общего числа изделий из раскопов № 3–6) с большой долей вероятности могут быть привязаны к конкретным погребениям.

Судить о первоначальном положении посуды в могилах мы можем лишь на основании немногочисленных погребальных комплексов (21 случай), в которых они были обнаружены *in situ*. Опираясь на материалы этих погребений, можно констатировать, что чаще всего сосуды ставились в перевернутом виде в восточной части могилы — в ногах погребенных (17 случаев), в области головы (2), у коленей (1) и плечевой кости (1).

Керамический комплекс из раскопа № 3 (рис. 2, табл. 1, 2). Раскоп № 3, площадью около 408 м², находится в северо-западной части могильника (рис. 1). На нем изучено 44 погребения. Обнаружены археологически целые сосуды, фрагменты венчиков и орнаментированных стенок 33 сосудов. Для статистической обработки отобрано 30 изделий (91 % коллекции).

Рис. 2. Могильник Вак-Кур. Юдинская керамика из раскопа № 3.
Fig. 2. Burial ground Vak-Kur. Yudinsky ceramics from digs No. 3.

Частота встречаемости различных элементов орнамента на средневековых сосудах из могильника Вак-Кур (раскопы № 3–6)

Table 1

The frequency of different elements of ornament in the medieval vessels from the Vak-Kur burial ground (digs No. 3–6)

Элементы орнамента	Топографические группы могильника (раскопы № 3–6)			
	№ 3 Кол-во сосудов (%)	№ 4 Кол-во сосудов (%)	№ 5 Кол-во сосудов (%)	№ 6 Кол-во сосудов (%)
Гребенчатый штамп	28 (93)	43 (83)	30 (94)	28 (97)
Шнур	11 (37)	30 (58)	13 (41)	8 (28)
Ямки/жемчужины	23 (77)	41 (79)	27 (84)	22 (76)
Угловые штампы:				
зубчатый	—	10 (19)	—	—
гладкий	—	4 (8)	1 (3)	—
с галочкой	—	1 (2)	1 (3)	—
Ромбические штампы:				
с косым крестом	—	4 (8)	—	—
с глазком	1 (3)	—	—	—
Сердцевидный штамп (маленький)	1 (3)	5 (10)	—	—
Полулунный штамп (скобочка)	—	4 (8)	1 (3)	—
Гладкий штамп-палочка (сработанный гребенчатый?)	4 (13)	4 (8)	3 (9)	—
Наколы (неглубокие маленькие вдавления)	6 (20)	3 (6)	10 (31)	5 (17)
Штамп подовальной формы	2 (7)	3 (6)	—	—
Округлые неглубокие вдавления	—	—	3 (9)	—
Канелюры (неглубокие желобки)	1 (3)	1 (2)	3 (9)	—
Ногтевые вдавления	—	1 (2)	—	—
Защипы	1 (3)	3 (6)	2 (6)	—
Отступающая лопаточка	4 (13)	4 (8)	4 (13)	—
Всего	30 (100 %)	52 (100 %)	32 (100 %)	29 (100 %)

На 33 % изделий присутствуют следы нагара. Основная часть коллекции (73 %) представлена сосудами горшковидных форм (рис. 2, 1, 6–8, 10–16); доля чашевидных сосудов — 27 % (рис. 2, 5–2, 9). Диаметр устья сосудов составляет от 6 см до 17,4 см (определен у 26 сосудов). К группе с малым диаметром устья (до 10 см) относятся 6 сосудов; со средним (от 10 до 15 см) — 19 сосудов; с большим (более 15 см) — 1 горшок.

Срез венчика декорирован у 70 % сосудов: орнамент наносили преимущественно гребенчатым штампом (19 экз.), в двух случаях — гладким (возможно, сработанным гребенчатым).

Среди элементов орнамента преобладает гребенчатый мелкозубчатый штамп (табл. 2). Он присутствует на 93 % сосудов. Им выполнены почти все мотивы орнамента. Горизонтальные линии из оттисков гребенки имеются на 20 % изделий (встречается от двух до четырех линий на одном сосуде). Отмечены горизонтальные ряды из наклонно и прямо поставленных коротких оттисков, длинные диагональные линии из оттисков гребенчатого штампа, горизонтальная решетка / сетка, горизонтальный и вертикальный зигзаг, «лесенка» вертикальная или диагональная, ромбический мотив.

На шейке 73 % сосудов присутствует поясok из ямочных вдавлений, один сосудик декорирован рядом жемчужин.

Шнур применялся при орнаментации 37 % изделий. Его оттисками выполнялись преимущественно горизонтальные линии (от двух до четырех на одном изделии). Один сосуд декорирован диагонально расположенными шнуровыми оттисками, являющимися составной частью сложного мотива «диагональная лесенка» (рис. 2, 8).

На 13 % изделий узоры нанесены оттисками отступающей лопаточки: диагональные длинные ленты по шейке и тулову (рис. 2, 14); сложная композиция из разнонаправленных перекрещивающихся лент (взаимопроникающие мотивы) (рис. 2, 8); на двух чашевидных сосудах оттисками лопатки оформлен завершающий мотив, состоящий из вертикальных лент и фестонов (рис. 2, 3, 5). Отпечатки фигурного штампа (ромбический с глазком) имеются на 1 сосуде (рис. 2, 1). Защипы, образующие длинные вертикальные выступающие ребра, присутствуют на тулове одного сосуда (рис. 2, 6).

Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6)

Самые распространенные простые мотивы — ряды из вертикально или наклонно поставленных коротких отпечатков гребенки (23 экз.); ряд ямочных/жемчужных вдавлений (23 экз.); горизонтальные линии из шнуровых оттисков (11 экз.); горизонтальные линии, выполненные гребенчатым штампом (3 экз.); горизонтальный или вертикальный одинарный зигзаг, выполненный гребенчатым штампом (7 экз.) (рис. 2, 3, 7, 9, 10); решетка из отпечатков гребенки имеется на 2 сосудах (рис. 2, 7, 15); длинные вертикальные или диагональные линии на тулове сосудов, выполненные отступающей лопаткой (на 4 экз.) (рис. 2, 3, 5, 14). Из сложных мотивов встречаются диагональная или вертикальная лесенки, выполненные гребенчатым штампом (3 экз.) (рис. 2, 8, 11); взаимопроникающие асимметричные мотивы, исполненные с помощью гребенки или отступающей лопаточки (2 экз.) (рис. 2, 7, 8); ромбический мотив (1 экз.).

Итак, на посуде из раскопа № 3 наиболее часто встречаются: гребенчатый штамп (93 %), ямочные вдавления (73 %), шнур (37 %). Фигурные штампы практически отсутствуют (3 %).

Таблица 2

Частота встречаемости основных элементов орнамента и орнаментальных мотивов на средневековых сосудах из могильника Вак-Кур (раскопы № 3–6)

Table 2

Frequency of occurrence of the core ornamental elements and ornamental motifs in the Medieval vessels from the Vak-Kur burial ground (digs No. 3-6)

Элементы орнамента	Топографические группы могильника Вак-Кур (раскопы № 3–6)			
	№ 3 Кол-во сосудов (%)	№ 4 Кол-во сосудов (%)	№ 5 Кол-во сосудов (%)	№ 6 Кол-во сосудов (%)
Гребенчатый штамп	28 (93)	43 (83)	30 (94)	28 (97)
Ямочно-жемчужный пояс	22 (73)	41 (79)	27 (84)	22 (76)
Шнуровой оттиск	11 (37)	30 (58)	13 (41)	8 (28)
Фигурные штампы (уголок, ромб)	1 (3)	18 (35)	2 (6)	—
Отступающая лопаточка	4 (13)	4 (8)	4 (13)	—
Горизонтальные линии:				
шнуровые	11 (37)	29 (56)	12 (38)	7 (24)
гребенчатые	6 (20)	11 (21)	5 (16)	10 (35)
шнур + каннелюры	—	1 (2)	1 (3)	—
каннелюры	1 (3)	1 (2)	3 (9)	—
Зигзаг простой	2 (7)	7 (13)	5 (16)	4 (14)
Усложненный зигзаг (с наколами по углам)	5 (17)	1 (2)	7 (22)	2 (7)
Лесенка	2 (7)	3 (6)	—	—
Сетка/решетка	2 (7)	2 (4)	8 (25)	4 (14)
Ромбические мотивы	1 (3)	—	2 (6)	—
Взаимопроникающие мотивы	2 (7)	2 (4)	2 (6)	2 (7)
Кол-во статистически обработанных сосудов	30 (100 %)	52 (100 %)	32 (100 %)	29 (100 %)

Керамический комплекс из раскопа № 4 (рис. 3, табл. 1, 2)¹. Раскоп № 4 расположен в северо-восточной части могильника (рис. 1). На площади около 497 м² изучено 69 погребений (одно из них — коллективное — содержит останки трех погребенных). Обнаружены как целые формы, так и фрагменты, всего насчитывается 56 сосудов. Для статистического анализа взято 52 изделия (93 % коллекции).

Следы нагара присутствуют на 39 % сосудов. Подавляющая часть изделий (81 %) представлена сосудами горшковидных форм (рис. 3, 4–17); доля чашевидных сосудов — 19 % (рис. 3, 1–3).

Диаметр устья определен у 85 % сосудов, он составляет от 6,5 см до 24 см. К группе сосудов со средним диаметром (10–15 см) относятся 22 изделия; с малым диаметром (до 10 см) — 18; с большим (более 15 см) — 4.

Срез венчика покрыт орнаментом у 62 % сосудов. Декорировали срез гребенкой (27 сосудов), в двух случаях отмечен гладкий штамп, в одном — зубчатый уголковый и гладкий уголковый и в одном случае — ногтевые оттиски.

¹ Юдинская керамика из раскопа № 4 могильника Вак-Кур подробно охарактеризована ранее [Турова, 2018].

Наиболее часто в качестве орнамента использовали гребенчатый штамп (83 % изделий) (табл. 1, 2). Гребенкой выполнены почти все орнаментальные мотивы: горизонтальные линии (от одной до девяти), горизонтальные ряды из прямо или наклонно поставленных отпечатков, решетка/сетка, лесенка вертикальная или диагональная, горизонтальный зигзаг. Ряд из ямочных вдавлений присутствует на 79 % изделий. Шнуровые оттиски имеются на 58 % сосудов. Горизонтальные линии (от двух до десяти) из оттисков шнура отмечены на 56 % изделий.

На 8 % сосудов имеется декор, созданный оттисками отступающей лопаточки. Ими выполнены вертикальные длинные ленты на тулове трех горшочков; на одном сосуде из этих оттисков составлена сложная композиция из разнонаправленных перекрещивающихся лент (взаимопроникающие мотивы) (рис. 3, 7).

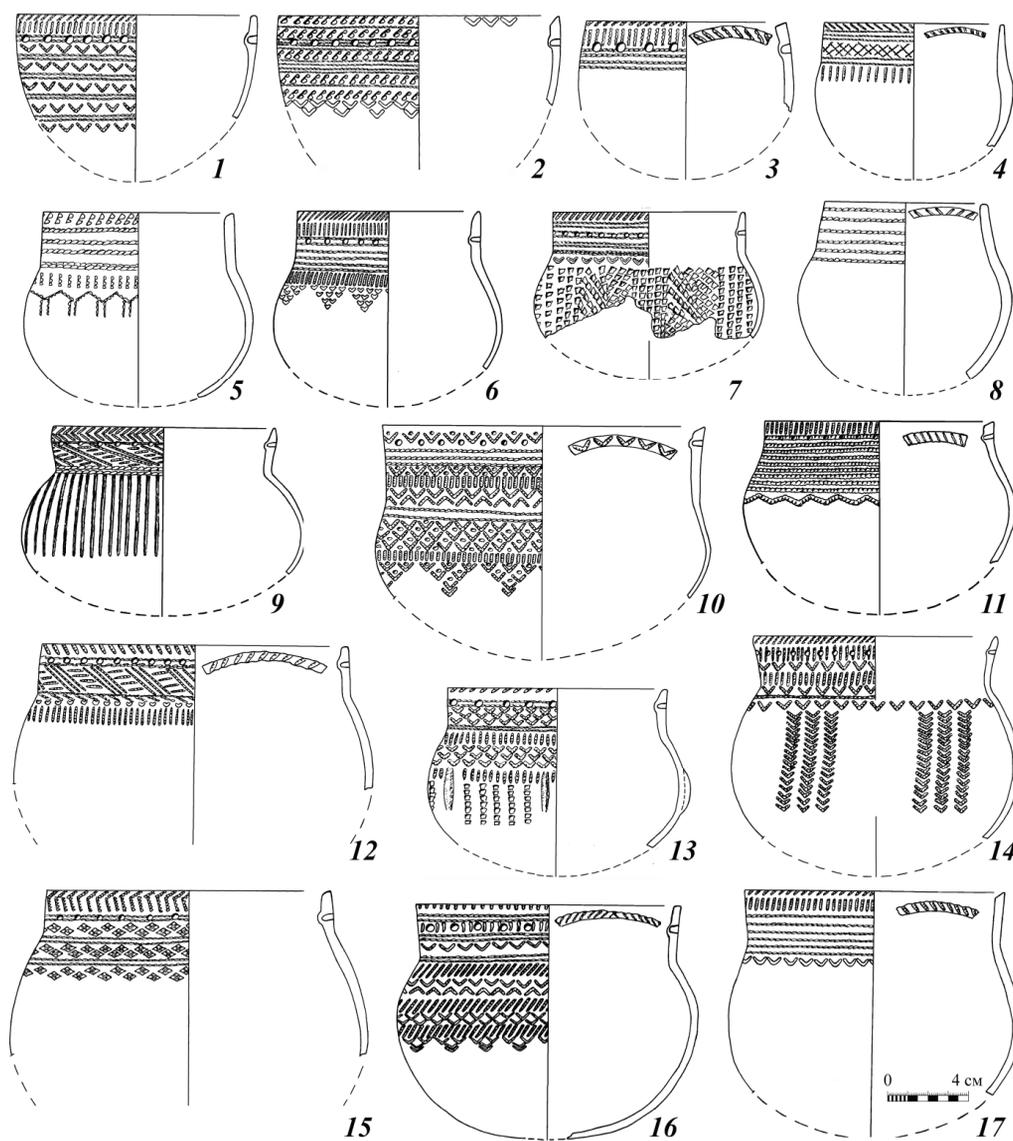

Рис. 3. Могильник Вак-Кур. Юдинская керамика из раскопа № 4.
Fig. 3. Burial ground Vak-Kur. Yudinsky ceramics from digs No. 4.

Фигурные штампы (ромбический и уголкоый) отмечены на 35 % изделий. Наиболее часто использовались зубчатый и гладкий уголкоый штампы, один раз встречается уголкоый штамп с галочкой (рис. 3, 7). Ромбический штамп с косым крестом присутствует на 8 % изделий (рис. 3, 15). Из отпечатков фигурных штампов выполнялись одинарные, двойные и тройные ряды (оттиски располагались в шахматном порядке, иногда они размещались зеркально по отношению

Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6)

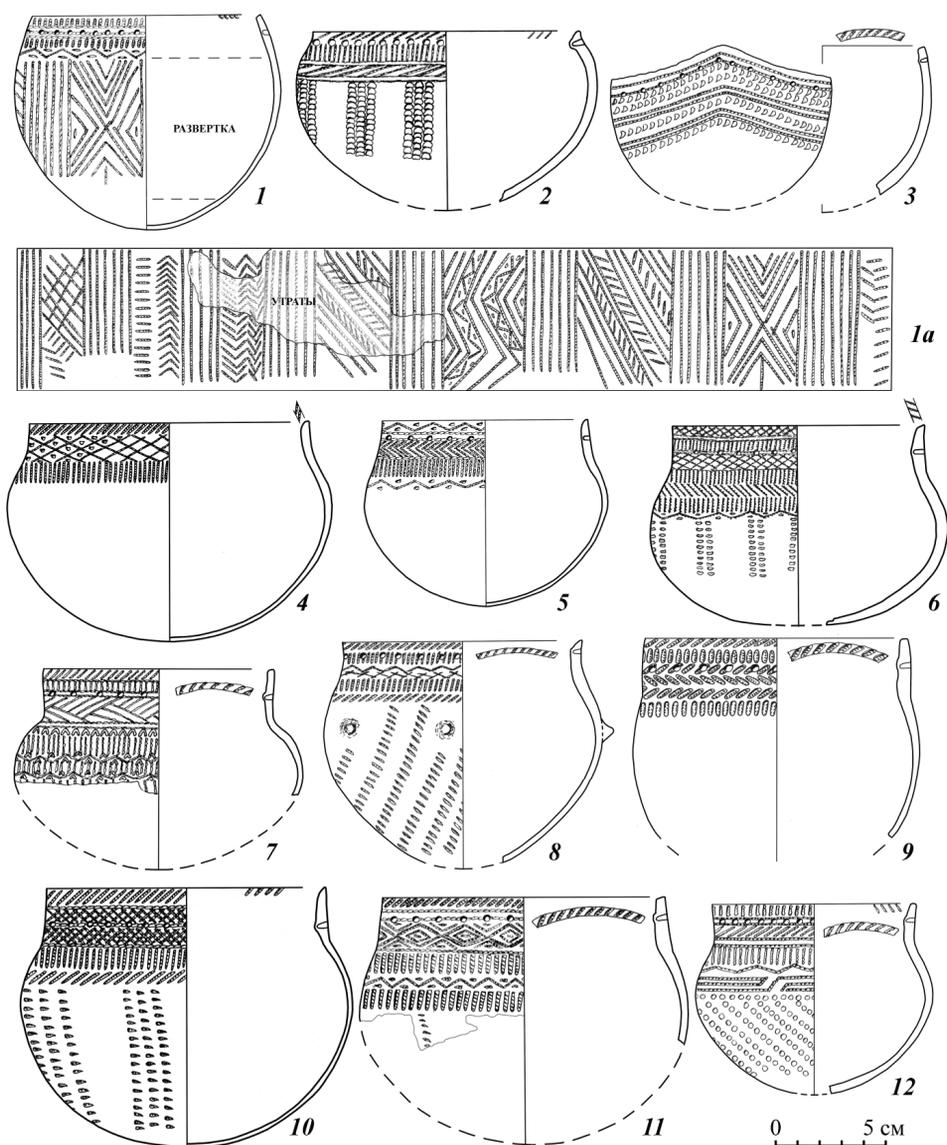
друг к другу); эти штампы, выстроенные в различной конфигурации фестоны и вертикальные ленты, завершали орнаментальную зону.

Для украшения 6 % сосудов применялись защипы. С их помощью формировались вертикальные выступающие ребра (короткие или длинные) на плечиках или тулове сосудов (рис. 3, 13).

Среди наиболее популярных простых мотивов можно назвать ряды из вертикально или наклонно поставленных отпечатков гребенки (на 83 % сосудов); ряд ямочных вдавлений (79 %); горизонтальные ряды из шнуровых оттисков (56 %); горизонтальные ряды, выполненные гребенчатым штампом (21 %). На 13 % сосудов встречаются одинарный или двойной горизонтальный зигзаги, выполненные гребенкой (рис. 3, 5, 11); на 1 сосуде этом мотив создан гладким штампом.

Итак, наиболее часто встречаемыми элементами орнамента на керамике из раскопа № 4 являются: гребенка (83 %), ямочные вдавления (79 %), шнур (58 %), фигурные штампы (35 %).

Керамический комплекс из раскопа № 5 (табл. 1, 2, рис. 4). Раскоп площадью около 249 м² находится в северо-западной части могильника (рис. 1). На площади раскопа исследовано 31 погребение, одно из которых — парное. Керамическая коллекция из раскопа № 5 представлена целыми формами и фрагментами 41 сосуда. Для анализа взято 32 сосуда — 78 % коллекции.

Рис. 4. Могильник Вак-Кур. Юдинская керамика из раскопа № 5.
Fig. 4. Burial ground Vak-Kur. Yudinsky ceramics from digs No. 5.

На 69 % сосудов отмечен нагар. На одном изделии присутствуют следы ремонта (в верхней части тулова имеется 2 сквозных отверстия, выполненных после обжига). Сосуды горшковидных форм (рис. 4, 2, 4–12) в количественном отношении преобладают (88 %); на чашевидные сосуды приходится лишь 12 % коллекции (рис. 4, 1, 3). Один сосудик по выступающим краям-ушкам напоминает ладью (рис. 4, 3).

Диаметр устья сосудов — от 8 до 18 см (определен у 94 % изделий). К группе с малым диаметром (до 10 см) относятся 11 сосудов; со средним (10–15 см) — 18; с большим (более 15 см) — 1.

Срез венчика декорирован у 81 % сосудов (на 23 изделиях использована гребенка, на 3 — гладкий штамп).

Наиболее распространенным элементом орнамента является гребенчатый штамп (94 % изделий). Гребенкой выполнены многие мотивы: горизонтальные разделительные линии (от трех до шести линий на одном сосуде встречается на 16 % изделий), горизонтальные ряды из наклонно и прямо поставленных оттисков, решетка, зигзаг, лесенка. Ряд из ямочных вдавлений наличествует на 81 % изделий; на 1 сосуде присутствует поясok из чередующихся ямок и жемчужин (три через одну соответственно).

Оттиски шнура применялись при орнаментации 41 % сосудов. Ими выполнены горизонтальные линии на 38 % изделий. На одном сосуде может присутствовать от одной до семи таких линий (рис. 4, 1, 5–7, 10, 11).

На 13 % сосудов узоры нанесены оттисками отступающей лопаточки: вертикальные длинные ленты по тулову трех сосудов, завершающие композицию (рис. 4, 2); на одном сосуде эти оттисками выполнены горизонтальные линии (рис. 4, 3).

Фигурные штампы практически отсутствуют. Лишь на двух сосудах встречается гладкий уголковый (рис. 4, 7) и ромбический с рамочкой штампы.

Защипы, образующие вертикальные выступающие ребра или шиповидные выступы на тулове (рис. 4, 8), применялись для декорирования 2 сосудов.

Самые часто встречаемые простые мотивы — ряды из вертикально или наклонно поставленных одинарных отпечатков гребенчатого штампа (84 %); ряд ямочных вдавлений (84 %); горизонтальные ряды из шнуровых оттисков (41 %); горизонтальные, вертикальные или диагональные длинные линии, выполненные гребенчатым штампом (25 %). Горизонтальный зигзаг из оттисков гребенчатого штампа (в большинстве случаев зигзаг дополняют наколы) и решетка имеются на 25 % сосудов (рис. 4, 1, 1а, 4–8, 10, 11).

На 19 % сосудов имеются сложные мотивы из отпечатков гребенки: ромбические (рис. 4, 11), взаимопроникающие (рис. 4, 1а, 7), меандры (рис. 4, 12) и др. На двух сосудах отмечены сложные асимметричные мотивы (рис. 4, 1, 1а).

Таким образом, характерной особенностью керамической коллекции из раскопа № 5 являются преимущественное использование для декорирования гребенчатого штампа (94 %), относительно невысокая доля шнуровых оттисков (имеются на 41 % сосудов), ничтожно малая доля фигурных штампов (6 %).

Керамический комплекс из раскопа № 6 (рис. 5, табл. 1, 2). Раскоп площадью 343 м² находится в западной части могильника; на нем исследовано 43 погребения (одно из которых, вероятно, парное). Керамическая коллекция из раскопа № 6 представлена целыми формами и фрагментами 32 сосудов. Для анализа отобрано 29 сосудов (91 % коллекции).

Следы нагара имеются на 48 % изделий. Подавляющее число изделий представлено сосудами горшковидных форм (90 %) (рис. 5); на долю чашевидных приходится 10 %.

Диаметр устья сосудов составляет от 5,6 см до 13,5 см (определен у 90 % сосудов). К группе сосудов с малым диаметром (до 10 см) относятся 9 сосудов; со средним (10–15 см) — 17 сосудов.

За исключением одного изделия, вся посуда орнаментирована. Срез венчика декорирован оттисками гребенки на 76 % изделий.

Среди элементов орнамента преобладает гребенчатый штамп (на 97 % сосудов). Им выполнены почти все мотивы: горизонтальные линии (от двух до семи линий на 35 % сосудов); горизонтальные ряды из наклонно и прямо поставленных оттисков, решетка, зигзаг. Ряд из ямочных вдавлений присутствует на 76 % изделий; шнуровые оттиски — на 28 % (ими выполнены от одной до пяти горизонтальных линий на 24 % изделий) (рис. 5, 5, 8, 9, 12, 16, 18). Тулово одного сосуда декорировано длинными вертикальными шнуровыми линиями (рис. 5, 18).

Наиболее популярные простые мотивы — ряды из вертикально или наклонно поставленных одинарных отпечатков гребенки (93 %); ряд ямочных вдавлений (93 %); горизонтальные

Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6)

линии из шнуровых оттисков (45 %); горизонтальные, вертикальные или диагональные длинные линии, выполненные гребенчатым штампом (28 %). Горизонтальный зигзаг из оттисков гребенки (в ряде случаев зигзаг дополняют наколы) имеется на 21 % изделий (рис. 5, 7, 9, 14, 18); гребенчатая решетка — на 14 % (рис. 5, 7, 15, 16). На 2 сосудах отмечены сложные взаимопроникающие мотивы, созданные из отпечатков гребенки (рис. 5, 5, 14).

Таким образом, для керамической коллекции из раскопа № 6 характерны преимущественное использование для декорирования гребенчатого штампа, относительно малая доля шнуровых оттисков (имеются лишь на 28 % сосудов), а также полное отсутствие фигурных штампов.

Анализ материалов

Сравнивая керамику вышеописанных топографических участков могильника между собой, нужно отметить ее несомненную общность. Практически вся посуда круглодонная, изготовлена ручным способом; хорошего обжига, тонкостенная; на внешней и внутренней стороне сосудов имеются штрихи — следы заглаживания; сосуды слабопрофилированные, приземистые (общая высота меньше наибольшего диаметра тулова). Орнаментация плотная. Большинство сосудов декорировано по шейке горизонтальным рядом ямочных вдавлений, образующих на внутренней поверхности сосуда жемчужины. Преобладающим элементом орнамента является мелкозубчатый гребенчатый штамп. Сходны и основные орнаментальные мотивы. На части сосудов всех раскопов присутствуют шнуровые оттиски. Все это позволяет рассматривать данную керамику в рамках ЮАК.

Но при сходстве форм сосудов, пропорций и принципов построения орнамента посуда раскопов № 3–6 демонстрирует и отличия, касающиеся преимущественно доли таких элементов орнамента, как шнур и фигурные штампы, а также некоторых мотивов (табл. 2). Именно поэтому (а также принимая во внимание особенности планиграфии могильника — наличие отдельных участков) мы не стали делать статистический анализ всей совокупности керамики из могильника Вак-Кур (полученные усредненные значения не отражали бы реальной ситуации ни по одному из раскопов).

Наибольшие различия прослеживаются между керамикой раскопов № 4 и 6 (табл. 2), наиболее удаленных друг от друга территориально. Раскоп № 4 характеризуется самой высокой долей сосудов (58 %), декорированных шнуровыми оттисками, а также высокой частотой применения разнообразных фигурных штампов (35 %), тогда как посуда раскопа № 6 выглядит более скромно, даже скудно, из-за преимущественного использования гребенчатого штампа, низкой доли шнурового (28 %) и полного отсутствия фигурных штампов. При этом именно коллекция раскопа № 6 демонстрирует самый высокий показатель применения гребенчатого штампа для создания горизонтальных линий (35 %) и отсутствие сосудов, декорированных отступающей лопаточкой.

Меньше всего различий между коллекциями из раскопов № 3 и 5, расположенных достаточно близко друг к другу. Сходна доля шнуровой керамики данных раскопов (37 и 41 % соответственно); сближает их и ничтожно малое количество фигурных оттисков (3 и 6 %). На наш взгляд, керамику данных раскопов можно было бы рассматривать в рамках одной топографической группы, если бы не различия, которые касаются частоты встречаемости отдельных сложных мотивов: раскоп № 5 демонстрирует самое большое (среди всех раскопов) количество посуды, декорированной сеткой/решеткой (25 %) (для раскопа 3 этот показатель равен 7 %); а также некоторые характеристики погребального обряда (ориентировка могильных ям по линии 3–В, ЮЗЗ–СВВ, а не характерные для остальных раскопов 3–В и СЗ–ЮВ).

С чем связаны такие отличия в орнаментике между керамикой из раскопов № 3–6? Так как набор сопроводительного инвентаря, археологически фиксируемые черты погребальной обрядности на разных участках некрополя сходны, материалы с них датируются одним периодом — X–XI вв., то, вероятнее всего, отличия в декоре сосудов связаны не с их асинхронностью. Подтверждением этому могут служить материалы парного (взрослый и ребенок) погребения № 175 (раскоп № 5), в котором в ногах погребенных были обнаружены *in situ* два целых горшковидных сосуда разного размера: на одном присутствовали шнуровые линии, гребенчатый штамп и ряд ямок, а на другом — лишь мотивы, выполненные гребенчатым штампом; при этом формы и пропорции сосудов идентичны (рис. 4, 4, 5).

Скорее всего, разница в удельном весе отдельных элементов орнамента и наборе мотивов на керамике различных топографических групп некрополя обусловлена функционированием внутри однокультурного (юдинского) погребального поля участков, принадлежавших различным семейно-родовым группам.

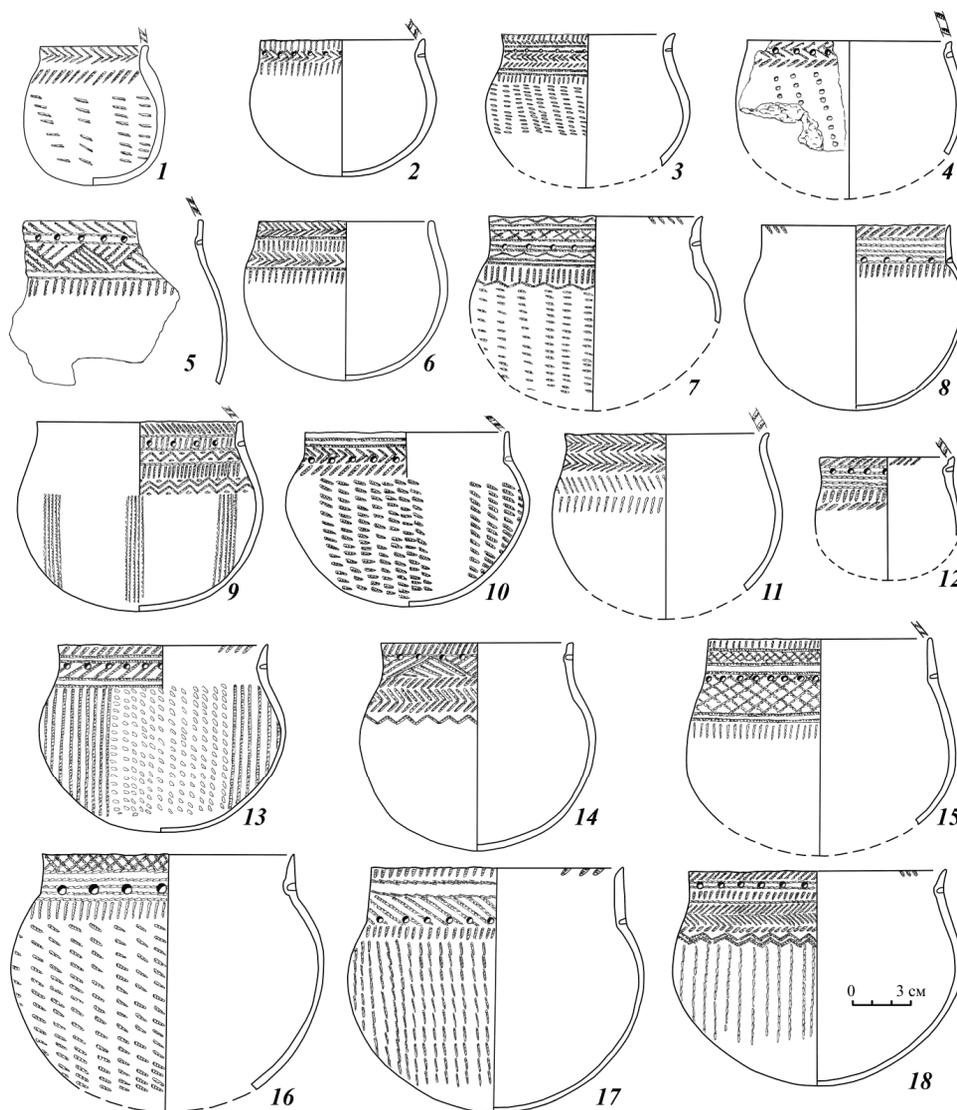

Рис. 5. Могильник Вак-Кур. Юдинская керамика из раскопа № 6.

Fig. 5. Burial ground Vak-Kur. Yudinsky ceramics from digs No. 6.

Анализ материалов и обсуждение результатов

Вышеописанные керамические комплексы четырех топографических групп могильника Вак-Кур были сопоставлены с керамикой некрополей юдинской культуры, известных по публикациям: Ликинского [Викторова, 2008] и Пылаевского [Кутаков, Старков, 1997]. Сравнение с керамикой других погребальных памятников ЮАК практически невозможно ввиду того, что материалы либо не опубликованы, либо малочисленны.

Сопоставление керамики из раскопов № 3–6 с материалами из некрополей, традиционно относимых к ЮАК² (Ликинского и Пылаевского), показало их незначительное сходство. Керамике данных некрополей присуща низкая плотность орнамента, незначительная высота орнаментального поля, малое количество мотивов и ограниченный набор элементов орнамента (при полном отсутствии фигурных штампов). На Ликинском могильнике, функционировавшем в период с X по XIII в., в заполнении 18 погребений и в составеклада вещей обнаружены целые

² Пылаевский могильник ряд ученых не без основания относят к чияликской АК (с этим вполне можно согласиться, принимая во внимание облик керамической коллекции памятника) [Казаков, 2007, с. 62; Гарустович, 2015]; да и принадлежность Ликинского могильника лишь к ЮАК признается не всеми исследователями [Зыков, 2012, с. 36].

Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6)

формы и фрагменты 22 сосудов. Шнуровые оттиски имеются лишь на 8 изделиях. Остальные сосуды, кроме пояса ямок по венчику, декорированы гребенкой (присутствуют взаимопроникающие мотивы). Эта разнородность керамического комплекса вкупе с особенностями погребального обряда (погребения совершены по обряду полной или частичной кремации), зафиксированного на Ликинском могильнике, позволили А.П. Зыкову считать памятник смешанным, оставленным населением юдинской культуры и кинтусовского этапа нижнеобской культуры [2012, с. 36].

Из 20 исследованных погребений Пылаевского могильника X–XII вв. происходят 9 сосудов, 5 (56 %) из которых декорированы шнуровым орнаментом, гребенка присутствует на 7 изделиях, защипы — на одном [Кутаков, Старков, 1997, с. 136]. Особенностью данной керамики является отсутствие пояса ямочных вдавлений на шейке сосудов. С посудой Пылаевского могильника сопоставима лишь часть коллекции раскопа № 4 могильника Вак-Кур, а именно 9 экз. (17 %) шнуровой безъямочной посуды, на которой шнуровые оттиски выступают в качестве самостоятельного орнаментального мотива (на двух сосудах они являются единственным элементом орнамента) (рис. 3, 5, 8, 17). Применение многорядовых оттисков шнура в сочетании с отсутствием столь характерного для западно-сибирских средневековых культур пояса ямочных вдавлений делает эту керамику из раскопа № 4 сходной с посудой чияликской АК, что может указывать на контакты юдинцев с носителями чияликской АК.

Также сопоставление вак-куровских коллекций было проведено со статистически обработанными керамическими комплексами некоторых хронологически близких поселенческих памятников юдинской культуры: городищ X–XIII вв. Барсучье, Коловского, Ипкуль XIII; городищ XII–XIII вв. Красногорского и Святой Бор 5; городища VII–X вв. Молчановского; Красногорского, юдинские комплексы которого датируются концом XII — XIV в. [Рафикова, 2015, табл. 2, с. 67–68]; а также с полностью опубликованными материалами городищ Пламя Сибири 6 (VI–VII вв.), Пламя Сибири 7 (VIII–IX вв.) и Антоново 1 (VI–VII вв.), отнесенных к молчановской АК [Гордиенко, 2016]³.

Основные статистические выкладки (частота встречаемости шнуровых оттисков и фигурных штампов) сближают керамику из раскопа № 3 с юдинскими коллекциями городищ Красногорское и Святой Бор; коллекцию раскопа № 4 — с материалами городища Барсучье, демонстрирующими популярность шнуровых оттисков (61 %) и сходную частоту встречаемости и набор фигурных штампов (угловой — 19 %, ромбический — 2 %). Коллекция из раскопа № 5 наиболее сопоставима с материалами Коловского городища, для которого характерны достаточно высокая частота использования шнуровых элементов (55 %), незначительная доля фигурных штампов (угловой — 10 %, ромбический — 3 %) и сниженный процент сосудов, в орнаментации которых присутствует поясок ямок (73 %). Коллекция из раскопа № 6 наиболее сходна с материалами городищ Святой Бор 5 и Красногорское, для которых характерны небольшая доля шнуровых отпечатков (28 и 25 % соответственно) и отсутствие фигурных штампов (лишь на 1 сосуде городища Святой Бор 5 имеются угловые оттиски).

Но наиболее близки к вак-куровской керамике коллекции с городищ Пламя Сибири 6, 7 и Антоново 1 (памятники расположены в 50 км к западу от могильника Вак-Кур, в бассейне р. Туры). По основным декоративным и морфологическим признакам керамика могильника очень близка (некоторые сосуды практически идентичны) сосудам вышеназванных туринских памятников. Керамика с этих городищ имеет близкие формы и пропорции, элементы орнамента, мотивы, принципы построения узора. Отличия наблюдаются в большем разнообразии фигурных штампов, отсутствии защипов и практически полном отсутствии посуды, декорированной отступающей лопаточкой.

Керамическая коллекция городищ Пламя Сибири 6, 7 и Антоново 1, насчитывающая 1500 сосудов, по виду орнамента была поделена А.В. Гордиенко на 5 групп: в первую (основную) группу вошли сосуды, в орнаментации которых сочетаются фигурноштамповые (в основном угловые, а также ромбические), гребенчатые и шнуровые оттиски (52 %); во вторую группу — сосуды только с гребенчатым штампом (20 %); третья группа объединяет посуду со шнурогребенчатым декором (20 %); четвертая содержит сосуды, декорированные гладкой палочкой и шнуром (3 %); пятая — лишь с ямочно-жемчужным поясом (5 %) [Там же, с. 34–41].

Для того чтобы иметь возможность сопоставить коллекции с городищ Пламя Сибири 6, 7 и Антоново 1 с керамикой раскопов № 3–6 могильника Вак-Кур, коллекции с некрополя были об-

³ На наш взгляд датировка и культурная принадлежность последних трех памятников нуждаются в уточнении [Турова, 2018, с. 158–159].

работаны статистически по той же схеме, что использовалась А.В. Гордиенко⁴. Полученные данные отражены в табл. 3. Как мы можем видеть, те же группы⁵ сосудов встречаются и в материалах могильника Вак-Кур; разные раскопы имеют различный удельный вес керамики, характерной для групп 1–3. Так, доля керамики первой (основной) группы имеет значительный разброс: от 14 % на раскопе № 6, до 52 % на раскопе № 4. Посуда второй группы также имеет различный удельный вес: от 19 % на раскопе № 4 до 62 % на раскопе № 6. Количество сосудов третьей группы на всех четырех раскопах могильника Вак-Кур примерно одинаковое (17–25 %).

Таблица 3

Сравнительная характеристика керамических коллекций городищ Пламя Сибири 6, Пламя Сибири 7, Антоново 1 и коллекций из раскопов № 3–6 могильника Вак-Кур

Table 3

Comparative characteristics of ceramic collections of the ancient settlements Plamya Sibiri 6, Plamya Sibiri 7, Antonovo 1 and collections from Vak-Kur burial ground digs No. 3–6

Памятники	Группы керамики 1–3 по: [Гордиенко, 2016, с. 34–41]		
	1. Гребенка + шнур+ фигур. штампы (%)	2. Гребенка (%)	3. Гребенка + шнур (%)
Городища Пламя Сибири 6, 7, Антоново 1	52	20	20
Могильник Вак-Кур			
Раскоп № 3	30	43	23
Раскоп № 4	52	19	17
Раскоп № 5	37	38	25
Раскоп № 6	14	62	21

Особенное сходство прослеживается между сводными статистическими данными по удельному весу трех групп керамики туринских городищ и коллекцией из раскопа № 4 (табл. 3). Доля выделенной А.В. Гордиенко по виду орнамента первой (основной) группы керамики, в декоре которой присутствуют фигурные штампы, гребенка и шнур, на раскопе № 4 достигает 52 %; второй группы — 19 %; третьей — 17 %.

Подчеркнем, что именно керамика первой группы, для которой характерно сочетание гребенчато-шнуровой орнаментации с фигурными штампами, является, по мнению А.В. Гордиенко, классической молчановской и в материалах юдинских памятников X–XIII вв. отсутствует [Там же, с. 37, 86]. Но материалы хорошо датированных юдинских коллекций могильника Вак-Кур не подтверждают этого.

Ввиду малого количества узко датирующегося инвентаря⁶ и за неимением радиоуглеродных дат хронологическая позиция городищ Пламя Сибири 6, 7 и Антоново 1 была установлена исследователем в интервале с VI по IX в. с опорой на особенности керамических комплексов (в частности, на разработанную для Сургутского Приобья хронологию фигурно-штамповой керамики, в соответствии с которой оттиск в виде уголка является признаком зеленогорской керамики VI–VII вв.) [Гордиенко, 2015, с. 119; 2016, с. 56–59]. Однако поразительное сходство облика керамических коллекций могильника Вак-Кур с материалами городищ Пламя Сибири 6, 7 и Антоново 1, на наш взгляд, свидетельствует, что эти памятники и относятся к юдинской культуре, и могут быть датированы концом I — началом II тыс. н.э.

Выводы

Таким образом, несмотря на общность основных морфологических и декоративных признаков средневековой юдинской керамики из могильника Вак-Кур, были выявлены и некоторые от-

⁴ При подсчетах к фигурным штампам нами были отнесены, помимо уголковых и ромбических, различные скобковидные, округлые оттиски, а также отпечатки торца лопаточки (как и у А.В. Гордиенко). Так как среди восьми подгрупп керамики, входящих в первую (основную) группу, четыре подгруппы (№ 2, 3, 5, 7) не содержат шнурового орнамента (их количество/доля не указаны) [Гордиенко, 2016, с. 36–37], то и сосуды этих подгрупп из раскопов могильника Вак-Кур также были включены в первую (основную) группу.

⁵ Для сравнения взяты наиболее многочисленны группы 1–3, выделенные А.В. Гордиенко (на их долю приходится 90 % сосудов с городищ Пламя Сибири 6, 7 и Антоново 1).

⁶ Даже беглый взгляд на весь комплекс датирующегося инвентаря с городищ Пламя Сибири 6, 7 и Антоново 1 (16 предметов) [Гордиенко, 2016, рис. 116, 1–16] покажет, что широкие хронологические рамки его бытования можно очертить периодом с VI по XII в. Есть и инвентарь, датировка которого укладывается в рамки X–XI вв. [Там же, рис. 116, 4, 10], но почему-то он исследователем проигнорирован.

Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6)

личия между керамическими коллекциями с раскопов. Они фиксируются в удельном весе таких элементов орнамента как шнур и фигурные штампы (уголковый и ромбический), а также ряда мотивов. Наибольшие отличия прослеживаются между коллекциями раскопов № 4 и 6. Зафиксированную разницу в декоре нельзя связать с асинхронностью. По всей видимости, она обусловлена функционированием на площади общего погребального поля отдельных участков, принадлежавших различным коллективам юдинской АК.

Сопоставление керамики из раскопов могильника со статистически обработанными керамическими комплексами хронологически близких поселенческих комплексов бассейнов р. Туры и Тавды показало существенное сходство с некоторыми из них: керамика раскопа № 3 близка с коллекциями городищ Красногорское и Святой Бор; раскопа № 4 — с материалами городища Барсучье; раскопа № 5 — с материалами Коловского городища; раскопа № 6 — с керамикой городищ Святой Бор 5 и Красногорское. Однако какие-либо выводы делать преждевременно, так как опубликованные статистические выкладки не дают полного представления об облике керамических коллекций с этих памятников.

Значительное сходство датированной X–XI вв. керамики могильника Вак-Кур (а особенно коллекции из раскопа № 4) с полностью опубликованными коллекциями городищ Пламя Сибири 6, 7 и Антоново 1 вызывает необходимость пересмотреть время функционирования последних и их культурную принадлежность. На наш взгляд, их следует датировать рубежом I–II тыс. н.э. и отнести к ЮАК. Также сопоставление керамики Вак-Кура с материалами данных городищ наглядно продемонстрировало очень важный момент: погребальная посуда юдинской культуры ничем не отличается от поселенческой (если не учитывать ее размеры).

Следует также обратить внимание на достаточно пышную орнаментацию керамики раскопов № 4–6, достигаемую использованием фигурных штампов. Это обстоятельство не позволяет согласиться с выводом тюменских исследователей (основанным на сравнении керамики из могильников Пылаевского, Ликинского, Вак-Кур (раскоп № 3), Заводоуковского-3 и Перейминского с посудой поселенческих памятников ЮАК), что более бедный декор керамических комплексов является особенностью погребального обряда юдинского населения на всем протяжении существования культуры [Аношко, Рафикова, 2017, с. 58].

Отмеченные существенные различия керамики из могильников Вак-Кур, Ликинского и Пылаевского (их объединяет только присутствие шнурового орнамента на части сосудов) вкупе с яркими отличиями в погребальном обряде, ставят под вопрос отнесение данных некрополей к одной археологической культуре. Черты сходства (в значительной степени погребальный инвентарь) свидетельствуют, скорее всего, о принадлежности данных погребальных памятников к единой культурно-исторической общности.

Зафиксированная на материалах могильника Вак-Кур разница в орнаментации керамики различных топографических групп ярко иллюстрирует сложность процессов культурогенеза ЮАК, при которых общность основных элементов культуры не приводит к полной унификации керамических орнаментальных схем даже в пределах относительно небольшой территории расселения однокультурного населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А.А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 248–250.

Аношко О.М., Рафикова Т.Н. Новые данные о погребальном обряде юдинского населения (по материалам Заводоуковского-3 курганного могильника) 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4. С. 51–60.

Викторова В.Д. Древние Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.

Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: (Опыт систематизации археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 173–192.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале. Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.

Гордиенко А.В. Раскопки городища Антоново 1 // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 2 (2). С. 118–124.

Н.П. Турова

- Гордиенко А.В.* Среднее Зауралье в эпоху раннего средневековья. Тюмень: РИЦ ТГИК, 2016. 230 с.
- Зах В.А., Чикунова И.Ю.* Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 107–118.
- Зыков А.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: Проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
- Кутаков Ю.М., Старков А.В.* Пылаевский грунтовый могильник: (Предварительная публикация) // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. Вып. 1. С. 130–147.
- Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. С. 140–151.
- Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н.* Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволюкского городища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 105–116.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Могильников В.А.* Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. 47 с.
- Рафикова Т.Н.* Керамический комплекс костица Песьянка-1: (К проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 61–70.
- Турова Н.П.* Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): В 3 ч. Ч. II. С. 191–193.
- Турова Н.П.* Коллекция наременной гарнитуры рубежа I-II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 63–76. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-063-076.
- Турова Н.П.* Средневековый керамический комплекс грунтового могильника Вак-Кур (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4. № 1. С. 148–163. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-148-163.
- Турова Н.П.* Лицевые покрытия в погребальной практике юдинского населения Нижнего Приобья // Вестник ТГУ. 2019. № 443. С. 198–208. DOI: 10.17223/15617793/443/24.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.

N.P. Turova

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the RAS
Acad. Yu. Osipova st., Tobolsk, 626150, Russian Federation
E-mail: turova2707@yandex.ru

Pottery from the Vak-Kur cemetery of the Yudina Culture (based on materials from excavations 3–6)

Researchers associate the medieval archeological artifacts of the Middle Trans-Urals, whose pottery bears cord impressions, with the Chiyalik, Molchanovo and Yudina Cultures. Despite the large number of artifacts that have been studied, many questions remain open. These include the status, chronology, and interaction of the Molchanovo and Yudina antiquities, as well as the evolution and specifics of their pottery complexes. Publication and analysis of the ceramic collections from Vak-Kur, the largest burial ground of the Yudina Culture, contribute to addressing some problems related to «the Corded Ware cultures». The Vak-Kur burial ground is dated to the 10th–11th centuries based on the assemblage of the associated goods. It is located in the south-eastern part of the Yudina Culture areal, on the right shore of the Tobol River. For all the time of excavations in the area of the necropolis, 220 burials have been studied. The dead were buried in shallow pits according to the ritual of inhumation, on their backs. A specific feature of the funeral ritual is breaking of a part of the accompanying equipment and use of funerary masks. Decorative and morphological features of 143 Yudina vessels have been examined. The tableware has been categorized according to four topographic groups after excavations 3 to 6. It has been noted that, despite the similar shapes of pots, and ornamental proportions and patterns, the pottery from excavations 3 to 6 demonstrates a different frequency in use of such elements in the décor as the cord and figured stamps. The biggest differences were detected between the ceramic artifacts found in excavations 4 and 6. It was suggested that the differences in décor between pottery from different excavations are determined not by their asynchronous nature, but by the existence of several tribal sites in the area of the Yudina necropolis. The comparison of ceramic collections from the Vak-Kur burial ground with those from the medieval burial and settlement sites of the Yudina Culture showed that the pottery from the necropolis is most closely related to collections from the Plamya Sibiri 6 and 7, and Antonovo 1 settlements located in the Tura River basin. These sites were dated by their investigator to the earlier period (6th to 9th centuries) and attributed to the Molchanovo Culture. Based on the

Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6)

significant similarity between the pottery of the named sites and the dishware of the 10th to 11th centuries from excavation 4 of the Vak-Kur burial ground, a revision of the chronology and cultural attribution of these sites has been proposed.

Key words: Western Siberia, Trans-Urals, Middle Ages, Yudina culture, burial ground Vak-Kur, ceramics.

REFERENCES

- Adamov A.A. (2003). Researches concerning Vak-Kur burial ground in the Tobol river region. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. T. 9. Ch. 1 (pp. 148–150). (Rus.).
- Anoshko O.M., Rafikova T.N. (2017). New data on the burial ritual of the Yudino population (based on the materials of Zavodoukovsky-3 burial mound). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 51–60. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1957). The Lower Ob area in the I millennium AD. In: Merpert N.Ia. (Ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (pp. 136–245). Moscow: AN SSSR. (Rus.).
- Garustovich G.N. (2015). The Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in South Urals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (15), 181–198. (Rus.).
- Gordienko A.V. (2015). Excavation of settlement Antonovo 1. *Vestnik Tiimenskogo gos. un-ta*, 1 (2), 118–124. (Rus.).
- Gordienko A.V. (2016). *Middle Trans-Urals in the Early Middle Ages*. Tiumen': RITs TGIK. (Rus.).
- Kazakov E.P. (2007). *The Volga Bulgarians, Magyars, and Finns: problems of interaction*. Kazan': Institut istorii AN RT. (Rus.).
- Kutakov Iu.M., Starkov A.V. (1997). The burial ground of Pylaevsky: (A preliminary publication)]. In: *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale* (pp. 130–147). Ekaterinburg: «Ekaterinburg». (Rus.).
- Matveyeva N.P., Orlova L.A., Rafikova T.N. (2009). New data on the radiocarbon chronology of Medieval Trans-Urals. *Rossiyskaya arkheologiya*, (1), 140–151. (Rus.).
- Matveyeva N.P., Rafikova T.N. (2005). New data on the Judino culture (based on the materials of the Krivolukskoye fortified settlement). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (6), 105–116. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1987). The Ugrians and the Samoyeds of the Urals and Western Siberia. In: *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ia* (pp. 163–235). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Rafikova T.N. (2015). A pottery complex from Pesyanka-1 bone bed: (On chronology and periodization of the Yudino culture). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 61–71. (Rus.).
- Turova N.P. (2015). Problems of interpretation of disturbed graves of the burial ground of Vak-Kur. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, (10), 191–193. (Rus.).
- Turova N.P. (2016). A collection of belt accessories dated back to the I–II thousand A.D. found in the necropolis constructed in Yudinsky tribe culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 63–76. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-063-076.
- Turova N.P. (2018). Medieval ceramic burial ground complex Vak-Kur (as excavated in 2005). *Vestnik Tiimenskogo gos. un-ta*, 1(4), 148–163. (Rus.). DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-148-163.
- Turova N.P. (2019). Face covers in the burial procedure of the Yudinsky people in the lower Tobol River region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (443), 198–208. (Rus.). DOI: 10.17223/15617793/443/24.
- Viktorova V.D. (2008). *Ancient Ugric people in the Ural forests: (Pages of the early history of the Mansi)*. Ekaterinburg: Kvadrat. (Rus.).
- Viktorova V.D., Morozov V.M. (1993). The Central Trans-Ural region in the Late Iron Age. In: *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei* (pp. 173–192). Ekaterinburg: Ural. gos. un-t. (Rus.).
- Zakh V.A., Chikunova I.Iu. (2010). The Medieval burial ground of Vak-Kur (on the materials of 1986, 1987 researches). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 107–118. (Rus.).
- Zykov A.P. (2012). *Barsova Gora: Essays on the archaeology of Surgut Ob. The Middle Ages and the New Age*. Ekaterinburg: Ural'skii rabochii. (Rus.).

Турова Н.П., <https://orcid.org/0000-0002-0909-9073>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

АНТРОПОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-9>

В.В. Куфтерин^a, С.Л. Воробьева^b

^a Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский просп., 32а, Москва, 119991

^b Национальный музей Республики Башкортостан
ул. Советская, 14, Уфа, 450077
E-mail: vladimirkufterin@mail.ru;
sveta_legion@mail.ru

ТРАВМАТИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ НА ЧЕРЕПАХ ИЗ НОВО-САСЫКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

Проведен анализ травматических повреждений в краниологической серии из Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры (Нижнее Прикамье). Памятник датирован I–II вв. Для группы характерен высокий уровень летального боевого травматизма. В общей сложности на 12 черепах из 94 обследованных зафиксировано 16 травм. С учетом особенностей планиграфии погребений, из которых происходят травмированные черепа, сделан вывод, что часть группы, оставившей могильник, погибла в результате возможно одномоментного вооруженного конфликта.

Ключевые слова: *ранний железный век, пьяноборская культура, Нижнее Прикамье, палеопатология, травмы.*

Введение

Результаты изучения травматических повреждений, фиксируемых на скелетном материале, представляют собой ценный источник для исторических и биоархеологических реконструкций. При этом систематическое исследование этого источника затрудняется рядом субъективных и объективных обстоятельств, делающих анализ черепных и скелетных травм одним из наиболее сложных разделов палеопатологии. К таким субъективным факторам можно отнести: 1) недостаточное знакомство авторов со специальной литературой; 2) недостаток опыта и квалификации исследователя — осознаваемые [Мамонова, 1997, с. 117] или значительно чаще не осознаваемые; 3) специфику представления сведений в ряде публикаций, осложняющую или делающую невозможным их использование в сравнительном анализе (например, приведение недифференцированных по полу данных или совместный учет боевых и бытовых травм). Среди трудностей объективного порядка можно выделить: 1) сложность разграничения перимортальных повреждений и посмертных разрушений костей после захоронения [Fleming-Farrell et al., 2013]; 2) невозможность визуальной диагностики давно и успешно залеченных травм; 3) сложность определения временного промежутка, следующего от момента получения травмы до времени смерти индивида, обозначаемого в зарубежной литературе как «posttraumatic survival time» [Steyn et al., 2014]; 4) отсутствие унифицированного подхода к анализу и методике описания травматических повреждений. Последнее обстоятельство приводит к тому, что одни и те же повреждения на одних и тех же черепах могут квалифицироваться как боевые травмы [Мамонова, 1997] либо трепанации [Медникова, 1997, с. 138; Наран, Тумэн, 1997] (материалы из Улангома) или как тупые травмы [Березина, Бужилова, 2015] и символические трепанации [Медникова, 2001, с. 252] (в случае материалов из Дмитриевского и Зливкинского могильников). Наконец, некоторые категории повреждений (в частности, рубленые травмы) не имеют четкого алгоритма описания даже в судебно-медицинской травматологии [Шадымов, Рыкунов, 2011, с. 88].

Несмотря на то что попытки унификации описания и дифференциации травматических повреждений на палеоматериале предпринимаются уже давно [Яблонский, 1983], более-менее четкие алгоритмы исследования существуют лишь для их отдельных категорий [Медникова, 2001, с. 40–49; Ражев, Святова, 2006]. Между тем значимость данного источника археологической и исторической информации общепризнанна, что нашло выражение даже в подготовке

Травматические повреждения на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

учебно-методического пособия, содержащего раздел, посвященный изучению палеотравматизма [Бородовский и др., 2010, с. 29–60].

Целью настоящей работы является анализ травматических повреждений на черепах оседлого населения Прикамья эпохи раннего железа. На фоне большого количества сведений по травматизму кочевников раннего железного века (см., напр.: [Китов и др., 2019]) финно-угорское население Прикамья и Приуралья в этом отношении практически не изучено (единственным исключением являются данные по Тойгузинскому городищу пьяноборской культуры [Бугров, 1999; Бужилова, 2005, с. 205–206]).

Материал и методика исследования

Рассматриваемый материал происходит из раскопок Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры, произведенных под руководством С.М. Васюткина и В.К. Калинина в 1976–1980 гг. Памятник расположен в Нижнем Прикамье (Бакалинский р-н Республики Башкортостан) и представляет собой наиболее полно исследованный пьяноборский некрополь. Его хронологические рамки первоначально были определены в интервале I–III вв. [Васюткин, Калинин, 1986], однако по уточненным данным датировка всех 417 пьяноборских комплексов Ново-Сасыкульского могильника не выходит за пределы II в. [Воробьева, Куфтерин, 2019]. Материал находится на хранении в Национальном музее Республики Башкортостан (г. Уфа).

В общей сложности проанализировано 94 черепа очень хорошей сохранности, принадлежащих взрослым индивидам. Из них 47 определены как мужские, 47 — как женские. Травматические повреждения описывались согласно рекомендациям и методикам, представленным в руководствах и литературе по судебной медицине и судебно-медицинской антропологии [Козлов и др., 2006; Кустанович, 1975; Скопин, 1960; Судебная медицина, 1998, с. 139–154, 184–194; Судебная медицина, 2015, с. 141–145, 180–183; Судебно-медицинская травматология, 1977; Шадымов, Рыкунов, 2011; Kimmerle, Baraybar, 2008; Rodriguez-Martin, 2006], раневой баллистике [Коробейников, Митюков, 2007, с. 9–17] и палеотравматологии [Berryman, Haun, 1996; Lewis, 2008; Lovell, 1997]. Солидаризируюсь с Д.И. Ражевым в том, что реконструкции и интерпретации травматизма на палеоматериале зачастую представляют собой действия, «при которых шума производится больше, чем значимой информации» [2013, с. 57], мы, вслед за этим автором, пошли по пути формализации описания повреждений. В исследовательском протоколе учтены форма и размер повреждения, его локализация, наличие или отсутствие следов заживления и проникновения в полость черепа. На этой основе производилось заключение, представляющее собой определение типа травмы, и реконструкция наиболее вероятного механизма ее возникновения с определением возможного травмирующего орудия (оружия). Выделенные типы повреждений на основе их морфологических характеристик разделены на пять групп. Вместо казуального описания каждой травмы (что заняло бы неоправданно много места), разобраны примеры травматических повреждений каждого из выделенных типов. Отдельно рассматривается случай ранения наконечником стрелы. Отметим, что подобный формализованный подход чреват потерей некоторой информации, представляющей интерес для индивидуальных реконструкций. Однако он видится оправданным целью исследования — определением специфики группы и характера травматизма в ней в целом. В этой связи важно помнить, что высокий процент травматизма в военизированной группе следует отличать от высоких показателей в группе, подвергшейся нападению [Бужилова, 1995, с. 100].

Количественный анализ травм проведен с учетом их распределения по полу, стороне черепа (правая или левая), локализации в задней (относительно точки *bregma*) или передней половине черепного свода (лица). Ошибки репрезентативности при подсчете частот определены

по формуле $S_{\%} = \sqrt{p \times \frac{100-p}{n}}$ [Лакин, 1990, с. 106]. При межгрупповом анализе уровня травма-

тизма в ново-сасыкульской серии использовались сведения о распределении черепных травм в 17 выборках эпохи раннего железа. Для ориентировочной (недифференцированной по полу) сравнительной оценки уровня черепного травматизма привлечены еще три группы: серии скифского и гунно-сарматского времени из Аймырлыга [Мёрфи, 2001; Murphy, 2003] и суммарная выборка скифского времени с территории Среднего Дона [Добровольская, 2013]. Проверка достоверности различий частот ($p < 0,05$) проведена с использованием критерия хи-квадрат и двустороннего точного критерия Фишера.

Результаты и обсуждение

Наличие травм отмечено на 12 черепах. На двух из них зафиксированы двойные повреждения, на одном — тройные. Таким образом, общее количество анализируемых травм — 16. Кроме того, травматические повреждения (все со следами заживления) отмечены на восьми элементах посткраниального скелета, принадлежащих шести индивидам. Полноценный анализ посткраниального травматизма в ново-сасыкульской серии при этом провести проблематично в силу плохой комплектности большинства скелетов. Индивидуальное формализованное описание зафиксированных повреждений на черепах из Ново-Сасыкульского могильника представлено в табл. 1. В общей сложности черепа с травмами найдены в 12 погребениях (рис. 1). Три комплекса расположены в юго-восточной и центральной частях некрополя, остальные образуют скопление в юго-западном секторе могильного поля. В 9 из 12 случаев ориентировка погребенных северная, северо-западная или северо-восточная, в погребениях 25, 89 и 268 — юго-западная, юго-восточная и южная. Судя по положению костей верхних конечностей, в двух случаях (погребения 15 и 35) руки захороненных были связаны. Четыре из рассматриваемых комплексов (погребения 15, 30, 37 и 268) — двойные, остальные — одиночные. Судя по особенностям инвентаря, выделяющиеся планиграфически погребения 89, 164 и 268 датируются временем не ранее середины II в. Остальные захоронения, из которых происходят травмированные черепа, расположены относительно компактно. Весьма вероятно, что они произведены одновременно или через небольшой временной промежуток. Сопровождающий инвентарь позволяет датировать эту юго-западную группу погребений второй половиной I — серединой II в.

Таблица 1

Индивидуальные характеристики черепных травм в серии из Ново-Сасыкульского могильника

Table 1

Individual trauma patterns in a cranial sample from Novo-Sasykul cemetery

№ погр.	Пол, возраст	Описание				Заключение	Реконструкция
		Форма, размер	Локализация	Заживление	Проникновение		
4	Муж., 25–35	Отделение фрагмента сосцевидн. отростка	Лев. височная кость	Нет	Нет	Разруб	Удар клинковым оружием
8	Муж., 25–30	Два щелевидных перелома (23 и 55 мм) с отделением костных фрагментов	Надглазнич. край лобной кости	Нет	Есть	Разрубы	Удар (удары) клинковым оружием
10	Муж., 25–30	Треугольное отверстие со сторонами 6–7 мм	Лев. часть чешуи лобной кости	Нет	Есть	Дырчатый перелом	Удар оружием пирамидальной формы треугольного сечения
15	Муж., 25–30	Отделение костного фрагмента 69×16 мм	Надглазнич. край лобной кости	Нет	Есть	Разруб	Удар клинковым оружием
		Щелевидный перелом (31 мм)	Теменные кости	Нет	Нет	Разруб	То же
25	Муж., 25–35	Овальная депрессия (35×29 мм)	Пр. теменная кость	Нет	Нет	Скол	Скользкий удар клинковым оружием
		Щелевидный перелом (160 мм)	Лев. теменная кость	Нет	Есть	Разруб	Удар клинковым оружием
30(2)	Муж., 25–35	Щелевидный перелом (90 мм) с отделением костных фрагментов	Лев. половина лицевого черепа	Нет	Нет?	Разруб	Частичное разрушение лицевого отдела клинковым оружием
35	Жен., 25–35	Щелевидный перелом (73 мм) с отделением костных фрагментов	Лев. часть чешуи лобной кости и лев. половина лицевого черепа	Нет	Нет?	Разруб	Частичное разрушение клинковым оружием
37(1)	Муж., 25–35	Отделение костного фрагмента 23×11 мм	Лев. скуловая область	Нет	Нет	Разруб	Удар клинковым оружием
50	Муж.?, 20–25	Отделение костного фрагмента 28×12 мм	Лев. височная кость	Нет	Нет	Разруб	Удар клинковым оружием
89	Жен., 20–25	Овальная депрессия (27×7 мм)	Пр. часть чешуи лобной кости	Нет	Нет	Скол	Скользкий удар клинковым оружием
		Щелевидный перелом (46 мм)	Пр. теменная кость	Нет	Нет	Разруб	Удар клинковым оружием
		Овальная депрессия (31×13 мм)	Лев. теменная кость	Нет	Нет	Скол	Скользкий удар клинковым оружием
164	Муж., 25–30	Овальная депрессия (31×10 мм)	Лев. теменная кость	Нет	Нет	Скол	Скользкий удар клинковым оружием
268(1)	Муж., 25–35	Щелевидный перелом (39 мм)	Лев. носовая и верхнечелюстная кости	Нет	Нет	Разруб	Удар клинковым оружием

Все 16 зафиксированных травм не имеют следов заживления, в четырех случаях (25 %) повреждения проникающие. Абсолютное большинство травм (15 из 16, или 93,8 %) квалифициру-

Травматические повреждения на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

ются как рубленые повреждения от удара клинковым орудием (оружием), 11 из них (73,3 %) — рубцы, характеризующиеся отделением костных фрагментов или представляющие собой переломы щелевидной формы. Четыре повреждения (26,7 %) являются сколами поверхностной пластинки черепа подовальной формы, образовавшимися в результате скользящего удара предметом с острым лезвием. Отдельного рассмотрения заслуживает перимортальное повреждение на черепе из погребения 10, представляющее собой дырчатый перелом в результате ранения наконечником стрелы.

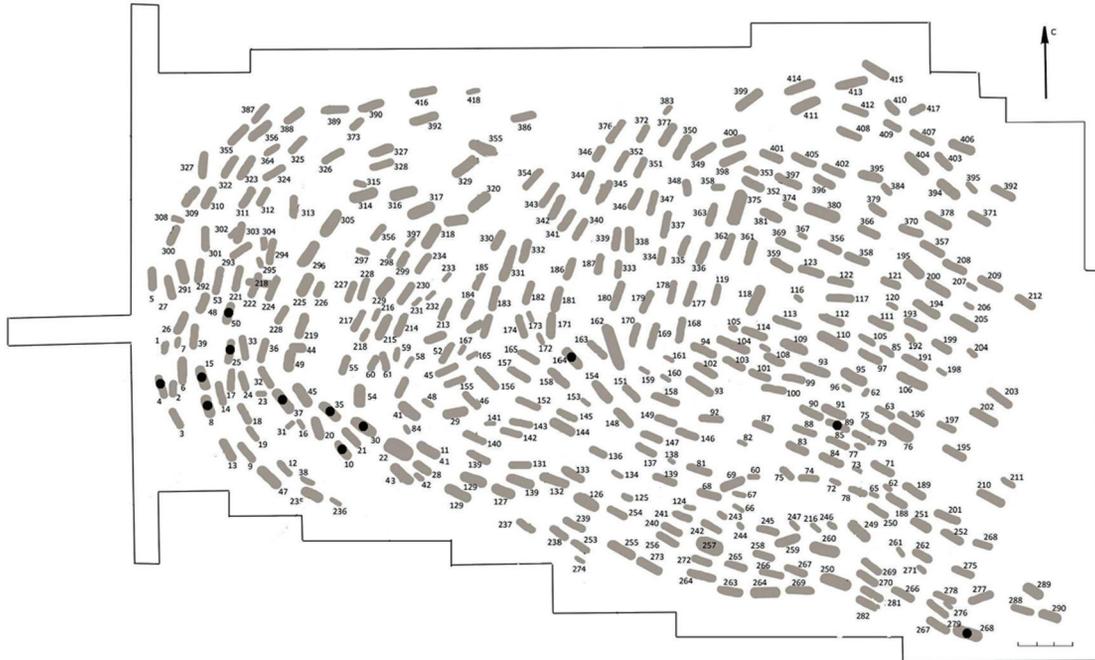

Рис. 1. План Ново-Сасыкульского могильника. Сплошными кругами обозначены погребения, из которых происходят травмированные черепа.

Fig. 1. Plan of Novo-Sasykul cemetery. Black circles indicate burials with injured skulls.

Вошедший в кость трехгранный втульчатый наконечник имеет размеры 2,2×0,7 см, его нижняя часть отломлена (рис. 2, 4). Возможно, слом образовался при попытке извлечения стрелы. В данном комплексе, помимо наконечника в черепе погребенного, обнаружены еще три таких же втульчатых костяных наконечника (рис. 2, 1–3) и фибула с надписью «Avcissa» (рис. 2, 5). Подобные костяные наконечники были широко распространены в пьяноборской среде со II в. до н.э. по II в. н.э. [Агеев, 1992, с. 45]. В соседних с пьяноборскими кара-абызских могильниках такие наконечники стрел в меньшем количестве найдены в погребениях II в. до н.э. — II в. н.э. и их появление связывают с влиянием пьяноборского населения [Иванов, 1984, с. 14–15]. За пределами ареала этих культур они встречены в памятниках I–III вв. на Северном Кавказе, в Сибири, в хуннских памятниках Забайкалья II в. до н.э. — I в. н.э., на территории таштыкской культуры I–II вв., в саргатских комплексах [Агеев, 1992, с. 45]. Специально следует отметить, что два втульчатых костяных наконечника найдены в сарматском могильнике у д. Старые Кишки в погребении, датирующемся III–II вв. до н.э. [Садыкова, 1962, табл. VIII, 7, с. 104]. Сообщения античных авторов, в частности Павсания [Paus., I, 21, 5], об активном использовании костяных наконечников стрел сарматами четкого археологического подтверждения не находят.

Само повреждение (рис. 3) представляет собой проникающее отверстие в форме равно-стороннего треугольника со стороной 6–7 мм, локализующееся в передней части чешуи лобной кости, чуть выше левой височной линии. Наконечник вошел в кость на глубину 1–1,5 см, извлекается свободно. Нижний край отверстия ориентирован скосом наружу, на латеральной стороне имеется наружный скол. Репаративные изменения отсутствуют.

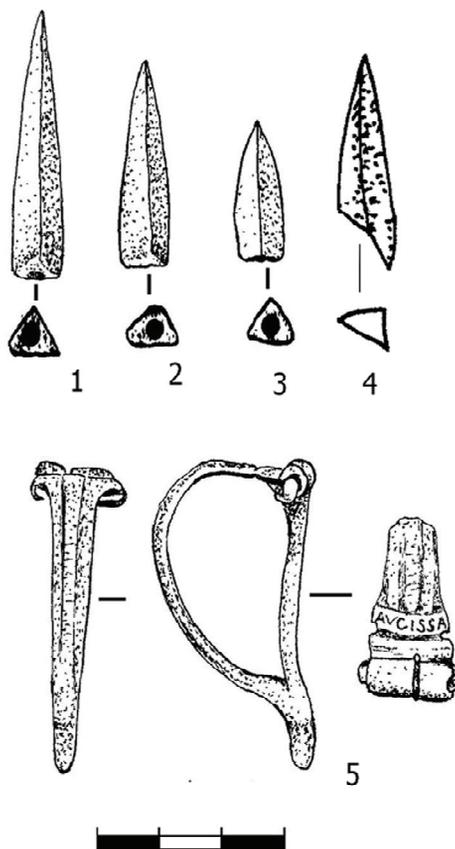

Рис. 2. Инвентарь погребения 10 Ново-Сасыкульского могильника:

1-4 — костяные наконечники стрел; 5 — бронзовая фибула.

Fig. 2. Grave goods from burial 10 of Novo-Sasykul cemetery:

1-4 — bone arrowheads; 5 — bronze brooch.

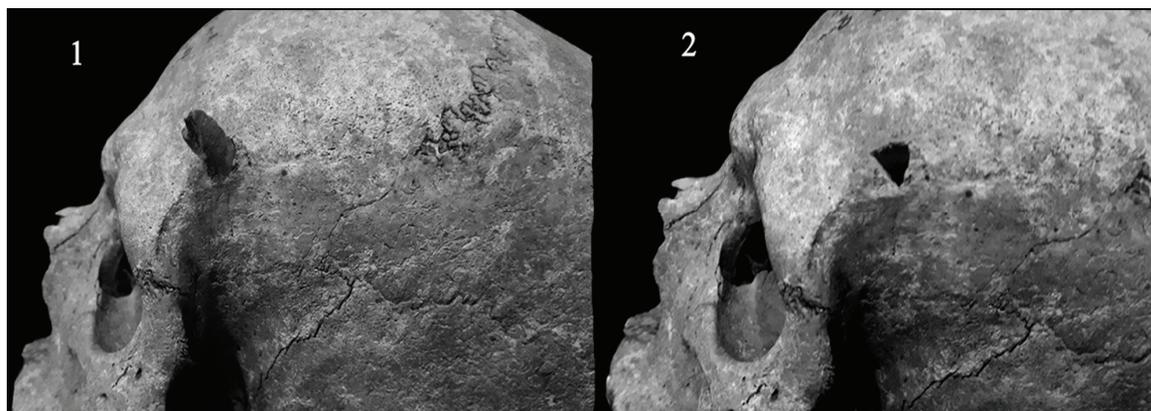

Рис. 3. Череп из погребения 10 (мужчина, 25–30 лет) Ново-Сасыкульского могильника с проникающим ранением (дырчатый перелом) лобной области до (1) и после (2) извлечения трехгранного костяного наконечника стрелы.

Fig. 3. Penetrating wound on the frontal bone of a 25–30 years old male (Novo-Sasykul cemetery, burial 10) before (1) and after (2) extraction of the trilobate arrowhead.

Согласно судебно-медицинским данным, величина удельной энергии снаряда, необходимой для причинения проникающих ранений, например грудной клетки, может находиться в пределах 60...145 Дж/см². Исходя из этих данных и зная размерные характеристики наконечника,

Травматические повреждения на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

можно попытаться установить общую кинетическую энергию стрелы при попадании в цель [Коробейников, Митюков, 2007, с. 11] по формуле

$$E = E_{уд} \times S,$$

где E — величина общей кинетической энергии; $E_{уд}$ — величина удельной энергии; S — площадь сечения снаряда [Коробейников, Митюков, 2007, с. 11].

В нашем случае повреждение представляет собой треугольник со сторонами 6–7 мм, следовательно, площадь его сечения S составляет величину 0,21 см². Соответственно величина кинетической энергии стрелы при попадании в цель могла составлять

$$E = (60...145) \times 0,21 = 12,6...30,5 \text{ Дж} (1,3...3,1 \text{ кгс} \times \text{м}).$$

Отметим попутно, что ранение стрелой зафиксировано и на скелете из погребения 221 (мужчина, 30–35 лет). В этом случае железный трехгранный черешковый наконечник вошел в левую подвздошную кость проксимальнее задней ягодичной линии на глубину 1,5–2 см и плотно засел в ней (оссифицирован). Пострадавшему извлечь наконечник не удалось, ранение при этом не послужило непосредственной причиной смерти. Подобные наконечники в пьяноборской среде были распространены со второй половины I до II в. н.э. [Агеев, 1992, с. 46]. Следует упомянуть, что материалы Тойгузинского II городища пьяноборской культуры, возможно демонстрирующие картину трагической гибели населения, характеризуются наличием преднамеренных повреждений у 18 из 42 погребенных (42,9 %). В 12 скелетах при этом обнаружены 17 костяных втульчатых наконечников стрел [Бугров, 1999, с. 147; Бужилова, 2005, с. 206], по-видимому, аналогичных наконечнику в черепахе из погребения 10 Ново-Сасыкульского могильника.

Рассмотрев особенности распределения травм по полу (табл. 2), можно отметить ожидаемое и статистически достоверное преобладание мужской подгруппы над женской в распространении черепных повреждений. Данная тенденция является универсальной и характерна практически для всех выборок древнего населения. Учитывая, что все обнаруженные травмы можно квалифицировать как боевые, а согласно палеопатологическим данным на голову должно приходиться относительно малое число травм (чуть более 8 % по сведениям Р. Джурмейна [Jurmain, 1991]), полагаем, что реальное количество ранений могло значительно превосходить отмеченную суммарную величину в 13 %. Например, согласно допущениям Д.И. Ражева, количество ранений, затрагивающих посткраниальный скелет, может примерно в 10 раз превышать число боевых травм на черепахе [2009, с. 298]. В ново-сасыкульской серии к однозначно боевым относится одно из восьми (12,5 %) поражений элементов посткраниального скелета — упомянутое выше ранение наконечником стрелы у индивида из погребения 221. Остальные повреждения представляют собой зажившие травмы костей конечностей (один перелом плечевой, два — бедренной кости, сочетанные переломы костей голени и предплечья). Полновесный анализ посткраниального травматизма в ново-сасыкульской серии, как уже отмечалось, провести сложно ввиду плохой комплектности большинства скелетов. Можно лишь предположить, что число боевых поражений, не нашедших отражения на костях, могло значительно превосходить отмечаемые величины.

Таблица 2

Распространение травм на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

Table 2

Distribution of cranial traumas in the Novo-Sasykul cemetery

Пол	Травмированных черепов			χ^2	p
	N	n	%		
Мужчины	47	10	21,3±6,0	6,11	0,013
Женщины	47	2	4,3±3,0		
Суммарно	94	12	12,8±3,4		

Результаты подсчетов распределения травматических дефектов в зависимости от стороны черепа демонстрируют, что достоверно большее число травм приходится на его левую половину (табл. 3). Это может свидетельствовать о преимущественном нанесении ударов в направлении справа налево, вероятно, правшами. В то же время повреждения распределены поровну относительно фронтальной плоскости, что позволяет предполагать различные ситуации нанесения

травм — как положение жертвы лицом к лицу с нападавшим, так и позицию, когда нападавший находился сзади убегающего / поверженного противника.

Таблица 3

Локализация травм на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

Table 3

Localization of traumas on skulls from Novo-Sasykul cemetery

Локализация	Травмы		χ^2	p
	n	%		
Передняя половина свода / лицо	8	50,0±12,5	0,00	1,000
Задняя половина свода	8	50,0±12,5		
<i>Суммарно</i>	16	100,0		
Правая половина свода / лица	3	18,75±9,8	7,54	0,006
Левая половина свода / лица	10	62,5±12,1		
Обе половины свода / лица	3	18,75±9,8		
<i>Суммарно</i>	16	100,0		

Таблица 4

Распространение типов повреждений на травмированных черепах из Ново-Сасыкульского могильника

Table 4

Distribution of trauma types on skulls from Novo-Sasykul cemetery

Пол	Травмы	Щелевидный перелом		Овальная депрессия		Отделение фрагмента		Комбинированные повреждения		Другие повреждения	
		n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Мужчины	12	3	25,0±12,5	2	16,7±10,8	4	33,3±13,6	2	16,7±10,8	1	8,3±8,0
Женщины	4	1	25,0±21,7	2	50,0±25,0	0	0,0	1	25,0±21,7	0	0,0
<i>Суммарно</i>	16	4	25,0±10,8	4	25,0±10,8	4	25,0±10,8	3	18,8±9,8	1	6,2±6,0

Анализ типов повреждений на травмированных черепах дает возможность отметить наличие нескольких их категорий (табл. 4). Рубленые травмы представляют собой переломы щелевидной формы, сколы поверхностной пластинки черепа в виде овальных или подовальных депрессий, срубы (отделение) костных фрагментов, а также повреждения, в морфологической характеристике которых сочетаются выделенные типы. Частота встречаемости основных типов дефектов на травмированных черепах одинакова. Как уже отмечалось, по-видимому, все эти повреждения представляют собой результаты ранения клинковым оружием (меч, палаш). К категории «другие повреждения» отнесено описание выше ранение наконечником стрелы. Ниже приводится подробное описание типичных случаев выделенных категорий повреждений.

1. Скол наружной компактной пластинки в виде овальной депрессии неправильной формы на черепе из погребения 25 (рис. 4, 1). На правой теменной кости в области теменного бугра наблюдается скол верхней компакты размерами 35×29 мм. Заднемедиальная часть скола имеет форму полукруглой линии, срез ровный, располагается под острым углом к поверхности черепа (сторона первичного контакта). Губчатое вещество обнажено. На срезе фиксируются следы неровностей секущей поверхности рубящего предмета (трассы). Переднелатеральный край дефекта уступчато-оскольчатый с отщеплением поверхностных слоев компактной пластинки. Следов заживления нет. Повреждение сформировано от удара предметом с острым лезвием под углом менее 30° [Шадымов, Рыкунов, 2011]. Вероятное направление удара — сверху, сзади и вниз.

2. Перелом щелевидной формы на черепе из погребения 89 (рис. 4, 2). На правой теменной кости медиальнее теменного бугра наблюдается линейно-щелевидный дефект протяженностью 46 мм, не проникающий в полость черепа. Концы повреждения острые, одна стенка ровная, другая несколько скошена. Повреждение распространяется незначительно глубже наружной компактной пластинки. Дополнительных трещин нет. Следов заживления нет. Повреждение сформировано от удара предметом с острым лезвием под углом, близким к 90° [Шадымов, Рыкунов, 2011]. Биомеханическая интерпретация — отвесный удар рубящим предметом с неполным погружением средней части лезвия. Вероятное направление удара — сзади сверху.

3. Отделение фрагмента надглазничного края лобной кости на черепе из погребения 15 (рис. 5). Верхний край левой орбиты, левый скуловой отросток, область глабеллы и прилегаю-

Травматические повреждения на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

шая слева носовая часть лобной кости отсутствуют. Лобные пазухи обнажены. Четко определяется ровная прямолинейная плоскость разруба с наличием мелких трасс — следов скольжения лезвия рубящего предмета. На лобном отростке левой скуловой кости имеется насечка, вероятно маркирующая окончание плоскости рассечения кости. Приблизительные размеры верхней части дефекта 69×16 мм. Наклонный удар рубящим предметом. Вероятное направление удара — спереди, сверху вниз и несколько сбоку. Положение нападавшего слева или справа от жертвы в данном случае установить проблематично [Скопин, 1960, с. 141]. Судя по расположению трасс, возможно, он находился слева (со стороны вогнутой части дуги) от пострадавшего [Козлов и др., 2006, с. 52], однако недостаточно четкая дугообразность следов лезвия на поверхности разруба оставляет этот вопрос открытым.

Рис. 4. Скол поверхностной пластинки (1) на правой теменной кости черепа из погребения 25 (мужчина, 25–35 лет) и щелевидный перелом (2) на правой теменной кости черепа из погребения 89 (женщина, 20–25 лет) Ново-Сасыкульского могильника.

Fig. 4. Chipped outer table (1) on the right parietal bone of a 25–35 years old male (Novo-Sasykul cemetery, burial 25) and linear cut mark (2) on the right parietal bone of a 20–25 years old female (Novo-Sasykul cemetery, burial 89).

Рис. 5. Рубленое повреждение в области глабеллы, верхней части левой орбиты и скулового отростка лобной кости на черепа из погребения 15 (мужчина, 25–30 лет) Ново-Сасыкульского могильника.

Fig. 5. Deep blade wound on the *glabella* region, upper part of the left orbit and zygomatic process of the frontal bone of a 25–30 years old male (Novo-Sasykul cemetery, burial 15).

Результаты сравнительного анализа боевого черепного травматизма представлены в табл. 5. К категории «боевых травм», в случае если они не выделяются авторами отдельно, отнесены все летальные повреждения, рубленые ранения (в том числе зажившие) и ранения наконечниками стрел. Когда нет уверенности в том, что все отмеченные случаи черепных травм являются боевыми, а специфика представления материала не позволяет этого сделать, приводимые показатели снабжены знаком «?». Для женщин достоверных межгрупповых различий в распределении показателей боевого черепного травматизма не обнаружено. Мужчины из Ново-Сасыкульского могильника по уровню встречаемости краниальных травм оказываются сходны с рядом наиболее военизированных групп, например поздними сарматами Есауловского Аксая [Перерва, 2002], «булан-кобинцами» из Степушки [Тур, Матренин, 2016; Тур и др., 2018] и хунну из Улангома [Мамонова, 1997; Наран, Тумэн, 1997]. Боевые ранения фиксировались в анализируемой выборке достоверно чаще, чем у представителей целого ряда групп кочевого населения. В суммарной ново-сасыкульской серии уровень черепного травматизма также достоверно выше, чем в объединенных (недифференцированных по полу) выборках скифского ($p < 0,001$) и гунно-сарматского ($p = 0,012$) времени из Аймырлыга [Мёрфи, 2001; Murphy, 2003], и сходен с показателями распространенности краниальных травм у населения скифского времени Среднего Дона ($p = 0,453$) [Добровольская, 2013].

Таблица 5

Боевой черепной травматизм в серии из Ново-Сасыкульского могильника в сравнении с материалами раннего железного века

Table 5

Combat traumas in the Novo-Sasykul cranial sample in comparison with Early Iron Age materials

Серия	Источник данных	Мужские черепа			Женские черепа		
		N*	% травм	p**	N	% травм	p
Ново-Сасыкуль, пьяноборская к-ра	Данные В.В. Куфтерина	47	21,3	1,00	47	4,3	1,00
Старые Киишки, ранние сарматы	Китов и др., 2019	12	25,0	0,72	9	0,0	1,00
Покровка 1, 2, 7, 8 и 10, ранние сарматы	Китов и др., 2019	73	1,4	0,00	53	0,0	0,22
Нижнее Поволжье и Подонье, ранние сарматы (суммарно)	Перерва, 2015	88	13,6?	0,15	65	1,5	0,57
Нижнее Поволжье и Подонье, средние сарматы (суммарно)	Перерва, 2016	77	3,9?	0,00	60	8,3?	0,46
Есауловский Аксай, поздние сарматы	Перерва, 2002	29	31,0	0,42	9	0,0	1,00
Саргатская общность (суммарно)	Ражев, 2009	109	2,8	0,00	64	3,1	1,00
Гришкин Лог, тагарская к-ра	Рохлин, 1965	26	7,7	0,19	40	0,0	0,49
Верхнее Приобье, каменная к-ра (суммарно)	Рыкун, 2007	106	4,7	0,00	66	1,5	0,57
Новотроицкое 1, каменная (большереченская) к-ра	Рыкун, 1999	49	4,1	0,01	42	0,0	0,49
Быстровка 2 и 3, большереченская к-ра	Шпакова, Бородовский, 1998	97	8,2	0,03	—	—	—
Юго-восточный и Южный Алтай, пазырыкская к-ра (суммарно)	Тур, 2019	56	16,1	0,61	54	1,9	0,59
Центральный, Северный и Северо-западный Алтай, пазырыкская к-ра (суммарно)	Тур, 2019	72	6,9	0,03	71	1,4	0,56
Булан-кобинская к-ра, II в. до н.э. — начало III в. н.э. (суммарно)	Тур и др., 2018; Тур, 2019	55	7,3	0,04	30	6,7	0,64
Булан-кобинская к-ра, вторая пол. III — V в. н.э. (суммарно)	Тур и др., 2018; Тур, 2019	113	16,8	0,51	63	6,3	0,70
Бош-Туу 1, булан-кобинская к-ра	Тур, Матренин, 2016; Тур и др., 2018	32	3,1	0,02	11	0,0	1,00
Степушка 1 и 2, булан-кобинская к-ра	Тур, Матренин, 2016; Тур и др., 2018	26	23,1	1,00	4	0,0	1,00
Улангом, хунну	Мамонова, 1997; Наран, Тумэн, 1997	64	19,0	0,81	36	0,0	0,50

* Число обследованных черепов.

** Уровень значимости точного критерия Фишера при сравнении с серией из Ново-Сасыкульского могильника (достоверные различия для $p > 95$ % выделены полужирным шрифтом).

Можно ли на основе полученных данных предполагать перманентную военную активность пьяноборского населения? В свете слабой вооруженности пьяноборцев и предполагаемого отсутствия у них воинских контингентов [Иванов, 1984, с. 74], скорее всего, нет. Оседлое население

Травматические повреждения на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

ние, оставившее Ново-Сасыкульский могильник, представляется скорее жертвами вооруженного нападения, чем группой, регулярно участвовавшей в военных столкновениях с соседними коллективами. Данная ситуация может быть сопоставлена с реконструируемой для населения саргатской общности, у представителей которой на фоне повсеместного наличия оружия в элитарных мужских захоронениях показатели черепного травматизма весьма скромны, что позволяет предполагать относительно невысокую интенсивность военной деятельности [Шарапова, Ражев, 2013]. По всей видимости, в нашем случае наблюдается обратное. Высокая частота встречаемости боевого краниального травматизма на фоне слабого вооружения, представленного в основном стрелами с железными и костяными наконечниками при небольшом количестве оружия ближнего боя, говорит, что пьяноборцы скорее сами подвергались вооруженным набегам, чем выступали в роли агрессоров.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют предполагать, что высокий уровень боевого черепного травматизма у населения, оставившего Ново-Сасыкульский могильник, может вовсе не означать его регулярную вовлеченность в военные конфликты. На фоне слабой вооруженности пьяноборцев [Иванов, 1984] и планиграфических особенностей расположения погребений, из которых происходят черепа с травмами, можно утверждать, что часть исследованной группы представляет собой скорее жертв, возможно, одномоментного вооруженного нападения. В качестве вероятных агрессоров могли выступать как кочевники (подавляющее большинство травм нанесено клинковым оружием, широко представленным в их арсенале), так и родственные племена. В пользу последнего свидетельствует находка черепа с костяным наконечником стрелы. Подобные наконечники бытовали на протяжении всего периода существования пьяноборской культуры и были распространены также у кара-абызского населения. Непродолжительный период функционирования Ново-Сасыкульского некрополя выступает еще одним косвенным свидетельством напряженной обстановки на границе взаимодействия кочевников с оседлыми племенами Прикамья и Приуралья. «Демилитаризованное» пьяноборское население в вооруженных конфликтах, очевидно, выступало в качестве «страдающей» стороны.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника)»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Paus. — *Павсаний*. Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева. М.: АСТ-Ладомир, 2002. Т. 1. 496 с.

Литература

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрОРАН, 1992. 140 с.

Березина Н.Я., Бужилова А.П. Анализ травматических повреждений черепа по материалам некоторых раннесредневековых могильников Восточной Европы // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. 2015. № 2. С. 4–23.

Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табаров А.В., Черемисин Д.В. Археология насилия: (Интерпретация материалов археологических, антропологических и образительных комплексов). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т: Новосиб. гос. пед. ун-т: ИАЭТ СО РАН, 2010. 110 с.

Бугров Д.Г. Укрепления Тойгузинского II городища // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 145–153.

Бужилова А.П. Древнее население: (Палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.

Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.

Воробьева С.Л., Куфтерин В.В. Ново-Сасыкульский могильник как опорный памятник пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. М.: ИА РАН, 2019. С. 91–93. DOI: 10.2568/IASAS.2019.978-5-94375-270-4.91-93.

Добровольская М.В. Боевые травмы в изучении антропологических материалов из среднедонских некрополей V–IV вв. до н.э. // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 131–141.

- Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.
- Китов Е.П., Хохлов А.А., Иванов С.С.* Боевые травмы у ранних кочевников «савромато-сарматского» облика как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI–II вв. до н.э. // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2019. № 3. С. 169–180.
- Козлов В.В., Кирсанов В.Н., Колоколов Г.Р., Иванов А.Н.* Криминалистическое и судебно-медицинское исследование холодного оружия и следов его применения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 88 с.
- Коробейников А.В., Митюков Н.В.* Баллистика стрел по данным археологии: Введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ КИТ, 2007. 140 с.
- Кустанович С.Д.* Судебно-медицинская трасология. М.: Медицина, 1975. 168 с.
- Лакин Г.Ф.* Биометрия. М.: Высш. школа, 1990. 352 с.
- Мамонова Н.Н.* Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) // *РА*. 1997. № 4. С. 108–121.
- Медникова М.Б.* К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // *РА*. 1997. № 4. С. 130–140.
- Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Мёрфи А.М.* Обзор результатов палеопатологического анализа погребений скифского периода на могильнике Аймырлыг (Тува) // *Археологические вести*. 2001. Вып. 8. С. 125–150.
- Наран Б., Тумэн Д.* Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника // *РА*. 1997. № 4. С. 122–129.
- Перерва Е.В.* Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Акся // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2002. Вып. 1–2. С. 141–151.
- Перерва Е.В.* К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV–I вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4, История. 2015. № 5 (35). С. 53–66. DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.5.6.
- Перерва Е.В.* Случаи боевого травматизма у населения среднесарматского времени Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // *Военная история России: Проблемы, поиски, решения: Материалы III Междунар. науч. конф., посвященной 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 гг.* Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. Ч. 1. С. 22–37.
- Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
- Ражев Д.И.* Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: Распространение, структура, интерпретации // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013. № 2 (21). С. 56–69.
- Ражев Д.И., Святова Е.О.* Опыт описания и интерпретации множественных переломов ребер (при палеоантропологическом анализе) // *Вестник антропологии*. 2006. Вып. 14. С. 268–282.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей: (Кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М., Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Рыкун М.П.* О характере травматических повреждений мужского населения каменной культуры (по материалам могильника Новотроицкое-1) // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 151–154.
- Рыкун М.П.* Специфика повреждений черепов из некрополей каменной культуры // *Вестник антропологии*. 2007. Вып. 15. Ч. II. С. 349–357.
- Садыкова М.Х.* Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // *Археология и этнография Башкирии*. Уфа: БФАН СССР, 1962. Т. I. С. 88–122.
- Скопин И.В.* Судебно-медицинское исследование повреждений рубящими орудиями // *Труды Саратовского государственного медицинского института*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960. Т. XXXIII. 211 с.
- Судебная медицина* / Под ред. В.Н. Крюкова. М.: Медицина, 1998. 464 с.
- Судебная медицина* / Под ред. Ю.И. Пиголкина. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 496 с.
- Судебно-медицинская травматология* / Под ред. А.П. Громова, В.Г. Науменко. М.: Медицина, 1977. 368 с.
- Тур С.С.* Прижизненные травмы черепа у скотоводов Горного Алтая скифского и гунно-сарматского времени (V в. до н.э. — V в. н.э.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2019. Т. 47. № 2. С. 148–157. DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.148-157.
- Тур С.С., Матренин С.С.* Скелетные травмы у кочевников Горного Алтая сянбийско-жужанского времени // *Экология древних и традиционных обществ*. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. Вып. 5. Ч. 1. С. 63–66.
- Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И.* Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2018. Т. 46. № 4. С. 132–139. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.132-139.
- Шадымов А.Б., Рыкунов И.В.* Влияние угла удара на морфологические особенности рубленого повреждения свода черепа // *Сибирский медицинский журнал*. 2011. Т. 26. № 1. Вып. 2. С. 88–91.
- Шарапова С.В., Ражев Д.И.* Биоархеология черепных травм саргатского населения // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. № 1 (53). С. 143–154.

Травматические повреждения на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

Шпакова Е.Г., Бородавский А.П. Факты искусственного повреждения черепов из Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа (по материалам памятника Быстровка-2, 3) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 684–692.

Яблонский Л.Т. О некоторых принципах диагностики и дифференциации следов повреждений и трепанаций в краниологических сериях // Проблемы современной антропологии. Мн.: Наука и техника, 1983. С. 67–70.

Berryman H.E., Haun S.J. Applying forensic techniques to interpret cranial fracture patterns in an archaeological specimen // International Journal of Osteoarchaeology. 1996. Vol. 6. P. 2–9. DOI: 10.1002/(SICI)1099-1212(199601)6:1<2::AID-OA244>3.0.CO;2-R.

Fleming-Farrell D., Michailidis K., Karantanis A., Roberts N., Kranioti E.F. Virtual assessment of perimortem and postmortem cranial trauma // Forensic Science International. 2013. Vol. 229. P. 162–166. DOI: 10.1016/j.forsciint.2013.03.032.

Jurmain R.D. Paleoepidemiology of trauma in a prehistoric Central California population // Human paleopathology: Current syntheses and future options. Washington: Smithsonian Institution Press, 1991. P. 241–248.

Kimmerle E.H., Baraybar J.P. Skeletal trauma: Identification of injuries resulting from human rights abuse and armed conflicts. Boca Raton: CRC Press, 2008. 530 p.

Lewis J.E. Identifying sword marks on bone: criteria for distinguishing between cut marks made by different classes of bladed weapons // Journal of Archaeological Science. 2008. Vol. 35 (7). P. 2001–2008. DOI: 10.1016/j.jas.2008.01.016.

Lovell N.C. Trauma analysis in paleopathology // Yearbook of Physical Anthropology. 1997. Vol. 40. P. 139–170.

Murphy E.M. Iron Age archaeology and trauma from Aymyrylg, South Siberia. Oxford: Archaeopress, 2003. 231 p.

Rodriguez-Martin C. Identification and differential diagnosis of traumatic lesions of the skeleton // Forensic anthropology and medicine: Complementary sciences from recovery to cause of death. Totowa: Humana Press Inc., 2006. P. 197–221.

Steyn M., De Boer H.H., Van der Merwe A.E. Cranial trauma and the assessment of posttraumatic survival time // Forensic Science International. 2014. Vol. 244. P. 25–29. DOI: 10.1016/j.forsciint.2014.08.021.

V.V. Kufferin^a, S.L. Vorobyeva^b

^a Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS
Leninski prosp., 32a, Moscow, 119991, Russian Federation

^b Bashkortostan National Museum
Sovetskaya st., 14, Ufa, 450077, Russian Federation
E-mail: vladimirkufferin@mail.ru;
sveta_legion@mail.ru

Traumatic injuries on the crania from the Novo-Sasykul cemetery

This study is focused on the cranial sample from the Novo-Sasykul cemetery of the Pyany Bor Culture in the Lower Kama region (Bakaly District, Republic of Bashkortostan). The Novo-Sasykul cemetery is dated to the 1st–2nd c. AD, and it is fully excavated. The frequency of traumatic injuries has been analyzed in a sample consisting of 94 skulls of adult individuals (47 males, 47 females) stored in the Bashkortostan National Museum (Ufa). Injuries have been examined according to recommendations and methods used in the forensic medicine and paleopathology. The distribution of traumas was studied depending on sex and the side of the skull (left / right or frontal / dorsal). The intergroup variability of the ratios of combat traumas was studied with the involvement of a number of the Early Iron Age samples. The differences in frequencies were analyzed using the chi-squared test and two-tailed Fisher's exact test. It has been noted that the analysed sample is characterized by the high level of fatal combat injuries. In total, 16 injuries were recorded on 12 skulls (21.3 % in males, 4.3 % in females). A significantly larger number of traumas are localized on the left side of the skull, which may indicate a predominant strike direction from right to left. The identified traumatic injuries are grouped into five types. With the exception of one case of injury by a trilobate bone arrowhead, all injuries are qualified as blade weapon traumas. All traumas are perimortal, without any traces of healing. Against a comparative background, the studied sample is characterized by the high level of combat traumas, similar to those of the Late Sarmatian population from Esaulovskiy Aksai, the Hun from Ulangom, and the Bulan-Koba Culture sample from the Stepushka cemetery. However, archaeologically identified low level of armament of the Novo-Sasykul cemetery population, as well as the short period of the cemetery functioning, testify against the regular involvement of the analyzed group in armed conflicts. The high frequency of combat cranial traumas in this group, considering its low militarization, represented mainly by iron and bone arrowheads with a small amount of melee weapons, suggests that the Pyany Bor groups were more likely to be subjected to armed raids, acting more often as victims. Taking into account the planigraphy of the burials from which the injured skulls originate, it has been concluded that this part of the studied group died as a result of a possibly single armed conflict.

Key words: Early Iron Age, Pyany Bor Culture, Lower Kama region, paleopathology, traumas.

Funding. The present project was funded by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-39-00113 «Ethnocultural attribution of the population of the Lower Kama region during the Early Iron Age (on materials of the Novo-Sasykul burial ground)»).

REFERENCES

- Ageev B.B. (1992). *The Pyany Bor culture*. Ufa: BNTs UrORAN. (Rus.).
- Berezina N.Ya., Buzhilova A.P. (2015). Analysis of traumatic skull injuries based on the materials from some Early Medieval burial grounds in Eastern Europe. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. XXIII, Antropologiya*, (2), 4–23. (Rus.).
- Berryman H.E., Haun S.J. (1996). Applying forensic techniques to interpret cranial fracture patterns in an archaeological specimen. *International Journal of Osteoarchaeology*, (6), 2–9. DOI: 10.1002/(SICI)1099-1212(199601)6:1<2::AID-OA244>3.0.CO;2-R.
- Borodovskii A.P., Zubova A.V., Pozdniakov D.V., Tabarev A.V., Cheremisin D.V. (2010). *Archaeology of violence: (Interpretation of materials from archaeological, anthropological and visual complexes)*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet: IAET SO RAN. (Rus.).
- Bugrov D.G. (1999). Fortifications of hillfort Toyguzinskoye II. In: M.G. Ivanova (Ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia* (pp. 145–153). Izhevsk; Glazov: Ullal UrO RAN. (Rus.).
- Buzhilova A.P. (1995). *Ancient population: (Paleopathological aspects of research)*. Moscow: IA RAN. (Rus.).
- Buzhilova A.P. (2005). *Homo sapiens: History of disease*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (Rus.).
- Dobrovol'skaia M.V. (2013). Battle traumas in the study of anthropological materials from cemeteries of the 5th–4th centuries BC in the middle reaches of the Don. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (231), 131–141. (Rus.).
- Fleming-Farrell D., Michailidis K., Karantanas A., Roberts N., Kranioti E.F. (2013). Virtual assessment of perimortem and postmortem cranial trauma. *Forensic Science International*, (229), 162–166. DOI: 10.1016/j.forsciint.2013.03.032.
- Gromov A.P., Naumenko V.G. (Eds.) (1977). *Forensic traumatology*. Moscow: Meditsina. (Rus.).
- Ivanov V.A. (1984). *Weapon and military affairs of the Finno-Ugric Ural population in the Early Iron Age (1st mill. BC — first half of the 1st mill. AD)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Jurmain R.D. (1991). Paleoepidemiology of trauma in a prehistoric Central California population. In: D.J. Ortner, A.C. Aufderheide (Eds.). *Human paleopathology: Current syntheses and future options* (pp. 241–248). Washington: Smithsonian Institution Press.
- Kimmerle E.H., Baraybar J.P. (2008). *Skeletal trauma: Identification of injuries resulting from human rights abuse and armed conflicts*. Boca Raton: CRC Press.
- Kitov E.P., Khokhlov A.A., Ivanov S.S. (2019). Combat injuries of the early nomads of the «Savromatian-Sarmatian» appearance as a reflection of the social and political situation in the steppes of Eurasia in 6th–2nd cc. BC. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, (3), 169–180. (Rus.).
- Korobeinikov A.V., Mitiukov N.V. (2007). *Arrow ballistics in archaeology: Introduction to the problem area*. Izhevsk: Izd-vo NOU KIT. (Rus.).
- Kozlov V.V., Kirsanov V.N., Kolokolov G.R., Ivanov A.N. (2006). *Forensic study of edged weapons and traces of their use*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (Rus.).
- Kriukov V.N. (Ed.) (1998). *Forensic medicine*. Moscow: Meditsina. (Rus.).
- Kustanovich S.D. (1975). *Forensic trace evidence analysis*. Moscow: Meditsina. (Rus.).
- Lakin G.F. (1990). *Biometrics*. Moscow: Vysshiaia shkola. (Rus.).
- Lewis J.E. (2008). Identifying sword marks on bone: Criteria for distinguishing between cut marks made by different classes of bladed weapons. *Journal of Archaeological Science*, 35 (7), 2001–2008. DOI: 10.1016/j.jas.2008.01.016.
- Lovell N.C. (1997). Trauma analysis in paleopathology. *Yearbook of Physical Anthropology*, (40), 139–170.
- Mamonova N.N. (1997). Battle traumas on the skulls from the burial ground Ulangom (5th–3rd centuries BC). *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 108–121. (Rus.).
- Mednikova M.B. (1997). About the spread of the skull trepanation after death in Central Asia. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 130–140. (Rus.).
- Mednikova M.B. (2001). *Trepanations among ancient peoples of Eurasia*. Moscow: Nauchnyi mir. (Rus.).
- Murphy E.M. (2001). An overview of the results obtained during the palaeopathological analysis of the Scythian period burials from the cemetery of Aymyrylg, Tuva, South Siberia. *Arkheologicheskie vesti*, (8), 125–150. (Rus.).
- Murphy E.M. (2003). *Iron Age archaeology and trauma from Aymyrylg, South Siberia*. Oxford: Archaeopress.
- Naran B., Tumen D. (1997). Traumatic injuries on the skulls from the Chandman burial ground. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 122–129. (Rus.).
- Pererva E.V. (2002). Palaeopathology of the late Sarmatians (the materials from the cemeteries of the Esaulovsky Aksai). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii*, (1–2), 141–151. (Rus.).
- Pererva E.V. (2015). On the paleopathological features of the Sarmatian population of the Lower Volga and Lower Don regions in the 4th–1st centuries BC. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4, Istorii*, 35(5), 53–66. (Rus.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.5.6.

Травматические повреждения на черепах из Ново-Сасыкульского могильника

- Pererva E.V. (2016). Cases of combat injuries of the middle Sarmatians from the Lower Volga and the Lower Don region. In: S.G. Sidorov (Ed.). *Voennaia istoriia Rossii: Problemy, poiski, resheniia: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 160-letiiu okonchaniia Krymskoi voiny 1853–1856 gg. Ch. 1* (pp. 22–37). Volgograd: Izd-vo VolGU. (Rus.).
- Pigolkin Yu.I. (Ed.) (2015). *Forensic medicine*. Moscow: GEOTAR-Media. (Rus.).
- Razhev D.I. (2009). *Bioanthropology of the Sargatian community*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Razhev D.I. (2013). Crania traumas within medieval population of West Siberia: Expansion, structure, interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 56–69. (Rus.).
- Razhev D.I., Sviatova E.O. (2006). Experience of describing and interpreting multiple rib fractures (in paleoanthropological analysis). *Vestnik antropologii*, (14), 268–282. (Rus.).
- Rodriguez-Martin C. (2006). Identification and differential diagnosis of traumatic lesions of the skeleton. In: A. Schmitt, E. Cunha, J. Pinheiro (Eds.). *Forensic anthropology and medicine: Complementary sciences from recovery to cause of death* (pp. 197–221). Totowa: Humana Press Inc.
- Rokhlin D.G. (1965). *Diseases of ancient men: (Bones of the men of various epochs — normal and pathological changed)*. Moscow, Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Rykun M.P. (1999). About the character of the Kamenskaya culture masculine population traumatic damages (by the materials of Novotroitskoie-I cemetery). In: Yu.F. Kiriushin, A.A. Tishkin (Eds.). *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaia i sopredel'nykh territorii* (pp. 151–154). Barnaul: Izd-vo Altaiskogo universiteta. (Rus.).
- Rykun M.P. (2007). The injury specifics of the skulls from the burial mound of the Kamenskaya culture. *Vestnik antropologii*, 15(2), 349–357. (Rus.).
- Sadykova M.Kh. (1962). Sarmatian burial mound at the Starye Kiishki village. In: R.G. Kuzeev (Ed.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii. T. 1* (pp. 88–122). Ufa: BFAN SSSR. (Rus.).
- Shadymov A.B., Rykunov I.V. (2011). Influence of the angle of impact on the morphological features chopped damage of the cranial vault. *Sibirskii meditsinskii zhurnal*, 26(1), 88–91. (Rus.).
- Sharapova S.V., Razhev D.I. (2013). Bioarchaeology of cranial injuries in the Sargat culture population. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 53(1), 143–154. (Rus.).
- Shpakova E.G., Borodovskii A.P. (1998). Facts about Early Iron Age artificial cranial injuries from the Novosibirsk Ob region (based on materials from Bystrovka-2, 3 site). In: V.I. Molodin (Ed.). *Sibir' v panorame tyshacheletii. T. 1* (pp. 684–692). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Skopin I.V. (1960). *Forensic study of injuries caused by chopping implements*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (Rus.).
- Steyn M., De Boer H.H., Van der Merwe A.E. (2014). Cranial trauma and the assessment of posttraumatic survival time. *Forensic Science International*, (244), 25–29. DOI: 10.1016/j.forsciint.2014.08.021.
- Tur S.S. (2019). Antemortem cranial injuries in the Altai Mountains pastoralists of the Scythian and Xiongnu-Sarmatian periods (5th century BC to 5th century AD). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 47(2), 148–157. DOI: 10.17746/1563-0110.2019.47.2.148-157.
- Tur S.S., Matrenin S.S. (2016). Skeletal traumas of nomads in the Altai Mountains during the Xianbei and Zhouzhan empires. In: N.P. Matveeva (Ed.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Vyp. 5. Ch. 1* (pp. 63–66). Tiumen': Izd-vo TiumGU. (Rus.).
- Tur S.S., Matrenin S.S., Soenov V.I. (2018). Armed violence among the Altai Mountains pastoralists of the Xiongnu-Sarmatian age. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 46(4), 132–139. DOI: 10.17746/1563-0110.2018.46.4.132-139.
- Vasiutkin S.M., Kalinin V.K. (1986). Novo-Sasykul necropolis. In: A.Kh. Pshenichniuk (Ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax r. Beloi* (pp. 95–122). Ufa: BFAN SSSR. (Rus.).
- Vorobyeva S.L., Kufterin V.V. (2019). Novo-Sasykul necropolis as a basic Pyany Bor culture cemetery in the Lower Kama region. In: V.E. Rodinkova (Ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: Ot kritiki istochnika k obobshcheniiu i interpretatsii dannykh* (pp. 91–93). Moscow: IA RAN. (Rus.). DOI: 10.2568/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.91-93.
- Yablonskii L.T. (1983). Some principles of diagnosis and differentiation of injuries traces and trepanations in craniological samples. In: B.A. Nikitiuk, L.I. Tegako (Eds.). *Problemy sovremennoi antropologii* (pp. 67–70). Minsk: Nauka i tekhnika. (Rus.).

В.В. Куфтерин, <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998>

С.Л. Воробьева, <https://orcid.org/0000-0002-1430-2507>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

Е.В. Веселовская^{a, b}, Р.М. Галеев^a

^a Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский просп., 32а, Москва, 119991

^b Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, 125993
E-mail: Veselovskaya.e.v@yandex.ru;
ravil.galeev@gmail.com

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА «ЦАРЯ» И «ЦАРИЦЫ» РАННЕСКИФСКОГО ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА АРЖАН-2

В результате исследования памятника мирового значения Аржан-2, расположенного в «Долине царей» Республики Тыва, получен уникальный палеоантропологический материал. Настоящее исследование посвящено задаче определить, как выглядели погребенные в этом кургане скифские «царь» и «царица». Работы проводились в лаборатории антропологической реконструкции ИЭА РАН. Подробно описан процесс предварительных работ, связанных с реставрацией черепов и изготовлением их точных копий; приведены примеры расчета прижизненных параметров на основе краниометрических измерений; представлены выполненные скульптурные портреты.

Ключевые слова: погребально-поминальный комплекс Аржан-2, антропологическая реконструкция внешности, палеоантропология, ранние скифы Тувы, музееведение.

Введение

Роль музея в современном обществе сложно переоценить, как с точки зрения влияния на формирование культуры в самом широком смысле слова, так и с точки зрения влияния на уровень культуры в стране или регионе. Современный музей давно уже перестал быть просто объектом культурного наследия и все чаще выступает как субъект общего культурного пространства, занимая важное место в системе культурного самовыражения и национальной идентичности.

В современные концепции организации музейного пространства заложена большая доля научно-исследовательской деятельности, когда музей является не потребителем результатов научных исследований, а сам инициирует научные изыскания.

При археологических раскопках древних могильников кроме непосредственно археологических артефактов добываются палеоантропологические материалы (костные останки), комплексное изучение которых дает важную информацию о происхождении, антропологическом типе, древних болезнях, питании и прочих важных сторонах жизни и быта древних популяций. В дальнейшем результаты наиболее значимых археологических изысканий, как правило, реализуются в качестве постоянных музейных экспозиций. При этом экспонирование археологической коллекции, как правило, не вызывает затруднений, так как археологические артефакты несут в себе законченную визуальную или культурную информацию, которая интересна посетителям музеев. По-другому обстоит дело с экспонированием палеоантропологических объектов. Во-первых, выставленные кости человека в рамках не биологических или не медицинских экспозиций зачастую выглядят некорректно с этической точки зрения. Во-вторых, анатомические особенности антропологических объектов: краниологический тип, палеопатологии, одонтологические характеристики не столь наглядны; они могут быть интересны узкому кругу специалистов, поэтому зачастую даже с подробной аннотацией не воспринимаются рядовыми посетителями музеев. В этом случае наиболее действенным методом реализации всей полноты антропологической информации является метод реконструкции лица по черепу, который позволяет визуализировать все анатомические особенности внешности в виде графического или скульптурного портрета и связать археологическую и антропологическую информацию в единый «экспонат». Результатом антропологической реконструкции исторических лиц или представителей отдельных археологических культур выступает рисунок или скульптура, которые не только передают во всех деталях внешний облик, но и более логично демонстрируют прическу, одежду и украшения.

Антропологическая реконструкция внешнего облика «царя» и «царицы»...

Благодаря проекту Национального музея Республики Тыва «Скифское золото Долины царей Тувы» был воссоздан облик погребенных в Царском кургане Аржан-2.

Археологическая справка

Аржан-2 — один из наиболее крупных курганов, расположенных в Долине царей Республики Тыва, возле пос. Аржан, в центре Турано-Угокской котловины, к юго-востоку от столицы республики г. Кызыл. Этот курган исследовался с 1998 по 2003 г. совместной экспедицией Германского археологического института (Берлин) и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Раскопками руководили проф. Г. Парцингер, д-р А. Наглер и российский археолог, сотрудник Эрмитажа К.В. Чугунов. Диаметр кургана составлял 80 м, высота 2 м. Изучены основная конструкция и сопутствующие ей культовые комплексы. Постулируется культурно-археологическая принадлежность памятника к культурам скифского типа или скифо-сибирской культурной общности. Авторы раскопок датируют курган Аржан-2 VII в. до н.э. [Чугунов, 2011].

Антропологическая справка

Скифы известны из письменных источников как кочевые народы, которые господствовали в евразийских степях на протяжении всего железного века. Однако их происхождение и точная природа их социальной организации остаются предметом споров. В отношении их происхождения преобладают три гипотезы, которые можно обобщить как «западное», «восточное» и «межрегиональное» происхождение.

Палеоантропология кочевого населения степного пояса Евразии в I тыс. до н.э. отечественными учеными исследована достаточно детально. Несмотря на ряд частных дискуссионных вопросов, все исследователи констатируют смешанность антропологического состава скифов на уровне двух рас — монголоидной и европеоидной и неизменность соотношения монголоидного и европеоидного компонентов на протяжении скифской и гунно-сарматской эпох. По данным Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева, оба компонента (и монголоидный, и европеоидный) автохтонны и генетически связаны с предшествующим населением бронзового века и энеолита [Чикишева, 2003].

В результате раскопок Аржана-2 отечественная наука получила не только уникальные артефакты (чего стоит только «шествие зверей» на золотой гривне «царя!»), но и уникальный палеоантропологический материал. Выборка черепов позволила существенно пополнить палеоантропологическую коллекцию по скифам Тувы и благодаря хорошей численности и сохранности полностью описать краниологические особенности данной палеопопуляции. Новосибирский антрополог Т.А. Чикишева в результате краниометрического и одонтологического изучения характеризует погребенных в кургане вне зависимости от социального статуса как достаточно однородную в антропологическом отношении группу, сочетающую признаки европеоидной и монголоидной рас [2008]. Одонтологический тип погребенных также можно рассматривать как смешанный, формировавшийся на основе нескольких источников — базового, южно-евразийского, североазиатского и западносибирского [Там же].

Полное детальное антропологическое исследование материалов кургана Аржан-2, включающее классическую краниометрию, одонтологию, остеологию, было выполнено группой антропологов из Института археологии и этнографии СО РАН во главе с Т.А. Чикишевой [2008]. Считаем уместным привести из этой работы краткое антропологическое описание останков, которые послужили основой для восстановления облика погребенных.

Погребение 5, скелет 1

Фрагменты черепа и посткраниальный скелет принадлежали мужчине 40–45 лет. Сохранилась левая половина черепа с нижней челюстью. Следы деструктивных изменений распространены по всей поверхности черепной крышки, на верхней и на правой ветви нижней челюсти. Особенности зубной системы свидетельствуют о монголоидной примеси. Череп имеет большой продольный диаметр и малую высоту свода, отличается массивным рельефом надбровья.

Из костей посткраниального скелета могла быть измерена только правая малая берцовая. На основе ее длины была рассчитана длина тела погребенного, примерно 167–170 см.

Погребение 5, скелет 2

Останки принадлежали женщине 30–35 лет. Сохранились череп и фрагменты посткраниального скелета. Посмертно разрушены верхняя часть черепной крышки и правая половина нижней челюсти. Череп характеризуется средними размерами, брахикранным поперечно-продольным указателем. Лобная кость широкая, наклонная. Лицо средней ширины, высокое, мезопрозопное по углам горизонтальной профилировки, с ортогнатным вертикальным профилем. Орбиты круп-

ные, квадратной формы. Носовое отверстие широкое, переносье средней высоты, спинка носа слабоизвилистая, угол выступания носовых костей малый.

К одонтологическим особенностям относятся сочетание лопатообразной формы латеральных резцов верхней челюсти с развитием бугорка Карабелли и затеком эмали на первом и втором молярах. Для моляров обеих челюстей характерно развитие дополнительных бугорков: 5-го на М2 и 6-го на М3.

Из костей посткраниального скелета могла быть измерена только правая малая берцовая. На основе ее длины была рассчитана длина тела погребенной — около 160 см.

Методы

Подготовка черепов: копирование и реставрация утраченных частей

Как правило, реконструкция внешности производится непосредственно на черепе с использованием специального скульптурного пластилина. В данном случае работа непосредственно на черепах была невозможна в силу большой научной и культурной ценности материала. Поэтому одним из важных и сложных этапов работы было получение точных копий черепов и реставрация утраченных частей.

Существует несколько способов получения копий черепов и 3D-моделей. До развития компьютерных технологий и лазерного сканирования копии с черепов снимали скульпторы-форматоры, используя столярный клей, гипс и т.д. В настоящее время для копирования используют в основном две технологии: если речь идет о мумиях и череп закрыт остатками мягких тканей, применяют контрастную магниторезонансную томографию (МРТ); если требуется скопировать костный материал, используют более простое лазерное сканирование. Также применяют фотограмметрический метод получения 3D-моделей, основанный на серии фотографий и их последующей компьютерной обработке. Мы использовали оба метода: в результате лазерного сканирования была получена модель с точными размерами, но текстуру самого черепа удалось полноценно передать, применяя фотограмметрию. Для изготовления копий черепов существует два способа. Традиционный — метод формовки, т.е. снятие копии непосредственно с объекта с помощью различных форматорских составов (силиконов, компаундов, жидких резин и т.д.) и изготовления пластиковой или гипсовой формы. В результате получают достаточно точные копии с передачей деталей и текстуры черепа. Но у данного метода есть ряд ограничений, в частности возможно разрушение объекта копирования, что недопустимо, когда речь идет о ценных черепах плохой сохранности, таких как из кургана Аржан-2.

В последнее время получил распространение бесконтактный метод копирования с помощью лазерного сканирования и последующей печати на 3D-принтере. В нашем случае мы применили комбинированный метод. Сначала были получены копии на 3D-принтере из ABS-пластика, которые по своей геометрии и размерам полностью соответствовали черепах, но при этом вся текстура и мелкие детали были сглажены. Полученные модели дорабатывались вручную с использованием различных полимерных материалов. Далее с помощью беззасадочного силикона снимали копии с отдельных областей черепа и с помощью полученных штампов переносили на распечатанную модель. В результате такой трудоемкой работы были изготовлены модели, практически полностью соответствующие исходным черепахам как по своей геометрии, так и по текстуре. С доработанных моделей сняли копии форматорским способом, чтобы придать целостность.

Следующим этапом работы было восстановление утраченных частей черепа. Реставрация производилась на готовых моделях, полученных в результате печати на объемном принтере.

Описание реставрации черепа из погребения 5, скелет 1

Самые трудоемкие работы по реставрации были произведены для этого черепа. Как видно на фотографии (рис. 1), сохранилась только половина черепа, что значительно усложнило работу. Реставрация мозгового отдела не представляла особой сложности, так как сохранившаяся половина позволяла зеркально воссоздать разрушенную часть. Кроме того, кривизна мозгового отдела не имеет сложных контуров и трудновоспроизводимого рельефа.

Большие сложности были связаны с реставрацией лицевого отдела. К сожалению, сохранилось менее половины лица и были утрачены важные для реконструкции элементы черепа (подносовой шип, часть верхней челюсти, а также часть носовых костей). Поэтому реставрация данного черепа заняла много времени: каждый отсутствующий элемент восстанавливали исходя из имеющихся окружающих структур. Большое значение при реставрации имела сохранившаяся нижняя челюсть, благодаря которой восстановили разрушенный участок верхней челюсти. Реставрацию производили твердым скульптурным пластилином и твердой полиуретановой пеной.

Антропологическая реконструкция внешнего облика «царя» и «царицы»...

Рис. 1. Фото мужского черепа. Аржан 2. Погребение 5, скелет 1.
Fig. 1. Male skull photo. Arzhan 2. Burial 5, skeleton 1.

Описание реставрации черепа из погребения 5, скелет 2. Череп царицы также имел много утрат, но все ключевые области его сохранились, кроме подбородочного выступа нижней челюсти и верхней части свода (рис. 2).

Рис. 2. Фото женского черепа. Аржан 2. Погребение 5, скелет 2.
Fig. 2. Female skull photo. Arzhan 2. Burial 5, skeleton 2.

На первом этапе была восстановлена нижняя челюсть, от которой сохранилась одна треть (левая ветвь и часть тела). Правая ветвь и правая часть тела соответственно были воспроизведены зеркально. Подбородочная часть нижней челюсти в медиальном плане восстанавливалась исходя из кривизны верхней челюсти. Для правильного восстановления угла и высоты нижней челюсти использовали гониометр. Утраченные зубы были смоделированы из пластилина.

По окончании реставрации нижней челюсти с пластилиновой модели была снята силиконовая форма и изготовлена гипсовая модель, с которой, в свою очередь, после доработки была получена пластиковая копия нижней челюсти.

Реставрация верхней части разрушенного свода не представляла особой сложности, так как подобные дефекты часто встречаются на древних черепах и принципы реставрации хорошо известны [Никитин, 2009, с. 139]. При восстановлении учитывали общие контуры и направление сохранившихся фрагментов мозгового отдела черепа.

Метод воспроизведения внешнего облика

Для реконструкции облика по материалам из мог. Аржан-2 использовали метод восстановления лица по черепу М.М. Герасимова [1955] с учетом последующих усовершенствований в

области антропологической реконструкции. В настоящее время этот научный подход находит широкое применение во многих областях науки, практики и культуры. При нахождении неопознанных останков криминалисты прибегают к восстановлению по ним внешности погибшего человека. В палеоантропологических исследованиях представление о прижизненном облике населения, восстановленном на основе краниологического материала, обеспечивает дополнительную антропологическую информацию, не только визуальную, но и выраженную в цифрах [Веселовская, Балуева, 2012]. Новые разработки метода позволяют в дополнение к графическому или скульптурному портрету представить детальную антропологическую характеристику прижизненного физического типа, выраженную в измерительных и описательных параметрах. Важнейшей областью применения антропологической реконструкции является музейное дело.

Сотрудники лаборатории антропологической реконструкции ИЭА РАН разрабатывают новые подходы к воспроизведению внешности. До 80-х гг. прошлого века М.М. Герасимов и другие ученые, в том числе зарубежные, пользовались стандартами толщины тканей, полученными на трупах или рентгеновских снимках. К концу прошлого века в лаборатории был создан банк данных по толщине мягких тканей головы, определенных на живых людях с применением ультразвука. Этот метод обеспечивает более точное измерение распределения покровов на участках головы, где ткани достаточно равномерно покрывают кость [Веселовская, 1997]. Сегодня многие размеры элементов внешности, такие как ширина носа и рта, высота уха и др., рассчитывают по уравнениям регрессии на основании черепных размеров [Балуева, Веселовская, 2004; Веселовская, Балуева, 2012]. Разработке этих новых подходов предшествовали долгие годы сбора материала по специальной программе, когда на лице человека с помощью пальпаторно-маркировочного метода измеряли костные структуры. Например, можно путем прощупывания прочертить на лице границы орбиты, а затем измерить ее высоту и ширину.

На базе метода восстановления лица по черепу М.М. Герасимова [1955] и последующих разработок по совершенствованию метода антропологической реконструкции [Балуева, Веселовская, 2004; Веселовская, 2015а, б; Лебединская, 1989; Никитин, 2009], с учетом исследований зарубежных ученых [Rynn et al., 2012; Stephan, 2003; Wilkinson, 2004], была создана комплексная пошаговая программа воспроизведения внешнего облика на основе черепа — «Алгоритм внешности». Эта программа обеспечивает более точное восстановление индивидуальных черт физического облика при реконструкциях (многие признаки лица рассчитывают на основании их аналогов на черепе), а также в дополнение к скульптурному или графическому портрету получают антропологическую характеристику лица в терминах словесного портрета, стандартно используемого в криминалистике [Веселовская, 2018]. Метод словесного портрета по черепу нашел применение в оригинальном подходе к восстановлению внешнего облика древних популяций, когда на основе анализа краниологического материала ученые дают антропологическое описание прижизненного облика всей совокупности индивидуумов, оставивших конкретный могильник, что позволяет судить о разнообразии морфологических признаков лица целой популяции [Веселовская и др., 2015]. При наличии преемственности краниологических характеристик современного и древнего населения с одной и той же территории возможно сопоставление внешнего облика, реконструированного по палеоматериалам, с данными по антропологии современной популяции.

Результаты

Скульптурная реконструкция внешнего облика

После большой предварительной работы по измерению и описанию черепов, сложной их реставрации и изготовлению копий мы приступили к скульптурному воспроизведению внешности.

Задача специалиста по антропологической реконструкции — точное воспроизведение прижизненного индивидуального облика по краниологическим данным, которое опирается на знание распределения толщины мягких тканей на различных участках головы, расчет прижизненных размеров, соответствие особенностей внешних черт и подлежащих костных структур.

Процесс работы разделен на несколько этапов и подробно описан в научной литературе [Герасимов, 1955; Лебединская, 1989; Никитин, 2009]. Поэтому лишь вкратце обрисуем основные этапы.

Перед началом работы нижнюю челюсть фиксируют на черепе в анатомическом положении с помощью пластилина в области височно-нижнечелюстных суставов, учитывая при этом мощность внутрисуставного хряща и прикус. Далее накладывают височную и жевательную мышцы, формируя их в соответствии с рельефом костей, к которым они крепятся. Реконструкцию выполняют сначала на половине головы, дабы учесть все особенности рельефа. Ориентируясь на таблицы стандартов толщины мягких покровов, по всей поверхности половины черепа выстав-

Антропологическая реконструкция внешнего облика «царя» и «царицы»...

ляют метки, столбики из пластилина (площадью примерно 1 см²), высота которых соответствует толщине тканей на конкретных участках. В данном случае мы использовали стандарты для групп смешанного европеоидно-монголоидного происхождения. Дальнейшее заполнение пластилином пространства между метками проводят в соответствии с конфигурацией костных структур. Восстановление спинки носа проводили по методу Г.В. Лебединской [1963], путем отражения контура грушевидного отверстия на профиле относительно линии симметрии, проведенной через точку ри-нион, параллельно прямой, соединяющей антропометрические точки назин и простион. Существуют особые приемы фиксации глазного яблока и формирования области рта. Постановку глазного яблока осуществляли по методу С.А. Никитина [2009]. Ширину носа и рта, а также высоту уха и другие параметры рассчитывали на основании уравнений регрессии. Внешняя атрибутика воссоздавалась в соответствии с археологическими данными.

Далее приведены этапы расчета прижизненных характеристик «царя» и «царицы». В табл. 1 представлены размеры черепа и рассчитанные по ним путем прибавления толщины мягкого покрова размеры головы. Также в этой таблице даны размеры, которые не меняются при переходе от черепа к голове: высота носа, ширина зубной дуги, ширина между клыковыми точками. В таблице отсутствуют данные по нижней челюсти женского черепа, так как она была разрушена.

Таблица 1

Расчет прижизненных размеров с использованием стандартов толщины мягких покровов (погребение 5, скелеты 1 и 2)

Table 1

Calculation of ante mortem dimensions using standards of soft facial tissue thickness (burial 5, skeleton 1 and skeleton 2)

	Размер черепа, мм		Размер головы, мм	
	Мужчина	Женщина	Мужчина	Женщина
Продольный диаметр	180	169	194	182
Поперечный диаметр	148	143	161	155
Черепной/Головной указатель	82	85	83	85
Скуловой диаметр	130	129	140	139
Морфологическая высота лица	117	113	124	119
Физиономическая высота лица	176,3	173,5	183,3	179,5
Верхняя ширина лица	103	105	113	115
Высота лба	59,3	60,5	59,3	60,5
Наибольшая ширина лба	112	111	122	121
Наименьшая ширина лба	93	95	103	105
Высота носа	56	62	56	62
Высота нижней части лица	61		68	
Ширина переносья	11,5	10	17,5	16
Ширина спинки носа	19	14	25	20
Ширина между клыковыми точками (A11–A11)	30	29	30	29
Ширина зубной дуги	50	53	50	53
Угловая ширина нижней челюсти	97		107	
Высота подбородка	20		27	
Ширина подбородка	45		61	

В табл. 2 представлены уравнения регрессии для расчета размеров отдельных элементов головы, таких как физиономическая высота лица, высота уха, ширина носа и рта и др. Верхние строки в ячейках таблицы содержат данные по мужчине, нижние — по женщине.

Программа «Алгоритм внешности» позволяет произвести детальное антропологическое описание морфологии лица и его основных пропорций, так называемый словесный портрет. Это описание составляется на основе качественных характеристик, а также индексов, т.е. относительных размеров, что позволяет корректно применять его и для фотографий, скульптур, картин, где размеры не соответствуют реальным.

Прижизненный словесный портрет скифского «царя», могильник Аржан-2, погребение 5, скелет 1

Мозговой отдел головы средних размеров. Отмечается брахикефалия. Головной указатель 83 — голова в лобно-затылочном направлении короткая. Форма головы в профиль куполообразная: теменная часть круто выгнута вверх. Форма лица анфас округлая. Вертикальная профилировка носоротовая. Горизонтальная профилировка значительная. Лицо по ширине

среднее, лоб узкий, по высоте средний. Направление лба слабо наклонное, линия лба прямая. Лобные бугры выражены слабо. Надбровный рельеф развит значительно. Надбровные дуги доходят до середины надглазничного края орбиты. Контур бровей между прямым и ломаным. Положение разреза глаз горизонтальное. Глазные яблоки скорее выпуклые. Глаза крупные. Складка верхнего века выражена в латеральной части. Скулы среднего размера. Переносье глубокое и широкое. Нос в крыльях узкий, по высоте короткий, выступает вперед значительно. В профиль спинка носа выпуклая. Крылья носа средней высоты, правое расположено несколько выше левого. Верхняя губа средней высоты. Ширина ротовой щели по абсолютному значению большая, относительная величина средняя. Прикус крышевидный. Отмечается небольшая степень альвеолярного прогнатизма. В профиль верхняя губа несколько выступает вперед по отношению к нижней. Нижняя челюсть в углах узкая. Подбородок по высоте и ширине средний, по форме округлый, выступает вперед в средней степени.

Таблица 2

**Расчет прижизненных размеров с использованием регрессионного анализа
(погребение 5, скелеты 1 и 2)**

Table 2

Calculation of ante mortem dimensions using regression analysis (burial 5, skeleton 1 and skeleton 2)

Рассчитываемый элемент внешности	Размер-предиктор на черепе	Уравнение регрессии и полученное значение прижизненного размера
Физиономическая высота лица (ФВЛ)	Морфологическая высота лица (МВЛ) 117 мм 113 мм	$ФВЛ = 90,515 + 0,748 \times (МВЛ + 7 \text{ мм}^*)$ ФВЛ = 183,3 мм $ФВЛ = 85,525 + 0,752 \times (МВЛ + 6 \text{ мм}^*)$ ФВЛ = 175,01
Высота уха (ВУ)	Скуловой диаметр (Zy-Zy) 130 мм 129 мм	$ВУ = 38,317 + 0,177 \times (Zy-Zy + 10 \text{ мм})$ ВУ = 63,10 мм $ВУ = 16,526 + 0,320 \times (Zy-Zy + 10 \text{ мм})$ ВУ = 61,07 мм
Ширина носа (ШН)	Ширина между клыковыми точками (A11-A11) 32 мм 30 мм	$ШН = 17,936 + 0,446 \times (A11-A11)$ ШН = 32,21 мм $ШН = 14,853 + 0,490 \times (A11-A11)$ ШН = 29,60 мм
Ширина между носогубными складками (ШМН-ГС)	Ширина между клыковыми точками (A11-A11) 32 мм 30 мм	$ШМН-ГС = 21,744 + 0,843 \times (A11-A11)$ ШМН-ГС = 49 мм $ШНГС = 21,780 + 0,747 \times (A11-A11)$ ШМН-ГС = 43 мм
Ширина фильтра (ШФ)	Ширина между клыковыми точками (A11-A11) 32 мм	$ШФ = 7,295 + 0,118 \times (A11-A11)$ ШФ = 11 мм ШФ = 8,7 мм
Ширина рта (ШР)	Ширина зубной дуги $Pm^2 - Pm^2$ 50 мм $Pm^1 - Pm^1$ 48 мм	$ШР = 35,169 \text{ мм} + 0,389 \times (Pm^2 - Pm^2)$ ШР = 55 мм $ШР = 30,083 \text{ мм} + 0,502 \times (Pm^1 - Pm^1)$ ШР = 54 мм

* Толщина мягких тканей в точке гнатион.

В целом перед нами образ закаленного сражениями скифского воина, несущего в своем облике неповторимое сочетание европеоидных и монголоидных черт (рис. 3). На рисунке представлены стадии работы над скульптурой и окончательный вариант портрета.

На рис. 4 представлена скульптурная реконструкция, выполненная по черепу скифской «царицы».

*Прижизненный словесный портрет скифской «царицы»,
могильник Аржан 2, погребение 5, скелет 2*

Мозговой отдел головы средних размеров, характеризуется выраженной брахикефалией (головной указатель 85). Форма лица анфас овальная. Вертикальная профилировка носоротовая. Горизонтальная профилировка слабая. Лицо широкое, лоб широкий и высокий. Лобные бугры выражены слабо. Надбровный рельеф развит слабо. Надбровные дуги не доходят до середины надглазничного края орбиты. Контур бровей прямой. Положение разреза глаз горизонтальное. Глазные яблоки расположены выпукло. Глаза крупные. Складка верхнего века выражена в средней степени. Скулы выступающие, высокие. Переносье широкое. Нос в крыльях узкий, по высоте средний, выступает вперед незначительно. В профиль спинка носа волнистая. Крылья носа средней высоты, левое расположено несколько выше правого. Верхняя губа средней высоты. Прикус ножницеобраз-

Антропологическая реконструкция внешнего облика «царя» и «царицы»...

ный. Отмечается небольшая степень альвеолярного прогнатизма. Нижняя челюсть, насколько ее удалось восстановить по сохранившемуся фрагменту, грацильная.

Рис. 3. Скульптурная реконструкция по черепу скифского «царя». Автор реконструкции Е.В. Веселовская:
а, б — этапы работы над реконструкцией; в — окончательный вариант портрета.
Fig. 3. Sculptural reconstruction on the skull of the Scythian «king». Reconstruction by E.V. Veselovskaya:
а, б — stages of the reconstruction; в — the final version of the portrait.

Рис. 4. Скульптурная реконструкция по черепу скифской «царицы». Автор реконструкции Р.М. Галеев:
а — этап работы над реконструкцией; б, в — окончательные версии портрета.
Fig. 4. Sculptural reconstruction on the skull of the Scythian «queen». Reconstruction by R.M. Galeev:
а — stage of the reconstruction; б, в — the final versions of the portrait.

Заключение

Интерес к проблемам возникновения и существования на огромной территории Евразийских степей единой культурной общности кочевников с обобщающим названием скифы, обла-

дающих неизменной «скифской триадой», существует не только среди ученых — археологов, антропологов, этнологов, но и среди широкой общественности. В последние десятилетия интерес этот значительно усилился благодаря новым уникальным находкам, в том числе неграбленным захоронениям с богатым инвентарем и значительной атрибутикой. Одним из такого рода уникальных памятников является погребально-поминальный комплекс Аржан 2, расположенный в «Долине царей» Республики Тыва. Новые артефакты обогащают наши представления о культуре и быте этих сибирских кочевников. Наряду с большим количеством археологических артефактов в распоряжение ученых поступили значительные палеоантропологические материалы. По понятным причинам костные останки не могут быть широко представлены в музейных экспозициях. Но есть другие возможности — антропологическая реконструкция внешности, которая позволяет превратить малопонятный биологический материал (кости) в наглядные информативные музейные пособия: графические и скульптурные портреты, выполненные в сопровождении атрибутики соответствующих периодов.

В настоящей статье подробно описан процесс работы по восстановлению внешнего облика погребенных из «царского» погребения кургана Аржан 2. Собственно реконструкции предшествовали сложные этапы реставрации недостающих фрагментов черепов в соответствии с морфологией прилежащих костных структур. В силу уникальности находок было принято решение изготовить точные копии черепов и уже на них строить скульптурные портреты. Программа «Алгоритм внешности» позволила рассчитать прижизненные размеры головы до процесса лепки. Проведенная научная реконструкция визуально представляет антропологический тип погребенных как мозаику европеоидных и монголоидных черт. Дано подробное описание внешности и особенностей лицевых пропорций погребенных. Для них характерна брахикефалия и куполообразная форма головы, с заметно развитым рельефом надбровья у мужчины и отсутствием его у женщины. У мужчины отмечается средняя ширина лица и узкий лоб средней высоты. У женщины лицо и лоб широкие, высота лба средняя. Оба портрета характеризуются выпуклой постановкой глазных яблок и крупными глазами. У мужчины нос короткий, выступающий, спинка носа выпуклая. У женщины спинка носа волнистой формы, нос выступает незначительно. Для обоих характерна малая ширина носа в крыльях. На мужском портрете скулы выступают в средней степени, на женском скулы высокие заметно выступающие. Лица обоих «царственных» особ уплощены в верхней части, отмечается некоторая степень альвеолярного прогнатизма. Нижняя челюсть мужчины средних размеров, со средней шириной и высотой подбородка, в углах узкая. Для женщины можно отметить некоторую грацильность нижней челюсти.

Совместный проект московских ученых и работников национального музея Тувы позволил обогатить экспозицию, посвященную находкам в кургане Аржан-2, скульптурными портретами погребенных там раннескифских «царя» и «царицы». Такие экспонаты привлекают внимание общественности, и в первую очередь молодежи, пробуждая интерес к истории своего края, к научным изысканиям в области археологии, антропологии, этнологии, краеведения, что способствует популяризации отечественной науки в целом и патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Публикуется в соответствии с планом работ ИЭА РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 1. С.143–150.

Веселовская Е.В. Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. М., 1997. Ч. 1. С. 312–335.

Веселовская Е.В. Краниофациальные пропорции в антропологической реконструкции // ЭО. № 2. 2015а. С. 83–98.

Веселовская Е.В. Словесный портрет по черепу // Сборник трудов Всероссийской научной конференции «Палеоантропологические и биоархеологические исследования: Традиции и новые методики» (VI Алексеевские чтения). СПб., 2015б. С. 31–33.

Веселовская Е. В. «Алгоритм внешности» — комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. 2018. № 2. С. 38–54.

Веселовская Е.В., Балуева Т.С. Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. 2012. № 22. С. 22–42.

Антропологическая реконструкция внешнего облика «царя» и «царицы»...

Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П., Рассказова А.В. Антропологическая изменчивость населения Восточной и Центральной Европы от средневековья до современности // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. М., 2015. С. 5–24.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.

Лебединская Г.В. О корреляциях между размерами мягких тканей и костной основой носа // СЭ. 1965. № 3. С. 146–151.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу: (Методическое руководство). М.: Старый сад, 1989.

Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. М., 2009. Т. 1.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железа как этнокультурный феномен: Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск 2003., С. 63–120.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4. С. 120–139.

Чугунов К.В. Аржан-2: Реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Рос. археол. ежегодник. 2011. № 1. С. 262–335.

Rynn C., Balueva T., Veselovskaya E. Relationships between the skull and the face // Facial Identification. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 193–202.

Stephan C.N. Facial approximation: an evaluation of mouth-width determination // AJPA, 2003. 121. P. 48–57.

Wilkinson C.M. Forensic Facial Reconstruction. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

E.V. Veselovskaya^{a, b}, R.M. Galeev^a

^a Institute of Ethnology and Anthropology them. N.N. Miklouho-Maclay RAS
Leninsky prosp., 32a, Moscow, 119991, Russian Federation

^b Russian State University for Humanities
Miuskaya sq., 6, Moscow, 125993, Russian Federation
E-mail: Veselovskaya.e.v@yandex.ru;
ravil.galeev@gmail.com

Anthropological reconstruction of the physical appearance of the «king» and «queen» from the early Scythian burial and memorial complex of Arzhan-2

Arzhan-2, the archaeological site of world significance, a national treasure of peoples of Tuva and Russia, located in the «Valley of Kings» (Piy-Khemsk District, Tyva Republic), was investigated in 2001–2004 by the Central Asian Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum headed by K.V. Chugunov. The sites has been dated to the 7th c. BC and attributed to the Scythian-Siberian cultural community. When exploring the «royal» burial of the early Scythian site of Arzhan-2, the scientists faced the questions of the origin of the buried, periodization and chronology of the monument, its archaeological-cultural attribution, the autochthonous nature of the population that left it, and its relationship with other Eurasian early nomadic cultures. The present study is addressing the most important issue of the appearance of the buried people and characteristics of their anthropological type. The material for the study was comprised of male and female skulls from burial 5 of Arzhan-2 mound. The article describes in detail the process of reconstruction of the physical appearance of the deceased and provides examples of calculating ante mortem parameters based on craniometric measurements. The complex stages of preliminary work related to the restoration of skulls and manufacturing of their exact copies are highlighted. The results of the physical appearance reconstruction are presented in the form of visual museum objects — sculptural portraits. The scientific reconstruction of the ante mortem appearance on skulls of the «king» and «queen» was carried out in the Laboratory of Anthropological Reconstruction of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences by anthropologists Drs E.V. Veselovskaya and R.M. Galeev. In anthropological terms, the buried show a peculiar mosaic of Caucasoid and Mongoloid features. They are characterized by brachycephaly and dome-shaped head, with notably developed rugosity of the supercilium in the man and its absence in the woman. For the man, an average width of the face and a narrow forehead of medium height are noted. The woman has broad face and forehead, the height of the forehead is average. Both portraits are characterized by prominent position of eyeballs and large eyes. Man's nose is short, prominent, with convex dorsum. Woman's nose has a wavy dorsum, and is slightly prominent. On the male portrait, the cheekbones are moderate, on the female one — high and prominent. Faces of the «royal» persons are flattened in the upper part, with a certain degree of alveolar prognathism. The lower jaw of the man is medium in size, narrow in the corners. For the woman, some gracility of the lower jaw can be noted.

Key words: funeral-memorial complex Arzhan-2, anthropological reconstruction of appearance, paleo-anthropology, early Scythians of Tuva, museology.

REFERENCES

- Balueva T.S., Veselovskaya E.V. (2004). New developments in the field of the human appearance reconstruction according to craniological data. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, (1), 143–150. (Rus.).
- Chikisheva T.A. (2003). The population of Gorny Altai in the early Iron Age according to anthropology. In: *Naseleniye Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleza kak etnokul'turnyy fenomen: Proiskhozhdeniye, genezis, istoricheskiye sud'by (po dannym arkheologii, antropologii, genetiki)* (pp. 63–120). Novosibirsk. (Rus.).
- Chikisheva T.A. (2008). On the formation of the anthropological composition of the early nomads of Tuva. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, (4), 120–139. (Rus.).
- Chugunov K.V. (2011). Arzhan-2: Reconstruction of the stages of functioning funeral-memorial complex and some questions of its chronology. *Rossiyskiy arkheologicheskiy yezhegodnik*, (1), 262–335. (Rus.).
- Gerasimov M.M. (1955). *Vosstanovleniye litsa po cherepu (sovremennyy i iskopayemyy chelovek)*. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Lebedinskaya G.V. (1965). On the correlations between the size of soft tissues and the bone base of the nose. *Sovetskaya etnografiya*, (3), 146–151. (Rus.).
- Lebedinskaya G.V. (1989). *Reconstruction of the face on the skull: (Methodological manual)*. Moscow: Staryi Sad. (Rus.).
- Nikitin S.A. (2009). Plastic reconstruction of the portrait on the base of skull. In: *Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya. T. 1*. Moscow. (Rus.).
- Rynn C., Balueva T., Veselovskaya E. Relationships between the skull and the face. In: C. Wilkinson, C. Rynn (Eds.). *Facial Identification* (pp. 193–202). Cambridge: Cambridge University Press.
- Stephan C.N. (2003). Facial approximation: An evaluation of mouth-width determination. *AJPA*, (121), 48–57.
- Veselovskaya E.V. (2018). «Algorithm of the Appearance» — a comprehensive program of anthropological reconstruction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII, Antropologiya*, (2), 38–54. (Rus.).
- Veselovskaya E.V. (1997). The unity of the laws of intragroup variability and intergroup differentiation of the signs of the soft facial tissue thickness in modern man. In: *Yedinstvo i mnogoobraziye chelovecheskogo roda. Ch. 1* (pp. 312–335). Moscow. (Rus.).
- Veselovskaya E.V. (2015a). Craniofacial proportions in anthropological reconstruction. *Etnograficheskoye obozreniye*, (2), 83–98. (Rus.).
- Veselovskaya E.V. (2015b). Verbal portrait on the skull. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference «Paleoantropologicheskiye i bioarkheologicheskiye issledovaniya: Traditsii i novyye metodiki» (VI Alekseyevskiy chteniya)* (pp. 31–33). St. Petersburg. (Rus.).
- Veselovskaya E.V., Balueva T.S. (2012). New developments in anthropological reconstruction. *Vestnik antropologii*, (22), 22–42. (Rus.).
- Veselovskaya E.V., Grigoryeva O.M., Pestryakov A.P., Rasskazova A.V., (2015). Anthropological variability of the population of Eastern and Central Europe from the Middle Ages to the present. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII, Antropologiya*, 5–24. (Rus.).
- Wilkinson C.M. (2004). *Forensic Facial Reconstruction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Е.В. Веселовская, <https://orcid.org/0000-0002-2932-9884>

Р.М. Галеев, <https://orcid.org/0000-0002-5816-4820>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-11>

А.В. Бауло, О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: bau194@yandex.ru;
Olga-11100@yandex.ru

ЛЕГЕНДА О ТАН-ВАРП-ЭКВЕ

Статья посвящена анализу сказаний о Тан-варп-экве — «крутильщице сухожилий». Большая часть легенд записана в XX в. у северных манси, отдельные сюжеты известны у локальных групп хантов (юганские, среднеобские, березовские, казымские, верхнепуровские, шурышкарские), особняком стоит ненецкая легенда о старухе-сихиртя. Выполнен анализ ключевых положений легенд, определено место обско-угорского лесного духа среди схожих образов у коми и русских. Основной сюжет сказания указывает на установленные у обских угров правила включения невестки, молодых женщин в чужое культовое общество. Выяснено, что с рассказами о Тан-варп-экве схожи сюжеты ряда русских сказок, быличек о мифических пряхах, а также запреты на рукоделие в ночное и переходное время. Ее образ имеет много общего с Бабой-Ягой и с персонажем Ёма — ее двойником у коми (лесные духи, существа нижнего мира, похитители детей, людоеды, хранители кладов, дарители сокровищ, «прядущие» божества).

Ключевые слова: мифология, божество, прядение, запрет, собака, чаша, городище, манси, ханты, русские, коми, инициация.

Версии легенды

Мифология обских угров насыщена легендами о лесных духах, среди которых особое место занимает *Тан-варп-эква* (далее — *ТВЭ*) (букв. «Женщина, делающая (скручивающая) сухожилия» [Мифология манси, 2001, с. 137], «женщина, делающая нитки» [Баландин, 1939, с. 32]). Варианты легенды о ней записаны у ряда локальных групп манси и хантов, кроме этого известен небольшой текст у ненцев. Задачей статьи является публикация основных текстов легенды, анализ ее ключевых положений, а также определение места обско-угорского лесного духа среди схожих образов у коми и русских.

Впервые сказание о *Тан-варп-экве* было записано А. Каннисто у северных вогулов в начале XX в. Его текст является наиболее полным изложением легенды. Речь идет о д. Няксимволь (основное население — манси и зыряне), которая относится к Березовскому району ХМАО — Югры и располагается на левом берегу Северной Сосьвы в ее верхнем течении.

«В нижней части деревни Няксимволь живет женщина-прядильщица сухожильных нитей. Живущие в Няксимволе женщины не прядут из сухожильных нитей ночью, они прядут днем. Недавно появилась [в одной из семей] невестка; она прядет сухожильные нити ночью. Они говорят: “Девочка, не пряди сухожильную пряжу ночью!” Она отвечает: “Почему же?” Они говорят: “То не годится. Здесь живет одна прядильщица сухожильных ниток. Как только ты начнешь пряхать пряжу из сухожилий ночью — она придет к тебе”. Все же та продолжила пряхать сухожильные нити дальше; как только наступает вечер — она садится и прядет пряжу из сухожилий.

[Однажды] ночью, когда ее семья легла спать, она села плести сухожильные нити. Сидит так и вдруг слышит, как начинает завывать собака. Внутрь входит прядильщица сухожильных нитей, на серебряную чашу у нее [в руках] положены сухожилья собачей глотки. Она села рядом с женщиной. “Здравствуй, доченька! Ты,— говорит она,— ловко плетешь сухожильные сети. Давай на спор работать, [чтобы увидеть], кто из нас двоих выполнит работу первым, возьми эту серебряную чашу! Если моя наполнится вначале — я изыму твою жизнь”. Та говорит: “Садись же, моя тетушка! Как хорошо мы сидим, я принесу что-нибудь поесть”. Она вышла, принесла ей сушеной рыбы, поставила ее перед ней и сказала: “Ешь, моя тетушка!”

А сама вышла, взяла пустой мешок, побежала вниз по течению реки к дому прядильщицы сухожильной пряжи, подожгла мешок и бросила его на крышу хижины прядильщицы сухожильных нитей. Сама же побежала назад, вошла в свой дом и сказала: “Моя тетушка, моя тетушка,

твоя хижина горит!» Тогда прядильщица сухожилиями вскочила и побежала. Женщина же выбросила собачьи горловые сухожилия во двор, вымыла серебряное блюдо водой, поставила его на полку, погасила огонь, обмазала свое лицо жиром и, втиснувшись между своими свекром и свекровью, легла спать.

Через некоторое время пришла прядильщица сухожильных нитей; она обыскала все вокруг, подошла к женщине, дотронулась до ее лица, потом ущипнула ее; та, однако, не двигалась. Она опустилась на пол, обошла все кругом, везде ища ее. Вновь пришла к ней. Снова ущипнула ее, но та вновь не двигалась. Она опустилась вниз на пол и сказала: «Бог спас тебя теперь, ты, кажется, более хитрая, чем я». Плача, она вышла из дома. Только тогда женщина заснула. Утром она проснулась, зажгла огонь, ее семья также проснулась. Она взяла серебряную чашу и показала им. «Смотрите,— говорит она,— это серебряная чаша прядильщицы сухожильной пряжи, которую вы боялись»» [Kannisto, Liimola, 1951, S. 204–206] (перевод Ю.О. Снигирева). Текст сказания записан на верхней Лозье; в издании 1958 г. условия соревнования следующие: если выигрывает *ТВЭ* — она забирает печень женщины, если выигрывает последняя — ей достается серебряная чаша [Kannisto, Liimola, 1958, S. 232].

Легенда о *Тан-варп-эква* наиболее распространена среди манси, проживающих в бассейне р. Ляпин (левый приток Северной Сосьвы), здесь место ее пребывания напрямую связано с д. Ломбовож (Лопым-ус).

В 1909 г. легенду о крутильщице сухожилий записал С.И. Руденко: «Сучить нитки из оленьих сухожилий можно было только днем, вечером — нельзя. В Ломбовоже мне рассказали: Одна девушка, несмотря на то, что старухи ее бранили, вечером сучила оленьи нитки. Приходит к ней *ТВЭ*, приносит на серебряном подносе собачьи сухожилия и говорит: «давай, девица, будем сучить нитки». Испугалась девушка, но делать нечего — видит, что задавит ее *ТВЭ*. Начала сучить. Затем вышла как бы на минутку из избы и побежала в лес к избушке, где жила *ТВЭ*. Зажгла кучу щепок, которые были у ее избушки. Вбегает в избы и говорит: «*Эква*, вероятно, дети играли и подожгли твой дом».

ТВЭ убежала, а девушка тем временем выкинула собачьи сухожилия, а поднос поставила под священный сундучок с *пупыг*¹. Затем вымазала себе лицо рыбьим жиром и легла спать, затушив огонь. Возвращается *ТВЭ*... Начала ощупывать лица спящих, чтобы найти девушку. Кто сильнее вспотел, тот раньше уснул. Пощупала лицо девушки — «это не она, эта девка спит, вон как вспотела!» Так и не нашла. Этим только девушка и спаслась. Блюдо это и сейчас хранится у нас в *пауле*»² [ПФА РАН. Ф. 1004, оп. 1, ед. 67, л. 130–131].

В 1935 г. в Ломбовоже текст о крутильщице сухожилий записал В.Н. Чернецов: «В Лопым-усе жила еще *Тан-варуп-эква*. *Ус сахл*³ — это был ее город. *ТВЭ* была *ворут*⁴. Вечером детям нельзя было выходить из дому, она их хватала и ела. <...> *ТВЭ* пришла к женщине, сидевшей вечером за сучением сухожильных ниток, когда все уже спали. Это было в доме, где хранился *Павлынг-ойка*⁵. *ТВЭ* под села к ней, держа в руке сухожилия, выданные из собачей спины, и сказала: «Давай, кто скорее ссучит, если ты, то ты меня съешь, если я, то я тебя съем».

Начали. Женщина смотрит, у *ТВЭ* сухожилия к концу подходят, а у нее еще и половины не сделано. «Подожди,— говорит,— что не евши работать, я схожу еду принесу». — «Ну, ладно»,— отвечает *ТВЭ*. Женщина вышла, побежала на *Ус сахл*, зажгла там старый берестяной *коссум*⁶, прибежала домой, говорит: «Иди скорей, город твой горит, пламя так и полыхает, дети твои сгорят».

ТВЭ вскочила, серебряную чашку свою бросила, побежала. Женщина лицо жиром намазала, ее чашку положила к *Павлынг-ойке* и легла спать. Скоро вернулась *ТВЭ*, вошла, стала ощупывать спящих. У всех лица влажные. Все давно спят, вспотели. Стала пятки щекотать, женщина лежит, терпит. *ТВЭ* подошла к *Павлынг-ойке*, а тот то ли пошевелился там, то ли сказал ей что, она к двери отскочила. Вторично также — то же повторилось, и *ТВЭ* совсем ушла» [Источники..., 1987, с. 199–200].

¹ Дух-покровитель.

² В деревне.

³ Букв. Мыс грома.

⁴ Лесной дух.

⁵ Букв. Деревни мужик — дух-покровитель всех жителей деревни.

⁶ Заплечный кузов.

Легенда о Тан-варп-экке

Сказания о *Тан-варп-экке* записывали и другие исследователи: сюжет легенды в общих чертах повторяется; ниже мы выделим только отличительные признаки.

В 1951 г. в д. Хурумпауль (ляпинские манси) легенду о *Тан-варп-экке* от А.С. Хозумовой (1901 г.р.) записала Е.А. Кузакова: место события не указано; начало сказки связано с женитьбой сына и приездом невестки; свекровь предупреждает о запрете ночью выделывать жилы; сообщает, что *ТВЭ* обязательно приходит в дом, когда привозят невестку; невестка не послушалась и садится делать жилы; собака предупреждает лаем, визгом; лесной дух (*ворут*) приходит с собачьими сырыми жилами; невестка обращается к *ТВЭ* как к бабушке; дальше идет повторение основного сюжета, вместо серебряного блюда упоминается чашка с деньгами; к вечеру невестка умирает, ее относят на кладбище, но утром свекор и свекровь там ничего не находят — «Все взято и съедено!» [Кузакова, 1994, с. 55–57].

Во время экспедиции 1966 г. З.П. Соколова сделала запись о том, что на месте 2-го городища в Ломбовоже, где есть «подземный ход», «тайник», «дверь» (в обрыве и речке), жила *танварэква*, женщина, которая таскала детей из Ломбовожа, один раз утащила невесту, но не успела съесть, но та все равно умерла [Соколова, 2016, с. 493]. По другой информации, «*Тан-варнэква* в Щекурье (за рекой, в чаще)... Ломбовожская *Танварнэква* сидела на белом коне на 2-м городище, на журавле — на 3-ем городище» [Там же, с. 494].

Несколько сказок о *Тан-варп-экке* в 1999 г. в Хурумпауле от А.С. Меровой (1932 г.р.) записала Г.Е. Солдатова. Первая из них о запрете сучить жилы: в Ломбовож привозят невесту, которая ночью садится выделывать оленьи жилы. На улице пищит собака и в дом входит *ТВЭ* с чашкой, в которой «еще жилы шевелятся». Далее сюжетная линия повторяет запись В.Н. Чернецова, крутильщицу из дома выгоняет дух-покровитель, и чашка остается у него [Солдатова, 2008, с. 114].

Вторая сказка о том, как в Ломбовоже в *маньколе*⁷ рожала женщина, у которой уже был трехлетний мальчик. Муж ушел на Медвежий праздник в д. Межи. В это время пришла *ТВЭ*, открыла дверь и говорит: «Мальчишку отец попросил, дай-ка я его туда отнесу». Женщина отдала ребенка, но ее насторожили нечеловеческие пальцы гостыи и она побежала к мужу. Ребенка там не оказалось, муж ничего не знал. Тогда шаман сказал местному божеству, что мальчик потерялся. Покровитель деревни Крылатый Филин догнал *ТВЭ* уже у Ломбовожа, начал бить ее и забрал мальчишку. Три дня только прошло, и мальчик умер [Там же].

Второй вариант этой сказки опубликован не был, он отличается тем, что когда Крылатый Филин настиг лесного духа, то ребенок был мертв: «она его уже высосала, одна кожа осталась». В полевых записях уточняется, что «*ТВЭ* жила выше Ломбовожа. Если невесту привезут, она ночью жилы плетет, тогда *ТВЭ* придет. Соревнование устроит. Она жилы из собаки выдергивает. Руки у нее кривые, палец за палец заходит». «*ТВЭ* караулит детей, когда они одни дома — забирает себе или меняет. Если дети заикаются — это от *ТВЭ*» [ПМ Г.Е. Солдатовой, 1999].

Третья сказка — «Сын *Тан-Варп-Эквы*» — повествует о том, как у богатых оленеводов, приехавших в Ломбовож, крутильщица сухожилий подменила ребенка, оставленного в нарте на улице [Солдатова, 2008, с. 115], четвертая сказка — о том, как *ТВЭ* воровала у старика рыбу (он ходил на промысел с собачьей нартой) [Там же].

Информация о *Тан-варп-экке* записана в Ломбовоже Е.Г. Федоровой. Она приводит рассказ о том, как женщина нашла металлическое изделие (серьгу) и привязала его к сумке для рукоделия. Все спрашивали, не боится ли она держать у себя вещь, принадлежавшую *ТВЭ*, поскольку это «женщина, которая плохо делает». Раньше из-за малолюдья она в Ломбовоже везде «бегала», не разрешала после захода солнца делать нитки, запрещала детский шум. *ТВЭ* могла подменить или украсть ребенка, поэтому детей не выпускали вечером на улицу. Одну из последних попыток подменить ребенка относят к середине 1950-х гг. Сейчас *ТВЭ*, как говорят, ушла под землю: в деревне стало многолюдно, и ей уже невозможно здесь ходить [Федорова, 2002, с. 223–224].

Легенды о злом духе крутильщице сухожилий известны и у хантов. В частности, сказание о крутильщице сухожилий у казымских остяков во время поездки 1911–1914 гг. записал Т. Лехтисало. В нем рассказывается о молодой женщине, которая ночью сидела за изготовлением нитей из сухожилий. В избушку вошла чужая женщина, в одной руке у нее было сухожилие со спяны собаки, в другой — медная чаша. Она предложила соревноваться в кручении сухожилий: «Если отстанешь ты, то я напущу с тебя крови в чашу, в противном случае ты напустишь крови с меня и выпьешь ее!» Дальнейшие события развивались по традиционной линии с поджогом

⁷ Букв. маленький дом, куда уходит женщина перед родами.

дома крутильщицы. Когда она выбежала, то невестка засунула чашу под фигуру женского духа и легла спать. Вернувшаяся крутильщица побоялась рассердить духа-покровителя и ушла, оставив чашу [Лехтисало, 1998, с. 79–80].

Подобные персонажи у юганских хантов — *Амп-чун-лунк-ими* «Дух-женщина с собачьей жилой», у среднеобских хантов — *Пон-верты-ими* «Нитки делающая женщина»: считалось, что этот дух имеет свой «город где-то за морем» [Зенько, 1997, с. 47]. У верхнепуровских хантов известна *Толэр-ими* «Мусор-женщина», которая живет в лесу в куче мусора, она «ворует людей, которые поодиночке ночью сидят, наверное, ест их»; в остальном представления о ней совпадают с *ТВЭ*, включая сюжет о соревновании [Там же, с. 48].

У хантов в д. Теги (Березовский р-н ХМАО — Югры) вечером нельзя было делать нити из сухожилий лося. Говорили: «Придет старуха, которая делает нити из сухожилий, и унесет в лес» [Папина, 1998, с. 39].

Лон-вэрт-ими (далее *ЛВИ*) — женщина, скручивающая сухожилия — известна и хантам д. Ванзеват (Белоярский р-н ХМАО — Югры), где в составе домашних святилищ можно увидеть орнаментированные берестяные туюски, куда для нее кладут небольшие жертвоприношения; в этих же туюсках хранят олени сухожилия для шитья. По словам Е.Д. Молдановой, «*Лон-вэрт-ими* — лесная бабушка, которая делает нитки из жил. Я молодая была: как солнце сядет, меня бабушка жилы делать не пускает. Если жилы после захода солнца будешь скручивать, то *ЛВИ* придет и будет на улице стучать, словно молотком — так она ругается. Жилки поздним вечером или ночью молодым нельзя делать, только старым одиноким бабушкам. Кому положена хорошая добыча, *ЛВИ* сама в дом приходит. В лес поедешь или на рыбалку — она счастье дает, добычу дает. Ей платки кладут, для еды ей вот вафли положили» [Бауло, 2002, с. 39].

Подобный фольклорный сюжет записан у северных хантов (Шурышкарский р-н ЯНАО): «На ночь нельзя было работать с сухожилиями. Мать нас ругала, говорила: лучше материал шейте. *Лон-вэрт-ими* — про нее мать рассказывала сказку. Все уснули, а женщина никак не может остановиться, все работает. Потом пришла *ЛВИ* с чашкой, и они стали соревноваться — кто быстрее. Женщина говорит: “Ты посиди, я выйду”. Пошла до пещеры *ЛВИ*, сожгла ее. “Иди,— говорит,— пещера твоя горит. Тарелку-то дай мне пока”. Положила ее в священный угол. *ЛВИ* вернулась: “Отдай тарелку, не отдашь, все равно когда-нибудь тебя скушаю”. Наверное, хотела съесть человека и из чашки кровь пить» (Нензелова Д.В., д. Восяхово; Г.А. Аляба, д. Вершина Войкара) [ПМА, А.В. Бауло, 2001].

Существует запись о крутильщице сухожилий и у канинских ненцев: невестка ночью готовила нитки из сухожилий. К ней в чум зашла чужая женщина с собачьими сухожилиями. Невестка заподозрила, что это злой дух, обмазала лица спящих рыбьим жиром и легла позади дедушки-ворожее. Женщина *сихиртя*⁸ ощупывает лица, у всех потные — значит, давно спят. Дедушка чувствует прикосновение и говорит: «Чья холодная рука коснулась моего лица?» Женщина сбежала [Лехтисало, 1998, с. 68].

Анализ текста сказания о *Тан-варп-экке*

Таким образом, не менее десяти исследователей на протяжении XX в. сделали записи о *Тан-варп-экке*. Большая часть полнотекстовых сказаний записана у северных манси (бассейн р. Ляпин, Верхняя Лозьва), отдельные фольклорные сюжеты опубликованы по различным группам хантов (юганские, среднеобские, березовские, казымские, верхнепуровские, шурышкарские), особняком стоит ненецкая легенда о старухе-сихиртя. Распространение фольклорного сюжета о крутильщице сухожилий на восток и север, скорее всего, является результатом миграций обских угров и их брачно-родственных связей (см., напр.: [Перевалова, 2004, с. 138–150, 198–209; Соколова, 2009, с. 95–101]).

Местом жительства *ТВЭ* чаще всего назван Ломбовож, в одном случае указан Няксимволь. Жилище крутильщицы может находиться в нижней части деревни (Няксимволь), в лесу (Ломбовож), в холме (там же), за рекой в чаще (Щекурья), в пещере (Восяхово), под землей (поскольку она сихиртя).

Сам образ крутильщицы сухожилий в сказаниях представлен крайне фрагментарно: очевидно, что это лесной дух (*ворут*) в женском облике, у которой есть дети, внешне напоминающий обычную женщину (тетушка, бабушка, женщина в старой изношенной шубе и с лицом, закрытым старым грязным платком), однако ее отличают «холодные руки», «руки твердые, не те»,

⁸ Сихиртя — в ненецких легендах мифический народ, обитавший в заполярной тундре до прихода ненцев и ушедший жить под землю.

Легенда о Тан-варп-эзве

«руки у нее кривые, палец за палец заходит», «нечеловеческие пальцы, плохие», она «когтями царапает, щиплет», «будет на улице стучать, словно молотком — так она ругается»; волосы у нее как еловый лишайник.

ТВЭ относится к категории злых лесных духов (готова забрать жизнь девушки или ее печень, задавить ее, выпить кровь съеденной женщины, высосать кровь ребенка и др.), исключение — у хантов д. Ванзеват, где ее образ частично соотносится с положительным лесным духом — *Мис-нэ*.

Сказания в основном распадаются на два сюжета: первый связан с запретом сучить жилы ночью, второй — с подменом и похищением детей. В статье мы сосредоточимся на анализе первого сюжета, поскольку он встречается чаще, имеет более развернутое содержание и смысловую территориальную привязку.

Прежде всего важной нам кажется отмеченная Е.А. Кузаковой запись о том, что *ТВЭ* обязательно приходит в дом, когда привозят невестку. Нарушение запрета на сучение сухожилий практически повсеместно связано с невесткой, невестой, девушкой, в одном случае — с роженицей. Представляется, что речь здесь идет о известной ситуации, когда девушка, переехавшая в поселок мужа, оказывается вне сферы влияния предка-покровителя родной деревни и должна быть включена в новое сакральное пространство [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 125], пройти своеобразную инициацию, в роли организатора которой выступает *ТВЭ*. Забегая вперед, отметим, что во многом невестка спасается защитой находящегося в доме *Павлынг-ойки*.

Следующая деталь сказания касается запрета на сучение пряжи ночью, а в более широком смысле — запрета на ночные работы, так как ночь — время активности злых духов. Традиционная культура обских угров насыщена запретами относительно темного времени суток (вечер). Если после захода солнца нужно идти на реку за водой, то необходимо спросить разрешения у *Вит-хон-аки* «Дяди духа воды». Во время захода солнца запрещалось вообще что-либо делать, так как наиболее велика вероятность, что душа человека может быть похищена существами иного мира. В фольклорных текстах обских угров самые важные действия нередко совершаются ночью, между вечерней и утренней зорями (в полночь приходит противник) [Слодина, 2014, с. 78–79]. При этом важно отметить, что в нашем случае запрет на вечерние и ночные работы относится к молодым женщинам (шире — в детородном возрасте), на «бабушек» он не распространяется.

Обратим внимание на присутствие в сказаниях о *ТВЭ* собаки. С одной стороны, речь может идти о ее охранной функции, включенной в мифологические представления об этом животном у многих народов. Приход *ТВЭ* предваряет завывание, лай или визг собаки; то, что *ТВЭ* несет на блюде еще сырые собачьи жилы, возможно, говорит об убийстве животного, пытавшегося предупредить людей о злом духе. У обских угров повсеместно признавалось, что собаки видят духов и могут уберечь от них человека. Кондинские манси полагали, что собаки громко лают при появлении сверхъестественных существ [Kannisto, Liimala, 1958, S. 218]. Аналогичные верования бытовали у финно-угорских народов, в частности у коми, также были известны русским. Согласно представлениям коми-зырян, собака распознает зловредных духов и вступает с ними борьбу, защищая хозяина. Наиболее чуткими считались «четыреглазые» собаки — с ярко выраженными надбровными дугами: они лучше других видят духов [Налимов, 1907, с. 9, 18]. Русские крестьяне Архангельской губернии таких собак называли «двоглазками» и полагали, что они способны видеть «неприятную» (нечистую) силу [Харитонов, 1847, с. 143].

С другой стороны, вряд ли случайно, что образ сильной собаки мог принимать *Хонт торум* [Ромбандеева, 1993, с. 61], который считался внуком верховного бога *Нуми-Торума* [Чернецов, 1939, с. 25] и почитался жителями многих селений в бассейне р. Ляпин. Рассуждая о бытовании в период существования военно-потестарной организации у обских угров культовых мест «князя» и его дружины, И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев предполагали, что *Хонт-Торум* (бог войны) и был тем самым «идолом» ляпинских князей; во времена Ляпинского «княжества» фигура *Хонт-Торума* «находилась, по-видимому, в укрепленном городке — резиденции «князя» [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 129]: *Хонт-Торум* «по мансийским преданиям... является основателем городка, остатки которого в виде земляного вала окружностью в 300 шагов, под названием *ус сяхыл* — городской холм, сохранились до настоящего времени невдалеке от ломбовожских юрт» [Баландин, 1939, с. 31].

Исходя из этой информации можно предполагать, что в сказании косвенно указано на конфликт двух обитателей «холма», подоплекой которого является антагонизм местного злого духа и божества-покровителя территориального уровня.

Теперь о том, кто собственно спасает невестку — в этой роли выступает дух-покровитель Ломбовожа *Павлынг-ойка* («Деревни мужик»): он выгоняет / выталкивает из избы *ТВЭ*, забирая

себе серебряную чашу. Статус защитника увеличивается местом происшествия — оно происходит в так называемом общественном доме, где содержали фигуру поселкового покровителя и его атрибуты (в Ломбовоже, естественно, это был «княжеский» дом Шешкиных [Гемуев, 1990, с. 74–104]); в одной версии в доме проживал и ворожей.

Одним из знаковых атрибутов сказания о ТВЭ является серебряная чаша (поднос, чашка с деньгами, медная чаша). По нашему мнению, она связывает ТВЭ с местом ее проживания — средневековым городищем (крутильщица приносит чашу «из холма»). Находящийся в верхней части Ломбовожа известный археологический памятник нередко именуют «холм *Тан-варп-эквы*» [Талицкая, 1953, с. 265] или «городок *Тан-варуп эквы*» [Федорова, 2002, с. 223]. В.Н. Чернецов отнес памятник к кинтусовскому этапу нижнеобской археологической культуры обских угров и датировал X–XIII вв. [1957, с. 213].

Рис. Серебряная чаша из Ломбовожа:

а — общий вид; б — центральный медальон чаши; в — гравированное антропоморфное изображение на оборотной стороне чаши.

Fig. Silver bowl from Lombovozh:

а — general view; б — the central medallion of the bowl; в — an engraved anthropomorphic image on the back of the bowl.

Легенда о Тан-варп-экве

В 2009 г. около Ломбовожа в нижней части холма «любителями-поисковиками» были обнаружены остатки святилища. Среди сохранившихся вещей находилась серебряная с позолотой чаша с бортиком и выделенным центральным медальоном. Диаметр изделия 11 см, высота 3 см, диаметр медальона 4,6 см. В бортике чаши острием ножа просверлено два неровных отверстия. В центральном медальоне выгравировано изображение бегущего зайца на фоне цветка на ветке с листьями. По мнению М.Г. Крамаровского (Отдел Востока Государственного Эрмитажа), чаша относится к продукции Золотой Орды и датируется XIV в. (рис., а, б).

На оборотной стороне чаши ножом процарапана антропоморфная фигура с «линией жизни» на груди (рис., в). Если полагать, что чаша имеет отношение к легенде о *Тан-варп-экве*, то антропоморфную фигуру можно соотнести с изображением деревенского духа-покровителя *Павлынг-ойки*.

Размышляя о причинах включенности в сюжет о крутильщице сухожилий серебряной чаши, можно предположить, что таким образом предложено объяснение вхождению чаши в состав культовых атрибутов манси.

Известно, что у манси изготовление новых фетишей было обставлено рядом правил. Во-первых, их должен был сделать другой человек. Во-вторых, их необходимо было «купить» у изготовителя — будущий владелец обязан был хотя бы символически возместить ему затраты. При этом имелись в виду не только и не столько издержки материального характера, связанные с производством изображения духа, сколько риск наказания со стороны высших сил, которому подвергался изготовитель при невольной ошибке [Гемуев, 1990, с. 168]. Этим обстоятельством, в частности, объясняется известная легенда об обретении серебряного блюда, записанная В.Н. Чернецовым. Блюдо было выловлено при неводьбе рыбы ненцами, но, прежде чем оно стало атрибутом мансийского святилища около д. Верхнее Нильдино, владение им привело к преждевременной смерти семи человек [Чернецов, 1947, с. 122, 126–129; Бауло, 2004, с. 128–130].

В случае с блюдом *ТВЭ* мы наблюдаем приблизительно ту же ситуацию. Хотя оно не относится к вновь изготовленным фетишам, но должно войти в состав уже имеющейся поселковой культовой атрибутики с соблюдением процедур, принятых при изготовлении новой вещи. В данном случае легенда перекладывает ответственность за некогда произошедшую находку блюда на *ТВЭ*, косвенно подчеркивая свершившийся факт искупительной жертвы (ее поражение и побег).

Образ мифической пряжи у русских и коми

Запреты на рукоделие в ночное и переходное время, а также образы мифических прях известны многим народам, в том числе русским. Считалось, что ночью, особенно накануне определенных дней, прядут или ткут сами мифические персонажи — покровительницы данных работ, поэтому для простых людей это запретное время. Прядущие, ткущие, плетущие, вяжущие и шьющие существа (мара, мокоша, кикимора, домовиха, русалка и др.) представлялись в облике женщины с распущенными волосами или уродливой старухи — скрюченной, горбатой, хромой, усохшей, неопрятной [Криничная, 2004, с. 466–476; Черепанова, 1893, с. 124–133]. С усилением христианства в русской фольклорной традиции сформировался персонаж Параскева Пятница, которая стала осмысляться в качестве покровительницы прядения, ткачества и прочей женской работы; в рамках этого образа произошло «оязычивание» святой, архаизация ее облика. Двойником Параскевы выступала баба Середа, которая покровительствовала рукоделию [Криничная, 2004, с. 469]. В ряде регионов России были записаны легенды о Параскеве Пятнице, бабе Серее, святой Неделе, которые скитались по деревням, заходили в дома, запрещая заниматься рукоделием и грязной работой. Они жестоко наказывали женщин, работавших ночью (вечером) накануне пятницы, среды, воскресенья или церковных праздников, поскольку такая деятельность причиняла им страдания [Стоглав, 1863, с. 138, 297; Великорусские сказки..., 1964, с. 237–238; Народные русские легенды..., 1990, с. 84–88].

Сюжеты русских сказок и быличек о *мифических пряхах* во многом схожи с рассказами о *ТВЭ*. В сказке «Середа», записанной И.А. Худяковым в середине XIX в. в Орловской губернии, речь идет о молодой женщине, которая села за пряжу вечером и работала всю ночь, при этом поминая как помощь Середу. Затемно утром в избе появилась «немолодая баба» — Середа, которая «пришла помогать». Женщина испугалась и кинулась к соседям за помощью. «Что ж, — говорит, — мне делать? Как от беды избыть?» — «А ты вот что сделай: ведрами стучи да и кричи перед избой: “На море срединские дети погорели!” Баба побежала домой, стучит в ведра и кричит: “На море срединские дети погорели!”» Середа выскочила из избы, побежала смотреть, а баба в дверь, заперла и закрестила. Как петухи запели, Середа завизжала и пропала, а холсты остались у бабы [Великорусские сказки..., 1964, с. 237–238].

Представления о Параскевы Пятнице известны коми и, очевидно, были заимствованы вместе с православием как пласт народно-христианских воззрений. У коми святая Параскева не только оказывает покровительство женщинам, но и сурово наказывает тех, кто ее не чтит, поскольку за грехи женщин она страдает душевными и телесными недугами. В фольклоре коми-зырян и коми-пермяков сохранились былички о явлении Параскевы Пятницы женщинам, нарушившим какой-либо запрет [Мифология коми, 1999, с. 281].

Вероятно, что у коми, как и у русских, образ Параскевы Пятницы соединился с более древними мифологическими персонажами, что также привело к «оязычению» этой святой в народно-христианском мировоззрении. В ее культе отобразились представления о полифункциональном женском божестве, которое связано с рукоделием, нижним миром (считалась покровительницей водных источников, что особенно ярко проявилось в верованиях коми [Там же, с. 284]), рождением, смертью и женской судьбой.

Таким образом, народно-христианский пласт воззрений русских и коми дает материал для сравнительного анализа мифологических представлений славянских и финно-угорских народов, которые на протяжении длительного периода испытывали взаимовлияние этнокультурных традиций.

Запреты на некоторые виды работ в темное время суток, которые особенно строго табуировались в святочный период и другие «пороговые» даты календарного цикла, распространены у разных этнолокальных групп коми. В частности, у обских коми (ижемцев) выделялся запрет на «кручение»: *Накануне праздника вечером ничего нельзя крутить, веревки скручивать, веретено крутить нельзя. Вот говорят, кто крутит-вертит, тому на том свете покоя не будет. У кого родители умерли, это значит их беспокоит* (ПМ О.В. Голубковой: ЯНАО, Шурышкарский р-н, с. Овгорт, 2004). *Перед праздником (вечером) нельзя вертеть, чтобы что-то круглое крутилось* (ПМ О.В. Голубковой: ХМАО — Югра, Березовский р-н, с. Саранпауль, 2011).

Запрет на ночные работы обычно объяснялся тем, что ночь — время злых духов. Суточный цикл определял время проведения ритуалов, обрядов, хозяйственной деятельности человека и инфернальных сил. Например, по поверьям коми-пермяков, ночь принадлежит демоническим силам, человеку в это время противопоказана любая деятельность («у людей время до 12, с 12 до 4-х не наше время, тогда нам нужно крепко спать...») [Голева, 2011, с. 45].

У коми-ижемцев существовали приметы, связанные со стуком и треском — «деревянным шумом»: полагали, что деревянный стук в лесу предвещал скорую кончину. *Когда в лесу услышишь стук, будто кто-то дерево рубит, а вокруг никого нет, значит, скоро умрешь. Это лесные люди показали, что тебе уже гроб готовят* (ПМ О.В. Голубковой: ЯНАО, с. Шурышкары, 2011). Ср. с «голосом» хантыйской *крутильщицы сухожилий*: на улице стучит «словно молотком — так она ругается». То есть, «деревянный шум» у северных коми и обских угров в определенных случаях подразумевался как язык лесных духов и способ коммуникации с ними.

Образ *ТВЭ* имеет много общего с Бабой-Ягой, а также с персонажем *Ёма* — ее двойником у коми. В фольклоре русских и коми образ Бабы-Яги / *Ёмы* многозначен. Этот персонаж представлялся в облике безобразной косматой старухи с длинным носом, длинными (железными) зубами, железными когтями [Пропп, 1996, с. 52–111; Черепанова, 1983, с. 100–110; Мифология коми, 1999, с. 155–156 и др.]. По ряду признаков (занимает собой всю избу, у нее костяная нога, она «слепая»: не видит людей, а распознает их по запаху и т.д.) Баба-Яга — мертвец, вероятно, древняя богиня смерти [Пропп, 1996, с. 57–70]. Внешность *ТВЭ* также может указывать на признаки «древнего» покойника: «лицо закрыто старым платком», «холодные руки», «руки твердые, не те», «руки у нее кривые, палец за палец заходит», «нечеловеческие пальцы, плохие», она «когтями царапает, щиплет».

Баба-Яга хозяйка леса, живет «за рекой в лесной избушке», избушка Яги — вход в иной (нижний) мир [Там же, с. 52–77; Мифология коми, 1999, с. 155–156]. *ТВЭ* — демон нижнего мира: она обитает под холмом, в пещере, под землей, за рекой, в чаще леса (река и лес в мифологическом мировосприятии определяют границу «того» и «этого» мира в горизонтальной плоскости).

Баба-Яга — людоед, она похищает детей, пытается съесть героев сказки, «сосет груди красавиц» [Афанасьев, 1869, с. 588; Мифология коми, 1999, с. 156]. *ТВЭ* проявляет себя как упырь-людоед: стремится съесть девушку, выпить кровь, «высасывает» ребенка. Похищение детей Бабой-Ягой, *Ёмой* и крутильщицей сухожилий — распространенный сюжет сказок и быличек.

В ряде текстов упоминается, что у Яги (и *Ёмы*) есть дети [Черепанова, 1983, с. 103–104; Мифология коми, 1999, с. 156]. В легендах о *ТВЭ* невестке удается уцелеть благодаря хитрости: *ворут* убегает спасать своих детей от пожара (аналогичный сюжет у русских связан с *Середой*).

Легенда о Тан-варп-эзве

В ряде текстов Баба-Яга прячет в своих кладовых сокровища — медь, серебро и золото [Афанасьев, 1869, с. 588], *ТВЭ* может рассматриваться как хранительница клада.

Баба-Яга выступает в роли мифической пряжи: она крутит веретено, сучит нить [Криничная, 2004, с. 470, 487]; в ряде сказок коми девушки приходят к *Ёме* за прялкой, веретеном, вязальной иглой, мотком пряжи [Мифология коми, 1999, с. 156]. Имя *крутильщицы сухожилий* само говорит о типичном занятии этого персонажа.

В.Я. Пропп видел в Бабе-Яге божество, осуществляющее инициацию юношей и девушек [1996, с. 112–145]. *Крутильщица сухожилий* приходит к молодой невестке, т.е. новому члену рода, проживающему на ее территории. Поскольку «временная смерть... есть один из характерных и постоянных признаков обряда посвящения» [Пропп, 1996, с. 126], мы можем предположить, что мотивы убийства и поедания рукодельницы (или попытки сделать это) являются аллюзией обряда перехода в новый род, когда девушка «умирала» для ее прежнего рода и выходила из-под покровительства духов-хранителей ее родной семьи.

Заключение

В результате проведенного анализа текстов сказаний о *Тан-варп-эзве* можно сделать следующие выводы.

1. Авторы предлагают считать местом создания фольклорного сюжета о крутильщице сухожилий деревню Ломбовож, что связано с наличием здесь крупного археологического памятника — средневекового городища. Это определяет характер жилища *Тан-варп-эзвы* (холм) и наличие знакового атрибута — серебряной чаши.

2. Наибольшее количество текстов о крутильщице сухожилий записано у ляпинских манси — в деревнях, близко расположенных к Ломбовожу.

3. Распространение фольклорного сюжета о крутильщице сухожилий на восток и север, скорее всего, является результатом миграций обских угров и их брачно-родственных связей.

4. Введение в сюжет собаки, возможно, связано с демонстрацией конфликта двух жителей «холма» — местного злого лесного духа *Тан-варп-эзвы* и территориального предка-покровителя ляпинских манси *Хонт-Торума*.

5. Основной сюжет сказания указывает на установленные у обских угров правила включения невестки, молодых женщин в чужое культовое сообщество.

6. Сюжет с серебряной чашей объясняет правила вхождения вновь изготовленного или принесенного извне предмета в сферу культа у обских угров.

7. *Тан-варп-эзва* в роли женского божества могла выступать как покровительница рукоделия, поскольку у обских угров кручение ниток из оленьих жил было традиционной женской работой.

8. Образы *мифических прях* у русских и коми неоднозначны. Баба-Яга, *Ёма*, Параскева Пятница, Середа и другие персонажи представлялись помощницами и дарительницами, но могли сурово наказывать, отнять жизнь; относились к демоническим силам (являлись ночью). Бабу-Ягу, *Ёму* и *Тан-варп-эзв* объединяет наибольшее число общих мотивов: это лесные божества, духи нижнего мира, часто враждебные человеку, но в некоторых сюжетах Баба-Яга и *Ёма* оказываются «добрыми» помощницами. *Тан-варп-эзва* выступает в роли дарительницы лишь косвенным образом, однако она в ряде мест соотносится с *Мис-нэ* — лесным духом, приносящим удачу.

9. Функция *Тан-варп-эзвы* как «крутильщицы сухожилий» могла быть вторичной, заимствованной у соседних народов, например у коми, которые вместе с православием приняли и адаптировали народно-христианские верования русских. Авторы не обладают материалами, подтверждающими данную гипотезу. Однако тот факт, что культ *Тан-варп-эзвы* имеет лишь локальное распространение и не занимает существенного места в мифоритуальном комплексе обских угров, может свидетельствовать в пользу данного предположения. Планируется поиск материалов, подтверждающих возможность в этом вопросе этнокультурного взаимовлияния обских угров и народов коми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Руденко С.И. Угры и ненцы Нижнего Приобья. Машинопись. 349 л. Не позднее 1958 г. // ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. 67.

Полевые материалы поездки к ляпинским манси Г.Е. Солдатовой. 1999 г.

Полевые материалы поездки к сынским и войкарским хантам А.В. Бауло. 2001 г.

Полевые материалы поездки к обским коми (ижемцам) О.В. Голубковой. 2004, 2011 гг.
Стоглав. Вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчиков, 1863. 312 с.

Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1869. Т. III. 840 с.

Баландин А.Н. Язык мансийской сказки. Л.: Главсевморпуть, 1939. 80 с.

Бауло А.В. Культурная атрибутика березовских хантов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 92 с.

Бауло А.В. Связь времен и культур: (Серебряное блюдо из Верхне-Нильдина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 127–136.

Великорусские сказки в записях И.А. Худякова / Под ред. В.Г. Базанова, О.В. Алексеевой. М.; Л.: Наука, 1964. 300 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культурные места XIX — начала XX в. Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.

Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011. 272 с.

Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск: Наука, 1997. 154 с.

Источники по этнографии Западной Сибири / Публ. Н.В. Лукиной, О.М. Рындиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 280 с.

Кричинная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проспект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Кузакова Е.А. Фольклор манси. М.: ИЭА РАН, 1994. 206 с.

Лалина М.А. Фольклорные тексты тегинских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. Вып. 5. С. 77–87.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 136 с.

Мифология коми / А.Н. Власов, И.В. Ильина, Н.Д. Конаков, П.Ф. Лимеров, О.И. Уляшев, Ю.П. Шабаев, В.Э. Шарапов. М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. 480 с.

Мифология манси / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.

Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // ЭО. 1907. № 1–2. С. 1–23.

Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / Предисл., сост. и ком. В.С. Кузнецовой. Новосибирск: Наука, 1990. 270 с.

Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Пропл В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 366 с.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: Северный дом, 1993. 208 с.

Соколова З.П. Ханты и манси: Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.

Соколова З.П. Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950–1980-е годы: Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016. 942 с.

Солдатова Г.Е. Материалы по фольклору обских угров // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск: Арта, 2008. С. 111–128.

Сподина В.И. Время как универсальная мировоззренческая категория традиционной культуры (на материале обско-угорских и самодийских народов). Ханты-Мансийск: Юграфика, 2014. 206 с.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 242–357.

Федорова Е.Г. Ломбовож: К возможному прошлому // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2002. Вып. 1. С. 216–227.

Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1847. Т. 57 (отд. VIII). С. 132–153.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: ЛГУ, 1983. 169 с.

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 20–42.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Н. С. 1947. Т. 1. С. 113–134.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. Helsinki, 1951. Bd. 1: Texte mythischen Inhalts. 483 S.

Kannisto A., Liimola M. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. Vol. 113. 444 S.

The legend of Tan-varp-ekva

The object of the study is the texts about Tan-varp-ekva, «the tendon twistress», recorded during the 20th c. The majority of the full-text tales has been recorded from the northern Mansi (Lyapin River Basin, Upper Lozva), some folklore stories have been published for various groups of Khanty (Yugan, Middle Ob, Berezovo, Kazym, Upper Purov, Shurishkar); the Nenets legend about the old woman-Sihirtia stands out. The tales mostly split into two plots: the first one is associated with the prohibition to spin veins at night, the second — with changeling and kidnapping of children. The analysis of the key points of the legends has been carried out, the position of the Ob-Ugorsk forest spirit among similar images of the Komi and Russians has been determined. The authors suggest that the village of Lombovozh (Lyapin Mansi) became the place of creation of the folklore storyline, linking it to the presence of a large archaeological site, a medieval settlement. The spread of the legend of Tan-varp-ekva among other Mansi and Khanty groups was the result of migrations. The main plot of the story refers to the introduction of regulations by the Ob Ugrians on inclusion of a daughter-in-law, young women into the foreign cult community. The story with a silver cup explains the rules of entry of a newly manufactured or brought from the outside object into the sphere of worship in the Ob Ugrians. Tan-varp-ekva in the role of a female deity could act as the patroness of needlework, as, for the Ob Ugrians, twisting of deer tendon threads was a traditional female work. The stories about Tan-varp-ekva are similar to those of many Russian fairy tales, ballades about mythical spinstresses, as well as bans on needlework during the night and transition time. Her image has a lot in common with Baba Yaga and with the character of Yoma — her double in Komi (forest spirits, creatures of the lower world, kidnapers of children, cannibals, treasure keepers, treasure givers, «spinning» deities). The motifs of killing and eating of daughter-in-law by the spinstress of tendons can be an allusion of the rite of transition to a new family, when the girl «died» for her former family and left the protection of the spirits-keepers of her family. The popular-Christian layer of views of the Russians and Komi provides material for comparative analysis of mythological concepts of Slavic and Finn-Ugric peoples, who for a long period experienced mutual influence on ethnocultural traditions. The function of Tan-varp-ekva as a «twister of tendons» can be secondary, borrowed from neighboring populations, for example, from the Komi, who, together with Orthodoxy, accepted and adapted the popular-Christian beliefs of the Russians.

Key words: mythology, deity, spinning, prohibition, dog, bowl, town, Mansi, Khanty, Russians, Comi, initiation.

REFERENCES

- Afanas'ev A.N. (1869). *Poetic ideas of the Slavs about nature*. Vol. 3. Moscow: Izd-vo K. Soldatenkova. (Rus.).
- Balandin A.N. (1939). *Language of the Mansi tale*. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput'. (Rus.).
- Baulo A.V. (2002). *Cult attributes of the Khanty of the Berezovsky region*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Baulo A.V. (2004). Connection of Times and Cultures (Silver Dish from Verhnie-Nildin). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, (3), 127–136. (Rus.).
- Baulo A.V., Gemuev I.N., Liutsidarskaia A.A., Sagalaev A.M., Sokolova Z.P., Soldatova G.E. (2001). *Mythology of the Mansi people*. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologi i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Bazanov V.G., Alekseyeva O.B. (Eds.) (1964). *Tales of Central Russia, recorded by I.A. Khudyakov*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Cherepanova O.A. (1983). *North Russian mythological vocabulary*. Leningrad: LGU. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1939). Fraternal Structure of the Ob-Ugric tribes. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 20–42. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1947). On the problem of spread of eastern silver products into the Ob region. In: *Trudy Instituta etnografii*. T. 3 (pp. 113–134). (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1957). Lower Ob region in the 1st millennium AD. *Materialy iissledovaniia po arkheologii SSSR*, (58), 136–246. (Rus.).
- Fedorova E.G. (2002). Lombovozh: On a hypothetical past. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, (1), 216–227. (Rus.).
- Gemuev I.N. (1990). *The Worldview of the Mansi: Home and Space*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Gemuev I.N., Sagalaev A.M. (1986). *Religion of the Mansi people: Places of worship of the 19th — early 20th centuries*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Goleva T.G. (2011). *Mythological characters in the worldview system of the Komi-Perm people*. St. Petersburg: Mamatov. (Rus.).
- Kannisto A., Liimola M. (1951). *Wogulische Volksdichtung. Bd. 1: Texte mythischer Inhalts*. Helsinki.
- Kannisto A., Liimola M. (1958). Materialien zur Mythologie der Wogulen. In: *MSFOu*, 113. Helsinki.

- Kharitonov A. (1847). Essay on the Demonology of Peasants of Shenkur County. *Otechestvennye zapiski*, 57(8), 132–153. (Rus.).
- Krinichnaia N.A. (2004). *Russian mythology: World of folklore images*. Moscow: Akademicheskii prospekt: Gaudeamus. (Rus.).
- Kuzakova E.A. (1994). *Folklore of the Mansi people*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (Rus.).
- Kuznetsova V.S. (Ed.) (1990). *Folk Russian legends by A.F. Afanasyev*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Lapina M.A. (1998). Folklore texts of the Tegin Khanty. *The peoples of the North-Western Siberia*, (5), 77–87. (Rus.).
- Lehtisalo T. (1998). *Mythology of the Juraco-Samoyeds (Nenets people)*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Lukina N.V., Ryndina O.M. (Eds.) (1987). *Ethnographic sources of the West Siberian region*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Nalimov V.P. (1907). The another world in Beliefs of Komi-Zyryan people. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1–2), 1–23. (Rus.).
- Perevalova E.V. (2004). *Northern Khanty: Ethnic History*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Propp V.Ia. (1996). *The historical sources of the magical tale*. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Rombandeeva E.I. (1993). *The history of the Mansi people (Voguls) and its spiritual culture*. Surgut: Severnyi dom. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (2009). *Khanty and Mansi peoples: A look point from the XXI century*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (2016). *Ethnographer on the expedition: Western Siberia region. 1950–1980s: Expeditionary materials, scientific reports and documents*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Soldatova G.E. (2008). Materials on the folklore of the Ob Ugrians. In: *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri* (pp. 111–128). Novosibirsk: Arta. (Rus.).
- Spodina V.I. (2014). *Time as a universal worldview category of traditional culture (based on the material of the Ob-Ugric and Samoyed peoples)*. Khanty-Mansiisk: Iugrafika. (Rus.).
- Talitskaia I.A. (1953). Materials for the archaeological map of the Lower and Middle Ob regions. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (35), 242–357. (Rus.).
- Vlasov A.N., Il'ina I.V., Konakov N.D., Limerov P.F., Nesanelis D.A., Uliashev O.I., Shabaev Iu.P., Sharapov V.E. (Eds.) (1999). *Mythology of the Komi peoples*. Moscow; Syktyvkar: DiK. (Rus.).
- Zen'ko A.P. (1997). *Ideas about supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugric peoples*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

А.В. Бауло, <https://orcid.org/0000-0001-8379-3760>

О.В. Голубкова, <https://orcid.org/0000-0002-9936-8555>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

З.Ф. Хасанова

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
ул. К. Маркса, 6, Уфа, 450077
E-mail: Zifa.83@mail.ru

НАГРУДНИК В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ БАШКИРСКИХ ЖЕНЩИН: К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ

У башкир в конце XX — начале XXI в. наблюдается возрождение многих элементов традиционной культуры: проявляется интерес к истории костюма, украшениям, нагрудникам и т.д. Есть украшения аутентичные и полностью повторяющие оригинальные формы и размеры; существуют и стилизованные нагрудники. Их охотно носят представители интеллигенции, властных структур и молодежь. Исследование показало, что нагрудные украшения у башкир в большей степени выполняют эстетическую функцию, а также являются этномаркером. Изначальная функция нагрудника по защите от злых духов утрачена.

Ключевые слова: башкиры, декоративно-прикладное искусство, нагрудное украшение, оберег, защита от злых духов, башкирский женский костюм.

Введение

Украшения возникают как одна из составляющих культуры народа, в которой изначально заложен целый спектр символических функций: защитная, лечебная, магическая, этническая и др. Со временем начинает преобладать эстетическая функция, с тенденцией вытеснять на периферию все остальные. В современном обществе эстетическая функция становится самостоятельной. Появление в конце XX — начале XXI в. нагрудных украшений у башкир имеет только эстетический характер: человек, обладающий таким украшением, не преследует магическую, лечебную цель. Вместе с тем рассматриваемые украшения сегодня выступают маркером идентичности.

В данной статье изучаются способы изготовления, ношения и формы использования башкирских нагрудников в конце XX — начале XXI в. Башкирские украшения, в том числе нагрудники, подробно описал С.И. Руденко [2006], он рассмотрел их ареал, виды, формы у разных групп башкир. В работе «Декоративно-прикладное искусство башкир» С.А. Авижанская, Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев [1964] на основе экспедиционных материалов второй половины XX в. дополнили сведения о нагрудниках. В трудах этнографа С.Н. Шитовой, посвященных традиционной одежде башкир, описываются способы изготовления, формы, ареалы различных типов нагрудников [1995]. Важнейшим источником для исследователей стал каталог «Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет», в котором детально описаны нагрудники, хранящиеся в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН [2006].

В данной статье автором впервые обобщаются материалы по нагрудным украшениям башкир, в научный оборот вводятся новые полевые и архивные материалы. Также исследуются процессы возрождения и преемственности этнокультурных традиций в современных условиях.

Источниковой базой исследования послужили полевые материалы, собранные автором в 2010–2019 гг. в разных районах Республики Башкортостан (далее — РБ) во время экспедиции и экспедиционных выездов (сабантуи, Салауат йыйыны), и архивные материалы Научного архива УФИЦ РАН, где хранится уникальная фотобазы этнографических экспедиций, проводившихся в 1956–1990 гг. учеными ИИЯЛ УФИЦ РАН. Кроме того, использована коллекция нагрудников Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, привезенная в 80-е г. XX в. из районов РБ (Абзелиловский, Баймакский, Белорецкий, Зилаирский и др.) и Челябинской и Курганской областей собирателями Бикбулатовым Н.В., Долотказиной С.Х., Гайнуллиной Н.Ф., состоящая из 17 экспонатов 7 видов, а также интернет-ресурсы («ВКонтакте», «Инстаграм», «Одноклассники»), где выкладываются материалы о старинных и современных башкирских нагрудниках.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XX — начало XXI в., время, когда фиксируется рост интереса к традиционным украшениям башкир, возрождаются этнические традиции.

В статье используются общенаучные методы: сравнительно-исторический, научного описания, анализа и систематизации эмпирического материала. При полевых исследованиях мы опирались на традиционные этнографические методы — глубинное интервью, наблюдение, вели фотофиксацию. Для изучения современного состояния традиции применили мониторинг социальных сетей («ВКонтакте», «Инстаграм», «Одноклассники»). В ходе исследования было опрошено всего 80 информаторов (женщин) в возрасте от 23 до 92 лет. Интервью в основном проводили на башкирском языке, что позволило записать местные названия и особенности изготовления нагрудников, характерных для каждой локальной группы башкир.

Традиционные башкирские нагрудники и их основные виды

Центральное место в башкирском женском костюме занимает нагрудник из кораллов и серебряных монет, носимый поверх платья, рубахи. Основа украшения состояла либо из плотного сукна, либо из ткани, иногда из войлока. Для изготовления нагрудников башкирки использовали бусы, кораллы, бляшки, раковины, которые приобретались на базарах или у торговцев-разносчиков (рис. 1). Украшали нагрудники и серебряными монетами, преимущественно российскими. Иногда для этих целей применяли всевозможные иностранные монеты. Кроме того, наравне с серебряными употреблялись поддельные монеты, а также жетоны, штампованные медальки и бляшки, которые специально производились на «инородческий вкус» в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и других городах [Авижанская и др., 1964, с. 212]. В советское время к нагрудникам кроме монет пришивали медальоны (Абсалямова Ф.А.).

Рис. 1. Группа башкирок в традиционной одежде с нагрудниками *яга*. Республика Башкортостан.

Начало XX в. Фото из документального фонда Национального музея РБ. НВф № 5633.

Fig. 1. A group of Bashkirs in traditional clothing with chest decoration «yaga». Republic of Bashkortostan.

The beginning of the XX century. Photo from the documentary fund of the National Museum of the Republic of Bashkortostan. NVF No. 5633.

Происхождение нагрудника у башкир как элемента костюма было связано с ношением распашной одежды (*елән*), грудную часть, как правило, закрывали им. Позже украшения надевались поверх платья или безрукавки (*камзул*), а со второй половины XX в. являлись принадлежностью праздничного костюма [Шитова, 1995, с. 103]. Нагрудники из серебряных монет и настоящих кораллов стоили очень дорого. Ценились они высоко и обязательно входили в состав приданого невесты. Они составляли целое состояние и были доступны только зажиточным семьям. Женщины из бедных семей делали нагрудные украшения из поддельных кораллов, медных или оловянных бляшек, заменявших серебряные монеты [Авижанская и др., 1964, с. 212].

Подбор материалов для украшений был обусловлен верой в их магические свойства. Серебру приписывалась защитная сила, его блеску и звону — способность отгонять злых духов. Считалось, что кораллы обеспечивают плодовитость и богатство. Из полудрагоценных камней наибольшее распространение получил сердолик. Оберегом от дурного глаза являлись белые раковины-ужовки, или каури, иногда пришивались коготки беркута и бляхи с изображением по-

Нагрудник в современной жизни башкирских женщин: к проблеме сохранения традиций

лумесяца и надписи или молитвы (на арабском языке) [Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. Оф № 1031-13, 421-5, 258-113]. Видимо, поэтому нагрудники начинали носить с детского возраста. Во время экспедиции в 2017 г. в Белорецкий район Республики Башкортостан автором был зафиксирован детский нагрудник трехлетней девочки почти с вековой историей. Он был обшит монетами, бисером и кораллами, в центре располагалась раковина каури. Он имел размеры 22×20 см, а по форме был очень близок к нагруднику типа *яга* (рис. 2).

Рис. 2. Детский нагрудник «яга». Начало XX в. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Уметбаево. Школьный музей. 2017 г. Фото автора.

Fig. 2. Children's chest decoration «yaga». The beginning of the XX century. Republic of Bashkortostan, Beloretsky district, Umetbaevo village. School Museum. 2017. Photo by the author.

Этнографы С.И. Руденко [2006, с. 157] и С.Н. Шитова, [1995, с. 103] выделяют несколько типов нагрудников, которые отличались размерами, формой, общей композицией и порядком расположения на основе кораллов и монет. Каждый вид нагрудника имел свое название — *селтәр*, *сакал*, *һакал*, *яга*, *муйынса*, *алмайзеу*, *тушлек* и др. и был распространен у ограниченной локальной группы башкир.

Селтәр — нагрудное украшение башкирских женщин юго-восточных и южных (горных и степных) районов республики. Особенностью *селтәр* являются вытянутая по вертикали форма и массивность. Изготовленный полукругом верх имел лямки, охватывающие шею. Украшение придерживалось также широким пришитым поясом. Нагрудник состоял из двух частей. Верхняя грудка плотно зашивалась нитями из кораллов; а нижняя часть покрывалась коралловой сеткой *селтәр*, от которой и произошло название всего украшения. Между частями по линии талии нашивались несколько горизонтальных рядов монет (3–5 рядов). Количество рядов монет, как и рисунок кораллового узора на грудке, варьировались по территории. К украшению поверх кораллов пришиты крупные монеты, подвески с сердоликовой вставкой — *сулпы*, серебряные цепочки, бляхи со вставкой горного хрусталя и перламутра (рис. 3).

Нагрудное украшение *һакал* распространено в Инзерском бассейне, оно имеет слегка расширяющуюся книзу закругленную форму. Закрывает всю грудь и спускается до пояса, а то и ниже. Вверху — вырез для шеи и завязки. По краю нашит ряд шаровидных стеклянных или сердоликовых пуговиц или серебряных бубенчиков, затем — ряды нитей кораллов или мелких бусин под кораллы, а середина зашивается чешуей из серебряных монет. Центральная часть декорируется поперечными рядами бус и делится на две части: верхняя украшается вертикальными рядами бус и монет, на нижнюю нашиваются отдельные бляхи, подвески и монеты (рис. 4). Бляхи и подвески на *һакал* могут быть сердоликовые, перламутровые, металлические или стеклянные [Авижанская и др., 1964, с. 212].

Другой нагрудник, *сакал* или, иначе, демский нагрудник, характерен для юго-западных районов РБ. Имеет полуовальную слегка вытянутую форму, которая обрамлялась широкой полосой крупных

З.Ф. Хасанова

кораллов. Центральная часть заполнялась в основном серебряными монетами, разными бляхами с сердоликовой, бирюзовой, горного хрусталя вставкой. Особенностью данного украшения является также то, что его края обшивались агатовыми шариками и пуговицами-бубенчиками.

Рис. 3. Башкирки в нагруднике селтәр. Середина XX в. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Серменево. Школьный музей. 2017 г.

Fig. 3. Bashkir in the «Selter»chest decoration. The middle of the 20th century. Republic of Bashkortostan, Beloretsky district. Sermenevo village. School Museum. 2017. Photo by the author.

Рис. 4. Нагрудник *hakal*. Начало XX в. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Зуяково. Школьный музей. 2011 г. Фото автора.

Fig. 4. The chest decoration «hakal». The beginning of the XX century. Republic of Bashkortostan, Beloretsky district, Zuyakovo village. School Museum. 2011. Photo by the author.

Нагрудник в современной жизни башкирских женщин: к проблеме сохранения традиций

На границе ареалов бытования *һаҡал* и *селтәр* башкирки иногда носили два нагрудника одновременно: один чуть выше («селтер»), а другой чуть ниже. В книге «Башкиры» есть фотография из личного архива М.Г. Мичуриной, где запечатлена группа женщин в традиционной одежде. У одной из них два нагрудника, надетые один поверх другого [Башкиры, 2015, с. 284]. Об этом писал и С.И. Руденко. В частности, он отметил, что башкирки Юрматинского рода в конце XIX в. носили *һаҡал* и *селтәр* одновременно. При этом *һаҡал* делался меньших размеров и спускался на живот, ниже носился *селтәр*. При этом верхняя, закрываемая часть нагрудника могла быть лишена нашивок [Руденко, 2006, с. 182]. *Селтәр* тоже делался чуть короче и закрывал только грудь женщины.

Нагрудник *яға* зауральских башкир (населения северной части Учалинского р-на РБ, Челябинской и Курганской областей) был менее объемным. Ниже талии спускалась лишь коралловая бахрома, пришитая иногда в два-три яруса. Верхняя часть нагрудника (примерно 1/3) по форме шейного выреза зашивалась мелкими монетами, кораллами обводился верхний ряд. Пришитый к верхней части воротничок — лямка, обхватывающая шею, дал название этому типу нагрудников — *яға* (воротник). Охватывая шею, он представлял главную часть в украшении (рис. 5). Раньше нагрудник *яға* носили с наспинником *иңһәлек*. Их скрепляли на плечах перемычками с коралловой бахромой. Украшение закрывало верхнюю часть торса, до талии. Наспинник, как и нагрудник, имел трапециевидную форму и был покрыт монетами, круглыми бляхами, иногда разделенными вертикальными столбцами из кораллов, по низу была пришита коралловая сетка с бахромой [Башкирские нагрудные украшения..., 2006, с. 9]. Особенностью этого типа нагрудника было также небольшое окошко в центре, закрытое сеточкой, сплетенной из кораллов, поверх которой свисают полоски с пришитыми монетами.

Рис. 5. Башкирка в традиционной праздничной одежде с нагрудником *яға*. Курганская обл., Альменевский р-н, с. Танрыкулево. 2006 г. Фото Е.Е. Нечвалоды.

Fig. 5. Bashkir «yaga». Kurgan region, Almenevsky district, Tanrykulevo village. 2006. Photo by Helena Nechvaloda.

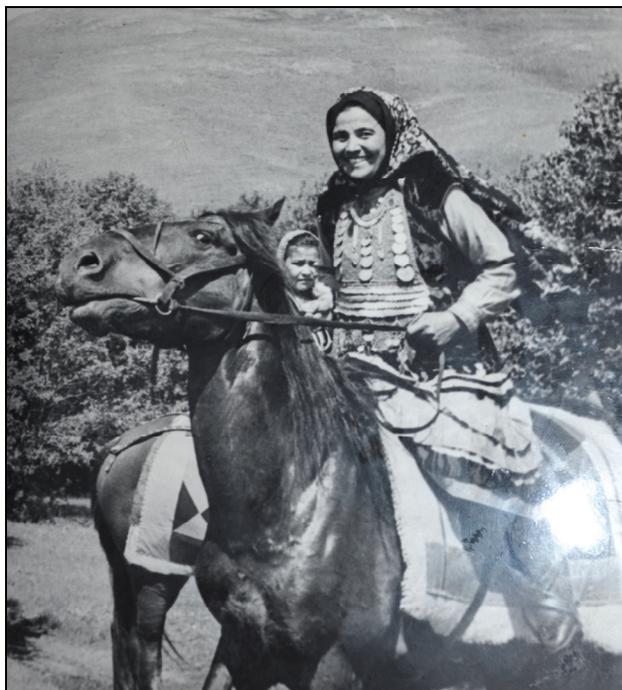
З.Ф. Хасанова

У северо-восточных (айских и юрюзанских) башкир был распространен нагрудник *муйынса* или *муйса*. Он представлял собой кусок шерстяной домотканины трапециевидной формы, покрытый хлопчатобумажной темной тканью, которая чешуеобразно зашивалась монетами, с выемкой для шеи и закругленным нижним краем. По краю нашивался узкий позумент либо цепочка. Украшен был перламутровыми или разноцветными стеклянными пуговицами и монетами. У шеи они мелкие, ниже — средней величины, у края — самые крупные (встречались и медали).

В южной части Башкирии получили распространение нагрудники *алмаи́зеу* с закругленным нижним краем, в которых преобладали металлические нашивки. Использовались некрупные монеты, их нашивали одну над другой, до 20 монет в столбце. Таких вертикальных рядов было более 10. Среди монет в середине нагрудника иногда просматривались короткие «строчки» из кораллов или медальонов — «За освоение целинных земель», «Медаль Материнства», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и др.

В северных и западных районах носили перевязи: *эмәйзек*, *дәүәт*, *хәситә*. Украшение повязывали с левого плеча под правую руку [Шитова, 1995, с. 114]. Их изготавливали на тканевой основе в виде полосы или растянутого полукруга (иногда они были широкие и закрывали грудь), нашивали разные медальоны, бляхи, крупные монеты, бусы, редко кораллы. Среди нашивок, выполнявших декоративную роль, помещали кожаные и металлические футлярчики *бетеу* с молитвами из Корана.

У народов Поволжья и Приуралья также были распространены нагрудные украшения с использованием серебряных монет и натуральных кораллов, каури, которые отличаются от башкирских размером, формой, структурой. Северо-восточный нагрудник *муйынса* у башкир считается наиболее близким к волго-уральским традициям. Аналоги ему можно встретить у татар [Суслова, 2018, с. 141; Мухамедова, 1997, с. 64], удмуртов [Косарева, 2000, с. 138], чувашей [Чуваши, 1956, с. 206], мордвы [Белицер, 1973, с. 124], марийцев [Молотва, 1992, с. 47]. С.Н. Шитова связь башкирских нагрудников видит с украшениями народов Сибири, а именно эвенков (тунгусов) [1995, с. 113], и Алтая (хакасов, качинцев и др.). Она считает, что традиция ношения большого нагрудника-передника на не застегивающемся кафтане принадлежит тунгусам. В свою очередь, под тунгусским влиянием находились некоторые древние турки, которые затем вошли в состав башкир [Там же, с. 103].

Рис. 6. Женщина в традиционном костюме с нагрудником *селтәр* на празднике *Карға буткаһы*, 1968 г. Республика Башкортостан, Абзелиловский район, с. Казмашево. 2019 г. Фото автора.

Fig. 6. A woman in traditional festive costume with chest decoration «*Karga butkahy*», 1968. The Republic of Bashkortostan, Abzelilovsky district, Kazmashevo village. 2019. Photo by the author.

Нагрудник в современной жизни башкирских женщин: к проблеме сохранения традиций

Таким образом, до конца XIX — начала XX в. нагрудник сохранял этническую, социальную и сакральную функции. В начале XX в. традиционная культура переживает сложный период. В годы голода (20-е гг. XX в.) и в период создания колхозов многие башкиры вынуждены были отдавать свои украшения за бесценок, иногда — бесплатно, а иногда их просто отбирали для нужд колхозов. Те, у кого к началу Великой Отечественной войны оставались украшения, отдавали их в помощь Красной Армии (Сагадатов Х.Ш.). В послевоенные годы уже мало кто имел аутентичные национальные украшения. Их практически не носили, а использовали в качестве украшения жилищ или хранили как семейную реликвию. Только в Абзелиловском и Баймакском районах РБ до 60-х гг. XX в. нагрудник считали необходимым предметом приданого невесты (рис. 6). В Зауралье (Курганская и Челябинская области) и в северо-восточных районах республики нагрудники надевали во время свадьбы, сабантуя, когда встречали гостей и т.д. (Валеева К.А.).

Несмотря на это многие башкирки смогли сохранить нагрудные украшения, и их можно встретить во многих деревнях республики. Уникальные экспонаты, собранные в XVIII–XX вв., хранятся в фондах музеев Санкт-Петербурга, Будапешта. В Государственном Эрмитаже есть *сакал* XVIII–XIX в. (состав: ткань, серебро, малахит, аметист, сердолик, коралл, гранат) [<http://www.hermitagemuseum>]. Эти артефакты хранятся также в Национальном музее РБ, в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, в Башкирском государственном художественном музее им. М.В. Нестерова, в краеведческих музеях РБ (г. Белорецк, Сибай и др.).

Современные нагрудники

Несмотря на все описанные выше события и обстоятельства XX в., которые привели к существенному уменьшению использования нагрудников среди башкирских женщин, в конце XX — начале XXI в. нагрудники и как элемент костюма, и как этнический маркер вновь стали востребованными. Это было обусловлено мобилизацией этнической идентичности, возрождением интереса населения к национальной культуре и традициям, а также к ее символам. Рассматривая процесс восстановления традиций бытования и изготовления нагрудников, нужно сказать, что важную роль в этом сыграли СМИ — местное телевидение (познавательная передача «Орнамент», танцевально-развлекательная передача «Байык» и т.д.), республиканские газеты («Башкортостан») и журналы («Ватандаш», «Башкортостан кызы», «Шонкар»), где часто показывается башкирский нагрудник как элемент национального костюма. Повышенному интересу к башкирским нагрудникам способствуют также Интернет и предстоящая VI Всемирная Фольклориада, которая будет проходить в г. Уфе в июле — августе 2020 г. В рамках подготовки к этому событию в РБ с 2018 г. регулярно устраивается парад национальных костюмов: представители разных народов, проживающих в РБ, участвуют в шествии в своей национальной одежде. Кроме этого проводятся культурно-массовые мероприятия, в которых люди демонстрируют старинные и новодельные национальные костюмы. Старинные башкирские нагрудники, сохранившиеся в семьях, надевают в качестве украшений вместе с традиционным костюмом на народные праздники: Сабантуй, Каргатуй (*Жарға буткаһы*).

Примечательно, что народную одежду и старинные нагрудники надевают не только пожилые, но и многие молодые женщины, девушки. Можно сказать, что в последнее время у башкир значительно вырос интерес к своим корням, истокам, этнической культуре, традициям, многие из которых были забыты или утрачены. Молодое поколение (и прежде всего представители интеллигенции) увлекается историко-этнографической реконструкцией старинного костюма: его декора и украшений, технологии их производства. Возрождение традиций прослеживается практически во всех районах РБ, а также за ее пределами — в Оренбургской, Челябинской, Пермской, Свердловской, Курганской областях. Площадкой для обмена информацией стал Интернет: социальные сети «ВКонтакте» [https://vk.com/bashkir_kost_bashkosa], «Инстаграм» [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.instagram.com%2F_bashkosa_%2F&cc_key], «Ютуб», разные тематические форумы.

В реконструкции нагрудников можно выделить два основных варианта. Первый — самоорганизация, т.е. самостоятельный поиск информации в Интернете, в каталогах и книгах и других источниках. Ресурсами и возможностями Интернета пользуется в основном молодежь. Это может быть один человек или группа, состоящая из нескольких единомышленников. Таковыми в социальной сети «ВКонтакте» являются: «Bashkosa мастерская Гатауллиных» (более 7,3 тыс. участников), «Королёк — Кэрлэ турғай — Chalikusur — Чалыкушур» (более 7 тыс.), «Башкорт һакалдары, селтэрзәре. Башкирские нагрудники» (более 1,5 тыс.), «Кашмау» (более 1,7 тыс.), «Хазина-творческое пространство. Башкирский костюм» (1,5 тыс.). Участники групп обсуждают вопросы о материале, формах нагрудников. Многие выкладывают фотографии своих работ,

проводят разного рода конкурсы, например «Лучший нагрудник», и т.д. Иногда они предлагают видеокурсы по обучению изготовления башкирских нагрудников. Некоторые из них предлагают материалы для их производства — сулпы-монеты/жетоны-ракушки каури, бисер. Например, это мастерская Гатауллиных, где организуются различные курсы.

Второй вариант — передача навыков изготовления нагрудников посредством специальных семинаров, круглых столов, организуемых государственными учреждениями (Республиканский Центр народного творчества) с целью помочь фольклорным коллективам на местах сохранить народные традиции в их первоначальном виде. Актуальность таких круглых столов обусловлена тем, что в предыдущие десятилетия фольклорные коллективы в основном выступали со сценическими костюмами, которые нередко заказывали в ателье, где допускались большие искажения традиций. В частности, это видно в изменениях форм нагрудников, замене традиционных материалов новоделами, что привело к деформации привычного образа башкирского женского костюма в целом и нагрудников в том числе.

Изучая современные тенденции, можно выделить пять направлений в изготовлении и применении башкирских нагрудников:

1. Реконструкция костюма и нагрудников как его составной части. Приверженцы этого направления участвуют в военно-исторических и прочих фестивалях, праздниках (сабантуй, Салауат йыйыны, Мэргэн уксы), телевизионных передачах (танцевально-развлекательных «Байык»). Этим занимаются единицы — люди, хорошо владеющие технологией производства костюма.

2. Изготовление нагрудников в виде сувениров для гостей г. Уфы и республики. Они являются памятными подарками. Существуют украшения из красного бисера и современных монет. Нагрудники максимально близки к традиционным.

3. Выполнение башкирских нагрудников в виде стилизованных украшений для деловых костюмов. Их носят как при выходе в свет, так и повседневно.

4. Создание футболок, платьев с принтом в виде башкирских нагрудников для повседневного ношения.

5. Изготовление нагрудников как составной части дизайнерских коллекций (А. Кирдякин, С. Хасанова). Дизайнеры делают в основном стилизованные нагрудники, опираясь на знание традиционных особенностей декора.

Все вышеперечисленные направления распространены в республике, и все подобные нагрудники пользуются большим спросом у башкирского населения.

Рис. 7. Современные стилизованные нагрудники, сшитые из ткани. Республика Башкортостан, Абзелиловский р-н, с. Амангильдино. 2019 г. Фото автора.

Fig. 7. Modern stylized chest decorations sewn from fabric. Republic of Bashkortostan, Abzelilovsky district, Amangildino village. 2019. Photo by the author.

Нагрудник в современной жизни башкирских женщин: к проблеме сохранения традиций

Реконструкторы нагрудников стараются брать натуральные кораллы, раковины каури, бляхи из натуральных камней (в редких случаях), но используют современные монеты, так как приобрести старинные нет возможности. Они максимально сохраняют технику, форму нагрудников, что является достоинством данных работ. Однако изготовлением традиционных нагрудников занимаются единицы и в основном для собственного использования. Это объясняется дороговизной материалов, а также отсутствием доступных учебников или пособий, где поэтапно описан процесс их изготовления. Возраст людей, занимающихся реконструкцией нагрудников, различен (от 23 до 80 лет и более). В очень редких случаях они выставляют изделия для продажи, однако при этом их стоимость на порядок выше, чем у стилизованных работ.

По этой же причине многие мастерицы делают стилизованные нагрудные украшения (Гумерова К.А.). В качестве материала они применяют бисер, искусственный коралл, разные монеты и бляхи (рис. 7). Современные нагрудники различаются формой и размером. Сейчас их изготавливают прямоугольными, трапециевидными, полукруглыми и других форм. Основа состоит из ткани — вельвета, велюра, драпа, сатина, атласа. Мастера часто занимаются поиском нового и поэтому применяют нетрадиционные и нехарактерные для башкир узоры (заимствованные у алтайцев, хакасов, казахов и других народов) и материалы (жемчуг) (рис. 8).

Ношение красивых нагрудников становится распространенным явлением, так как они — этномаркеры для многих башкирок (независимо от возраста и статуса). Многие женщины хотят иметь нагрудник, хотя бы в стилизованном виде.

Рис. 8. Группа башкирских мастериц в украшенных бисером нагрудниках.

Источник: <http://vk.com/chalikusur>.

Fig. 8. A group of Bashkir craftswomen in a stylized chest decorations sewn from beads.

Source: <http://vk.com/chalikusur>.

Сегодня мастера придумывают разные способы стилизации нагрудников. Например, становятся популярными нагрудники, связанные крючком и обшитые современными монетами. Они менее затратны и изготавливаются быстрее (Фархиева М.У.). Вяжут напоминающие по форме «селтер», «сакал».

Есть мастера, которые наносят изображение башкирского нагрудника на футболки и платья, как для взрослых, так и для детей. Большим спросом такие изделия пользуются среди студентов, покупают их и представители старшего поколения (рис. 9). Они отличаются дешевизной и практичностью. На футболках чаще всего встречаются изображения нагрудников «сакал», «селтер», «яга», повторяющие их форму и цветовую гамму. На рисунках хорошо видны изображения кораллов, блях, монет и других украшений.

З.Ф. Хасанова

Кроме нагрудников на традиционный лад изготавливаются браслеты (*беләзек*), перстни, кольца (*йөзөк*), серьги (*һырга*). В г. Учалы делают серебряные украшения, в том числе подвески из серебра и натурального камня (яшма). Большим спросом пользуются серебряные нагрудные украшения из подвесок.

Тенденция возрождения традиций изготовления нагрудников характерна для многих республик РФ — Удмуртии, Татарстана, Чувашии и др.

Рис. 9. Башкирка в платье с принтом нагрудника *hakal*. Республика Башкортостан, г. Уфа. 2019 г.
Фото автора.

Fig. 9. Bashkir in a costume with a «*hakal*» chest decoration. Republic of Bashkortostan, Ufa. 2019.
Photo by the author.

Заключение

Таким образом, несмотря на процессы глобализации, в конце XX — начале XXI в. у башкир наблюдается стойкий интерес к своим этническим традициям. Это проявляется в шитье национальных костюмов, изготовлении украшений, в том числе нагрудников. Наблюдаются различные формы башкирских нагрудников: от реконструированных традиционных до сильно стилизованных, от повседневных до праздничных. Изменились материал, форма, техника изготовления украшений. На первый план вышла этномаркирующая функция нагрудника. Сейчас их носят и с эстетической целью, и для обозначения своей причастности к башкирскому народу, его традициям, культуре.

Нагрудник в современной жизни башкирских женщин: к проблеме сохранения традиций

Список информаторов:

Абсалямова Ф.А. 1928 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Шигаево. 2012 г.
Валеева К.А. 1918 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Азикево. 2010 г.
Гумерова К.А. 1950 г. р., Республика Башкортостан Абзелиловский р-н, с. Амангильдино. 2019 г.
Мухаметова Р.Р. 1936 г. р., Республика Башкортостан, Бурзянский р-н, д. Кулганаево. 2019 г.
Сагадатова Х.Ш. 1927 г. р., Республика Башкортостан, Абзелиловский р-н, с. Казмашево. 2017 г.
Фархиева М.У. 1951 г. р., Республика Башкортостан, Салаватский р-н, д. Ахуново. 2013 г.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию ИЭИ УФИЦ РАН на 2020 г. № АААА-А18-118041290047.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Национальный музей Республики Башкортостан. «Документальный» фонд. НВФ № 5633.
Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Оф №1031-13, 421-5, 258-113.

Интернет-источники

Госкаталог. ФГБУК «Государственный Эрмитаж». URL: <http://www.hermitagemuseum> (дата обращения: 15.12.2019).

Вконтакте. URL: https://vk.com/bashkir_kost_bashkosa (дата обращения: 12.12.2019); <http://vk.com/chalikusur> (дата обращения: 19.01.2020).

Инстаграм. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.instagram.com%2F_bashkosa_%2F&cc_key (дата обращения: 10.01.2020).

Литература

Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 258 с.

Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / Сост. Н.Г. Рутто. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН: Информреклама, 2006. 92 с.

Башкиры / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. М.: Наука, 2015. 662 с.

Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. III. М.: Наука, 1973. 215 с. (ТИЭ).

Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. 248 с.

Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 303 с.

Косарева И.А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX — начале XX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 228 с.

Михайлова Е.А. Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–119.

Мухамедова Р.Г. Татарская народная одежда. Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. 224 с.

Молотва Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. 112 с.

Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.

Суслова С.В. Татарский костюм: Историко-этнологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 239 с.

Чуваши: Этнографическое исследование. Ч. I: Материальная культура / Под ред. Н.И. Воробьева. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1956. 416 с.

Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 240 с.

Z.F. Khasanova

R.G. Kuzeev Institute of Ethnological studies, Ufa Scientific Centre, RAS

K. Marx st., 6, Ufa, 450077, Russian Federation

E-mail: Zifa.83@mail.ru

The chest decoration in modern life of Bashkir women: on the problem of preserving traditions

The purpose of this article is to study the methods for manufacturing, wearing and ways of use of the Bashkir chest decorations in the end of the 20th — beginning of the 21st c. The research area includes the Republic of Bashkortostan and neighboring regions where the Bashkirs live. Information for neighboring regions was collected

using the Internet and social networks: VKontakte, Instagram, YouTube. The chronological framework of the study covers the end of the 20th — beginning of the 21st c., that is the time of a renaissance of traditions and the growth of interest in them. Field materials collected by the author during the expeditions in 2010–2019 to different districts of the Republic of Bashkortostan, archival materials, museum collections of Ufa and Internet resources where old and modern photos with Bashkir chest decorations are posted became the source base of the study. The article uses general scientific methods: comparative–historical, and the method of scientific description and analysis. During the collection of field materials, we relied on ethnographic methods, such as in-depth interviews, observation, and photo fixation. To study the current state of tradition, monitoring of social networks was used. Different types of female bibs used to be popular among Bashkirs — selter, sakal, hakal, yaga, muynsa, almaizy and others. They were very highly valued and used as essential part of the bride dowry. Chest decorations made of silver coins and real corals were very expensive. Until the end of the 19th — beginning of the 20th c., chest decoration retained its ethnic, social, and sacred functions. In the beginning of the 20th c., the traditional culture was undergoing a difficult period. During the hunger years of the 1920s, the period of the creation of collective farms, many Bashkirs were forced to surrender their jewelry for nothing. In the postwar years, very few people still had their authentic national decorations. In the end of the 20th — beginning of 21st c., on the wave of mobilization of ethnic identity and revival of interest in traditions, the bib as an ethnic marker became popular again. It has been revealed that there are five basic trends of manufacturing of the Bashkir bibs: from historical reconstructions to highly stylized pieces, from everyday to festive. Nowadays they are worn both for beauty and designating the ethnic identity, traditions, culture, demonstration of national Bashkir ownership. The initial spiritual and guarding function of chest decorations has now been lost.

Key words: Bashkirs, arts and crafts, chest decoration, amulet, protection from evil spirits, Bashkir women's costume.

Funding. This work was carried out according to the state assignment of R.G. Kuzeev Institute of Ethnological studies, Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences for 2020 No. AAAA-A18-118041290047.

REFERENCES

- Avizhanskaya S.A., Bikbulatov N.V. Kuzeev R.G. (1964). *Bashkirs Applied arts*. Ufa. (Rus.).
- Belitser V.N. (1973). *Mordovian folk clothes. Proceedings of the Mordovian ethnographic expedition*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bikbulatov N.V., Iusupov R.M., Shitova S.N., Fatykhova F.F. (2002). *Bashkirs: Ethnic history and traditional culture*. Ufa. (Rus.).
- Kosareva I.A. (2000). Traditional women's clothing of the peripheral groups of Udmurts (Kosinskaya, Sloboda, Kukmorskaya, Shoshminskaya, Zakamskaya) in the late XIX — early XX centuries. Izhevsk: UllalUrO RAN. (Rus.).
- Kuzeev R.G., Danilko E.S. (Eds.) (2015). *Bashkirs*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mikhailova E.A. (2005). Removable jewelry of the peoples of Siberia. In: *Ukrasheniia narodov Sibiri* (pp. 12–119). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Molotva T.L. (1992). *Mari folk costume*. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Mukhamedova R.G. (1997). *Tatar folk clothes*. Kazan': Tatarskoe kn. izd-vo. (Rus.).
- Rudenko S.I. (2006). *The Bashkirs: Historical and ethnographic essays*. Ufa: Kitap. (Rus.).
- Rutto N.G. (Ed.) (2006). *Bashkir lapel ornaments made of coral and coins*. Ufa: TsEI UNTs RAN: Informrek-lama. (Rus.).
- Shitova S.N. (1995). *Bashkir folk clothes*. Ufa: Kitap. (Rus.).
- Suslova S.V. (2018). *Tatar costume: Historical and ethnological research*. Kazan': Tatar. kn. izd-vo. (Rus.).
- Vasilevich G.M. (1969). *Evenki: historical and ethnographic essays (XVIII — beginning of XX century)*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Vorob'ev N.I. (Ed.) (1956). *Chuvashs: Ethnographic research. Part I: Material culture*. Cheboksary: Chuvashskoe gos. izd-vo. (Rus.).

3.Ф. Хасанова, <https://orcid.org/0000-0002-3479-5804>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

А.А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет
просп. Ленина, 76, Челябинск, 454000
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

«КИТАЙСКИЙ» РЫНОК В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ГОРОДА (СЛУЧАЙ ЧЕЛЯБИНСКА)

Статья посвящена вопросу формирования и развития представлений о «китайском» рынке у жителей Челябинска. Понятие «Китайка» вообрало множество смыслов. Локации, связанные с китайскими мигрантами, аккумулировались в образах «китайского» квартала, угроз и маркеров, определявших социальный статус горожан. «Китайский» рынок образовал разветвленные сети отношений между торговцами и потребителями, принимающим обществом и мигрантами, стал площадкой для познания собирательного образа «Востока».

Ключевые слова: «китайский» рынок, городское пространство, этничность, мигранты, Челябинск.

Введение

В 1990-х гг. во многих российских городах появились этнические рынки, часто маркируемые как «китайские». Таковыми их делало восприятие принимающего общества. В представлении горожан, на них китайские торговцы промышляли товарами «made in China» по китайским ценам и в китайском стиле (возможность торга, скидки и др.). *Китайскость* являлась брендом, определяя параметры экономического и даже социального характера. Так родились мотивы осознанного формирования «китайского» облика рынка через набор визуальных маркеров (название, оформление и др.) [Этнические рынки..., 2015, с. 32].

Сегодня опубликовано немало исследований, посвященных созданию и функционированию «китайских» рынков, но в основном они выполнены на материалах Иркутска (см.: [Ryzhova, Ioffe, 2009; Григоричев, Дятлов, 2017; Тимошкин, 2017]). В большинстве работ рынки рассматриваются с позиции их внутренней организации, отношений с городскими сообществами, властью, влияния на городской ландшафт и др. В центре внимания авторов оказываются трансформации социальных и экономических отношений в период постсоветских преобразований. При всей сложности взгляда на «этнический» рынок изнутри, практически все такие исследования сосредоточены на внутреннем мире рынка и механизмах его функционирования. Мы хотели бы взглянуть на «китайский» рынок «извне». Цель статьи — проследить формирование и развитие представлений о «китайском» рынке у жителей крупного российского города на примере Челябинска.

Челябинский кейс избран для исследования потому, что Челябинск — крупный город с населением 1 млн чел., центр одного из наиболее многонаселенных регионов Урала с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Кроме того, Челябинск является важным транспортно-логистическим центром, через который проходят крупные потоки китайских товаров. Специфичность объекта — в его удаленности от российско-китайского фронта и отсутствии у населения опыта коммуникаций с китайцами. Образ китайца, китайского торговца и рынка формировался в сжатые сроки. Первый стихийный рынок с китайскими рядами возник в конце 1992 г. вблизи центра города («Заречный рынок», «Восточный город») (рис. 1). Эти торговые площадки сохранились и сегодня, но китайских торговцев городские власти в 2000 г. переместили ближе к окраине [Челябинский рабочий, 2000, 6 июля; 27 июля]. На стыке Курчатовского и Metallургического районов города уже много лет действует «Китайский рынок» (рис. 2). Помимо названия, он оформлен в соответствующем стиле (дизайн, фасад и т.д.). В этих хронологических (1992–2019 г.) и территориальных рамках выполнен наш обзор.

Основная проблема в изучении «этнических» рынков — нехватка источников, описаний и анализа ситуации в различных городах и регионах, отсутствие четких представлений о динамике становления, развития и угасания отдельных рынков и их влияния на городскую среду. Эти рынки «ушли», не оставив статистических сведений. Мы эту «ушедшую натуру» не описываем, а реконструируем [Дятлов, 2008а, с. 24]. Большая часть сведений не отражена в делопроизвод-

ственной и статистической документации, а сосредоточена в подшивках прессы и памяти горожан, т.е. исследователь имеет дело с медийными мифами, предрассудками и фрагментарными воспоминаниями.

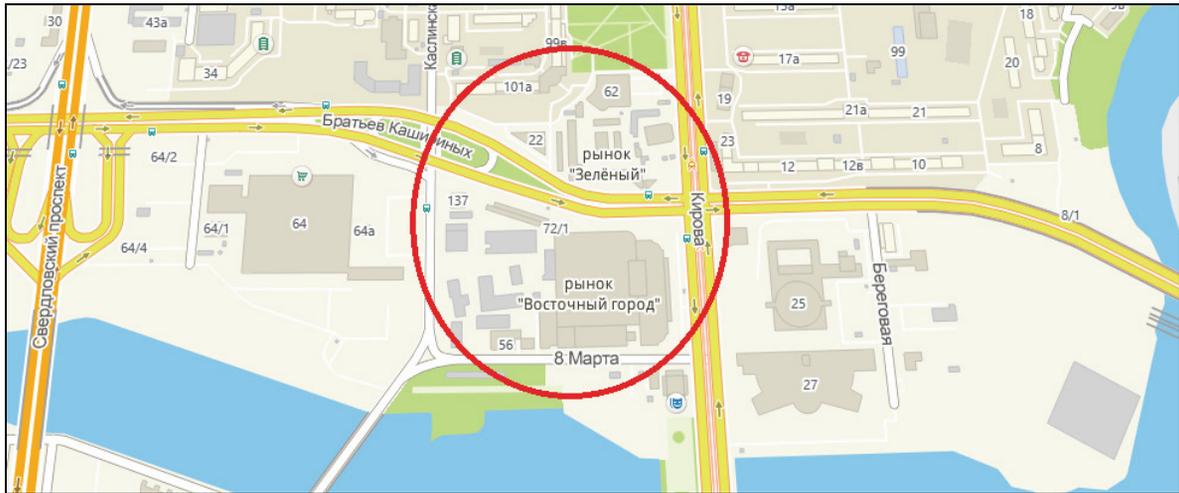

Рис. 1. Место расположения китайских торговых рядов в 1992–2000 гг.
Fig. 1. The location of the Chinese shopping arcade in 1992–2000.

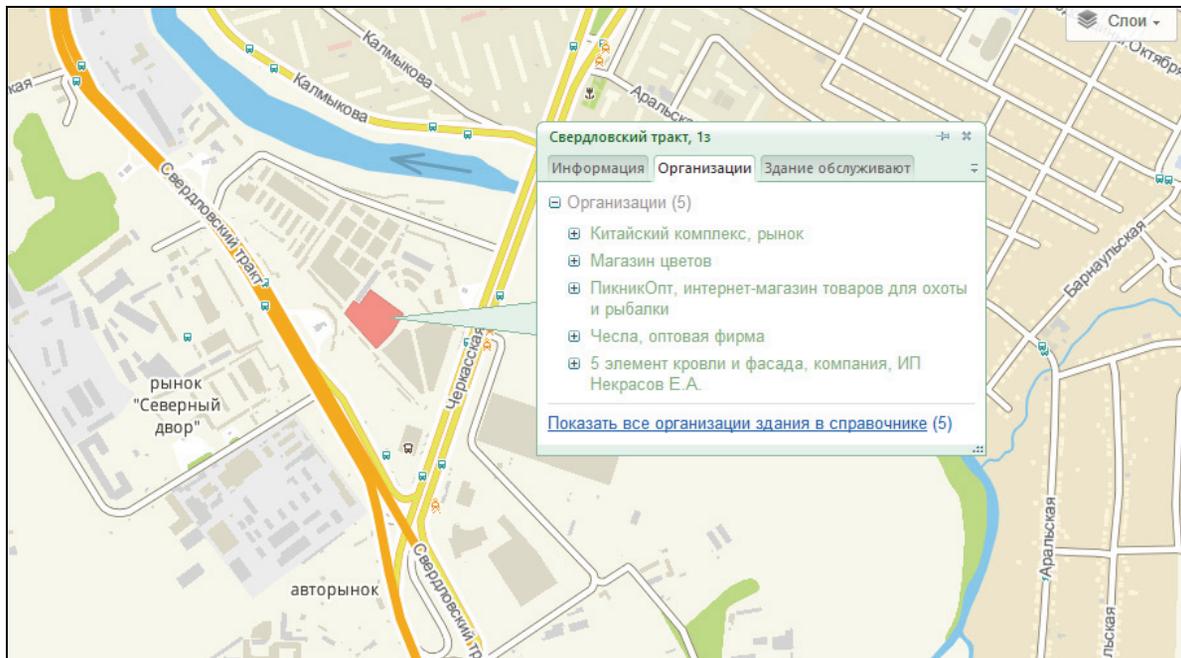

Рис. 2. Современный «Китайский рынок».
Fig. 2. Modern «Chinese market».

Эмпирическую базу составили личные наблюдения автора, сделанные за много лет проживания вблизи «китайского» квартала (окрестности «Заречного рынка») и интервью. Включенное наблюдение в качестве посетителя и покупателя позволило выявить некоторые скрытые стороны повседневной жизни мигрантских сообществ. Это коммуникации между торговцами, потребителями, наличие или отсутствие «закрытых» локаций и др. В 2019 г. в Челябинске собраны фокусированные интервью с завсегдатаями «Китайского» рынка, квартирными хозяевами, сдававшими китайцам жилье, и работниками рынка (25 интервью, возраст респондентов от 18 до 89 лет). Челябинские и общероссийские газеты позволили проследить динамику общественного мнения о «китайских» рынках. При анализе прессы мы ориентировались на изучение объемов,

«Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска)

насыщенности и тематического разнообразия текстов о китайском рынке. Интерес представляло то, как писали газеты, какие образы они создавали. Отсюда и разные методы работы с исходным материалом: от описания количества, тематики и частотности до контент- и дискурс-анализа. Дополнить полученную картину миграции и товарообменов между Челябинской областью и КНР помогли документы областной миграционной службы (Ф. Р-705), комитета по внешнеэкономическим связям (Ф. Р-1404) и управления экономического развития и торговли (Ф. Р-804).

Отторгнутая городская локация или образы «нашествия»

«Китайка» в 1990-е гг. в восприятии горожан выглядела основным местом сосредоточения китайских мигрантов. Обывателям казалось, что город заполнили — или, по выражению некоторых журналистов и респондентов, оккупировали — китайские торговцы [Челябинский рабочий, 1995, 15 июля]. Местная печать подхватила образы «наплыва» и «нашествия», описывая нелегальные каналы проникновения и закрепления мигрантов из Юго-Восточной Азии [Там же, 1993, 25 июня; 1994, 18 авг.; 1996, 18 янв.]. Местом их концентрации стал «Заречный рынок». К лету 1993 г. большая часть горожан посещала этот стихийный рынок, где по доступным ценам приобреталась практически любая одежда и аксессуары [Вечерний Челябинск, 1993, 21 июня]. По разным оценкам, предпринимательской деятельностью на нем занимались от 200 до 1000 китайцев [Челябинский рабочий, 1996, 1 февр.; 30 окт.]. В представлении журналистов местных изданий и горожан, на улицах близ торговых рядов формировался «китайский квартал» (улицы Кирова, Каслинская и Калинина) [Там же, 1994, 9 авг.; 1996, 1 февр.; 30 окт.]. Торговые ряды располагались по этническому признаку: кавказские, китайские и т.д. При этом китайцы составляли не более половины торговцев [Там же, 1993, 2 июня; 1994, 18 авг.; 1996, 18 янв.].

Рынок назывался китайский, хотя китайцев было не так много. Русские, таджики, цыгане — всем нашлось место [ПМА. Челябинск, 2019 г.].

Развитие «китайских» рынков привело к тому, что китайцам отводилась роль «опасного другого» в ксенофобском дискурсе. Его краеугольным камнем являлось представление о многочисленности китайцев [Гельбрас, 2001; Nyíri, 2011]. Российские журналисты изображали растущие «китайские кварталы». Сообщения в СМИ искажали реальные масштабы миграции, оказывали влияние на общественное мнение, а оно, в свою очередь, учитывалось государством в определении и реализации политических стратегий [Shlapentokh, 2007, p. 13, 18; Balzer, Repnikova, 2010, p. 4]. Неопределенность границ китайских рынков и распространенность неформальных практик, не поддающихся контролю, формировали в восприятии наблюдателей атмосферу «муравейника» [Григоричев, Дятлов, 2017, с. 122]. То же мы видим на примере «Китайки» в Челябинске.

Общественное мнение волновала нелегальная миграция. Найдены сведения как минимум о 13 гостиницах и общежитиях, в которых преимущественно нелегально жили китайцы [Челябинский рабочий, 1994, 18 авг.]. В громкой публикации под названием «Селябинска осень хара-со?» (1994 г.) численность искажается многократно, что характерно для центральной и местной прессы того времени.

Как человек, проживающий в городе, могу предположить, что в Челябинске их (китайцев) насчитывается несколько десятков тысяч, может, тысяч пятьдесят... [Там же. 1994. 9 авг.].

По данным регионального управления ФСБ, Челябинск становился своего рода «перевалочным пунктом» для китайцев, следовавших в Москву из Читы и Иркутска. Они предъявляли документы, оформленные частными туристическими фирмами в Чите [Там же, 2000, 15 апр.]. По опубликованным в печати максимальным оценкам правоохранительных и налоговых органов, численность китайцев, проживавших с нарушениями паспортно-визового режима (1996 г.), доходила до 7 тыс. чел. [Там же, 1996, 30 окт.]. Реальные масштабы миграции сегодня оценить трудно. По данным миграционной службы, в 1994–2000 гг. ежегодно на территории региона только официально работало примерно 1000–1500 граждан КНР (строительство, сельское хозяйство и торговля) (подсчитано автором по: [ОГАЧО. Ф. Р-705, оп. 1, д. 12, 23, 33, 47, 59, 75, 80]). Многие из привлеченных в сельскохозяйственный сектор нередко оказывались за прилавками на рынках [Челябинский рабочий, 1994, 18 авг.]. Большой интерес к Южному Уралу проявлял и китайский бизнес. Делопроизводственная документация говорит о деятельности как минимум 7 крупных российско-китайских фирм [ОГАЧО. Ф. Р-804, оп. 17, д. 2, 6, 8, 15, 22, 41].

Появление и бурный рост «Китайки» привели к формированию практически не управляемого и закрытого пространства. Замкнутость укрепляла представления о том, что оно словно параллельное измерение скрывает многочисленных китайских мигрантов. Рынок втягивал в свою орбиту прилегающие дома, превращая их в склады товаров, ночлежки, игорные дома и подпольные банки.

Предоставлялся весь спектр услуг для мигрантов, начиная от подделки документов и заканчивая услугами перевозчиков [Челябинский рабочий, 1996, 28 мая]. Утром и вечером окрестности рынка напоминали «муравейник». Одни увозили торговцев, другие помогали им в погрузке и доставке, договаривались о покупке крупной партии товаров на дому. Иногда ранним утром торговля велась прямо во дворах. Как поясняли автору торговцы — «пока плохой люди не пришли».

У нас в подъезде снимают (декабрь 2019 г.) три квартиры китайцы. В одной у них «ночной клуб» или кафе, в другой — живут, в третьей — склад какой-то оборудовали. В соседних домах и по ул. Калмыкова то же самое. Есть несколько квартир, которые купили китайцы и сдают своим [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

На рынке образовалась сложная сеть торговых площадей и инфраструктуры обслуживания — все это представляло единый и закрытый организм. Факт его существования порождал массу городских мифов, слухов и вызывал противоречивые оценки. Они, по воспоминаниям автора, колебались от дискомфорта до прагматичных суждений о пользе рынка и присутствия китайцев для населения и города, реализации по доступным ценам товаров для широких слоев населения.

Не доверяю китайцам. Создается впечатление, что их много везде, но они нас одели и обули в тяжелые годы [Там же].

Стереотип пространства, закрытого символическими границами и специфическим набором коммуникационных стратегий и практик, создавал в глазах жителей образ «оккупированной» городской локальности. Применение конструкта «китайского квартала» в риторике центральной и местной печати, а также интерпретациях горожан указывает на два момента. Первое — процесс «окитаивания» города, а второе — обозначение реального или символического присутствия китайских мигрантов. Можно встретить заголовки «Скоро ли Челябинск станет Чайнатауном?» [Вечерний Челябинск, 2000, 22 сент.].

Рядом с «Китайкой» они много жилья снимают (декабрь 2019 г.). Мне кажется, их становится все больше, как будто свой квартал готовят создать [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

Концентрация иноэтничных мигрантов и их деловой активности на рынках сделала их в глазах окружающих «этническими». Сам факт появления китайского рынка расценивался как плацдарм для возможной «экспансии». «Китайка» превращалась в сложный социальный организм, где переплетались связи городского пространства с китайскими мигрантами. Тем самым китайский рынок — это инструмент социальной организации сообществ мигрантов из Китая. Поэтому именно вокруг рынков нагнетались тревожные ожидания по поводу возникновения «китайских кварталов» [Дятлов, 2008b].

Сегодня китайским остается лишь сам «бренд» и внешний фасад рынка. Даже в приложении «Дубль-ГИС. Челябинск» сохраняется объект под названием «Китайский рынок». При этом социальная и хозяйственная организация «Китайки» сегодня определяется далеко не торговцами из Китая. «Китайский» рынок в интерпретации горожан тождественен синтетическому образу Востока (т.е. Китай, Средняя Азия и т.д.) и скорее фиксирует городские локации, ставшие площадкой для этого сложного синтеза. Горожане посещают рынок ради экзотической кухни. Например, в кафе «Восток» можно не только недорого и вкусно поесть, но и утолить интерес к восточному колориту: китайская кухня, оформление заведения, меню на китайском языке т.д.

Если в 1990-е гг. присутствие иноэтничных мигрантов вызывало у челябинцев неприятие и отрицание, то сегодня мигранты являются неотъемлемой частью городского ландшафта. «Восток» прочно вошел в жизнь горожан (этнический общепит, восточные товары, торговцы, места их концентрации и др.). Китайцы, не столь привычные для южноуральских реалий, либо исчезли, либо слились с остальными выходцами из Азии и Закавказья. Аутгрупповая враждебность сменилась попытками категоризации и объяснения новых групп населения и отношений с ними с помощью более привычных образов.

Арбузы покупаем — у узбеков, мясо и фрукты — у армян, вещи — у киргизов и китайцев. Назад не повернешь это все. Надо только политику в отношении мигрантов выработать верную, а не пускать всех подряд [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

Рэкет, неуплата налогов и «токсичные» сланцы

Большинство медиасюжетов о китайских рынках содержали образ угрозы — экологической, экономической, криминальной и др. По мнению российских журналистов и чиновников, появление китайских торговцев осложняло криминогенную обстановку. Глава ФМС Черненко А.Г. отмечал, что «на плечах мигрантов в страну въехали организованные преступные формирования» [Новые Известия, 2003, 14 ноября]. Челябинская «Китайка» в текстах интервью и прессе символически

«Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска)

предстает пространством, которое, концентрируя угрозы, «атаковало» город, распространяло пороки, «расширялось», «отступало» под давлением силовиков, «переезжало» и т.д.

Бесконтрольный въезд китайцев вносит свою лепту в дестабилизацию обстановки в городе (криминал, «утечка» наличных средств, наркоторговля и антисанитария в местах проживания китайцев) [Вечерний Челябинск, 1994, 18 авг.; 6 сент.].

В 1993 г. китайцев за отказ платить дань изгнали с рынка при «молчаливом согласии» местной милиции. «Китайка» быстро привлекла внимание местных, а затем и «китайских» рэкетиров [Вечерний Челябинск, 1993, 21 июня; 1994, 6 сент.; Челябинский рабочий, 1996, 10 февр.]. Во дворах постоянно происходили грабежи китайцев, возвращавшихся с рынка. Встречались случаи, когда местные жители договаривались с перевозчиками, чтобы те не выходили на работу, и китайцы шли пешком вместе с товаром, подвергаясь по пути нападениям. Нередкими были и драки с поножовщиной между группами китайцев, которые быстро выясняли отношения, чтобы не успела приехать милиция или «крыша». Вслед за челноками из Китая приезжали и преступные элементы, которые, пользуясь беззащитностью торговцев, на начальном этапе их просто грабили, но со временем их деятельность приобрела более организованные формы — строгий контроль и регулирование.

Официальные данные на этот счет закрыты. По данным областной миграционной службы, общества нелегальных мигрантов из КНР влияли на криминогенную обстановку [Попов и др., 2002, с. 12]. Только в первой половине 1994 г. в производстве УВД Калининского района находилось около 100 заявлений от потерпевших китайцев [Челябинский рабочий, 1994, 8 авг.]. Немногочисленные преступления, попадавшие в поле зрения правоохранителей, не отражали реального положения [Там же, 1995, 4 дек.; 15 июля]. По неполным данным, в 1996–1998 гг. в отношении граждан КНР завели 30 уголовных дел за убийства, грабежи и рэкет. Зафиксировано минимум 5 убийств. Одну семью челноков расчленили и подбросили утром ко входу на рынок в знак устрашения [Там же, 1998, 13 марта]. Этот случай заставил власти обратить внимание на проблемы нелегальной миграции из стран Юго-Восточной Азии [Постановление губернатора...].

Челночная торговля сформировала товарные трансграничные потоки, оставшиеся вне поля зрения статистики. Рынки стимулировали приток инвестиций, способствовали развитию предпринимательства и удовлетворению потребительского спроса, но при этом неформальные экономические практики были тесно связаны с организованной преступностью, коррупцией и отмыванием денег [Zabyelina, 2012, p. 107]. Схожие процессы мы наблюдали в отношении «Китайки», где происходило перераспределение сфер влияния, борьба за регулирование финансовых потоков.

В 1999 г. сотрудники УВД установили, что некоторые фирмы, трудоустраивавшие китайцев на «Заречном рынке», брали с них дань по 300–500 дол. за торговое место и утаивали теневые доходы. Очевидно, что эта практика насчитывала не один год [Челябинский рабочий, 1999, 29 июня]. Для наведения порядка на рынках (прежде всего «китайских») в 1995 г. в структуре УВД возник ОБГРП, наделенный широкими полномочиями, в том числе правом реализации конфискованной продукции. Консульский отдел КНР обратился в МИД РФ с протестом по поводу нарушений прав граждан Китая в Челябинске (незаконные задержания и депортации). Жаловались на злоупотребления милиционеров и китайские торговцы [Коммерсант, 2000, 7 марта; Сотрудники Челябинской милиции обвинили в вымогательстве]. В 1997 г. начались задержания китайских рэкетиров [Челябинский рабочий, 1997, 30 окт.; 2002, 21 ноября]. В 2003 г. за похищения и вымогательства на скамье подсудимых оказались бывшие сотрудники ОБГРП и двое граждан Китая [Там же, 2002, 28 марта; 2003, 21 мая; У милицейского начальства тлеют погонь].

Китайские коммерсанты, обосновавшиеся на «Заречном рынке», ежемесячно отчисляли в бюджет Калининского района 500 млн руб. налогов (данные за 1995 г.). Однако реальные доходы были существенно выше, за сезон «челнок» зарабатывал примерно 10 тыс. дол. [Челябинский рабочий, 1995, 10 дек.; 1998, 3 марта]. Налоговые и правоохранительные службы указывали на огромные потери от массовой неуплаты налогов.

Криминальный побор в месяц составляет только на «Заречном рынке» не одну сотню миллионов рублей. Огромную сумму теряет городской бюджет [Там же, 1996, 30 окт.].

Официальная статистика по импорту товаров из КНР фрагментарна, но все же позволяет проследить товаропотоки между Челябинской областью и Китаем. В 1997 г. из КНР импортировалось товаров на общую сумму 4,5 млн дол., из них ТНП — более 1 млн. Наибольшие значения зафиксированы в 2003 г. когда этот показатель составил около 50 % (4 млн дол.) от общего объема импорта [ОГАЧО. Ф. Р-1404, оп. 1, д. 38, л. 50; д. 128, л. 11].

Нам представляется, что теневые обороты в разы больше. Свою роль играла близость российско-казахстанского фронта. После распада СССР этот участок границы проходил стадию становления и не выполнял барьерных функций в полном объеме. По официальным данным пограничной службы, опубликованным в прессе, можно получить представление о контрабандных поставках. В 1998 г. в Карталинском районе пограничники задержали группу граждан Киргизии, которые пытались нелегально провести одежду и другие товары на 76 тыс. руб. В 2001 г. на этом же участке задержали два грузовых автомобиля с китайскими товарами стоимостью 2 млн руб. [Карталинская новь, 1998, 14 ноября; 2001, 12 мая].

Серьезной проблемой являлось и низкое качество продукции. В 2006 в г. Челябинске за незаконную предпринимательскую деятельность и продажу «токсичных» товаров осудили китайского бизнесмена. Следствие установило, что в марте — июне 2005 г. Шао Чжичан реализовывал на «Китайке» обувь и электротовары, не отвечающие требованиям безопасности. Всего он распродал 23 контейнера товаров, полученных через Хабаровск. Доходы в 5 млн руб. были переведены на счет в одном из банков в Китае. Коммерсант скрылся, и его задержали только в Благовещенске при попытке пересечь государственную границу [В Челябинске завершился первый в России процесс...].

«Китайка», возникшая в условиях резких изменений всего уклада жизни, как и остальные этнические рынки, вмещала в себя сложный комплекс страхов, вызванных стрессовым опытом рыночных отношений в сочетании с ростом социальной и пространственной мобильности больших групп людей. В этом смысле она служит одним из олицетворений эпохи «лихих девяностых» в Челябинске.

Рынок как перекресток социальных пространств и статусов

Постсоветский рынок представлял перекресток границ сообществ, культур и различных социальных пространств. Здесь сходились не просто территориально, культурно и исторически различные сообщества, но и традиция и модерн, реальные и конструируемые «Восток» и «Запад», «Азия», «Китай» и «Россия». Близкое соседство местных жителей с китайцами вызывало интерес к их образу жизни. Среди положительных черт фигурируют: коллективная взаимопомощь, работоспособность, отсутствие проблем с алкоголем, дружелюбие и скромность [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

Китайцы все были трудягами, никогда их никто не видел пьяными. Ранним утром с тюками уезжали на рынок, возвращались поздно [Там же].

Китайские коробейники в глазах южноуральцев обладали целым рядом преимуществ, заслоняя конкурентов из числа местных торговцев и мигрантов из стран СНГ. Каждый потребитель «китайки» понимал, что товар лучше покупать у китайца. Китайцы всегда оставляли возможность торга. После вытеснения с рынков иностранных граждан в 2007 г. цены на вещевых рынках в Челябинске поднялись сразу на 16 %, поскольку ранее тон задавали китайцы и вьетнамцы [Новые Известия, 2006, 21 ноября; Газета, 2007, 11 апр.]. Они отличались доброжелательностью и «боролись за каждого» покупателя.

Китайцы сами наденут-снимут, завяжут и развяжут, вниманием тебя окружают, скидку хорошо сделают — только купи. Кавказцы и «наши» могли нахамить [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

Что касается отрицательных качеств, у посетителей «Китайки» сложился устойчивый стереотип о торговцах как о «восточных мигрантах». В описаниях задействовался весь набор, характерный для мигрантофобского дискурса: низкий уровень образования и культуры, хитрость, отсутствие норм гигиены, громкая речь, навязчивость и т.д. [Челябинский рабочий, 1994, 9 авг.; ПМА, Челябинск, 2019 г.]. Негативное маркирование нарушалось, если респондент имел опыт торговли на рынке или состоял в личном знакомстве с торговцами.

Жители домов, где снимали(ют) жилье китайцы, отмечали дискомфорт от такого соседства.

Я против китайцев! От них только мусор и грязь! ... [Челябинский рабочий, 1994, 9 авг.]

Поражали и модели поведения. Жители часто видели, как китайцы весной-летом собирали одуванчики, ловили голубей и новорожденных щенков. По признаниям самих китайцев, это делалось для приготовления национальных блюд, об этом же говорили трудовые мигранты из Средней Азии, работавшие рядом с китайцами [Челябинский рабочий, 1996, 1 февр.; ПМА, Челябинск, 2019 г.].

«Этнические» рынки ассоциировались с некачественным, «одноразовым» ширпотребом, скученностью и антисанитарией [Александрова, 2010, с. 67]. Массовая и неорганизованная торговля продуцировала атмосферу «муравейника» и «столпотворения» [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

«Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска)

Аккумуляция больших потоков товаров, денежных средств и теснота привлекали карманников и мошенников [Вечерний Челябинск, 1993, 21 июня; 1994, 5 сентября]. Даже сегодня «Китайский» рынок пользуется недоброй славой.

Там могут легко обокрасть, поэтому стараемся не заглядывать без крайней необходимости [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

Память о «Китайке» связана со специфической атмосферой, если угодно, ароматом рынка: от приятных тонов восточных специй и до «амбре» китайских товаров — ядовитого технического запаха.

Кроссовки я ходил покупать «чиновские». Все время стоял тяжелый запах клея. Проветривал на балконе пару дней, чтобы он выветрился [Там же].

Через «китайские» рынки в российские города вошел Китай. Вошел в их повседневность, экономическую жизнь, быт и массовое сознание жителей. Сквозь призму отношения к «китайскому» рынку происходила социальная категоризация населения. Вопросы «покупать или не покупать товары на китайском рынке» превратились в символ социального статуса и престижа [Журавская, 2014].

Одеваться с «китайки» было стыдно и позорно (речь о второй половине нулевых). Фраза «одет с китайки» означала низкий социальный статус и отсутствие вкуса [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

«Челночная» торговля и ее обслуживание сыграли решающую роль в организации снабжения населения в критический момент краха плановой экономики, стремительной девальвации прежних жизненных стратегий и статусов миллионов людей. Столкнувшись с ситуацией социального хаоса жители постсоветских городов узнавали, что на рынке можно найти «легкие деньги» и уходили туда подрабатывать [Григоричев и др., 2019, с. 185]. Для Челябинска с его развитой промышленностью, которая в 1990-е гг. фактически замерла, рынки стали способом выживания и первым опытом предпринимательской деятельности. На «Китайке» регулярно «закупались» не только торговцы из области, но из Оренбурга и Кургана [ПМА, Челябинск, 2019 г.]. Работать с китайскими оптовиками оказалось выгодно. Вот две типичные истории. Надежда и ее муж много лет работали на Челябинском тракторном заводе, но экономические потрясения привели их на «Заречный рынок». Алена — бывший инженер на этом же предприятии — покупала у китайских «челноков» оптом вещи, а потом с наценкой продавала их в другом месте.

Я готовила дома еду и продавала на рынке, муж возил китайцев и их товар. В основном работали с китайцами. Так мы и выжили [Там же]. *Хорошему инженеру пришлось переучиваться на уличную торговку. Рано утром покупаю вещи на базаре, а потом продаю по более высокой цене (в 2 раза больше). Заработок получается до 20 тыс. руб. в день* [Челябинский рабочий, 1994, 8 авг.].

В последнее десятилетие проблемные сюжеты, связанные с восприятием китайской миграции, концентрируются не в городском, а в сельском ландшафте (долговременная аренда сельхозугодий, «китайские» теплицы, применение ядохимикатов и др.) [Григоричев, 2016]. Китайские рынки постепенно перестали тревожить население и ушли из сферы интересов центральных и местных медиа. Один из немногочисленных материалов о «Китайке» связан с массовыми проверками на рынках после волнений в Пугачеве в 2013 г [Бросали товар и разбежались...].

Сегодня образ китайского торговца практически померк. Китайские товары приобретаются в крупных торговых комплексах, а не на рынках, где представительство китайцев, кстати, уже не столь заметно. В городском пространстве на смену образу «челнока» пришли китайские студенты и бизнесмены, вызывающие меньше раздражения местного населения. При этом романтизации феномена рынка мы пока не выявили. «Китайский» рынок воспринимается скорее в негативном свете, как маркер (или рудимент) социально-экономического катаклизма и последствие трансграничных миграций, к которым общество оказалось не готово. В этом смысле «Китайка» предстает скорее символом противоречивой и тяжелой эпохи постсоциалистического транзита, нежели предметом «ностальгии».

Заключение

Наше исследование показало, что между «окинтаиванием» рынков, а главное, реакцией на этот процесс принимающего сообщества в Челябинске и городах Сибири есть немало общего (см.: [Трансграничные миграции..., 2009; Григоричев, Пинигина, 2014; Григоричев, Дятлов, 2017]). В медиадискурсе и в массовом сознании челябинцев представления и сегменты город-

ской жизни, связанные с китайскими мигрантами, аккумулировались в понятии «китайского» квартала. На страницах прессы оживленно обсуждалось формирование и развитие *чайнатауна*, многочисленность китайских мигрантов. Вокруг рынка образовался комплекс представлений об угрозах, которые влекло создание первичного «китайского анклава». Это — криминал, массовое уклонение от уплаты налогов, контрабанда, оказание некачественных услуг и продажа некачественных товаров. Китайский рынок интенсивно формировал вокруг себя сложные сети отношений между торговцами и потребителями, принимающим обществом и мигрантами. Даже само название «Китайка» вобрало в себя большое количество смыслов, понятных без дополнительных комментариев: от организации городского пространства до набора маркеров, определявших социальный статус.

Прогуливаясь сегодня по территории «Заречного рынка» или «Восточного города», мы уже не видим китайских «челноков», поблизости не намечаются «китайские» кварталы. Даже на «Китайском» рынке китайцы не являются определяющей силой. «Китайка» обладала большим символическим значением, олицетворяя в глазах горожан широкий спектр новых форм жизни, экономических и культурных практик, социальных контактов и отношений. Это превратило рынок в важный объект внимания в городском сообществе, предмет страхов жителей и управленческих решений местных властей. Сыграв роль своеобразных ворот, через которые Китай и его товары вошли в российские города, «Китайский» рынок трансформировался в своего рода двухсторонний портал, через который горожане узнают не только Китай, но и Восток в целом. В этом смысле «Китай» и «Восток» представляют в восприятии челябинцев сложный синтетический конструкт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Бросали товар и разбегались как тараканы [Электронный ресурс] // Ura.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://ura.news/articles/1036260121> (дата обращения: 22.02.2020).

Вечерний Челябинск. 1993, 1994, 2000.

В Челябинске завершился первый в России процесс над китайским торговцем [Электронный ресурс] // Ura.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://ura.news/news/7039> (дата обращения: 22.02.2020).

Газета. 2007. 11 апр.

Карталинская новь. 1998, 2001.

Коммерсант. 2000. 7 марта.

Новые Известия. 2006. 21 ноября.

ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Миграционная служба при администрации Челябинской области.

ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 17. Управление экономического развития и торговли при администрации Челябинской области

ОГАЧО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Комитет по внешнеэкономическим связям и внешнеэкономической деятельности администрации Челябинской области

ПМА. Челябинск, 2019 г.

Постановление Губернатора Челябинской области от 12.04.99 № 146 «О плане мероприятий по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции из стран Юго-Восточной Азии на территорию Челябинской области» [Электронный ресурс] // Законы и бизнес в России. URL: <http://zakon-region.ru/1/137606/> (дата обращения: 22.02.2020).

Сотрудников Челябинской милиции обвинили в вымогательстве [Электронный ресурс] // Деловая пресса. URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mld_34_ald_259695.html (дата обращения: 22.02.2020).

У милицейского начальства тлеют погоны [Электронный ресурс] // ИАМИКЪ. Информационное агентство маркетинга и консалтинга. URL: <https://iamik.ru/news/zhizn-regionov/35459/> (дата обращения: 22.02.2020).

Челябинский рабочий. 1994–2000.

Литература

Александрова М. Закрытие «Большого рынка», или уход от «серых таможенных схем» // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 65–75.

Гельбрас В.Г. Сколько китайцев в России? // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 71–87.

Григоричев К.В. «Они есть, но их нет»: «Китайские» теплицы в пространстве пригорода // ЭО. 2016. № 4. С. 137–153.

Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские» рынки России: Роль в постсоциалистической трансформации. (Случай Иркутска) // Вестник ТГУ. 2017. № 419. С. 121–132. DOI: 10.17223/15617793/419/16.

Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: Люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.

Григоричев К.В., Пинзгина Ю.Н. Два мира на Мира, 2: «Китайский» рынок в повседневности города // Известия ИрГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 136–153.

«Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска)

Дятлов В.И. «Китайские рынки» российских городов — «уходящая натура»? // Известия ИрГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2008а. № 1. С. 20–30.

Дятлов В.И. Россия: В предчувствии чайнатаунов // ЭО. 2008b. № 4. С. 6–16.

Журавская Т.Н. Посетители «китайского» рынка: Символическое потребление и экономия на масштабе // Известия ИрГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 120–135.

Попов А.Н., Суворова Н.Н., Спицын А.Н. Управление миграционной безопасностью: (Региональный аспект). Челябинск: УралГАФК, 2002. 170 с.

Тимошкин О.Д. «Рынок уехал, “Шанхайка” осталась»: Открытый вещевой рынок в Иркутске как метафора освоения символического пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 1. С. 56–73.

Трансграничные миграции и принимающее общество: Механизмы и практики взаимной адаптации : монография / Науч. ред. проф. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.

Этнические рынки в России: Пространство торгового и места встречи / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.

Balzer H., Repnikova M. Migration between China and Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2010. Iss. 1. Vol. 26. P. 1–37. DOI: 10.2747/1060-586X.26.1.1.

Nyíri P. Chinese entrepreneurs in poor countries: a transnational «middleman minority» and its futures // *Inter-Asia Cultural Studies*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 145–153. DOI: 10.1080/14649373.2011.532985.

Ryzhova N.P., Ioffe G. Trans-border exchange between Russia and China: The case of Blagoveshchensk and Heihe // *Eurasian Geography and Economics*. 2009. Vol. 50. Iss. 3. P. 348–364. DOI: 10.2747/1539-7216.50.3.348.

Shlapentokh V. China in the Russian Mind Today: Ambivalence and Defeatism // *Europe Asia Studies*. 2007. Vol. 59. № 1. P. 1–21. DOI: 10.1080/09668130601072555.

Zabyelina Y. Costs and benefits of informal economy: Shuttle trade and crime at Cherkizovsky market // *Global Crime*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 95–108. DOI: 10.1080/17440572.2012.674185.

A.A. Avdashkin

South Ural State University
prosp. Lenina, 76, Chelyabinsk, 454000, Russian Federation
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

«Chinese» market in the space of a Russian city (the case of Chelyabinsk)

This article is focused on the problem of formation and development of «Chinese markets». Most of the academic texts on the issue are based on materials from the Irkutsk «Shanghai» market. «Chinese markets» of the Ural cities have not been explored. The purpose of this manuscript is to trace the formation and development of ideas about the «Chinese market» among the residents of a large Ural city using the example of Chelyabinsk. The source base includes the author's personal observations made in the Chinatown area (vicinity of the «Zarechny Market»), archival documents on migration and trade between China and Chelyabinsk Oblast. In 2019 the author gathered interviews with consumers of the «Chinese» market, apartment owners who rented out housing to the Chinese, and market workers. The Chelyabinsk and all-Russian press are important sources for studying public opinion regarding the «Chinese» markets. The complexity of the study object resulted in the use of a complex of methods. These are free informal interviews with city dwellers, included observation in the «Chinese market», analysis of press content and discourse. Our study of perception of the «Chinese market» showed a lot in common between the emergence of «Chinese markets», and, most importantly, the reaction of the host community in Chelyabinsk and Siberian cities to this process. In the media discourse and in the mass consciousness of the townspeople, ideas about the «Chinese market» created an image of a «Chinatown» and a large number of Chinese migrants. Around the market, a complex of perceptions of threats has been formed (crime, tax evasion, low-quality goods, etc.). The Chinese market has formed complex networks of social relations between traders and consumers, the host society and migrants. The term of «Chinese market» has incorporated a large number of meanings that are understandable without additional explanation: from organization of urban space to a set of markers that determine social status. Today, the «Chinese market» is the image of the «East» for citizens, where different ethnic groups, borders, and cultures are intertwined.

Key words: «Chinese» market, urban space, ethnicity, migrants, Chelyabinsk.

REFERENCES

Aleksandrova M. (2010). «Big market», or avoiding «gray customs schemes». *Problemy Dal'nego Vostoka*, (4), 65–75. (Rus.).

Balzer H., Repnikova M. (2010). Migration between China and Russia. *Post-Soviet Affairs*, (1), 1–37. DOI: 10.2747/1060-586X.26.1.1.

A. A. Авдашкин

Dyatlov V.I. (Ed.) (2009). *Cross-border migrations and the host society: mechanisms and practices of mutual adaptation*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).

Diatlov V.I. (2008a). «Chinese markets» of Russian cities — «departing nature»? *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiya. Religiovedenie*, (1), 20–30. (Rus.).

Diatlov V.I. (2008b). Russia: In anticipation of the Chinatowns. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 6–16. (Rus.).

Dyatlov V.I. (Ed.) (2015). *Ethnic markets in Russia: The space of trade and meeting place*. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. (Rus.).

Gel'bras V.G. (2001). How many Chinese are in Russia? *Vestnik Evrazii*, (1), 71–87. (Rus.).

Grigorichev K.V. (2016). «They exist, but they do not exist»: «Chinese» greenhouses in the suburbs. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 137–153. (Rus.).

Grigorichev K.V., Diatlov V.I. (2017). Chinese Russian markets: A role in the post-socialist transformation: (Case of Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (419), 121–132. DOI: 10.17223/15617793/419/16. (Rus.).

Grigorichev K.V., Diatlov V.I., Timoshkin D.O., Briazgina D.E. (2019). *Bazar and the city: People, spaces, images*. Irkutsk: Ottisk. (Rus.).

Grigorichev K.V., Pinigina Iu.N. (2014). Two worlds on Mira, 2: The «Chinese» market in the everyday life of the city. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, (10), 136–153. (Rus.).

Nyiri P. (2011). Chinese entrepreneurs in poor countries: A transnational «middleman minority» and its futures. *Inter-Asia Cultural Studies*, (1), 145–153. DOI: 10.1080/14649373.2011.532985.

Popov A.N., Suvorova N.N., Spitsyn A.N. (2002). *Migration Security Management: (Regional Aspect)*. Cheliabinsk: UralGAFK. (Rus.).

Ryzhova N.P., Ioffe G. (2009). Trans-border exchange between Russia and China: The case of Blagoveshchensk and Heihe. *Eurasian Geography and Economics*, (3), 348–364. DOI: 10.2747/1539-7216.50.3.348.

Shlapentokh V. (2007). China in the Russian Mind Today: Ambivalence and Defeatism. *Europe Asia Studies*, (1), 1–21. DOI: 10.1080/09668130601072555.

Timoshkin O.D. (2017). «The market has left, “Shanghai” has remained»: The open clothing market in Irkutsk as a metaphor for the development of the symbolic space of the city. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, (1), 56–73. (Rus.).

Zabyelina Y. (2012). Costs and benefits of informal economy: Shuttle trade and crime at Cherkizovskiy market. *Global Crime*, (2), 95–108. DOI: 10.1080/17440572.2012.674185.

Zhuravskaia T.N. (2014). Visitors to the «Chinese» Market: Symbolic Consumption and Economy on a Scale Seriya. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiya. Religiovedenie*, (10), 120–135. (Rus.).

A.A. Авдашкин, <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

О.Б. Степанова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: stepanova67@mail.ru

СЕВЕРОСЕЛЬКУПСКИЕ СОВХОЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Исследование посвящено рассмотрению социальной (градообразующей) функции североселькупских совхозов. Для селькупов она выражалась в возможности трудоустройства в традиционной хозяйственной сфере и пользовании «совхозной» инфраструктурой поселков. Упадок совхозов, затруднивший исполнение ими градообразующей роли, обернулся для населения тяжелым социальным кризисом. Градообразующая роль селькупских совхозов формировалась вместе с самими совхозами и основывалась на трансформации традиционного хозяйственного уклада.

Ключевые слова: северные селькупы, традиционная хозяйственная деятельность, совхозы, поселки, социальная роль совхозов, социальная политика государства, экономический кризис.

В статье проводится анализ изменений основных компонентов традиционного хозяйства северных селькупов, начало которым было положено в середине XX века. Исконный хозяйственный уклад трансформировался в совхозы и поселки, созданные для селькупов советским государством и превращенные в часть государственной экономики. В работе прослеживается динамика изменений этих форм на разных этапах истории и оценивается политика государства в отношении коренных народов Севера. В фокусе исследования находится социальная функция селькупских совхозов, определяемая термином «градообразующие предприятия», поскольку долгие годы совхозы в одиночку обеспечивали занятость селькупского населения и воздействовали на его социальные проблемы и поселковую инфраструктуру. Социальная/градообразующая функция совхозов — по мнению автора, основная, но при этом она неразрывно связана с их экономической/хозяйственной функцией. То есть селькупские совхозы рассматриваются как созданные государством в рамках политики по поддержке северных народов предприятия, основанные на хозяйственной традиции и выступающие гарантом социального благополучия. Изучение комплекса социальных и экономических функций селькупских совхозов приобретает особую актуальность в современных условиях глобализации, промышленного освоения Севера и тенденции возрождения этнических культур. Выбранная тематика встраивает исследование в общественный дискурс о будущем северных народов, способах сохранения ими традиционной культуры, путях формирования у коренных северян новой этничности [Мартынова, 2019], что определяет его практическое значение. Исследование выполнено в русле фундаментальной науки: оно добавляет в глобальный этнографический архив новые сведения о традиционной культуре одного из народов. Одновременно оно включено в широкий социально-политический контекст и выходит за границы тематической сферы традиционной этнографии, что делает его также социокультурным исследованием [Marcus, 1986; Rabinow et al., 2008].

Градообразующая роль североселькупских совхозов, как и сами североселькупские совхозы, до сих пор не становилась объектом специального исследования, в изучении данной темы автору приходилось поднимать целину. К исследованию привлекались труды Е.Д. Прокофьевой [1956], А.М. Решетова [1995], Е.А. Алексеенко, Р.Ф. Итса [2005], А.В. Головнева [1993], А.В. Головнева, Н.А. Тучковой [2005], О.Б. Степановой [2005, 2009, 2016, 2017, 2018а, 2018б], посвященные традиционному хозяйству северных селькупов и содержащие отрывочные сведения о селькупской совхозной экономике, а также работы Е.П. Мартыновой [2019], В.Н. Адаева [2017], В.Н. Адаева, Е.П. Мартыновой, Н.И. Новиковой [2019] и других авторов, освещающие проблемы современного экономического положения народов Севера.

В основу исследования легли материалы Красноселькупского муниципального архива. Проводился анализ отчетности совхоза «Полярный» за период с 1974 по 2000 г., совхоза «Толькинский» — с 1970 по 2004 г., отчета Красноселькупского сельсовета за 1978 г. и сводного отчета о работе пяти колхозов района за период 1951–1961 гг. Некоторые сведения были по-

черпнуты из отчета Красноселькупской нефтегазоразведочной экспедиции за 1979 г., хранящегося в Красноселькупском краеведческом музее. В исследовании использовались также материалы бесед с жителями Красноселькупского района из полевого архива автора.

Проблема градообразующей роли селькупских совхозов рассматривается в статье на примере одного сельхозпредприятия — совхоза «Полярный», принадлежащего с. Красноселькуп. Результаты работы, проведенной с документацией совхоза «Толькинский», расположенного в с. Толька, в статье не приводятся, но, совпадая с результатами по совхозу «Полярный», подтверждают сделанные выводы и позволяют распространить их на селькупские совхозы в целом.

Главными методами исследования были исторический метод и метод анализа архивных материалов. Помимо этого использовались методы полевого исследования, такие как включенное наблюдение и интервьюирование информантов. В статье реализуется нестандартный для классической этнографии подход: сугубо этнографические вопросы рассматриваются в тесной связи с проблемами, относящимися к сфере изучения других наук — социологии, экономики, политологии, сочетается изучение традиционных и современных явлений.

Первые хозяйственные объединения у селькупов начали формироваться в ранние годы советской власти, когда Советское государство, взяв курс на поддержку коренных народов Севера, увеличило количество факторий — торгово-заготовительных пунктов в отдаленных промышленных районах. На факториях селькупы создавали свои общества потребителей — кооперативные товарищества, что давало им возможность получить по ссуде или в кредит завезенные на факторию товары фабричного производства. Бедняцким и середняцким хозяйствам — членам кооперативов выдавались ссуды оленями, а также оленьими шурами. Возвращать кредит можно было пушниной, рыбой и мясом; нередко выдаваемые ссуды были безвозвратными. Советская торговля установила высокие цены на пушнину и низкие — на продукты и мануфактуру. В 1927 г. был организован Интегралсоюз — кооперативная организация смешанного типа, сочетавшая на Севере потребительско-снабженческую и промысловую деятельность. Первичные потребительские общества стали принимать вид кооперативов, соединявших торгово-закупочные и кредитные функции с производственной деятельностью. Фактории превратились в базу коллективизации, при них создавались простейшие объединения по совместному пользованию угодьями, орудиями труда, добыче рыбы и выпасу оленей. С каждым годом число хозяйств, охваченных коллективизацией, увеличивалось, мелкие товарищества и артели объединялись в колхозы, которые тоже укрупнялись, усложняя организационную структуру.

Фактории дали жизнь постоянным поселкам, которые до того у селькупов отсутствовали. В начале своего существования поселки состояли из нескольких построек, назначение которых определялось торгово-заготовительной функцией факторий, наличием органа местной власти и школы. На периферии поселков периодически появлялись чумы кочевого населения, приезжавшего в поселок по делам. Вот как описывал факторию Янов Стан в верховьях Турухана Г.Н. Прокофьев — этнограф из Ленинграда, преподаватель первой национальной школы «Тазовской тундры»: «Невелик был в 1925 г. Янов Стан: на угоре, над рекой четыре бревенчатых сруба. Постройки еще царского времени: фактория, склад, Тазовский РИК; в четвертом доме, видимо, раньше тоже были склады. В 1924 г. там помещалась школа. По стенам были прибиты нары, посередине стояли скамьи и стол. В этом помещении ученики спали, ели и занимались. Рядом была клетушка для учителя. Коренное население в поселке постоянно не жило. Наезжали в магазин потребительского общества сдавать пушнину и закупать товары. Селькупы стояли чумами неподалеку от поселка в лесу... <...> В 1926 г. закончилось строительство нового школьного здания. Была закончена и квартира учителя, настоящая квартира: с голландскими печами, с окнами, как полагается в сибирских домах, где для защиты от морозов стоят не двойные, а тройные застекленные рамы» [Гаген-Торн, 1992, с. 94, 105].

Коллективизация активизировала рост селькупских поселков. К началу 1940-х гг., к моменту завершения коллективизации, в обязательный набор построек поселков входили склады и магазин, принадлежащие фактории, помещение для органа местной власти (кочсовета и тузрика), школа-интернат, фельдшерско-акушерский пункт, баня, клуб, пекарня, почта, радиостанция, метеостанция, отделение сберкассы, общежитие для приезжих («заезжая»), несколько жилых домов для постоянного проживающих в поселке служащих, а также, в обязательном порядке, усадьба колхоза: колхозная контора, звероферма, рыбучасток с засольной, ледником и мастерской по изготовлению бочек, кузница и конюшня.

Североселькупские совхозы как инструмент социальной политики государства

Известны следующие селькупские фактории 1920–1930-х гг.: Янов Стан, Кэт-пар, Фарково, Верхняя Баиха — на Турухане и его притоках, Сидоровск, Нярый Мач, Церковенское, Часелька, Толька, Кикки-Акки, Ратта, Пюльлокай Мач, Матылька — на Тазу, селькупы также выходили на фактории, расположенные в селах Артюгино на притоке Енисея и Ларьяк на Вахе. Впоследствии официальный статус поселков получили фактории Сидоровск, Красноселькупск (бывший Нярый Мач), Толька, Ратта, Кикки-Акки и Фарково¹.

Через организации, действовавшие в поселках, государство оказывало местному населению социальную помощь. Колхозы должны были обеспечивать селькупов работой, в основу колхозной деятельности легли отрасли традиционной селькупской экономики. Социальная значимость довлекла в работе колхозов над хозяйственной целесообразностью: колхозы были нерентабельны и получали серьезную материальную поддержку государства. Других хозяйственных предприятий в селькупских поселках не имелось. Однако в течение большей части колхозного периода полноценная градообразующая роль у колхозов отсутствовала: колхозы не строили и не содержали поселки, население оставалось кочевым и жильем в поселках не владело. Селькупские хозяйственные предприятия того времени имели одностороннюю социальную направленность, градообразующими, т.е. не только дающими работу, но и содержащими поселок, они не являлись.

Толчок формированию градообразующей функции хозяйственных предприятий поселков дало постановление Совета Министров СССР «О мерах помощи в переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения колхозов в районах Крайнего Севера Тюменской области» от 11 декабря 1950 г. Формально с этого момента, а фактически ближе к концу 1950-х гг. в поселках началось строительство домов для селькупов.

Первые дома строились для селькупов-колхозников не безвозмездно. По данным Е.Д. Прокофьевой, каждому хозяйству, переходящему на оседлость, предоставлялся государством кредит в сумме 15 тыс. руб. Половина этой суммы выдавалась как безвозвратная ссуда, другая половина выплачивалась колхозником в течение 15 лет, кроме того колхозникам бесплатно предоставлялся строительный лес. «Для строительства домов в поселках не хватало рабочих рук. Местное население плотницкой специальностью не владело. Плотников вербовали в Туруханске» [Прокофьева, 1956, с. 684].

Формирование градообразующей роли сельхозпредприятий началось в колхозный период, однако набрала силу и расцвела градообразующая традиция уже в совхозах, пришедших на смену колхозам. Осенью 1961 г. колхозы Красноселькупского района объединились в два совхоза — «Полярный» с усадьбой в п. Красноселькуп и участком в п. Сидоровск и «Толькинский» с усадьбой в п. Толька и участками в поселках Кикки-Акки и Ратта. У баихинских селькупов колхоз «им. Смидовича» был преобразован в госпромхоз «Северотуруханский», а позже в совхоз «Тунгусский».

По сведениям А.М. Решетова, в совхозе «Полярный» в 1962 г. 46 семей уже жили в индивидуальных домах, 41 семья — в квартирах совхоза и 77 семей еще кочевали. «Селькупы оседали с удовольствием и даже требовали для себя дома, но жили в них преимущественно сезонно» [Решетов, 1995, с. 199]. В с. Ратта на 1 января 1961 г. по ссудам было построено 18 домов, 53 семьи продолжали вести кочевой образ жизни [Алексеенко, Итс, 2005, с. 255]. Дома представляли собой одноквартирные срубы размером не более чем 6×7 м с сенями. В 2004 г., во время первой экспедиции автора к селькупам, в с. Красноселькуп домов, построенных по указу 1950 г., уже не было, но с. Ратта еще на две трети состояло из таких домов, сносить их начали лишь в 2008 г.

Согласно архивным документам, с 1970 г. как минимум совхозы «Полярный» и «Толькинский» строили дома своим работникам на безвозмездной основе, имелся план такого строительства, сопряженный с планом перевода кочевых семей на оседлость, по тому и другому плану совхозы строго отчитывались перед государством. Дома, которые строились совхозами в

---

¹ Политика открытия торгово-закупочных пунктов в местах удаленного проживания сибирских инородцев проводилась еще в царской России. В 1822 г. Александром I были учреждены казенные хлебозапасные магазины, в которых кочевое население могло покупать и обменивать на пушнину фабричные товары. Первые фактории появились в конце XIX — начале XX в., они принадлежали частным предпринимателям или простейшим кооперативным обществам. В местах проживания северных селькупов торгово-закупочные пункты дореволюционного времени располагались в селах Туруханск и Верхне-Инбатское на Енисее, в с. Ларьяк на Вахе, в местечках Халмер-Седэ и Пристани Сидоровской на Тазу, а также в Яновом Стане на Турухане.

1970–1980-е гг., были намного крупнее и добротнее срубов 1950–1960-х гг. В с. Красноселькуп при возведении нового жилья приоритет отдавался домам на две, четыре и восемь квартир. Например, в 2000 г., когда совхоз «Полярный» прекратил свою деятельность, незавершенными оставались три двухквартирных и два четырехквартирных дома.

Количество семей, владеющих домами в поселках, неуклонно увеличивалось, и уже к началу 1990-х «бездомных» селькупов практически не осталось (табл. 1). По данным отчета «Полярного» за 1993 г., последнего, содержащего сведения о переводе кочевых жителей на оседлость, не осевшими из всего числа работников совхоза оставалось всего 8 чел. — 2 селькупские семьи. Однако это не означает, что с кочевым образом жизни было покончено. У селькупов, работающих в совхозе, кочевой характер жизни сохранялся, поскольку совхоз был ориентирован на традиционные виды деятельности. Имея жилье в поселке, селькупы использовали его, как им было удобно, например, поселяли в квартирах на зиму стариков или жен и детей, а сами бывали в поселке наездами.

Таблица 1

Численность представителей коренных малочисленных народов Севера, связанных с совхозом «Полярный», их перевод на оседлость и занятость в традиционных секторах совхозного хозяйства

Table 1

The number of representatives of the indigenous peoples of the North associated with the state farm «Polyarny», their transfer to sedentary and employment in traditional sectors of the state farm

	Хоз./чел./трудосп.	Из них кочевые или оседл., хоз./чел.	Из них имеют дома в поселке, хоз./чел.	Переведено на оседл.	Занято в оленевод., чел./бриг.	Занято в зверовод., чел./бриг.	Занято в охоте, чел./бриг.	Занято в рыболовстве, чел./бриг.
1974	84	16 коч.	9		34/4	24/1	14/1	26/1
1975	85	16 коч.	6		33/4	22/1	15/1	27/1
1976	85	16 коч.	5		26/4	14/1	16/1	23/1
1977	84	17/48 коч.			15 хоз./36 чел.			52 хоз./107 чел. рыбаков-охотников
1978	84	17/48 коч.			15 хоз./36 чел.			52 хоз./107 чел. рыбаков-охотников
1979	87	7 коч.	5		32/4	12/1	4/1	22/6
1980								
1981	90	35 коч.			30/4	13/1	2	29/6
1982	84	30 коч.			21/4	12/1	—	13/2
1983	107	29 коч.			25/5	13/1	—	28/4
1984	75/273/125	51/200 оседл.	51/200		38/5	12/1	6/1	25/4
1985	75/273/107	19/70 коч.. 47/171 оседл.	47/171	4/14	38/5	12/1	6/1	25/4
1986	76/302/142	17/64 коч. 58/232 оседл.	58/232	2/5	41/5	13/1	10/1	13/4
1987	92/262/147	16/63 коч. 70/196 оседл.	70/186	7/33	38/5	9/1	24/1	18/5
1988	80/230/138	14/40 коч. 61/166 оседл.	61/166	5/15	38/5	10/1	8/1	16/4
1989	84/240/150	9/40 коч. 75/200 оседл.	75/200	5/13	46/5	13/1	5/1	36/1
1990	88/266/146	10/24 коч. 78/242 оседл.	72/210	6/32	49/5	14/1	8/1	31/4
1991	88/266/146	10/24 коч. 78/242 оседл.	72/210	6/32	46/5	14/1	10/1	32/4
1992	92/281/146	10/24 коч. 82/257 оседл.	82/257	6/21	46/4	14/1	10/1	32/4
1993	41/144/58	2/8 коч. 41/144 оседл.			32/4	14/1	10/1	27/2

Помимо жилых домов совхоз строил и содержал общежитие, детский сад и котельную, которая, как минимум до конца 1970-х гг., одна отапливала весь поселок; школе совхоз оказывал шефскую помощь. К совхозным производственным постройкам относились звероферма, кормокухня, скорняжный цех, лесопилка, ремонтная мастерская, столярная мастерская, коровник, конюшня, причал, гараж, склады и т.д. То есть, строительная деятельность совхоза формировала структуру поселка в зданиях различного назначения.

Формирование поселковой инфраструктуры было одной из двух составляющих градообразующей функции совхозов. Второй ее составляющей следует считать роль совхоза как единственного в поселке предприятия-работодателя. Поселок, в котором нет такого предприятия, яв-

ляется, как правило, депрессивным, так как не имеет перспектив развития. Другие поселковые организации, принадлежащие так называемой бюджетной сфере, как то: администрация поселка, школа, больница, поликлиника, аптека, клуб, библиотека, почта, сбербанк, милиция, метеослужба и т.д., — обычно не могут обеспечить работой большинство трудоспособного населения. Рабочие места в них предоставляются преимущественно женщинам по традиционно «женским» специальностям (нянечка, воспитатель, библиотекарь, учитель, уборщица и пр.), а мужчины с традиционно «мужскими» рабочими специальностями остаются невостребованными. При условии закрытия единственного производственного предприятия население ждет безработица, безденежье и множество социальных проблем. В случае закрытия северного совхоза без работы окажется все национальное население поселка, имеющее в качестве главных профессиональных занятий рыболовство, охоту и оленеводство.

Зависимость трудовой занятости населения поселков от селькупских совхозов подтверждается с помощью сопоставления статистических данных, содержащихся в отчете Красноселькупского сельсовета за 1978 г. (единственном архивном отчете этого сельсовета, которым располагает автор) и отчете совхоза «Полярный» того же года. На 1 декабря 1978 г. в с. Красноселькуп постоянно проживало 1439 чел., из них к коренным малочисленным народам Севера относился 481 чел. (селькупов 440, ненцев 12, ханты 6, коми 15, кето 5, манси 2, эвенков 1). В совхозе «Полярный» в том же году числилось 87 хозяйств, принадлежащих представителям коренных малочисленных народов Севера, что составляло около 300 чел., из них трудоспособными было около 150 чел. В оленеводстве работало 36 чел., в звероводстве — 12–13 чел. и 107 чел. числились рыбаками-охотниками (табл. 1). То есть из 481 представителя коренных малочисленных народов Севера жизнь 300 чел. в 1978 г. была напрямую связана с совхозом. Если учесть отраженную в архивных документах текучку работников: в совхозе постоянно кого-то увольняли за «пьянку» и прогулы и через год-два принимали снова, и эти кто-то, как правило, были из числа коренных северян, то можно сказать, что практически все поселковые селькупы были «завязаны» на совхоз.

Приведенный численный состав работников совхоза касается только представителей коренных малочисленных народов Севера. Работающие в совхозе управленцы, строители, механизаторы, работники речного флота, радисты и т.д. обыкновенно были некоренных национальностей — это еще около 50 трудоустроенных в совхоз жителей поселка. То есть закрытие совхоза грозило оставить без средств к существованию около 500 чел., что, в свою очередь, сказало бы на деятельности бюджетных организаций и на остальных жителях поселка, работающих в этих организациях, а также их семьях и безработных гражданах (всего около 900 чел.). С полка сельских магазинов исчезла бы выпускаемая совхозом продукция, что могло бы вызвать перебои с продовольствием.

Как совхоз «Полярный» справлялся с ролью главного селькупского работодателя, видно из показателей его работы, сведенных автором в общую таблицу (табл. 2). В советский период основными направлениями деятельности совхоза были крупностадное оленеводство (с максимальной численностью оленьего стада в 6050 голов), звероводство, рыболовство и охота, подсобными — молочное животноводство, полеводство, скорняжное производство. Совхоз относился к государственным дотационным предприятиям, то есть при условии выполнения планов получал помощь государства в виде дотаций. Таким способом государство оказывало социальную поддержку народам Севера и развивало северную экономику.

До экономического кризиса 1990-х гг. показатели работы совхоза «Полярный» были стабильно высокие. Средства производства совхоза постоянно обновлялись и модернизировались. Заметные «провалы» в показателях некоторых лет в пояснительных записках к отчетам списываются на природные катаклизмы — долгую большую воду, ранние сильные морозы и т.д., которые нет причин подвергать сомнению, ибо климат в Красноселькупском районе действительно суровый. Любое падение показателей на следующий год восстанавливалось. В документах честно говорится о другой частой причине экономических неудач — пьянстве и связанном с ним безответственном поведении части работников. Изучение архивных документов — приказов, протоколов собраний трудового коллектива, профкома и месткома — позволяет утверждать, что нарушители трудовой дисциплины всегда строго наказывались: штрафовались, лишались премий и зарплат, увольнялись, при этом никто из работников не роптал, все были удовлетворены установленным порядком, всех устраивал конечный результат общего труда, и, главное, вознаграждение за труд воспринималось как достойное. Информанты автора, работавшие в

совхозах в 1970–1980-е гг., вспоминают этот отрезок своей биографии с большой ностальгией, а советские совхозы ставят в пример предприятиям, пришедшим им на смену. То есть можно считать, что с ролью работодателей совхозы благополучно справлялись.

Таблица 2

Основные показатели хозяйственной деятельности совхоза «Полярный»

Table 2

The main indicators of economic development of the state farm «Polyarny»

	Олени, голов	Клеточная пушнина (забито), гол.	Рыба, ц	Полевая пушнина, шкурки	КРС	Растениеводство
1974	5000–5057	1748	980	Белка — 374, горностай — 126, ондатра — 182, песец б. — 23, соболь — 15		
1975	4671	1556	1600	Б. — 138, г. — 38, о. — 6, п.б. — 47, с. — 27		
1976	4612	1425	2195	Б. — 478, г. — 169, о. — 434., п.б. — 34, с. — 30		
1977	5003	1468	2400	Б., г., о., п.б., с.	36	
1978	4570	1324	1165	Б., г., о., п.б., с.	36	
1979	4889	1598	1800	Б., г. — 37, о., с. — 5	66	
1980	5210	872	1300	Б., г., о., п.б., с.		
1981	5400	1701	2201	Б. — 450, г. — 75, о. — 54, с. — 24.		
1982	5954	1825	2200	Б. — 406, г. — 257, о. — 303, с. — 55	66 КРС, 9 лошадей	
1983	6000	1790	1450	Б. — 529, г. — 280, о. — 7, с. — 93	66 КРС, 9 лошадей	
1984	6015	1943	1700	Б. — 528, г. — 280, о. — 7, с. — 93	66 КРС, 9 лошадей	
1985	6000	1960	910	Б. — 479, г. — 100, о. — 126, с. — 85		
1986	6001	2065	1411	Б. — 150, г. — 42, о. — 126, с. — 15		Огур. 1295 кг; гор. овсян. смесь 80 ц; сено 3500 ц; овощи 1097 кг
1987	6004	1581	1494	Б. — 779, г. — 36, о. — 394, п.б. — 12, с. — 173		
1988	6050	2707	1685	Б. — 996, г. — 17, о. — 314, с. — 124		
1989	6002	1941	1177	Б. — 736, г. — 118, о. — 76, п.б. — 12, с. — 110		
1990	5855	2083	915	Б. — 291, г. — 116, о. — 34, п.б. — 36, с. — 57		
1991	5554	2120	1064	Б. — 2729, г. — 75, о. — 931, п.б. — 36, с. — 114		
1992	4402	1018	1320	Б. — 1315, г. — 48, о. — 584, с. — 106		
1993	2856	1447	1540	Б. — 13, г. — 27, о. — 211, п.б. — 43, с. — 67		
1994	2483	1593	1249	Б. — 385, г. — 27, п.б. — 469, с. — 100		
1995			1569			
1996	1290		1226	О. — 27, п.б. — 12, с. — 38	10 КРС, 2 лошади	
1997						
1998						
1999						

Исследование включает период работы совхоза «Полярный» до его закрытия в 2000 г. Рассмотреть период после 1991 г., когда в стране сменился государственный строй и установился новый экономический порядок, автор решила, потому что система работы совхоза и его активы все это время оставались прежними, советскими, совхоз в основе своей не менялся. Несмотря на потерю дотационной государственной поддержки, предприятие смогло проработать еще почти 10 лет, сдавая позиции постепенно. Не сломал принципы работы «Полярного» и его переход в 1994 г. в руки другого собственника, отразившийся в его новом названии — ААО Запсибгазпром «Совхоз Полярный». Новому собственнику оказалось не по силам спасти предприятие от развала. Численность оленьего стада «Полярного», указанная в его последнем отчете (1996 г.), составляла 1290 голов, в 2000 г. стада уже не было. Такой же путь прошел после 1991 г. совхоз «Толькинский», он закрылся в 2004 г.

Агония и закрытие совхозов имели очень тяжелые последствия для селькупов. Чтобы представить, насколько страшным был кризис, достаточно сказать, что средняя продолжительность жизни селькупов к началу 2000-х гг. сократилась до 34 лет [Жвирко, 2007, с. 9]. Оставшись без работы, кочевые селькупы осели в поселках, они массово спивались и деградировали, а некоторые поселковые жители, наоборот, вернулись в лес, чтобы жить натуральным хозяйством. Социальный кризис, совмещенный с упадком и закрытием совхозов, указывает на тесную зависимость населения поселка от совхоза. Наличие у селькупских совхозов градообразующей функции было подтверждено путем печального опыта.

В изучении градообразующей роли селькупских совхозов есть одно осложняющее обстоятельство. В 1978 г. в с. Красноселькуп пришла и надолго осталась Нефтегазоразведочная экспедиция (НГРЭ). Она резко увеличила численность населения поселка за счет приезжих, в 1989 г. в селе проживало уже более 6000 чел. Экспедиция была мощным производственным предприятием-работодателем и строила в поселке для своих работников жилье и объекты инфраструктуры. В поселке за несколько лет было построено в разы больше всего того, что построил совхоз за

несколько десятилетий. Одновременно с экспедицией, для ее нужд, в Красноселькупе появились строительное управление, АТП, РЭБ флота, леспромхоз и т.д.

Казалось бы, с приходом экспедиции роль градообразующего предприятия совхоз должен был утратить навсегда. Но этого не произошло ни тогда, ни позже. Совхоз остался градообразующим предприятием для селькупского населения поселка. Селькупы в экспедиции не работали (не подходили для этого ментально и профессионально), инфраструктурой поселка, созданной экспедицией, не пользовались, жилье экспедиция строила не для селькупов. Среди нынешних ветеранов экспедиции селькупов нет. Селькупы работали в совхозе и жили в совхозном микрорайоне — такой образовался в поселке, окруженный домами, построенными экспедицией. Когда автор приехала в Красноселькуп в 2004 г., в селе было две школы, в одной — школе-интернате — учились дети коренных национальностей, в другой — дети приезжих. В 2006 г. обе школы были упразднены в связи с открытием новой большой школы, где объединили всех детей.

Совхозный микрорайон в п. Красноселькуп существует до сих пор, а также работает предприятие, называемое «совхозом». Ликвидированный в 2000 г. совхоз «Полярный» в 2003 г. был воссоздан в виде МУП «Совхоз Полярный», в 2007 г. его трансформировали в ООО Агрофирму «Приполярную», она получила от государства крепкую материально-техническую базу и разного рода дотации и на сегодня по-прежнему остается селькупским работодателем. Значение «совхоза» как градообразующего предприятия сохранилось, но ослабло, поскольку в нем работает совсем немного селькупов: более чем из 700 поселковых представителей коренных малочисленных народов Севера трудоустроены в совхозе 30–40 чел. Остальные адаптировались к условиям жизни в современном поселке, получили «городские» специальности и работают в других местах или остаются безработными, существуя на социальные пособия (часто не свои, а своих родственников). Границы между двумя частями поселка до сих пор видны и в географическом, и в социальном плане. Поселок Толька также не миновал изменений в связи с деятельностью Нефтегазоразведочной экспедиции, здесь после нее остался микрорайон, называемый «Мангазеей».

Итак, проведенное исследование подтвердило, что совхозы, основанные на традиционных хозяйственных отраслях, для селькупских поселков играли роль градообразующих предприятий и служили гарантом селькупского экономического и социального благополучия. Зависимость жителей поселков (или селькупской части жителей поселков) от совхозов выражалась в возможности трудоустройства в традиционной хозяйственной сфере, а также в пользовании создававшейся совхозами поселковой инфраструктурой. Градообразующая функция северных сельхозпредприятий была результатом государственной политики поддержки коренных малочисленных народов Севера, она зародилась еще в колхозное время и достигла максимального развития в совхозный период. Социалистическую модернизацию экономической культуры принято рассматривать как беспрецедентный распад, разрушение и поломку устойчивой повседневной среды, связывать ее с сильной турбулентностью. Благодаря градообразующей функции селькупских совхозов и равно их социальной направленности у селькупов процесс социалистических изменений протекал мягко, в целом безболезненно, улучшал качество жизни и связывался с пониманием его нормальности и отсутствием практик избегания и ухода в сферу неформальной экономики.

Сильную турбулентность селькупские совхозы вместе с вверенными им жителями поселков стали испытывать с началом государственного кризиса, в 1991 г. Десятилетие 1990-х гг. закончилось для совхозов распадом, а для селькупов социальной трагедией. Кризис сделал градообразующую роль селькупских совхозов особенно заметной и подчеркнул ее значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Звероолениводческий совхоз «Полярный» агропромышленного объединения «Ямал» // Архивный отдел Администрации муниципального образования Красноселькупский район. Ф. 15 (352 ед. хр.).

Звероолениводческий совхоз «Толькинский» агропромышленного объединения «Ямал» // Архивный отдел Администрации муниципального образования Красноселькупский район. Ф. 9 (641 ед. хр.).

Исторические данные развития Красноселькупского района периода 1951–1960 годов // Архивный отдел Администрации муниципального образования Красноселькупский район. Ф. 17. Оп. 1. Д. 16 (14 л.).

Исполком Красноселькупского сельского совета народных депутатов. Статотчет сельского совета (о всеобщем, возрастном составе населения, наличии скота) за 1978 г. // Архивный отдел Администрации муниципального образования Красноселькупский район. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115 (85 л.).

О.Б. Степанова

Объединение «Уренгойнефтегазгеология». Объяснительная записка к производственно-экономическому отчету Красноселькупской нефтегазоразведочной экспедиции за 1979 г. // Красноселькупский краеведческий музей. Б/н фонд (168 л.).

Литература

Адаев В.Н. О роли традиционного мировоззрения народов Севера в качестве регулятора режима природопользования // Этнос и среда обитания. М.: Старый сад, 2017. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения. С. 137–148.

Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО: Исследования по антропологии права. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 220 с.

Алексеев Е.А., Итс Р.Ф. О положении коренного населения Верхнего Таза (поселок Ратта) Ямало-Ненецкого округа Тюменской области, 1961 г. // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России: 1959–1962 годы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 245–257.

Гаген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом Стане // ЭО. 1992. № 4. С. 91–110.

Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.

Головнёв А.В., Тучкова Н.А. Селькупы. Хозяйство // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. С. 317–328.

Жвирко А. Переломный этап позади // Северный край. 2007. № 32. С. 9.

Мартынова Е.П. Обско-угорская этническая мобилизация // Вестник урovedения. 2019. Т. 9. № 2. С. 363–372.

Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 665–686.

Решетов А.М. Поездка к селькупам летом 1962 г. // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 195–207.

Степанова О.Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских Чтений. Санкт-Петербург, 27–29 окт. 2004 г. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 167–173.

Степанова О.Б. Стойбище верхнетазовских селькупов (по материалам современных полевых исследований) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Вып. 9. С. 23–42.

Степанова О.Б. Село Толька и не только // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2016. Вып. 16. С. 46–66.

Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 349–444.

Степанова О.Б. Красные селькупы: Революционные преобразования среди населения Таза и Турухана // УИВ. 2018а. № 1 (58). С. 91–100.

Степанова О.Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник урovedения. 2018b. Т. 8. № 2. С. 365–374.

Marcus G.E. Contemporary Problems of Ethnography in the Modern World System // Writing culture. The poetics and politics of ethnography. University of California Press, Ltd. London, England. 1986. P. 165–262.

Rabinow P., Marcus G.E., Faubion J.D., Rees T. Designs for an anthropology of the contemporary. Duke University Press. Durham, London. 2008. 140 p.

O.B. Stepanova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: stepanova67@mail.ru

North Selkup state farms as a state social policy instrument

The city-forming role of the North Selkup state farms, as also the farms themselves, has not yet been the subject of a special research; the author had to «develop the virgin soil» exploring this topic. The study is based on materials from the Krasnoselkup Municipal Archive. Carried out was the analysis of the records for the Pol'yarny state farm for 1974–2000, the Tolkinskiy state farm for 1970–2004, the report of the Krasnoselkup Village Council for 1978, and the summary report on the performance of five local collective farms for the period of 1951–1961. Some information was gathered from the report of the Krasnoselkup oil and gas exploration expedition in 1979 stored in the Krasnoselkup Museum of Local Lore. Materials from conversations with the Krasnoselkup District residents from the author's field archive were also used. This study confirms that the state farms, built on traditional economic activities, played the role of town-forming enterprises for the Selkup villages and served as guarantors of the Selkup economic and social well-being. The dependence of the inhabitants of the villages (or the Selkup part of the villages' population) on the state farms was expressed in the opportunity of employment in the traditional economic sector, as well as in the use of the village infrastructure created by the state farms. The

city-forming function of the northern agricultural enterprises was the result of the state policy of supporting the indigenous peoples of the North; it originated during the collective farm time and reached its maximum development during the state farm period. Socialist modernization is generally considered to be an unprecedented disintegration, destruction and breakage of a stable economic culture, and associated with the strong turbulence of the everyday environment. Owing to the city-forming function of the Selkup state farms, as well as their social orientation, the process of socialist changes among the Selkups proceeded gently, overall painlessly, improving the quality of life and being associated with an understanding of its normality and the absence of practices for avoiding and leaving for the informal economy. Selkup state farms, together with the villagers entrusted to them, began to experience strong turbulence with the onset of the state crisis in 1991. The 1990s decade ended with collapse of the state farms, and with the social tragedy for the Selkup population.

Key words: North Selkups, traditional economic activity, state farms, villages, the social role of state farms, social policy of the state, economic crisis.

REFERENCES

Adaev V.N. (2017). On the role of the traditional worldview of the peoples of the North as a regulator of the nature management regime. In: *Etnos i sreda obitaniya. Vyp. 5: Issledovaniya sistem zhizneobespecheniya* (pp. 137–148). Moscow: Staryy sad. (Rus.).

Adaev V.N., Martynova Ye.P., Novikova N.I. (2019). *Quality of Life in the Context of Ethnological Expertise in the Russian Arctic: Tazovsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: Research on the Anthropology of Law*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).

Alekseenko Ye.A., Its R.F. (2005). On the situation of the indigenous population of the Upper Taz (Ratta village) of the Yamalo-Nenets District of the Tyumen Region, 1961. In: *Etnologicheskaya ekspertiza. Narody Severa Rossii: 1959–1962 gody* (pp. 245–257). Moscow: IEA RAN. (Rus.).

Golovnev A.V. (1993). *The historical typology of the economy of the peoples of North-West Siberia*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. (Rus.).

Golovnev A.V., Tuchkova N.A. (2005). Selkups. Economy. In: *Narody Zapadnoi Sibiri* (pp. 317–328). Moscow: Nauka. (Rus.).

Hagen-Thorn N.I. (1992). Prokofiev in Yanov Stan. *Etnograficheskoye obozreniye*, (4), 91–110. (Rus.).

Marcus G.E. (1986). Contemporary Problems of Ethnography in the Modern World System. In: *Writing culture. The poetics and politics of ethnography* (pp. 165–262). University of California Press, Ltd. London.

Martynova Ye.P. (2019). Ob-Ugric ethnic mobilization. *Vestnik ugrovedeniya*, (2), 363–372. (Rus.).

Prokofieva Ye.D. (1956). Selkups. In: *Narody Sibiri* (pp. 665–686). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).

Rabinow P., Marcus G.E., Faubion J.D., Rees T. (2008). *Designs for an anthropology of the contemporary*. Duke University Press. Durham, London.

Reshetov A.M. (1995). A trip to the Selkup in the summer of 1962. In: «*Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit'...*» (pp.195–207). Barnaul: Izdatel'stvo AltGU. (Rus.).

Stepanova O.B. (2005). Features of the modern economic and cultural situation of the indigenous peoples of the North of the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. In: *Kul'turnoye naslediyе narodov Sibiri i Severa: Materialy Shestykh Sibirskikh Chteniy. Sankt-Peterburg, 27–29 oktyabrya 2004 g.* (pp. 167–173). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Stepanova O.B. (2009). The camp of the Upper Taz Selkups (based on materials from modern field studies). In: *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN. Vyp. 9* (pp. 23–42). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Stepanova O.B. (2016). The village of Tol'ka and not only. In: *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN. Vyp. 16* (pp. 46–66). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Stepanova O.B. (2017). Social policy of the state in relation to indigenous small-numbered peoples of the North at the beginning of the XXI century (on the example of the northern Selkup). In: *Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri* (pp. 349–444). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Stepanova O.B. (2018a). Red Selkups: revolutionary changes among the population of Taz and Turukhan. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (1), 91–100. (Rus.).

Stepanova O.B. (2018b). Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District. *Vestnik ugrovedeniya*, (2), 365–374. (Rus.).

Zhvirkov A. (2007). The turning point behind. *Severnyy kray*, (32). (Rus.).

O.B. Степанова, <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

С.В. Голикова

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: avokilog@mail.ru

ПАМЯТНИК ВОГУЛУ СТЕПАНУ ЧУМПИНУ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В контексте развития российской мемориальной культуры рассматривается история создания и бытования на горе Благодать памятника вогулу Степану Чумпину (около г. Кушва Свердловской области). Памятник Чумпину, открывшему здесь богатое железорудное месторождение, был поставлен к столетнему юбилею этого открытия. Показана роль в его установке начальника Гороблагодатского округа Н. Мамышева. Выявляется степень соответствия памятника мемориальному ландшафту в период установки, а также тенденциям развития публичной коммеморации дореволюционного периода.

Ключевые слова: манси, Степан Чумпин, «благородный дикарь», монументальный памятник, месторождение на горе Благодать.

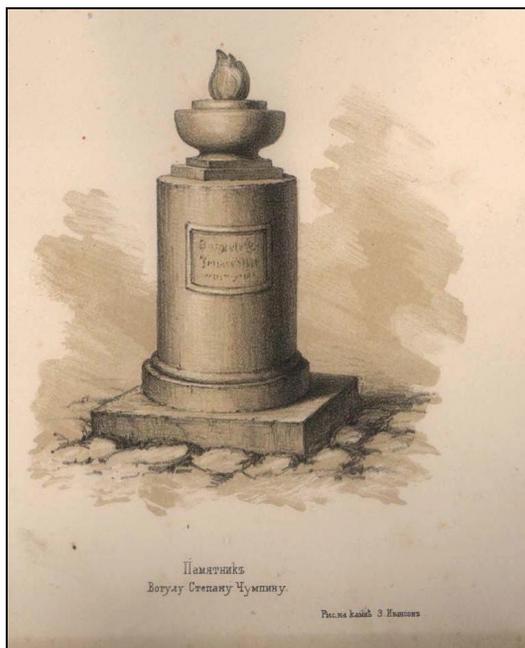
Памятник сибирскому инородцу появился в Российской империи на несколько лет ранее монумента «Покорителю Сибири Ермаку» в Тобольске. Однако если обелиск на мысе Чукман ознаменовал очередной этап развития культа казачьего атамана, сразу обрел общероссийскую известность и до сих пор востребован исследователями как форма репрезентации и актуализации исторической памяти (см., напр.: [Агапов, 2016, с. 144]), то памятник вогулу Степану Чумпину поставили быстро, без всероссийской помпы, включающей длительный период конкурса проектов, сбора средств и получение санкций по монтажу монумента и облагораживания территории вокруг него, популярность он набирал медленно и считался «местом памяти» горнозаводской истории. Однако уже надпись на памятнике позволяет ввести его в изучение этнической тематики.

В 1826 г. вершина горы Благодать — второй магнитной горы Урала и России, дававшей казне тысячи пудов «преизрядной железной руды», приняла иной вид — обзавелась памятником. Событие для жителей северных широт доселе невиданное — монументы, поставленные к тому времени в России, пересчитывались по пальцам. Однако установленный здесь заключал в себе много нового даже для начальства и офицерства, имевших возможность лицезреть «истуканов» в столицах («медного всадника» в Санкт-Петербурге или мемориал Минину и Пожарскому в отстраиваемой после пожара Москве). Он уже формой отличался от общепринятых канонов: обелиска, колонны, бюста, статуи. На горе возвели нечто среднее между тумбой и колонной. Сооружение было сделано из довольно редкого для памятников (но обычного для горнозаводского Урала) материала — чугуна. Чугунное художественное литье еще не достигло высот декоративно-прикладного искусства, однако умелые литейщики в Гороблагодатском округе имелись. Они отлили колонну, обрезающую на достаточно низкой высоте. Цилиндрическое основание служило пьедесталом для урны, из которой вырывалось пламя (рис. 1, 2). Композиционное решение объясняла надпись: «Вогул Степан Чумпин сожжен здесь в 1730 году» [Сорокин, 1872, с. 11].

Объектом увековечения стал человек, открывший месторождение на горе Благодать, но строители памятника почему-то к его имени и фамилии (чего было вполне достаточно) добавили сведения о том, к какому народу он принадлежал, причем поставили их в надписи на постаменте на первое (ключевое, ударное) место. Это был нонсенс не только для 1826 г., но и для мемориальной культуры всего имперского периода. Трудно даже представить в России памятник, содержащий указание (причем с позитивной коннотацией) на то, что он посвящен украинцу, лопарю, якуту и т.п. На памятниках иностранцам высекали имя и фамилию. Например, при установке в 1820–1828 гг. обелиска английскому филантропу Д. Говарду в Херсоне ограничились лаконичным «Говард» [Галкин-Враскин, 1880, с. 384]. Монументы, в названии которых присутствовало слово «русский», имелись, но, как правило, его использовали в словосочетании «русским морякам», «русским матросам», т.е. в качестве прилагательного и во множественном числе. Казус памятника на вершине Благодати этим не исчерпывался. Задача данной статьи заключается в том, чтобы посмотреть на историю его создания и существования в контексте эво-

Памятник вогулу Степану Чумпину в контексте российской дореволюционной мемориальной среды

люции дореволюционной российской мемориальной среды и выявить, насколько он (не) соответствовал мнемоническому ландшафту в период установки, а также тенденциям развития публичной коммеморации дореволюционного периода.

Рис. 1. Вид памятника вогулу Степану Чумпину в 1870-е гг.
Fig. 1. Type of a monument of Mansi to Stepan Chumpin in the 1870th.

Рис. 2. Вид памятника вогулу Степану Чумпину в начале XX в.
Fig. 2. Type of a monument of Mansi to Stepan Chumpin at the beginning of the 20th century.

Формирование в России системы памятников как особой среды и определение места каждого памятника в ней остаются мало изученными вопросами. Фактически они были поставлены только в кандидатской диссертации К.Г. Сокола при решении утилитарной задачи — исследовать географическое распределение монументальных памятников. Автор выявил ряд важных закономерностей в группировке и ранжировании дореволюционных монументов и показал их совокупность как специфическую систему со своими тенденциями развития. В частности, он

выделяет памятники мемориальные, монументальные, географически (не)мотивированные, поставленные по событийному принципу, а также по принципу пребывания, посещения и заслуг [Сокол, 2009]. Долгое время эта тематика была вотчиной искусствоведов с преобладанием эстетического подхода к выбору объектов исследования. Несмотря на плодотворное и бурное развитие, такие научные направления, как историческая память и историческая политика, оказались больше связаны с советским и постсоветским периодами и обращают внимание на памятники дореволюционного времени, когда по их поводу начинаются «войны памяти» или грядет юбилей события, в честь которого они поставлены. Отдельный памятник или их виды рассматриваются при этом больше в контексте с событием, их породившим, и с эволюцией взглядов на это событие, а не на памятник как самостоятельный предмет. Конечно, памятники изучаются не только как объекты идеологии и политики. Например, исследования И.И. Руцинской показывают, что переосмысление образа монументов и заложенных в них идей может происходить вне конфликтных ситуаций типа «войн памяти» и изменений политической конъюнктуры, но и при демократизации общества и превращении памятников в инструмент массовой культуры (см., напр.: [Руцинская, 2011]).

Памятник Чумпину являлся одновременно мемориальным и монументальным. Слово «здесь» в надписи на колонне указывает на его возведение непосредственно над останками Степана и, следовательно, отнесение его к разряду мемориальных. Однако о раскопках первой четверти XIX столетия, обнаруживших на вершине горы следы кострища и останки первооткрывателя Благодати, сведений нет, а историки практически сразу же после установки памятника стали говорить о том, что гибель, а тем более сожжение вогульского рудознатца — выдумка. Его сотрудничество с горными властями оказалось неплохо задокументировано. По архивным источникам знатоку горнозаводского края Н.К. Чупину удалось выяснить подробности поездки этого вогула на гору в 1735 г. (следовательно, через 5 лет после «сожжения») сначала с надзирателем за лесами Куроедовым, затем с Татищевым, а также перипетию получения им вознаграждения за находку месторождения, составившего в сумме 24 руб. 70 коп. Деньги выдавались частями, и за последними 20 рублями Степан «был вытребован в Екатеринбург» аж в 1736 г. [Чупин, 1866, с. 323].

Поэтому памятник следует признать скорее монументальным, т.е. связанным с великим открытием Степана, а не с местом его смерти. Та же надпись намекает на значительную роль в создании монумента историко-географической реконструкции события. Вместе с первооткрывателем увековечивалось и место, которое он открыл. В этом смысле чугунная тumba Степану Чумпину соответствует географически мотивированным памятникам — понятно, почему ее водрузили на вершине Благодати. Даже если историки правы и она не поставлена на месте его гибели, однако фиксирует объект им открытый. По этой же причине памятник следует отнести к числу событийных, маркирующих опять же если не смерть Чумпина, то знаменательный случай — открытие им знаменитого месторождения. Устроители также имели в виду результаты деятельности вогула, а именно его заслуги перед отечеством. «Заслуги Чумпина перед Россией велики, открытое им несметное богатство железной руды, даже кажется и по сей день не оценено, но чугунная тumba, увековечивающая память о действительно полезном человеке, имеет цену в глазах потомства», — писал в начале XX в. И.Я. Кривошеков [1910, с. 277]. Таким образом, монумент в честь Степана появился на месте, связанном как с его жизнью, так и с (оспариваемой) кончиной, и поэтому может считаться памятником пребывания. Применение к памятнику Чумпину различных классификационных и типологических критериев показывает, что визуальная репрезентация последних минут жизни вогульского охотника и ее привязка к горе Благодать открывали возможность сложных и неоднозначных интерпретаций. Его установка способствовала сохранению памяти о событии и о человеке, прославлению вогула Чумпина и высоких качеств руды горы Благодать, воспоминанию о победе над природой, хотя разгадка ее тайны и обретение железной горы оказались вплетены в личную трагедию. Парадоксальным образом через отношение к отдельному человеку выражался государственный взгляд на историческую память, которую заслуживает не только богатейшее месторождение магнитного железняка, но и простой вогульский охотник, его открывший. В «Описании Гороблагодатских заводов» прямо указывается, что вогул «заплатил жизнью за важный дар, предложенный государству» [Описание..., 1839, с. 55].

Вызывает интерес уже дата создания памятника. Он возник на заре формирования российской монументальной культуры, для которой был характерен глубокий разрыв между столицами и провинцией. Лидировали в начинании столичные города. В редкой сети памятников России первой четверти XIX в. преобладали императорские и военные (военачальникам; также нача-

лась мемориализация Полтавского сражения, Отечественной войны 1812 г.). Урал, как и многие другие регионы страны, относился к практически не затронутым мемориализацией территориям. Она началась после проезда по краю Александра I и была посвящена увековечению посещенных им мест. Особенностью репрезентирующих царскую власть памятников стала их установка в отдаленных местах империи, к которым в ту эпоху причисляли Урал. Видимо, первый уральский памятник появился не в городском пространстве, а на Миасских золотых приисках, «где императорское величество изволил работать» и добыл 20 фунтов золотоносного песка. Прииск переименовали в Царево-Александровский, а «на месте» трудов венценосной особы «бывшие тогда офицеры соорудили своими средствами скромный памятник — небольшую каменную пирамиду с двухглавым на вершине ее орлом, которая безыскусственными надписями свидетельствовала о незабвенном 23 числе сентября 1824 года» [Извлечение..., 1878, с. 26].

Спустя два года поставили монумент вогулу. Он появился опять же не, как следовало ожидать, в административном центре губернии или уезда (ведь памятники долгое время оставались принадлежностью городского и усадебного ландшафтов), а в таежной глуши, венчая природный географический объект. Традиция приурочивать открытие памятников к круглым датам в начале XIX в. еще только формировалась (поставили монумент к 100-летию полтавской победы). Однако появление тумбы Чумпину следует признать еще одним шагом в данном направлении. Судя по дате на надписи, приближался (в 1830 г.) вековой юбилей открытия Благодати. Хотя «Описание Гороблагодатских заводов» 1839 г. по поводу установки памятника первооткрывателю Благодати патетически восклицало: «...воспоминания переживают людей полезных отечеству!», однако с объективацией памяти «повезло» только Степану. В анналах горных властей хранилось много имен и фамилий рудознатцев, но памятников им не воздвигали даже в XIX — начале XX в. В дальнейшем Пермская губерния будет отличаться «горнозаводской» тематикой. Однако особенностью ее станут памятники заводовладельцам: Н.Н. Демидову в Нижнетагильском заводе, Яковлеву — в Невьянском.

Сооружение памятников низкому, демократическому герою (к числу которых принадлежал простой вогульский охотник) обычно происходило по инициативе снизу. «Описание Гороблагодатских заводов» указывает, что увековечением памяти Чумпина занималось «признательное горное начальство», которое «воздвигло ему памятник в тех местах, где прекратилась жизнь несчастного» [Описание..., 1839, с. 56]. Решение о мемориализации вогула принимал лично начальник Гороблагодатских заводов Николай Родионович Мамышев. Общественности как таковой заводы того время не знали, а роль населения состояла в ежегодном шествии в виде крестного хода на вершину Благодати.

Во многом странности с памятником вогулу объясняет фигура главы Гороблагодатского округа. Обер-бергмейстер 7 класса Мамышев слыл незаурядной личностью, получившей не только уральскую, но и общероссийскую известность как минимум в нескольких весьма далеких друг от друга областях. Одним он известен как успешный горнозаводской администратор и чиновник, другим — как человек, много сделавший для научных направлений, связанных с геологией и металлургией, третьим — как достойный внимания литератор. Инициативный и опытный управленец, отвечавший за территорию, равную нескольким европейским государствам, успевал заниматься (и успешно) литературным творчеством. Литературоведы причисляют публиковавшего в столичной периодике повести и рассказы горного чиновника к сентименталистам (см., напр.: [Сурков, 2012, с. 24]). В этом смысле понятно его обращение к «низкому» герою и симпатии к «дикарю», которые было свойственно проявлять представителям данного направления. «Дикие» туземцы (киргизы, коряки, чукчи, в том числе и вогулы) были героями его произведений. Чумпина он решил идеализировать до «благородного дикаря». Этот образ именно у сентименталистов стал одним из самых популярных. К тому времени он получил мощное идейное обоснование, став историко-этнологическим изводом важнейшей философской концепции XVIII в. — идеи «естественного человека» (см., напр.: [Федин, 2010, с. 65–68]).

В свете возникшей моды на празднование юбилеев и с учетом их коммеморативной значимости эффективный бюрократ Мамышев вспомнил о первооткрывателе горы и на опорной точке ландшафта — вершине Благодати соорудил монументальный символ для материализации и культивирования мифа об убийстве Чумпина, вставив этот миф в короткую надпись. Интерпретировать убийство предполагалось как месть рудознатцу за привлечение в вогульские пределы чужаков-русских. В замысле памятника одиночку — «добраго», благородного дикаря Степана окружают дикари «подлые» — другие вогулы. Его соплеменников Мамышев сделал привержен-

цами жестокой мести, не останавливающимися и перед человеческим жертвоприношением. Намеренная виктимизация Чумпина привела к тому, что простой рудоискатель трансформировался в культурного героя: отдав людям сокровища Благодати, он был убит ими за это. Удачей Мамышева стал монумент не абстрактному первооткрывателю. Чествовали конкретного человека, страдальца. Чувствительность сентиментализма включала в себя и сопереживание, умение отзываться на чужие боль и несчастья. Окружной начальник стремился воздействовать на чувства, а не поражать помпезностью, торжественностью и пышностью мемориала. Мамышев попытался о «великом предмете» (открытии месторождения мирового уровня) рассказать с использованием эстетики сентиментализма, которая обратила внимание на «низкую» сферу бытия и маргинальных героев. Хотя еще долго после него российские персональные монументы будут испытывать на себе пафос классицизма — скульпторы постараются «одеть» их в тоги, перегрузить «плохочитаемыми» обыкновением публикой символами и аллегориями [Рущинская, 2011, с. 130]. «Скромный» памятник Чумпину не станет правилом и нормой эстетического восприятия.

Авторы, писавшие о вогуле и поставленном ему памятнике, «считывали» различные смыслы с устроенной управляющим округом «монументальной пропаганды», поэтому на примере толкования смыслов, «вычитываемых» в этом мемориальном объекте, можно проследить эволюцию культуры визуального восприятия на протяжении XIX — начала XX в. Попадание сведений о герое-вогуле в печать обеспечил в 1827 г. известный впоследствии горный деятель К.П. Го(а)лляховский, который в статье в «Горном журнале» передавал имеющиеся слухи и толки: «Вогула наградили 20 рублями, но он дорого заплатил однородцам своим за привлечения внимания русских к месту их жительства: изустное предание говорит, что они принесли его в жертву своему шайтану на одной из... железных сопок» [Галляховский, 1827, с. 31–32]. Кстати, в отличие от надписи на памятнике, он «путает» фамилию Степана, называя его «Чумниным». Такая описка свидетельствует о недавнем внесении первооткрывателя Благодати в круг «актуальной памяти». Религиозно-этническое «прочтение» памятника предложил уже Галляховский: у него православию сталкивается с язычеством, русские — с «однородцами» вогула Чумпина. Уже данный автор упоминает о «признательном правительстве». В «Описании Гороблагодатского округа» усиливаются политические смыслы. Поначалу оно как бы цитирует статью Галляховского, затем подчеркивает, что Чумпин «заплатил жизнью за важный дар, предложенный государству», а его «соотечественники» были «озлоблены вниманием правительства на сии места» [Описание..., 1839, с. 55].

Благодаря поездке на Урал в 1848 г. англичанина Томаса Уитлама Аткинсона, который добрался до Кушвинского завода и реализовал мечту своего детства — взобраться на «настоящую магнитную гору», сведения о трагедии, якобы случившейся на ее вершине с рудознатцем Степаном, попали в зарубежную научно-популярную литературу: «Раздражение народа обернулось против Чумпина, выдавшего русским опасную для вогулов тайну, и Чумпин сделался жертвой мести своих озлобленных единоплеменников. Вогулы втащили его на вершину горы и сожгли там живого» [Путешествие по Сибири..., 1865, с. 220].

Писавшие о памятнике в более позднее время обратили пристальное внимание на способ, каким первооткрыватель сокровищ горы был принесен в жертву. Уже в 1872 г. Н.В. Сорокин «замечает» изображенный на памятнике «пламенеющий светильник», и далее тема сожжения, атрибуты жертвенного костра начинают превалировать в интерпретациях. В 1873 г. А.П. Орлов сгустил краски в этнокультурной версии: вогулы стали свирепыми, а Чумпин — несчастным. Этот автор перенес расправу на ночное время: «...вогулы до того освирепели за это на несчастного Чумпина, что схватили его ночью...» [Орлов, 1873, с. 444–445]. В 1877 г. О.С. Клер напишет о «костре, зажженном мщением» «соплеменников» Степана [1877, с. 132]. У В.А. Весновского получилось драматизировать описание, как он выразился, «эмблемы легендарного сожжения»: «На верху колонны стоит металлическая урна с вырывающимся из середины ее пламенем» [1904, с. 177].

Затем тема жертвоприношения отворачивает от фигуры самого Чумпина, из жертвы он превращается в борца с языческими жертвоприношениями своих соплеменников, а гора Благодать — в святыню идолопоклонников. В.Д. Вострокнутов в 1901 г. сообщал: «...на горе Благодати вогулы приносили жертвы своим божествам и будто, озлобясь на Чумпина за то, что он указал русским священное их место, они сожгли его на этой самой горе...» [1901, с. 6]. В.А. Весновский воспроизвел свою версию религиозных разборок. Оказывается, сородичи расправились с Чумпиным потому, что он указал «священную для вогул гору русским, которые разогнали их, не дозволяя делать жертвоприношений» [Весновский, 1902, с. 34].

Памятник вогулу Степану Чумпину в контексте российской дореволюционной мемориальной среды

Различия в толкованиях при сохранении одинаковой фабулы показывают, что созданный Мамышевым к столетию округа памятник в качестве социокультурного объекта обладал значительным потенциалом. Возможно, благодаря ему чугунная тумба первооткрывателю магнитной горы набирала известность на Урале, в России и мире. Для местных жителей она стала символически значимой, превратившись в памятник знаменитому земляку. Тем более что со второй половины XIX в. установка памятников стала восприниматься в провинциальной России в качестве особого достижения территории, показывать степень ее цивилизованности [Руцинская, 2011, с. 129]. В начале XX в. вершина Благодати с монументом на ней считалась туристическим объектом, достопримечательностью, которую, будучи в Кушвинском заводе и его окрестностях, стоило обязательно посетить. Памятник и сопровождающая его эмоционально окрашенная «легенда» о давней трагедии гарантировали остроту туристских впечатлений, сделав это «место памяти» практически брендом Гороблагодатского округа. Однако и в конце дореволюционного периода монумент Чумпину во многом продолжал оставаться аномалией российской мемориальной среды, не породив подражательства, даже когда в регионах и столицах стали увековечивать память не только о коронованных особах и полководцах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Извлечение* из записки статского советника Чупина о поездке императора Александра I на Урал в 1824 году // Горный журнал. 1878. № 1. С. 23–31.
Описание Гороблагодатских заводов // Горный журнал. 1839. № 1. С. 54–107.
Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии / По описаниям Т.У. Аткинсона и А.Т. фон-Миддендорфа, Г. Радде и др. СПб., 1865. 518 с.

Литература

- Агапов М.Г.* Аватары Ермака: Монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1. С. 142–150.
Весновский В.А. Спутник туриста по Уралу. Екатеринбург, 1902. 96 с.
Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. 598 с.
Вострокнутов В.Д. Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа. Б.м., 1901. 76 с.
Галкин-Враскин М.Н. Памяти Джона Говарда // Русская старина. 1880. № 10. С. 379–384.
Галляховский К.П. Геогностические замечания в округе Гороблагодатских заводов // Горный журнал. 1827. № 9. С. 25–49.
Клер О.С. Отчет о поездке для осмотра метеорологических станций Среднего Урала, совершенной в 1877 г. // Сборник Пермского земства. 1878. Кн. IV. Отд. II. С. 129–136.
Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. 882 с.
Орлов А.П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1873. № 5/6. С. 440–460.
Руцинская И.И. Эволюция восприятия городских монументов в русской провинции XIX — начала XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 129–132.
Сокол К.Г. Российские монументальные памятники конца XVIII — начала XX вв. как объекты исторической географии: Дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009.
Сорокин Н.В. Путешествие к вогулам // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. 1872. № 4. С. 1–59.
Сурков Е.А. Рефлексия «литературности» в русской сентиментальной повести // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 23–33.
Федин А.В. Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 65–93.
Чупин Н.К. Об открытии и первоначальной разработке магнитной горы Благодати // Горный журнал. 1866. № 11. С. 317–339.

S.V. Golikova

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620099, Russian Federation
E-mail: avokilog@mail.ru

Monument to the Mansi Stepan Chumpin in the context of the Russian pre-revolutionary memorial environment

The paper examines the history of creation and life of the monument to the Mansi Stepan Chumpin on the top of the Blagodats Mountain (city of Kushva, Sverdlovsk Region), in the context of development of the Russian

memorial culture. The paper aims to explore conformity of this monument with the memorial landscape during the time of its installation, as well as with the trends in the development of public commemoration in the pre-revolutionary period. Chumpin was the discoverer of a large field of magnetite on the Blagodats Mountain. The monument belongs to the category of anniversary ones, as it was built shortly before the centenary of the discovery of the field. Commemoration of this important event with the monument was the idea of the head of Goroblagodatsky mining district Nikolai Mamyshev. This high-ranking official was also a sentimentalist writer. The monument he erected was not similar to those in the style of classicism that were made in Russia in this period. It represented a cylindrical bowl-shaped base for iron casting bursting tongues of flame. The inscription on the pedestal says that Chumpin was burned here in 1730. It is believed the latter was done by his tribesmen associates. The paper formulates and justifies the hypothesis of the influence of Mamyshev's literary work on the concept of the monument: Chumpin, a «contemptible» character and a foreigner, is portrayed as a «noble savage» and a figure that evokes compassion. Such image of the discoverer gave a distinct ethnic orientation to the monument. It also appears as a memorial, since it was erected over the remains of a glorified person (although historians have proved that the fact of Chumpin's death in this place is a fiction). The monument is attributed to the monumental ones, as it is related to the great discovery by Chumpin, and to geographically motivated ones, as it is placed on the Blagodats Mountain. The monument is also a reminder of a significant event — the discovery of a rich deposit, and it affirms the recognition of the merits of the Mansi by the state. Even by the beginning of the 20th c., this monument did not become typical for the Russian memorial environment, although it turned into a popular tourist attraction.

Key words: Mansi, Stepan Chumpin, «noble savage», monument, field on Blagodats Mountain.

REFERENCES

- Agapov M.G. (2016). The Avatars of Yermak: Monuments and historical memory. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 142–150. (Rus.).
- Chupin N.K. (1866). About opening and initial development of the magnetic mountain of Blagodats. *Gornyj zhurnal*, (11), 317–339. (Rus.).
- Fedin A.V. (2010). The idea of «noble savage» in the 17th century «Jesuit relations». *Dialog so vremenem*, (32), 65–93. (Rus.).
- Galkin-Vrasskin M.N. (1880). John Howard's memories. *Russkaja starina*, (10), 379–384. (Rus.).
- Galljahovskij K.P. (1827). Geognostic remarks in the Goroblagodatsky mining district. *Gornyj zhurnal*, (9), 25–49. (Rus.).
- Kler O.S. (1878). The report on a trip made in 1877 for survey of meteorological stations of Central Ural Mountains. *Sbornik Permskogo zemstva*, (4), 129–136. (Rus.).
- Krivoshhekov I.Ya. (1910). *Dictionary of the Verkhoturys County of the Perm province*. Perm'. (Rus.).
- Orlov A.P. (1873). Information about the Voguls living in the Perm province. *Sbornik Permskogo zemstva*, (5/6), 440–460. (Rus.).
- Rucinskaja I.I. (2011). Evolution of perception of urban monuments in Russian province in XIX — the beginnings of XX centuries. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*, (8), 129–132. (Rus.).
- Sorokin N.V. (1872). Travel to Voguls. *Trudy obshhestva estestvoispytatelej pri Kazanskom universitete*, (4), 1–59. (Rus.).
- Surkov E.A. (2012). Reflection of literariness (literary style) in a Russian sentimental story. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, (1), 23–33. (Rus.).
- Vesnovskij V.A. (1902). *The companion of the tourist across the Urals*. Yekaterinburg. (Rus.).
- Vesnovskij V.A. (1904). *The illustrated Urals guide*. Yekaterinburg. (Rus.).
- Vostroknutov V.D. (1901). *Short historical review of the Goroblagodatsky mining district*. (Rus.).

С.В. Голикова, <https://orcid.org/0000-0001-8272-4763>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

РЕЦЕНЗИИ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-16>

Е.В. Глебова

Союз театральных деятелей РФ
Страстной бульвар, 10, Москва, 107031
Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334
E-mail: elena.glebova@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КАТАЛОГ «УЛЬЧИ» ИЗ СОБРАНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ им. Н.И. ГРОДЕКОВА¹

В рецензии затрагиваются вопросы научной каталогизации Хабаровского музея им. Н.И. Гродекова по традиционной культуре ульчей — коренного народа Дальнего Востока России. Каталог «Ульчи» представляет одну из самых масштабных этнографических коллекций музея: 808 предметов, характеризующих жизнеобеспечивающие практики, обрядовую культуру, шаманизм (XIX–XXI вв.) и вводит в научный оборот новые источники. Деятельность музея рассматривается в контексте общероссийского опыта каталогизации музейных собраний.

Ключевые слова: Нижний Амур, ульчи, традиционная культура, научная каталогизация.

На современном этапе для исторической науки большое значение приобретают музейные собрания, выступающие потенциальным информационным ресурсом и позволяющие исследователям извлекать дополнительные факты и вводить в научный оборот новые источники. В этой связи важную роль играет научная каталогизация коллекций как одна из форм научно-фондовой деятельности музейных учреждений. Авторы ряда этнографических музееведческих исследований подчеркивают, что данное направление становится важнейшим в работе отечественных музеев, поскольку музейные предметы являются подлинным свидетельством и достоверным доказательством исторических фактов, обращение к ним существенно стимулирует развитие научных направлений, позволяет разнообразить тематику, обогатить исследования новыми фактами [Патрушева, 2016, с. 327; Рыгалова, Рыгалов, 2018, с. 136].

В результате многолетней работы центральных этнографических музеев создана система научного описания коллекций, используемая для изучения и описания предметов в музеях соответствующего профиля, в том числе при составлении каталогов, которые в силу их высокой информативности могут использоваться в исследовании как вспомогательный или самостоятельный источник [Рыгалова, Рыгалов, 2018, с. 136]. Образцами каталогизации этнографических коллекций могут служить издания МАЭ (Кунсткамера) РАН, в том числе каталоги «Тлинкиты» (2007), «Эскимосы аляутиик» (2010), «Алеуты» (2014) [<http://www.kunstkamera.ru>]. Наряду с центральными, региональные российские музеи также проводят планомерную работу по атрибуции, описанию, систематизации и публикации своих этнографических вещественных источников, которые нередко содержат значимые для этнографической науки материалы и способствуют сохранению историко-культурного наследия конкретного региона. В качестве примеров можно привести каталоги археологических и этнографических коллекций «Музея Природы и Человека» (2018), «Сибирское дефиле: традиционная одежда русского населения Обь-Иртышья (середина XIX — начало XX в.)» (2007) [<http://www.ugramuseum.ru>].

В числе первых каталогов Сахалинского областного художественного музея — «Декоративно-прикладное искусство народов Дальнего Востока» (2000). В нем представлено 89 предметов традиционного искусства чукчей, коряков, якутов, эвенков, эвенков, нанайцев, ульчей, удэгейцев, негидальцев, ороков и нивхов из музейного собрания. Предметы систематизированы по разде-

¹ Малакшанова В.Б., Муллоянова О.Х., Осипова М.В., Пересыпкина К.Е., Титорева Г.Т. Ульчи: Каталог коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2017. 320 с.

лам «Мелкая пластика и гравюра» (кость), «Утварь и ритуальная пластика» (дерево, береста), «Традиционная одежда» и т.д. [Марамзина, 2000]. В 2018 г. на Сахалине вышло еще одно издание этнографической направленности — «Сахалинские корейцы: каталог коллекций из собрания Сахалинского областного краеведческого музея (1945–2018 гг.)», включающее 616 предметов, документов и фотографий, отражающих богатую историю этого народа, проживающих на острове Сахалин [<http://sakhalinmuseum.ru>].

Одним из российских музеев, где на протяжении 15 лет планомерно осуществляется перспективная программа научной каталогизации, является Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, этнографическое собрание которого насчитывает более 5000 тыс. предметов материальной и духовной культуры коренных народов Нижнего Амура [<https://hkm.ru>]. Первым в этой серии стал каталог «Орочи-удэне», составленный в 1913 г. В.К. Арсеньевым, который занимал с 1910 по 1919 г. должность директора Хабаровского краеведческого музея. Машинописный экземпляр каталога 177 предметов, собранных с 1894 по 1913 г., выстроенный по тематическому принципу и снабженный пояснительными статьями и историко-этнографическим очерком, хранился в фондах музея и был опубликован в авторской редакции только в 2005 г. [Арсеньев, 2005].

Продолжили эту программу каталоги «Негидальская коллекция Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова» [Лебедева, 2011], «Сэвэны» — с описанием более 400 уникальных предметов культовой скульптуры конца XIX в. — 2010 г., отражающих религиозные представления и традиционное мировоззрение коренных народов Дальнего Востока России [Титорева, 2012], «Кухонная утварь коренных народов Хабаровского края» [Муллоянова, 2012]. В последующие годы в свет вышли каталоги «Айны» (2013), «Орочи», «Эвены» (2014), «Нивхи» (2015), вводящие в научный оборот богатое историко-культурное наследие и малодоступные для иногородних исследователей этнографические и иные источники из собрания Гродековского музея. Эти каталоги привлекли внимание этнологов, часть из них получила положительные рецензии [Любимова, 2019]. К сожалению, на официальном сайте Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова имеется лишь краткая информация об этих изданиях, отсутствует полнотекстовый доступ к ним, что значительно затрудняет работу исследователей из других регионов. Кроме того, все каталоги изданы небольшими тиражами (1000 экз.) и это обстоятельство делает их библиографической редкостью.

Рецензируемый в данной публикации каталог «Ульчи» — одно из последних изданий Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, которое всесторонне представляет материальную и духовную культуру одного из восьми коренных малочисленных народов края (рис.). Оседлые тунгусо-маньчжурские ульчи (самоназвания — нани, ульча) традиционно населяли низовья Амура, в основном территорию современного Ульчского района Хабаровского края. По данным переписи 2010 г., их численность составляла 2,6 тыс. чел. В прошлом главной отраслью традиционного хозяйства ульчей являлось рыболовство (морская и таежная охота имели второстепенное значение) как сложный комплекс промысловых и обрядовых практик. В системе верований, основанной на шаманизме и анимизме, большую роль играли семейные и промысловые культы, одно из центральных мест занимал медвежий праздник [Смоляк, 1966; История и культура ульчей..., 1994].

Представленная в каталоге коллекция насчитывает 808 предметов, собранных разными поколениями российских и советских путешественников, ученых, жертвователей, и является одной из самых значительных. Она характеризует жизнеобеспечивающие практики, быт, обрядовую культуру, шаманизм, а также семейные отношения и воспитание детей ульчей в разные периоды времени — с конца XIX в. по настоящее время. Кроме того, в каталоге имеется 315 фотографий и негативов, отражающих различные аспекты традиционной и современной культуры ульчей, повседневную жизнь национальных поселений в разные периоды времени.

Каталог создан большим авторским коллективом сотрудников музея, специалистов в области музейного дела, исследователями этнографии народов Хабаровского края Г.Т. Титоровой, М.В. Осиповой, В.Б. Малакшановой, О.Х. Муллояновой, К.Я. Пересыпкиной. К работе по составлению каталога привлекались известные ульчские мастера декоративно-прикладного искусства И.П. Росугбу, Л.Б. Хатхил, Ю.Н. Куйсали, лингвист Т.В. Ангина. Таким образом, изданию каталога, характеризующего состав ульчской коллекции Гродековского музея, предшествовали серьезные историко-этнографические, музейные, искусствоведческие, этнографические исследования.

Издание состоит из шести разделов: «Ульчи: историко-этнографический очерк», «История формирования ульчской коллекции», «Каталог этнографической коллекции», «Каталог фотографий и негативов», «Источники и литература», «Приложения». Публикация артефактов пред-

варяется обстоятельным историко-этнографическим очерком, где авторы анализируют длительный процесс формирования научного знания об ульчах, первые сведения о которых встречаются в записках русских первопроходцев XVII в., более подробные — в отчетах исследователей XIX в. Ф.Б. Шмидта, П.П. Глена, Л.И. Шренка. Подчеркивая, что вопрос о происхождении ульчей как этнической общности до сих пор остается открытым, а существовавшие предположения связывали этот народ с монголами, тунгусскими оленеводческими племенами, авторы ссылаются на Л.И. Шренка, написавшего в 1883 г., что этот народ «чисто Амурский», а также на А.М. Золотарева, проводившего в 1930-х гг. на Амуре полевые исследования и определившего, что ульчи — конгломерат, имеющий палеоазиатские, центрально-азиатские, восточно-сибирские и маньчжурские корни [Малакшанова и др., 2017, с. 7].

Рис. Обложка каталога «Ульчи». Страница каталога «Ульчи». Раздел «Одежда». Fig. Cover of the catalog «Ulchi». Catalog «Ulchi» page. Section «Clothes».

Рассматривая немногочисленную историческую и этнографическую литературу об ульчах, составители отмечают, что основы историографии этого народа заложили Л.И. Шренк, Р.К. Маак, А.П. Сильницкий, А.М. Золотарев и другие исследователи, работавшие на Нижнем Амуре в конце XIX — начале XX в. Большой вклад в изучение ульчей внесли советские этнографы С.В. Иванов, А.В. Смоляк, современные этнологи и лингвисты П.Я. Готмахер, Т.В. Мельникова, С.В. Ангина. Давая общую характеристику этнической культуры ульчей, авторы прослеживают ее трансформации в советский и постсоветский периоды, показывают линию преемственности между поколениями, представляют сегодняшнюю жизнь этого коренного малочисленного народа, рассматривают особенности развития современного этнического искусства, формирование новых культурных традиций.

Раздел «История формирования ульчской коллекции» содержит подробные сведения о том, как по крупицам формировалось это музейное собрание, подчеркивается роль не только известных ученых из Ленинграда, музейных сотрудников из Хабаровска, но и безвестных собирателей, энтузиастов, любителей родного края. Ульчская коллекция начала формироваться в конце XIX в., но сведений о большинстве артефактов, поступивших в Хабаровский музей с 1894 по 1914 г., а также имен их собирателей не сохранилось, за исключением одного человека — ученика 7-го класса Хабаровского реального училища Григория Стрижевского, который в 1913 г. безвозмездно передал музею 27 предметов ульчской культуры из стойбища Ада, снабдив их детальным описанием и получив за это благодарность от В.К. Арсеньева [Там же, с. 223]. В конце 1920-х гг. коллекция пополнялась работавшими в тот период в экспедициях на Нижнем Амуре учеными-этнографами С.В. Ивановым, Н.К. Каргером, Е.Р. Шнейдером.

«Золотой фонд» ульчской коллекции сложился в 1959 г., когда сотрудником Хабаровского краеведческого музея Г.В. Таскаевой из экспедиции в села Ульчского района Богородское и Булава были привезены 65 вещевых предметов, в том числе орудия промысла, предметы быта, традиционная одежда [Там же, с. 34]. Особую ценность имеют женская свадебная меховая шапочка *тугдемэ алу* с ушками рыси, датированная 1920 г., и вышитый воротник-пелерина *сини* середины XIX в. из меха соболя, экспонировавшиеся на многих российских и зарубежных выставках [Там же, с. 118–199]. В 1970 г. случайная находка участника экспедиции Хабаровского НИИ микробиологии В.Д. Попова в заброшенном с. Койма обогатила ульчское собрание старинными украшениями, многочисленными ритуальными и бытовыми предметами [Там же, с. 34].

Произведения лучших ульчских мастеров XX в., в том числе традиционная одежда, поступали в 1970–1980-е гг. от дальневосточного искусствоведа К.П. Белобородовой, а в результате интенсивной экспедиционной работы сотрудников Хабаровского музея коллекция ежегодно пополнялась новыми находками. В 2005 г. из с. Дуди привезены вещи известной ульчской шаманки Е.Г. Оберталиной (бубен, куртка и пояс шамана, ритуальная скульптура) и собрание *сэвэнов* другого известного ульчского шамана А. Коткина, одного из главных информантов видного российского этнографа А.В. Смоляк — автора фундаментального исследования «Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Амура)» [1991]. В 2006 г. в с. Ухта был приобретен ценнейший артефакт — серебряный слиток *ямб* (*ембэ*), выступавший в XIX в. средством платежа в Китае и впервые введенный в научный оборот в каталоге «Ульчи» [Малакшанова и др., 2017, с. 186].

Самый объемный раздел в этом издании — «Каталог этнографической коллекции» — состоит из девяти подразделов, предметы систематизированы по составу и назначению и характеризует основные черты этнической культуры ульчей. Методика описания построена по общей схеме: автор (если известен), название предмета на русском и ульчском (если имеется) языках, время создания предмета, внешнее описание (устройство) предмета, данные о виде материала и технике исполнения, размеры (в сантиметрах), сохранность (если имеются серьезные повреждения или нарушение целостности предмета, место и время поступления, собиратель (если известно), учетный и инвентарный номера, участие в выставках и экспозициях (сведения даны с 1990 г.), библиография и воспроизведения.

Подраздел «Орудия промыслов» содержит 53 артефакта, в том числе приспособления для вязания сетей, поплавки, мотовило для веревок, ножи, самострелы, лук, футляры для хранения кремня и трута, охотничьи подвесные принадлежности. Среди наиболее ценных предметов нож (металл, ковка; XVI–XVII вв.), колотушка *патыи* для добывания рыбы (дерево, резьба; 2-я пол. XIX в.), ножны *коптун* (дерево, кожа, мех нерпы, металл, ковка, резьба; 2-я пол. XIX в.), наконец копья *гида* ритуальный (металл, ковка, инкрустация; 2-я пол. XIX в.).

Подраздел «Средства передвижения» содержит всего 7 предметов — фрагменты полоза *мутасун* для нарт *тучи*, модель лодки *утунги*, ошейники *уйчэ* к собачьей упряжке. К наиболее интересным артефактам относится ошейник собачий праздничный для вожака, выполненный из кожи, ткани, конского волоса, металла и датируемый XIX в. В подразделе «Предметы быта» представлены различной формы короба, корзины, сосуды из бересты и дерева, плетенные из прутьев тальника блюда *соро*, деревянные корыта *ото* и песты *монпу* для приготовления ритуального блюда из рыбьей кожи *моси*, постельные принадлежности из текстиля, сумки *хурэ* для принадлежностей женского рукоделия, а также материалы для изготовления посуды (путья тальника, нити из корня ивы, берестяные образцы укрепления краев посуды) и др. — всего 163 предмета. К числу наиболее интересных вещей относятся колыбель *эмуэ*, выдолбленная из цельного куска дерева, и женская сумка *хурэ* из кожи рыбы и шкурки птиц (2-я пол. XIX в.), ритуальная чаша *ото* и сосуд *хо* для согревания алкогольных напитков (начало XX в.).

Самый старый по времени экспонат в подразделе «Ковры» (всего здесь 23 произведения) относится к концу XIX в., мастер неизвестен. Остальные ковры *хадасу*, сшитые из ткани и украшенные вышивкой и аппликациями традиционных орнаментов, создавались в 1950–1980-е гг. известными мастерицами О.Л. Росугбу (1914–1988), А.Г. Черуль (1912–1993), Н.К. Ходжер (1927–2009), Б.Г. Куйсали (1915–1977), сформировавшими это отдельное направление в декоративном искусстве ульчей.

В подразделе «Одежда» наибольшее количество предметов (189), отражающих полный комплекс традиционного костюма. К числу наиболее знаковых для культуры ульчей принадлежат нагрудник женский *лэлуэ* XIX в. (хлопчатобумажная и шелковая ткань, подшейный волос оленя, кожа; шитье, вышивка, аппликация), концевые подвески пояса *маули* 2-й половины XIX в.

(хлопчатобумажная ткань, мех, металл, шелковые нити; шитье, вышивка), халат женский *амири* XIX в. (кожа рыбы, хлопчатобумажные нити; шитье, аппликация), ноговицы *ойи* 1-й половины XX в. (ровдуга, сухожильные нити; шитье).

Несомненный интерес представляют комментарии к отдельным артефактам, позволяющие проследить частные истории вещей. Например, праздничный халат из шелка XIX в., приобретенный в 1998 г. у З.Г. Дуван, был выменян ее дедом Олонго Дуваном (1884–1980), сахалинским айном по происхождению, у китайского купца, который получил за свой товар лошадей [Там же, с. 153]. Шелковый женский свадебный воротник *сини* 2-й половины XIX в. бытовал в семье К. Росугбу более 100 лет, надевался во время свадебного обряда и на медвежий праздник [Там же, с. 119]. Пояс наборный *чириктэмэ мэнуэмэ умали* XIX в., выполненный из серебра и бронзы, бытовал в ульчском роду Дечули и передавался по наследству младшему в семье сыну, считался родовой ценностью. В 1995 г. он был приобретен у З.П. Дечули, к которой он перешел по наследству от отца [Там же, с. 152]. Другой наборный пояс, *мэнуэмэ умали* из металла и кожи (на пряжке чеканка с растительными и геометрическими узорами), принадлежал ульчу Пучка из с. Удан, деду по материнской линии А.К. Киле. Сохранилось семейное предание о том, что пояс был приобретен во время рыбалки или охоты на нерпу в Татарском проливе и передавался затем по наследству по мужской линии. Поскольку в 1937 г. отца и брата А.К. Киле репрессировали, пояс остался у матери, Ульяны Даниловны Даргачи, а затем перешел к сыну А.К. Киле [Там же, с. 152].

В подразделе «Украшения» опубликованы изображения 105 предметов, датированных в основном XIX — началом XX в. Здесь представлены серьги женские ушные *сиэ сулчиктэ* из металла, халцедона, стеклянной пасты, нефрита; носовые серьги *сэндэхэ сиэ*; металлические подвески *ачи гакта иктэни* — важный атрибут праздничных женских халатов; металлические браслеты. Центральным предметом в этой коллекции является украшение женское свадебное *хосо* XIX в. ручной работы из нефрита, стекла, которое экспонировалось на крупных этнографических выставках в Японии, Санкт-Петербурге [Там же, с. 178].

Ритуальная скульптура различного назначения, предметы шаманского костюма, бубны, амулеты, обереги, иконы *Мио* представлены в подразделе «Верования» (153 предмета). Они отражают ритуально-магический комплекс в традиционной культуре ульчей и являются компонентами промысловых, родовых, погребальных обрядов. Отдельно следует упомянуть нагрудник шамана конца XIX в. (ровдуга, металл, краситель; шитье, литье, тонирование), ритуальную деревянную посуду в форме птицы *наму гасани* нач. XX в., сэвэна *Кальдяму* конца XIX — начала XX в., входившего, по мнению информанта И.П. Росугбу, в арсенал сильного шамана. Ритуальная куртка из белой ткани с металлическими подвесками, относящаяся ко 2-й половине XX в., принадлежала ульчской шаманке Екатерине Гавриловне Оберталиной (1914–2005) и хранилась на чердаке ее дома в с. Дуди Ульчского района. Бытование у ульчей ритуальных практик в советский период подтверждает также амулет-оберег жилища, выполненный из кожи рыбы, дерева и конского волоса, относящийся к середине XX в.

Завершают «Каталог этнографической коллекции» подразделы «Игрушки», куда вошло 102 предмета (плоскостные куклы *хакуа* из бумаги и ткани, деревянные фигурки в форме собак, лесных существ, игрушечные лук и стрелы, лодки, нарты), выполненные современными мастерами по заказу музея, а также «Печатные издания», где представлены 10 книг разных лет, в том числе «Ульчские народные песни» (1067), Ульско-русский словарь О.П. Суника (1987), проза А.Л. Вальдю (1960), стихи М.П. Дечули (1991) и др.

Особую ценность имеет раздел фотографий и негативов начала XX в. — 2004 г., где отражена повседневная жизнь ульчей: кадры, сделанные на рыбалке, в библиотеке, школе, во время концертов художественной самодеятельности. Отдельные снимки фиксируют технологии работы с природными материалами, фрагменты медвежьего праздника, портреты последних ульчских шаманов, художников, писателей, хореографов, педагогов. Авторы многих фотографий неизвестны, предположительно это корреспонденты местных газет, поскольку снимки отражают такие сюжеты, как выступление ульчского хора в с. Булава (1957), сельский праздник рыбака на острове Джаяда (1971), собрание членов райисполкома (1970-е), а также портреты «Знатный рыбак Ульчского района», «Даргачи Нина Даниловна — первая женщина-председатель сельсовета», «Дявгада Дарья Ивановна, бригадир женского колхоза “Удыль”» и др.

Ценность представляет кадр «Ульч Питька Хаткен», снятый в 1929 г. в стойбище Кадаки П.М. Покровским — первым директором Хабаровского краевого музея, заложившим основы его этнографических коллекций, репрессированным в 1938 г. Часть фотографий сделана извест-

ным российским ученым Ю.А. Семом во время его экспедиций на Нижний Амур в 1950–1970-е гг. Цветные снимки 1999 г., запечатлевшие обряд «угощения» духа-хозяина воды, этапы изготовления традиционной ульчской лодки и ее спуск на воду, современные мастера с. Булава, поступили от японского исследователя К. Оцука. Прекрасные портреты жителей Ульчского района принадлежат дальневосточному фотографу В.Н. Токарскому, в объектив которого попали шаманка Индяка Вальдю (1991), солистка фольклорного ансамбля Дина Сергеевна Дяксул (1991), мастер по работе с берестой Н.К. Ходжер (1993), обычные жители национальных сел Булава, Савинское. Фотографом В.А. Спидленом зафиксированы фрагменты медвежьего праздника в с. Булава, проводившегося ульчами в 1992 г. в последний раз. Часть фотографий сделана во время экспедиций сотрудников Гродековского музея Т.В. Мельниковой (мастер изготовления одежды из рыбьей кожи З.А. Пластина за работой, материал и инструменты для пошива традиционной одежды из рыбьей кожи, изготовление антропоморфного *сэвэна*, типы жилища с. Богородского, портрет шаманки Н.И. Поповой — 1988 г.), М.Ф. Буриловой (медведь для медвежьего праздника, Чимака Вальдю в национальном халате — 1991 г.).

Завершает каталог «Ульчи» подробный справочник 27 ульчских мастеров разных поколений, через персоналии которых можно проследить процесс передачи традиционных знаний. Так, технологиями плетения ульчских поясов, сохраняемыми в советское время З.А. Пластиной (1911–1992), сегодня владеет ее внучка Ю.А. Чижик (1961 г.р.) и передает свои знания следующим поколениям.

Изданный при финансовой поддержке компании «Эксон Нефтегаз Лимитед» каталог «Ульчи», на подготовку которого ушло несколько лет кропотливой работы сотрудников Гродековского музея, представляет неоспоримую ценность для музейных и научных работников, поскольку дает возможность познакомиться с ранее недоступными вещевыми и фотоколлекциями по ульчской культуре и может служить источником при проведении сравнительно-этнографических, историко-этнографических, музееведческих и иного рода исследований. Каталог представляет интерес и для широкой читательской аудитории, прежде всего дальневосточной. Он, несомненно, будет востребован и как одно из справочных пособий при знакомстве ульчей с историей и культурой своего народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арсеньев В.К.* Каталог «Орочи-удэне» Гродековского музея (1913 г.) / Ред.-сост. Т.В. Мельникова. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2005. 90 с.
- Лебедева В.В.* Негидальская коллекция Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2011. 127 с.
- Любимова Н.С.* Новые каталоги коллекций Хабаровского краевого музея // Сибирские исторические исследования. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2019. № 2. С. 208–212.
- Иващенко Л.Я., Киле Н.Б., Смоляк А.В.* (отв. ред.). История и культура ульчей в XVII–XX вв.: Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994. 177 с.
- Малакшанова В.Б., Муллоянова О.Х., Осипова М.В., Пересыпкина К.Е., Титорева Г.Т.* Ульчи: Каталог коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2017. 320 с.
- Марамзина А.М.* Декоративно-прикладное искусство народов Дальнего Востока в собрании Сахалинского областного художественного музея. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2000. 36 с.
- Муллоянова О.Х.* Кухонная утварь коренных народов Хабаровского края: Каталог коллекции из собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2012. 133 с.
- Патрушева Г.М.* Каталогизация музейных коллекций в музеях Западной Сибири на современном этапе // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии: (Проблемы интерпретации и сохранения): Материалы междунар. конф. Кемерово, 2016. С. 325–330.
- Рыгалова М.В., Рыгалов Е.В.* Музейные коллекции как исторический источник: (Обзор отечественной историографии) // Известия АлтГУ. 2018. № 5 (103). С. 135–139.
- Смоляк А.В.* Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
- Смоляк А.В.* Шаман: Личность, функции мировоззрение: (Народы Амура). М.: Наука, 1991. 276 с.
- Титорева Г.Т.* Сэвэны: Каталог культовой скульптуры из собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2012. 206 с.

E.V. Glebova

Theater Union of the Russian Federation
Strastnoy bulvar, 10, Moscow, 107031, Russian Federation
Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS
Leninsky prosp., 32A, Moscow, 119334, Russian Federation
E-mail: elena.glebova@mail.ru

**Review of the catalog «Ulchi» from the collection
of the Khabarovsk Regional Museum n.a. N.I. Grodekov**

The article presents the analysis of the catalog «Ulchi» by the Khabarovsk Regional Museum n.a. N.I. Grodekov. The performance of the local museum is considered in the context of all-Russian experience of cataloging of the museum collections, which is of a particular importance for historical science. The author examines the program of scientific cataloging of the museum collections, featuring the traditional culture of almost all indigenous peoples of the Russian Far East. We conclude that the series of ethnographic catalogues of the museum has made a significant contribution to the Far East museum studies and ethnography. The new catalog «Ulchi» presents the largest ethnographic collection of the museum, which characterizes the material and spiritual culture of one of the eight indigenous populations of the Lower Amur River Region — the Ulchi. The catalog includes 808 ethnographic artifacts — household items, clothes, fishing and hunting equipment, items of ritual culture, shamanism and family relations of the Ulchi (19th–21st c.). Specific sections include more than 300 photographs and negatives (19th–20th c.), as well as detailed background information. Some artifacts, such as ritual sculptures, shaman clothing and attributes, utensils for ritual rites, ancient devices for fishing etc., are published for the first time. The catalog was prepared by a large team of authors involving Ulchi craftsmen and linguists. The catalog «Ulchi» introduces new materials into scientific discourse, and it can serve as a source for comparative ethnographic, historical and museum studies analysis. It has been emphasized that the newly published catalog of the Khabarovsk Regional Museum n.a. N.I. Grodekov allows representatives of this people to connect with their own cultural heritage; it contributes to the formation of their historical memory and identity.

Key words: the Lower Amur, Ulchi, traditional culture, scientific cataloging.

REFERENCES

- Arsen'ev V.K. (2005). *Catalog «Orochi-Udehe» of the Museum after N.I. Grodekov (1913)*. Khabarovsk: Habarovskij kraevoj kraevedcheskij muzej im. N.I. Grodekova. (Rus.).
- Ivashchenko L.Y., Kile N.B., Smolyak A.V. (Eds.) (1994). *History and culture of Ulchi in the XVII–XX centuries*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Lebedeva V.V. (2012). *Negidal collection of the Khabarovsk territorial museum after N.I. Grodekov*. Khabarovsk: Habarovskij kraevoj kraevedcheskij muzej im. N.I. Grodekova. (Rus.).
- Lyubimova N.S. (2019). New catalogs of collections of the Khabarovsk territorial museum. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, (2), 208–212. (Rus.).
- Malakshanova V.B., Mulloyanova O.H., Osipova M.V., Peresypkina K.E., Titoreva G.T. (2017). *Ulchi: Catalog of the Khabarovsk territorial museum after N.I. Grodekov collection*. Khabarovsk: Habarovskij kraevoj kraevedcheskij muzej im. N.I. Grodekova. (Rus.).
- Maramzina A.M. (2000). *Decorative and applied art of the peoples of the Far East in the collection of the Sakhalin territorial art museum*. Yuzhno-Sakhalinsk: Sahalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Mulloyanova O.H. (2012). *The kitchen utensils of the indigenous peoples of the Khabarovsk region: The catalog of the collection of the Khabarovsk territorial museum after N.I. Grodekov*. Khabarovsk: Habarovskij kraevoj kraevedcheskij muzej im. N.I. Grodekova. (Rus.).
- Patrusheva G.M. (2016). Cataloging collections in museums in Western Siberia at the contemporary stage. In: *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Central'noj Azii: problemy interpretacii i sohraneniya* (pp. 325–330). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).
- Rygalova M.V., Rygalov E.V. (2018). Museum collections as a historical source: (Review of Russian historiography). *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 135–139. (Rus.).
- Smolyak A.V. (1966). *Ulchi: Economy, culture and life in the past and present*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Smolyak A.V. (1991). *Shaman: Personality, functions, worldview*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Titoreva G.T. (2012). *Catalog of cultic sculptures from the collection of the Khabarovsk territorial museum named after N.I. Grodekov*. Khabarovsk: Habarovskij kraevoj kraevedcheskij muzej im. N.I. Grodekova. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

М.Г. Агапов

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: magapov74@gmail.com

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

**Рецензия. Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики:
советский опыт в контексте современных стратегий
(на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири).
М.: Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.**

Рассматриваются результаты исследования, представленные в монографии ученых-североведов К.И. Зубкова и В.П. Карпова «Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири)». Рецензент приходит к выводу о несомненной научной ценности монографии, отмечая при этом в суждениях авторов ряд спорных допущений, сделанных с позиций государствоцентризма, телеологизма и геополитического алармизма. Рецензия призвана открыть дискуссию по вопросу о подходах к осмыслению советского опыта освоения Арктики.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, Западная Сибирь, Урал, геополитика, освоение Севера.

Новая монография известных ученых-североведов К.И. Зубкова и В.П. Карпова «Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири)» не может не привлечь внимание всех, кто интересуется вопросами истории, современного состояния и перспективами развития российской Арктики. Учитывая популярность арктической темы, можно не сомневаться, что читательский интерес книге обеспечен.

Исследование охватывает события российской арктической истории в период с XV века до наших дней. Основной акцент делается на анализе советского опыта освоения Крайнего Севера на примере «Тюменского сектора Арктической Зоны РФ» (этой теме посвящены шесть из восьми глав). Авторы осмысливают свой материал в кругу идей классической геополитики. Текст монографии насыщен соответствующей терминологией: «геополитические положения», «конъюнктура», «вызовы», «риски», «императивы» и «прафеномены».

Внутренний дизайн монографии организован по проблемно-хронологическому (главным образом — хронологическому) принципу. В первой главе («Многообещающий старт: итоги изучения и освоения российской Арктики к началу XX века») подводятся итоги открытия и освоения российской Арктики в досоветский период. Хотя в общем плане монографии первая глава выглядит вводной, ее содержание наполнено богатейшим фактологическим материалом, который будет интересен всем исследователям дореволюционной российской арктической истории. Вторая глава («Ранние советские проекты экономического освоения Арктики») посвящена дилеммам формирования советской арктической стратегии в 1920-е гг. В третьей главе («Под сенью генеральных перспектив: советская Арктика в годы первых пятилеток») анализируются реализованные на советском севере в 1930-е гг. крупные исследовательские, организационно-логистические и индустриальные проекты. В четвертой главе («Вторая мировая война и послевоенные альтернативы») перед читателем разворачивается драматическая картина войны в Арктике и на Крайнем Севере, дается анализ вопросов стратегической безопасности региона в военный и послевоенный периоды. Пятая глава («В плену ситуационных решений») посвящена новой индустриализации Западно-Сибирского Севера в связи с открытием там промышленных нефте- и газовых месторождений. В шестой главе («Новые задачи — старая техника») анализируются коллизии

создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В седьмой главе («Промышленное наступление на Север и судьба коренных народов») взаимоотношения «освоенцев» и коренных народов Севера рассматриваются как драматичный конфликт индустриальной и традиционной цивилизаций. Наиболее интересную с точки зрения проблематизации и аналитики часть монографии составляет заключительная, восьмая глава («Исторический опыт освоения советской Арктики в зеркале современных проблем»).

Монография К.И. Зубкова и В.П. Карпова базируется на фундаментальном историографическом основании, в том числе на работах самих авторов. Нельзя не отметить глубокую продуманность основных сюжетов, тщательную проработку ключевых вопросов, т.е. те качества, которые присущи только долгосрочным проектам, к числу которых, несомненно, относится и рецензируемая работа. Высокий уровень исследования обеспечен привлечением широкого круга как опубликованных, так и извлеченных из центральных и региональных архивов исторических источников. Несомненным достоинством монографии является присущая ей сравнительная перспектива: авторы сравнивают не только российский, советский и постсоветский опыт освоения Арктики, но и отечественные и зарубежные модели освоения отдаленных северных территорий, что позволяет читателю увидеть картину во всей ее полноте.

Отметим наиболее важные, по нашему мнению, тезисы К.И. Зубкова и В.П. Карпова:

1. Стержнем, несущей основой программы российского/советского освоения Арктики являлось транспортно-экономическое освоение (с. 64, 106). С этой точки зрения, стратегической осью освоения российской/советской Арктики являлся Северный морской путь (с. 63). Важно подчеркнуть, что значение Северного морского пути для закрепления позиций России / СССР в Арктике сохранялось на всем протяжении рассматриваемого периода, а не только в «золотой век» Северного морского пути — время существования Главного управления Северного морского пути. Не случайно этот сюжет проходит через все повествование К.И. Зубкова и В.П. Карпова.

2. В советский период подход центральных властей к освоению Крайнего Севера и Арктики был неизменно утилитарно-прагматическим. Север рассматривался исключительно как ресурсная территория, что обуславливало специфические формы административно-политического управления и экономического освоения (с. 118, 121). Советская стратегия освоения Севера диктовала главным образом технократический и сырьевой характер развития территории (с. 243).

3. Современная Россия явно наследует Советскому Союзу в определении приоритетов государственной политики в Арктике и опирается на созданные еще в СССР территориально-производственные комплексы: «ничего принципиально нового в отечественном секторе Арктической зоны после распада СССР не создано» (с. 265).

Справедливости ради, следует заметить, что эти тезисы озвучиваются, в том числе и К.И. Зубковым и В.П. Карповым, не впервые, однако, включенные в единую аналитическую схему, они позволяют в наиболее полном объеме реконструировать сложную картину развития российской Арктики, высветить его противоречия, вскрыть комплексный характер проблем.

На наш взгляд, рецензия должна открывать дискуссию по представленному тексту. Однако, прежде чем перейти к полемическим суждениям, следует заметить, что монография К.И. Зубкова и В.П. Карпова во многом является нормативной для современной российской арктической историографии. Поэтому следующие далее суждения будут относиться не только к рецензируемой монографии, но и ко всему представляемому ею историографическому мейнстриму, для которого характерны государствоцентризм, телеологизм и геополитический алармизм. Начнем с последнего.

К сожалению, геополитика образца XIX — первой половины XX в. уже давно стала теоретико-методологической базой для многих российских исследователей. Почему к сожалению? Да потому, что геополитическая оптика позапрошлого и прошлого века упрощает материал и обедняет его анализ. Рассмотрим только один пример. На с. 47 читаем: «...как и в эпоху Великих географических открытий, контроль над морскими трассами русской Арктики и вытекающие из этого потенциальные выгоды становились предметом международной конкуренции, в связи с чем русское правительство старалось бдительно следить за иностранной активностью на этом поприще. Первым сигналом нарастающей международной конкуренции в Арктике стало успешное прохождение Северовосточного прохода на всем его протяжении экспедицией Э. Норденшельда на парусно-паровом судне “Вега” в 1878–1879 гг.». Перед нами типичный пример геополитического алармизма. А теперь усложним картину. Для этого нужно вспомнить, что экспедиции Нильса Адольфа Эрика Норденшельда во многом были организованы по проектам известного ревнителя Севера, золотопромышленника М.К. Сидорова и частично профинансиро-

ваны другим сибирским золотопромышленником, А.М. Сибиряковым. Точно так же А.М. Сибиряков финансировал плавание к Оби и Енисею другого «международного конкурента» — Дж. Виггинса [Агапов, 2018].

В последней четверти XIX — начале XX в. сибирские производители искали пути сбыта своих товаров. Наиболее перспективным вариантом многим из них казался «Сибирский морской путь», однако российское правительство не поддерживало его исследование вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 гг., а российские моряки, за исключением отдельных энтузиастов, отказывались признать саму возможность такого пути. В ответ на обвинение в капитуляции перед иностранцами сибирские публицисты писали: «...если сами русские не в состоянии были до сих пор вывести Сибирь из состояния экономической спячки и застоя, то позволим по крайней мере иностранцам указать нам путь, способный поднять Сибирь до высоты, соответствующей ее производительным силам» [Турбин, 1891, с. 26]. В брошюре, автор которой выступил под говорящим псевдонимом «Енисеец», заявлялось: «Нам могут бросить упрек, что, защищая беспешинный ввоз иностранных товаров в устья сибирских рек, мы стоим на почве узких сибирских интересов... Но ведь сама Сибирь слишком широка для того, чтобы ее интересы были узкими, и нужно быть близоруким, чтобы не видеть общегосударственного значения северного морского пути и беспешинного ввоза иностранных товаров» [1898, с. 33].

Таким образом, структура конфликта по поводу эксплуатации «Сибирского морского пути» отличалась сложностью, которую классическая геополитическая теория, заточенная на масштабные обобщения, просто не способна схватить. Вообще отсутствие при разборе данного сюжета такого коллективного субъекта, как сибирское бизнес-сообщество и общественность, в монографии, имеющей подзаголовок «На примере Крайнего Севера Урала и Западной Сибири», несколько удивляет.

В рецензируемой монографии (повторимся — как и едва ли не во всей современной российской арктической историографии) часто можно встретить безличные формулировки о задачах, которые стояли и решались, об институтах, которые органично выростали из всего предшествующего опыта [Зубков, Карпов, 2019, с. 95] и т.п. Иначе говоря, весь процесс освоения Арктики представляется заранее предзаданным и предопределенным. Стройность суждений такого рода достигается благодаря тому, что порою авторы перепрыгивают через целые столетия. Так, например, К.И. Зубков и В.П. Карпов пишут: «Именно в Петровскую эпоху Россия впервые начала узнавать свои размеры и пределы, определять свое место в мировой системе. Объективно эта героическая экспедиция [Великая Северная] смело предвосхитила дальнейшие проекты освоения Северного морского пути, делая Россию держательницей важнейшей транзитной международной трассы» (с. 44).

Здесь и в других аналогичных пассажах утверждается даже не телеологичность, а аристотелевская энтелехичность изучаемого процесса. В действительности история колонизация российской Арктики полна коллизий, она более прерывиста, чем последовательна; каждый из ее эпизодов имеет своих субъектов со своими мотивами и интересами. Лишь ретроспективно эти эпизоды интерпретируются историческими учеными как этапы большого пути, едва ли не изначально нацеленного на достижение значимого для нас здесь и сейчас результата. Однако, хотя Великая Северная экспедиция и собрала все необходимые данные, позволяющие начать работу по прокладке транспортного пути из Европы к Тихому океану вдоль сибирского побережья, вектор российской арктической политики резко изменился: согласно популярной в XVIII в. теории «открытого моря», путь в Индию было решено прокладывать через Северный полюс. Неудача экспедиции Чичагова доказала невозможность этого варианта, после чего российские исследования Арктики надолго прекратились. Они возобновились только в 20-е гг. XIX в., но уже в 40-е гг. вновь были прекращены — вплоть до «эпохи Норденшельда» [Ташлыков, 2014]. На рубеже XIX–XX вв., как видно из документов того времени, импульс российским арктическим исследованиям придавали успехи Норденшельда и Виггинса, а не память о Великой северной экспедиции.

Вообще при работе с источниками по истории российского освоения Арктики обращает на себя внимание постоянное воспроизведение одних и тех же топосов (по крайней мере в транспортно-логистической сфере): из века в век звучат одни и те же высказывания о необходимости изучения береговой линии, ледовой обстановки и условий навигации вдоль «фасада России» (выражение С.О. Макарова); о насущной потребности в обустройстве портов и установлении их связи с континентальными (водными и/или железнодорожными) путями; из века в век повторяются слова о том, что Северный морской путь вот-вот станет крупнейшей транснациональной

магистралью [Вахтин, 2017]. Дело, впрочем, не в том, что указанные топосы воспроизводятся в риторике исследователей, публицистов и государственных лиц с завидным постоянством (что, конечно, весьма показательно), но в том, что каждый раз к идее Северного морского пути обращаются как в первый раз.

Отмеченный К.И. Зубковым и В.П. Карповым в пятой главе («В плену ситуационных решений») ситуационистский подход советского руководства к разработке нефте- и газовых месторождений в Западной Сибири в 1970–1980-е гг. был характерен и для других направлений российской арктической политики, в том числе в более ранние и в более поздние периоды. Таким образом, обращаясь к конкретному материалу, мы гораздо чаще встречаем не «объективное» вырастание чего бы то ни было из предшествующего опыта, но разрыв с последним (если не его забвение); обнаруживаем действие не идущих из глубины веков импульсов, но продиктованных актуальной повесткой ситуационных решений.

Наконец, медвежью услугу исследователям оказывает и их государствоцентризм. Нет, К.И. Зубков и В.П. Карпов не являются государственниками-апологетами. Напротив, их монография содержит целый ряд серьезных критических суждений в отношении как советской, так и современной российской государственной арктической политики. Однако именно государство, как правило, в лице его высших органов, является для авторов главным субъектом исторического процесса. Такой подход купирует целый ряд интереснейших сюжетов, нивелирует важные для понимания логики и механизмов освоения Севера коллизии в отношениях между центральными органами власти, с одной стороны, и местными администраторами, деловыми и общественными группами — с другой. К.И. Зубков и В.П. Карпов неоднократно демонстрируют зазоры между планами центра и реальной практикой их воплощения (или не воплощения) на местах. Однако сама подача материала показывает, что государство- (или даже центр-)центристская оптика является для авторов монографии определяющей. Поэтому наиболее интересными страницами монографии являются те, где данная оптика размывается (см., например, сюжет о споре Урала и Сибири вокруг проблемы экономического тяготения, а следовательно, и принадлежности Тобольского Севера на с. 61–66). И наоборот, там, где государствоцентристский взгляд фокусируется с предельной силой, авторы, на наш взгляд, несут существенные потери. Так, в примечании к основному тексту на с. 66 читаем:

«Строго говоря, планомерный подход к освоению Северного морского пути начал реализовываться уже правительством А.В. Колчака, многие инициативы которого (учреждение 23 апреля 1919 г. Комитета Северного морского пути во главе с С.В. Востротинным, организация в августе — сентябре 1919 г. Карской экспедиции во главе с Б.А. Вилькицким и др.) предвосхищали последующие советские мероприятия. (См. об этом: Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак // Белая армия. Белое дело. 1996. Вып. № 2. С. 118). *Лишь отсутствие всякой политической преемственности между двумя режимами не позволяет рассматривать начатые ими северные проекты как звенья одной цепи* (подчеркнуто мною. — М. А.), хотя и в этом случае уникальная ценность опыта арктических навигаций обуславливала поразительные исключения: напр., участие руководителя колчаковской Карской экспедиции 1919 г., белоэмигранта Б.А. Вилькицкого в подготовке и проведении 3-й и 4-й советских Карских экспедиций. (См.: Березовский Н.Ю., Доценко В.Д., Тюрин Б.П. Российский Императорский флот. 1696–1917 гг. Военно-исторический справочник. М., 1993. С. 68)».

Однако таких поразительных исключений, как случай Б.А. Вилькицкого, было не мало. Колоссальную роль в организации Карских экспедиций сыграли работавшие сначала в «белом», а потом в «красном» Комитете Северного морского пути Ф.А. Шольц и его сотрудники. Иначе говоря, Комсевморпути и как институт, и как команда профессионалов во многом прошел сквозь стихию революции и Гражданской войны, не обращая особого внимания на смену политических режимов. На с. 56 авторы совершенно справедливо указывают: «Разработка такой концепции [освоения Арктики] тормозилась сложными дилеммами, которые стояли в Арктике перед царским режимом и были почти без изменений унаследованы советской властью». Это суждение в полной мере относится и к тем задачам, которые решал Комитет Северного морского пути. Увы, интереснейшая трансформация Комсевморпути из «белого» в «красный» не укладывается в логику государствоцентристского повествования и потому не просто выпадает, но сознательно исключается авторами из их анализа. А зря, ведь именно такие люди, как Ф.А. Шольц, и формировали реальную арктическую политику в 1920–1930-е гг. вплоть до создания Главного управления Северного морского пути.

Согласно известному тезису Р. Мертонa, преднамеренные действия порождают непреднамеренные результаты. Верно и обратное: результаты часто являются следствием непреднамеренных (или, по крайней мере, изначально не нацеленных на данный результат) действий. В частности, трудно безоговорочно согласиться с утверждением, что «одним из важнейших мотивов государственного движения на Север были его колоссальные минерально-сырьевые ресурсы, необходимые для решения амбициозных задач советского государства» (с. 313). Этот тезис безусловно справедлив для второй половины 60-х — 80-х годов, но в 20-е, 30-е, 40-е и 50-е годы мотивы были другими. Не вдаваясь в подробности, скажем, что север был нужен Советскому государству в одном случае как один из каналов экспорта сибирского леса, в другом — как место ссылки. Арктика 30-х годов была для СССР тем же, чем в 60-е годы стал космос — местом постановки грандиозного шоу, демонстрирующего достижения советского духа и техники. Прагматические соображения часто отходили здесь на второй, а то и на третий план.

Вообще, в части работы, касающейся реконструкции советской арктической политики 1920–1950-х гг. (в отличие от глав, посвященных позднесоветскому периоду), авторам зачастую недостает взгляда «изнутри». К сожалению, в исследовании не используются интереснейшие мемуары начальника полярной авиации Главного управления Северного морского пути М.И. Шевелева [1999]. (Выхолощенные, официозные мемуары И.Д. Папанина, к которым авторы обращаются неоднократно, на наш взгляд, представляют гораздо меньшую ценность для целей рецензируемой работы.)

Название монографии «*Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири)*» сформулировано таким образом, что читатель наверняка будет ждать от авторов практических рекомендаций. Такие рекомендации даются, но носят двойственный характер. С одной стороны, неоднократно высказывается мысль о заинтересованности России в международном сотрудничестве в деле освоения Арктики (отмечается, что по целому ряду позиций у современной России просто нет необходимых собственных мощностей для разведки и извлечения арктических природных ресурсов), с другой стороны — постоянно звучит тревога по поводу того, что иностранные партнеры могут вытеснить Россию из Арктики. Предложение сначала нарастить собственные силы хотя бы до уровня СССР, а затем перейти к сотрудничеству представляется малоубедительным — ведь без сотрудничества нарастить собственные силы едва ли получится. Так возникает замкнутый круг...

Финансирование. Рецензия подготовлена в рамках исследовательской работы по госзаданию: проект № АААА-А19-119071990005-6.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агапов М.Г. В поисках «выхода из тупика»: Транссибирские транспортные проекты конца XIX — начала XX в. // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 3. С. 771–783.
- Вахтин Н.Б. Арктика: Слово и дело // *Новый мир*. 2017. № 11. С. 175–182.
- Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики: Советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.
- Енисеец. Северный морской путь. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1898. 40 с.
- Ташлыков С.Л. Деятельность гидрографической службы Российского Императорского флота по освоению Арктики // *Вестник МГТУ*. 2014. № 3. С. 588–597.
- Турбин В. Морской полярный путь в Сибирь и его значение для экономического и культурного развития края. СПб.: Тип. «Сев. телегр. Агентства», 1891. 38 с.
- Шевелев М.И. Арктика — судьба моя: Воспоминания первого начальника полярной авиации. Воронеж: МОДЭК, 1999. 208 с.

M.G. Agapov

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
Tyumen State University
Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: magapov74@gmail.com

**Soviet experience of development of the Soviet Arctic in view of modern problems.
Review of Zubkov K.I., Karpov V.P. Development of the Russian Arctic: Soviet experience
in the context of current national strategy (on the example of the Ural Far North
and Western Siberia). Moscow: Political encyclopedia, 2019. 367 p.**

Discussed in this review are the results of the research presented in the monograph of specialists in Northern studies K.I. Zubkov and V.P. Karpov «Development of the Russian Arctic: Soviet experience in the context of current national strategy (on the example of the Ural Far North and Western Siberia)». The reviewer notes that, in general, the study follows the pattern of state-centrism, teleologism and geopolitical alarmism typical for modern Russian Arctic historiography. Among the most important theses of the authors of this peer-reviewed monograph, are the following ones: (1) the transport and economic development was the basis of the Russian / Soviet Arctic exploration program; (2) the Soviet strategy of the Far North development dictated mainly the technocratic and commodity character of the territory exploitation; (3) modern Russia inherits the definition of the priorities of the state policy in the Arctic Region from the Soviet Union and relies on the territorial and production complexes created back in the USSR. The reviewer expresses serious doubts about the scientific productivity of the classic geopolitical paradigm used by the authors of the monograph: geared towards large-scale generalizations, it is simply unable to capture the full range of contradictions arising in the process of exploration of the Arctic Region. Hence the authors' tendency to present the entire process of Arctic Region exploration as predetermined, while in reality the history of the Russian Arctic Region colonization is full of collisions; it is more intermittent than consistent. In particular, draws attention to the constant reproduction of the same topoi in the rhetoric of Arctic Region exploration. For example, from age to age, it has been repeated that the Northern Sea Route is just about to become the largest transnational waterway. The reviewer notes the ambiguity of practical recommendations of the authors. Thus, repeatedly expressing the idea of Russia's interest in the international cooperation in the development of the Arctic, the authors are concerned to the same extent that foreign partners may force Russia out of the region. The review is aimed at opening a debate on approaches to understanding the Soviet experience in the Arctic Region development.

Key words: Arctic Region, Northern Sea Route, Western Siberia, the Urals, geopolitics, development of the North.

REFERENCES

- Agapov M.G. (2018). Looking for a Way out: Trans-Siberian Transportation Projects at the Turn of the 20th Century. *Quaestio Rossica*, (3), 771–783. (Rus.).
- Eniseets (1898). *Northern Sea Route*. St. Petersburg, 1898. (Rus.).
- Tashlykov S.L. (2014). Hydrographic service of the Russian Imperial Navy and exploration of Arctic. *Vestnik MGTU*, (3), 588–597. (Rus.).
- Turbin V. (1891). *Northern Polar Route towards Siberia and its importance for economic and cultural development of land*. St. Petersburg, 1891. (Rus.).
- Shevelev M.I. (1999). *The Arctic is My Fate*. Voronezh. (Rus.).
- Vakhtin N.B. (2017). The Arctic: Word and Deed. *Novyi mir*, (11), 175–182. (Rus.).
- Zubkov K.I., Karpov V.P. (2019). *Developing of the Russian Arctic: Soviet experience in the context of current national strategy (on the example of the Ural Far North and Western Siberia)*. Moscow. (Rus.).

M.G. Aranov, <https://orcid.org/0000-0002-3433-1516>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подрисуночными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Key words;

— Figure captions (подрисуночные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);**

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— **References** (список литературы на латинице).

При составлении **References** нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/trics/ya>. Список «**References**» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для **References**) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «**References**» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. DOI: 10.1016/j.crv.2014.06.004.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАУ — Вопросы археологии Урала
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИКНП УдГУ — Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ПМА — полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии
УИВ — Уральский исторический вестник
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (49)

2020

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
С.В. Святко

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 25.05.2020. Уч.-изд. л. 21,5. Объем 55 Мб.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

Литейная форма эпохи поздней бронзы
(Ялutorовский район Тюменской области, р. Пышма).
Фото И.Ю. Чикуновой

Тюменский научный центр СО РАН
Подписной индекс 80385
Каталог Агентства Роспечать «Журналы России»